А. ВОЛЬДИН

ПРЕПЛАНЕНЫЙ УДАР

ВОЕНИЗДАТ

BB273
B789

Комдив
А. М. ВОЛЬПЕ

РЕПОЗИТОРИЙ ВУЗ

ФРОНТАЛЬНЫЙ УДАР

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ ОПЕРАТИВНОГО МАНЕВРА В ПОЗИЦИОННЫЙ ПЕРИОД МИРОВОЙ ВОЙНЫ

★

1937

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА

К.
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2009
1986
ВВ273
В789
БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ при ЦК КПСС
223602

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современная эпоха империализма, империалистических войн, победоносных пролетарских революций и гражданских войн связана с бурным развитием военного искусства.

Глубочайшие структурные изменения коснулись всех сторон ведения войны, и эти преобразовательные процессы не только не приостановились в настоящее время, но обнаруживают тенденции дальнейшего быстрого развития.

Эти бурные преобразовательные процессы в способах ведения войны в конечном итоге являются результатом огромного увеличения численности армии (многомиллионные армии), все возрастающего прогресса военной техники и усовершенствования путей и средств сообщения.

Одним из внешних выражений изменений, происшедших в характере боевой деятельности войск, является быстрая эволюция оперативных и тактических форм, приемов, методов и способов использования вооруженных сил на поле боя и на театре военных действий.

Формы оперативного маневра (оперативные формы) с давних пор привлекают к себе внимание военных исследователей. Геометрические начала, заложенные в конфигурациях и очертаниях фронтов, позволяют, особенно на бумаге, производить заманчивые маневренные комбинации. Стрелка, показывающая на схеме направление наносимого удара, всегда красиво загибается в самый тыл противника. То, что не всегда за этой стрелкой шли живые войска, не имело значения для военной теории. Старая военная теория занималась, главным образом, такими формами оперативного маневра, которые наиболее легко вели к окружению противника, — обход, охват и т. д. Эти теории имели оправдание в том, что в действительной жизни действующие армии всегда имели открытые фланги, которые можно было обходить и охватывать.

Но во время мировой войны появился такой фактор, как сплошной фронт. Открытых флангов больше не оказалось. С этого момента неизбежно возникли условия для фронтальных операций.

Сплошные фронты сами по себе также явились производным фактором. Миллионные армии с могущественной техникой, двинутые на театры войны в 1914 г., были вынуждены в поисках свободного пространства для маневрирования располагаться на всем протяжении государственных границ. Эти сплошные фронты укрепились, используя фортификационные возможности и другие технические средства, создав мощные укрепленные преграды. Война приняла позиционный характер.

В течение четырех лет мировой империалистической войны 1914—1918 гг. противники неоднократно пытались вновь вернуться к маневренной войне. Было проявлено много творчества и усилий, чтобы преодолеть позиционный фронт и вновь вернуть операциям свободу действий на открытых пространствах. Но эта задача была далеко не такой легкой. Позиционная война оказалась чудовищем, которое в течение долгого времени не поддавалось сознательному воздействию противников. Позиционная война породила «свои законы» и заставила подчиниться им всех воевавших противников. Такого типа война и в таком масштабе не имела прецедента во всей прошлой военной истории.

Откуда же и как возникла позиционная война?

Позиционная война явилась своеобразным разрешением многочисленных противоречий, возникших во время подготовки и в ходе войны.

В первую очередь, здесь важно отметить несоответствие между действительным характером военных операций и характером военной теории, господствовавшей почти во всех странах при подготовке к войне. Действительный характер операции мировой войны своевременно не был вскрыт.

Напомним, что генеральные штабы о ених враждовавших коалиций — «союза» и «согласия» — готовились к кратковременной войне. Они исходили из основной установки, что участь войны должна быть решена в каком-то грандиозном генеральном сражении. Но одним ударом методами стратегии XIX столетия нельзя было уничтожить миллионные массы, вооруженные уже в 1914 г. богатейшей техникой. Воевавшие империалистические государства создали условия, при которых сама «стихия войны» продиктовала свои законы. Воевавшие страны разбудили такие военные силы, с которыми они не могли справиться, и сами стали жертвой военной стихии.

Мы имеем здесь яркий пример воздействия на войну закона «гетерогении целей». Генеральные штабы стремились к одним целям, а исторический процесс шел совершенно другими путями.

Ресурсы противников, политические и экономические условия, особенности театров войны и пр. привели к тому, что на боевых фронтах установилось известное равновесие, не дававшее ни одной стороне такого преимущества, которое позволило бы добиться победы в короткий срок.

Большим числом все возрастающих по своей мощности фронтальных ударов противники стремились добиться решения в войне прямым воздействием вооруженной силы. Но только в 1918 г., через четыре года, это равновесие нарушилось настолько, что позиционный фронт не мог больше держаться, и позиционная война переродилась в маневренную.

Настоящий труд представляет собой исследование форм оперативного маневра мировой войны в целом. В интересах полноты пришлось труд разбить на два тома. Ниже дано исследование лишь одной типичной формы современного оперативного маневра, а именно — фронтального удара в позиционный период мировой войны. Формы оперативного маневра маневренного периода мировой войны будут исследованы в другом томе, подготовляемом автором под заглавием «Фланговый удар».

Автор понимает, что без широкого исследования маневренного периода мировой войны настоящая работа до известной степени висит в воздухе. Чтобы восполнить пробел, автор был вынужден предпослать труду более подробное общее исследование причин возникновения и характера операций позиционной войны.

В отношении методологии настоящий труд является историческим исследованием закономерностей на базе изучения конкретных условий, при которых различные формы фронтального удара возникали и развивались.

Уже беглое знакомство с материалом показывает, что все крупные операции мировой войны были неразрывно связаны друг с другом. Каждая последующая операция была связана с предыдущей. Каждая последующая операция являлась шагом вперед на пути к преодолению позиционной войны. В каждой новой операции учитывались ошибки прошлой, увеличивались и усложнялись средства борьбы, создавались новые технические средства, происходило перераспределение родов войск, уточнялись методы использования этих сил и средств, создавались новые оперативные формы и пр. Именно поэтому операции мировой войны демонстрируют быстрое развитие оперативных форм. Маневренная война 1918 г. так же мало похожа на маневренную войну 1914 г., как и фронтальный удар 1918 г. мало похож на фронтальный удар 1915 г.

В то же время формы оперативного маневра не развивались равномерно. Наряду с постепенным переходом от одних форм к другим мировая война обнаружила скачкообразное развитие. От операций с решительной целью

полного разгрома противники переходили к операциям с ограниченной целью или прибегали к длительным операциям на истощение.

При этом нужно учесть, что условия на различных театрах войны были неодинаковыми. Несмотря на некоторое тождество оперативных форм, обстановка в целом на восточном театре резко отличалась от обстановки западного театра. Несмотря на взаимную зависимость борьбы на разных театрах, эволюция оперативных форм на каждом из них шла своими путями.

Тем не менее, в развитии оперативных форм отнюдь не было хаоса. Наоборот, строгая закономерность господствует над всеми событиями мировой войны. Эта закономерность и предопределяет характер построения настоящего труда.

Чтобы выявить типичные условия развития фронтального удара, автор взял лишь два типичных театра — западный и восточный. Чтобы создать более широкую базу для различных определений и заключений, фронтальный удар изучается на фоне превращения позиционной войны в войну маневренную. В то же время необходимо было затронуть и ряд тактических проблем, дабы не отрывать исследования от многогранности действительной боевой обстановки.

Тезис, гласящий, что «война есть продолжение политики другими средствами», явился для автора руководящим началом в его работе. Политика в мировой войне не только определяла характер последней в целом, но часто влияла решающим образом на характер оперативных форм. В каждой операции, в каждом отдельном случае автор считал нужным исследовать степень влияния политики.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБЩИЙ ХАРАКТЕР ОПЕРАЦИЙ ПОЗИЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Глава I

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОЗИЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Мировая война 1914 — 1918 гг. по своему характеру была войной империалистической, ибо она была продолжением империалистической политики капиталистических правящих классов. В ней приняли участие все великие капиталистические государства мира. На стороне Антанты участвовали 24 государства, во главе с Англией, Францией, Италией и присоединившимися в 1917 г. США с общим количеством населения 1 396 204 000 чел. Они за время войны мобилизовали 48 868 566 чел. и истратили 145 миллиардов долларов.

На стороне Германии участвовали 4 государства с общим количеством населения 156 400 000 чел., которые за время войны мобилизовали 25 050 000 чел. и истратили 63 миллиарда долларов [1].

Эти цифры показывают огромное превосходство Антанты, предопределившее конечный результат войны. Очевиден также и огромный размах, который война должна была принять.

Эпоха империализма — это последняя стадия загнивающего капитализма и эпоха международной пролетарской революции. В мировой империалистической войне 1914—1918 гг. мы были свидетелями превращения ее в отдельных странах

---

[1] Население исчислено вместе с колониями. Цифры взяты из «Истории гражданской войны», т. I.

в войну гражданскую (например, Россия, Германия, Венгрия), и в войну национально-освободительную (например, Турция).

Во время мировой войны во всех государствах классовая борьба все более обострялась. Трудящиеся массы выступали не только против войны, но вообще против господства буржуазии. В ряде стран дело дошло до революции и даже до победоносной пролетарской революции в России, которая открыла новую эру в истории человечества. Эти общие условия определили характер операций мировой войны, их размах, сложность и своеобразие.

Внешним выражением характера операций являются оперативные формы. В отношении мировой войны характер операций может быть сведен к проблеме позиционной и маневренной войны.

От маневренной войны 1914 г. через позиционную войну 1915—1917 гг. к маневренной войне 1918 г. — таков был объективный процесс развития мировой войны.

Характер маневренных операций 1914 г. всем понятен, ибо операции первоначального периода войны отразили весь военный опыт прошлого века. Новыми являлись черты (тенденции) позиционной войны, которые ярко обнаруживались уже в маневренных операциях 1914 г. и даже до этого — например, в русско-японской империалистической войне 1904—1905 гг.

Позиционная война явилась новым типом войны, которым до известной степени был опровергнут маневренный опыт прошлой эпохи; боевые действия сторон вылились в войну на сплошных, стабилизованных фронтах. Период 1915—1917 гг. был периодом приспособления к сложившейся обстановке позиционной войны. В наиболее чистом виде позиционная война имела место на западном театре войны. На восточном театре войны позиционная война все время была разбавлена большой долей маневренности. Само собой разумеется, позиционная война не упала с небес. Она явилась результатом множества различных причин, объективно приведших к этому новому типу войны.

Маневренная война 1918 г., как автор уже указывал в предисловии, ни в какой мере не похожа на маневренную войну 1914 г. Вернее будет сказать, что в 1918 г. обнаружилась лишь тенденция перехода к маневренной войне, тенденция, которая не получила широкого развития вследствие окончания войны. Маневренные операции 1918 г. на западном театре выросли из позиционной войны и сохранили в себе не только опыт 1914 г.,

но и опыт 1915—1917 гг. Это была маневренная война на высшей ступени, на новой материально-технической базе.

Эта трансформация маневренной войны 1914 г. через позиционную войну к маневренной войне 1918 г. имеет жгучий, животрепещущий интерес. Переход от одних оперативных форм к другим происходил на основе определенных закономерностей. Изучение и овладение этими закономерностями позволят в мирное время направить усилия так, чтобы придать операциям будущей войны наиболее желательный характер.

В отношении технических средств борьбы уже сейчас возможно избрать такой путь строительства вооруженных сил, который позволил бы избежать позиционной войны и навязать противнику маневренную войну помимо воли последнего.

Свечин следующим образом определяет условия возникновения позиционной и маневренной войны.

«Если обе стороны выдвигают для операции позитивные цели, то получаются крайне маневренные, часто встречные операции... Если же обе стороны выдвигают на первый план негативные цели операций, то военные действия получают позиционный характер» (А. Свечин, Стратегия, изд. 2-е, стр. 186).

Таким образом, Свечин считает, что для возникновения позиционной войны требуется обязательное предварительное согласие обоих противников — нечто вроде молчаливого договора. Такой взгляд опровергается опытом мировой войны. Эта точка зрения Свечина является прямым продолжением идеалистических взглядов, трактовавших войну как «борьбу двух воль». Из определения Свечина вытекает, что достаточно главнокомандующим обеих сторон пожелать, и война примет позиционные или маневренные формы. В действительности дело гораздо сложнее.

Позиционная война возникла не только не «по воле», но, наоборот, «против воли противников».

Позиционная война явилась своеобразным разрешением противоречий, возникших во время подготовки, в начале и в ходе мировой войны.

Противоречия, вызвавшие позиционную войну, могут быть разбиты на две группы:

а) противоречия, вытекавшие из политического характера войны;

б) противоречия, вытекавшие из материально-технических факторов.

Ниже анализируются противоречия, которые в совокупности привели к этому своеобразному характеру операций мировой войны. Все они являются составными частями единого социального явления, ни один из них не проявлял своего влияния вне связи с другими. Расчленение произведено лишь в интересах анализа.

Глава II

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ХАРАКТЕР ОПЕРАТИВНЫХ ФОРМ

Стратегия истощения как основная линия поведения в мировой войне.

В восьмой книге своего труда «О войне» Клаузевиц указывает, что характер операций зависит от целого ряда условий. Главнейшими из них являются: 1) цели войны (политические цели) и 2) взаимоотношения цели со средствами.

Чем важнее политическая цель войны, тем больше средств нужно для достижения этой цели, тем больше напряжения необходимо проявить в подготовке и ведении войны. Неумение соразмерить цели со средствами неизбежно приводит к величайшим трудностям.

В соответствии с характером политических целей войны Клаузевиц, изучив разницу в способах действий Наполеона и Фридриха II, выдвинул теорию двоякой стратегии: 1) стратегия с решительной целью, когда дело идет о ниспровержении противника, и 2) стратегия ограниченных целей, когда дело идет о сравнительно небольшой цели.

«Двоякий вид войны проявляется, во-первых, в случаях, когда целью поставлено ниспровержение противника, намереваясь или уничтожить его политически, или только обезоружить, с тем чтобы заставить его принять любые условия мира; во-вторых, когда цель ограничивается некоторыми завоеваниями на своей границе для того, чтобы их оставить за собой или воспользоваться ими в виде предмета обмена при мирных переговорах» (Клаузевиц, О войне, перевод Войде, т. I.).

Весь труд Клаузевица «О войне» отвечает первой задаче. Он хотел со временем рассмотреть всю свою теорию под углом зрения и второго, ограниченного, характера войны, но смерть помешала ему в этом.

Теория Клаузевица требует, чтобы стратегия, когда ей поставлена политикой решительная, важная цель, разгромила раньше всего живые силы противника, не останавливаясь в случае необходимости перед оккупацией всей территории его государства. Именно такой характер носила стратегия Наполеона. В ту эпоху разгром армии противника мог быть достигнут победой в генеральном сражении и окончательной реализацией победы в безудержном преследовании разбитого противника. Последующее занятие территории столицы противника не давало последнему возможности восстановить свои силы, и обычно он ставился «на колени».

Теоретики стратегии XIX века, пораженные величием наполеоновских побед, были сплошь поборниками стратегии именно этого типа. Эта стратегия выдвигала на первый план генеральное сражение и ему подчиняла все прочие элементы войны. Теорию войны с ограниченной целью в течение всего XIX столетия не разрабатывали.

Первый, кто вновь обратил внимание на многообразный характер войны, был германский профессор Ганс Дельбрюк, который вновь поднял вопрос о «двухполюсной стратегии», установив понятия стратегии «сокрушения» и «измора». Вместо терминологии Клаузевица Дельбрюк изобрел свою. Вместо стратегии с решительной целью Дельбрюк поставил стратегию сокрушения, вместо стратегии ограниченных целей — стратегию измора.

Сами по себе эти термины явились весьма удачными для определения стратегии Фридриха II и Наполеона.

Но Дельбрюк выхолостил диалектическое учение Клаузевица. По Дельбрюку «сокрушение» и «измор» превратились в вековечные категории войны. По его мнению, от Александра Македонского и Ганнибала и до Наполеона и Мольтке войны велись по принципам либо стратегии сокрушения, либо стратегии измора. Дельбрюк прямо указывает, что Наполеон, как и Александр Македонский, руководствовался в своих действиях основаниями, логически вытекавшими из принципов стратегии сокрушения. Фридрих же II побеждал потому, что он усвоил принципы из-

мора. Правильный или неправильный выбор стратегической системы, по мнению Дельбрюка, определял успех или неуспех войны.

Исследователь обязан установить конкретно в каждом отдельном случае решающее влияние политической цели войны на стратегию. Дельбрюк на это не был способен. У него категории «стратегия сокрушения» и «стратегия измора» превратились в надстройку, стоящую над человечеством и историей. Идеалистический и реакционный характер подобной теории совершенно ясен. Эта теория никуда не годна.

Тем не менее Дельбрюк в своем трехтомном труде «Война и политика» попытался изучить мировую войну под углом зрения стратегии сокрушения и измора. Он пришел к заключению, что правильной стратегией для Германии была стратегия измора.

В очень путаной и неясной форме Дельбрюк пытается доказать, что Германия должна была отказаться от стремления добиться гегемонии во всем мире, удовольствовавшись более скромными целями. Дельбрюк пытается доказать, что Германии следовало отказаться от решительных операций в 1918 г. По его мнению, Германия должна была продолжать обороняться на неприступном позиционном фронте и, доказав Антанте безнадежность поражения германской армии, добиться выгодного мира.

Идеи Дельбрюка развил у нас А. А. Свечин. Но Свечин пошел гораздо дальше своего учителя. По Свечину не только мировая война в целом, но вся современная эпоха есть эпоха стратегии измора. Даже войны будущего представляются Свечину как войны на измор. О необходимости конкретно связать характер стратегии с политическими целями войны Свечин забыл, как и Дельбрюк. Наша задача эту связь восстановить.

Если бы мы, сохраняя терминологию Дельбрюка, попытались определить характер стратегии мировой войны по Клаузевицу, т. е. в связи с политическими целями войны, то выводы могут быть только следующими.

Политические цели мировой войны были грандиозными. Эта война была войной за мировую гегемонию. Политическая цель войны могла быть достигнута только полным ниспровержением противника, т. е. это была война на сокрушение. Но в войне приняли участие колоссальные силы и средства. Сокрушить противника в одном или нескольких генеральных сражениях, как

это делалось в эпоху Наполеона и Мольтке, стало невозможным. Чтобы сокрушить противника, необходимо было раньше его истощить. Отсюда операции носили характер измора. И общей абстрактной формулой, определяющей стратегию мировой войны, может быть такое определение: мировая война была войной на сокрушение, которая велась средствами измора. Но эта общая формула недостаточна, она требует дифференциации для обоих противников в отдельности.

Германия преследовала в мировой войне такие же решительные цели, как и Антанта. Но Германия со своими союзниками была гораздо слабее противника. Борьба на измор, на истощение противника, которая была благоприятна для Антанты, направляла свое острие против Германии. Политическое и военное руководство Германии понимало, что ей не под силу длительное состязание с Антантой в позиционной войне. Поэтому стратегия Германии носила характер стремления нанести противнику военное поражение, раньше чем будут истощены все собственные силы. Наступление германцев во Франции в 1914 г., в России в 1915 г., Верденская операция 1916 г., наступление в Пикардии в 1918 г. — все эти операции преследовали прямую цель покончить с противником одним ударом. В общем война со стороны Германии была войной на сокрушение, и велась она средствами сокрушения.

Отдельные лица в Германии понимали, что добиться решительной победы она не может. Отражением этих взглядов была стратегия Фалькенгайна, который считал, что Германия, пользуясь преимуществами обороны, может долго отсиживаться в осажденной крепости в ожидании благоприятного момента для заключения мира. Но при этом Германия, очевидно, должна была отказаться от своих империалистических целей. Отставка Фалькенгайна декларировала «войну до победного конца».

Для Антанты война на сокрушение противника средствами измора была целиком наруку. Такой характер операций был выдвинут еще Китченером, когда он приказал арендовать во Франции квартиры для английской армии на три года и приступил к формированию тридцати дивизий так называемой «новой армии». Некоторые утверждают даже, что такой характер стратегии Антанты был определен задолго до войны. Фактов, подтверждающих эти взгляды, пока нет.

В общем категории «сокрушения» и «измора» лишь в столь незначительной степени помогают уяснить характер операций мировой империалистической войны, что эти термины вообще следует опустить, предоставив им то историческое место, которое они занимают, т. е. эпоху Фридриха II и Наполеона.

Обе враждующие коалиции, помимо внешнего противника, имели страшного внутреннего врага в лице революционного пролетариата. Несмотря на верную службу империализму международной социал-демократии, которая предавала интересы рабочего класса и трудящихся масс, удерживая их от резких революционных выступлений, в течение всей мировой войны классовые противоречия и классовая борьба беспрерывно обострялись и возрастали. Империалистические правительства должны были беспрерывно оглядываться на свои вооруженные массы, которые могли обратить оружие против господства капиталистов и помещиков. Такая сложная обстановка своеобразной борьбы буржуазии на два фронта — против внешнего и внутреннего врага — наложила на мировую войну особый отпечаток.

Под влиянием внутренних классовых противоречий, когда в руководящих кругах возникали сомнения в политической устойчивости масс, Антанта также бросалась от измора к генеральному сражению (например, наступление Нивеля в 1917 г.). И замечательно то, что именно эта операция Нивеля привела к массовым восстаниям во французской армии, т. е. привела к целям, обратным тем, к которым стремился Нивель.

Когда в 1918 г. выяснилось, что международная революционная волна готова захлестнуть капиталистическое господство, империалистические противники поспешили заключить мир, чтобы развязать себе руки в борьбе против пролетариата. Германская буржуазия в 1918 г. поспешила принять самый позорный мир, лишь бы спасти свое господство внутри страны. С другой стороны, и Антанта, которая, по всем данным, преследовала цель полного расчленения Германии, вынуждена была дать ей мир, ибо дальнейшая борьба могла вызвать со стороны трудящихся масс Германии, в случае их победы в революции, новое бешеное сопротивление под лозунгом революционно-классовой войны. Да и сами страны Антанты не были гарантированы от возможных революционных взрывов.

Версальский мир, невзирая на его чудовищный грабительский характер, носил в себе все же некоторые элементы компромисса.

Германия, хотя и разрезанная Данцигским коридором, все же сохранила самостоятельность великой державы.

Русская буржуазия, пришедшая к власти в феврале 1917 г., подчиненная Антанте и увлеченная своими империалистическими вожделениями, не могла и не хотела заключить мир.

Партия большевиков вела борьбу за превращение империалистической войны в войну гражданскую, ведя за собой под этим лозунгом массы против российской и международной буржуазии. Только на таком пути можно было выйти из создавшейся обстановки.

Позиционная война не была изобретена в тиши кабинета. К ней оба противника пришли почти одновременно.

В 1914 г. был такой момент, когда ружья и пушки сами перестали стрелять: нехватило снарядов и патронов. Обе стороны вынуждены были перейти к обороне. Но переход к обороне не означал еще перехода к позиционной войне. Позиционная война развивалась постепенно, в ходе войны. Позиционная война была отражением борьбы на истощение. Это истощение вызывалось все возрастающим напряжением сил и средств борющихся сторон.

Напряжение, в свою очередь, вызывалось: втягиванием в борьбу новых союзников, образованием новых фронтов, переносом борьбы в прямом смысле этого слова и в политическую и в экономическую область, развертыванием все новых и новых сил и средств, беспрерывным совершенствованием наличных средств борьбы и изобретением новых и т. д.

Недаром о мировой войне говорят как о беспрерывном четырехлетнем сражении. До известной степени это действительно так, ибо даже в самые спокойные периоды обе стороны на всех фронтах несли потери свыше 300 000 человек в месяц. Сложный переплет покоя (стабилизация, неподвижность фронта) и напряжения является одним из основных проявлений позиционной войны.

Позиционная война явилась той формой войны, которая наиболее соответствовала внутреннему политическому укладу крупнейших капиталистических государств. Во время мировой войны внутри воевавших государств развивались весьма сложные процессы вследствие беспрерывного обострения классовой борьбы. «Гражданский мир» был необходимым условием успешного веде-

ЦПЭЛ при ЦК ВКП(б)

ния войны. Но по мере развития войны, по мере того как массы все больше осознавали действительный империалистический характер войны, «гражданский мир» становился все более неустойчивым. Господствующие классы были вынуждены проявить колоссальные усилия, чтобы удержать массы внутри страны и армии на фронте в повиновении. Позиционная война в первый период открыла возможность полностью и планомерно использовать все государственные средства воздействия на массы с целью подчинения их господствующим классам. Во всех государствах, от передовой линии фронта и кончая центром, была создана особая военная государственная система, которая с исключительной яркостью вскрывает роль капиталистического государства как инструмента классового господства. Однако, по мере того как война затягивалась, позиционность обратилась против буржуазии.

Вместе с обострением классовых противоречий внутри капиталистических стран шел процесс разложения армий. Буржуазия дрожала перед вооруженными народами, и в бешеном росте техники во время мировой войны нужно видеть не только чисто военный фактор, но и средство политического воздействия на массы. Военными машинами буржуазия стремилась подчинить себе людей и их психику. Политическая цель «программы Гинденбурга» по колоссальному развитию военных производств в 1917 г. очевидна. Когда французское правительство в 1917 г. после восстания в армии громогласно заявило, что отныне будут воевать лишь одни пушки, то это тоже было только средством успокоения взбудораженных умов. Трудящиеся массы и армия России первые не выдержали режима войны. Здесь революционный кризис назревал еще задолго до войны. Подгнивший государственный аппарат царизма не мог противопоставить восставшему народу послушную армию, и революция, организованная большевиками, победила.

Для позиционного фронта нужен известный минимум политико-моральной устойчивости армии. Когда этого минимума не было, фронт из состояния неподвижности приходил в движение при малейшем толчке со стороны противника. Когда русская армия «ногами голосовала» (Ленин) против войны, то последняя неизбежно приняла своеобразно маневренный характер.

С августа 1918 г. и германская армия на западном театре тоже начала «голосовать ногами». Бегство германской армии

в Амьенской операции 8 августа 1918 г. означало, что армия уходит из рук командования и больше воевать не хочет.

Прогрессирующее разложение армии во время мировой войны привело к неслыханному м е т о д и з м у в проведении операций. Боязнь выпустить «вожжи» приводила к тому, что пехоту категорически останавливали даже тогда, когда она имела успех (например, Верден, Сомма).

Планомерный характер операций, приближающийся к характеру фабричного производства, является неизбежным следствием прогресса военной техники, но методизм мировой войны, главным образом, вытекал из морально-политических предпосылок.

Тем не менее необходимо констатировать, что до 1918 г. боеспособность армий западного театра войны стояла на большой высоте. Сложной системой подавления, насилия, одурманивающей пропаганды буржуазии удалось разжечь и сохранить в армиях и внутри страны господство шовинистических идей. Предательство шовинистических партий II Интернационала и беспощадный террор против последовательных революционных одиночек и групп сильно затруднили разоблачение перед массами истинного империалистического характера войны. Массы лишились революционного руководства. Подлинно революционных партий, кроме большевиков, не было.

Такое положение создало условия для большого упорства со стороны армий.

Влияние противоречивых политических факторов дополнялось психологическими факторами, вытекавшими из потрясающего воздействия массы боевых машин. Губительная работа машин (артиллерии и пулеметов) загоняла человека в землю, в окоп, в убежище, поглубже, подальше от огня и газов. За проволокой, за бетоном, за мощным укрытием боец, лишенный высокого социального импульса, чувствовал себя более спокойно. Вытащить бойцов из укреплений было чрезвычайно трудно. Понадобилось выработать целую систему мероприятий, чтобы заставить войска итти вперед в атаку. Это достигалось грандиозной системой политической обработки масс, частой сменой войск в передовых линиях, образованием особых ударных соединений, все возрастающей артиллерийской подготовкой атаки, решающей ролью командных кадров и т. д. Но самое главное заключалось в том, что система позиционной войны превращала солдат

в какой-то безмолвный механизм, лишенный возможности выразить свою классовую волю, свой протест. В беллетристических произведениях Барбюса, Лефевра, Ваяна-Кутюрье, Ремарка и других есть много прекрасных страниц, рисующих трагическое положение бойцов в передовых линиях. Сзади—беспощадное давление всего государственного аппарата и общественного мнения. За побег—- расстрел. Спереди — огонь и противник. Внутри—господствующее влияние сержантов, капралов и всего офицерского корпуса. И все это переплетено грандиозной системой пропаганды и агитации, воздействие которой соответствовало ее масштабу. Безвыходность положения армейских масс привела к огромной пассивности. Хотя двигаться вперед часто мешал огонь противника, но и сами бойцы не проявляли большого стремления к порыву вперед. Такое причудливое соединение упорства и пассивности присуще почти всем операциям позиционного периода мировой войны.

Не последнюю роль в возникновении позиционной войны сыграла сама капиталистическая система хозяйства. Длительная война на стабилизованных фронтах без резких территориальных передвижений позволила буржуазии наиболее полно использовать создавшуюся обстановку для извлечения военных сверхприбылей. Война превратилась в коммерческое дело исключительной выгодности. В течение мировой войны появилось много новых миллионеров (нуворишей), для которых война стала предметом торговли и грандиозной наживы.

В то время, когда на фронте лилась кровь реками, многие капиталисты враждовавших государств успешно торговали друг с другом. Установлено, что Германия получала сырье и продовольствие из России и Англии.

Глава III

ПРОТИВОРЕЧИЯ БУРЖУАЗНЫХ КОАЛИЦИЙ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ

1. Предварительные замечания

Блюме в своих «Этюдах о стратегии» дает убийственную характеристику буржуазных коалиций.

«Когда несколько государств составляют коалицию, то сумма развертываемых ими сил менее равнодействующей их действи-

тельных сил. Понятие о коалиции предполагает, что союзники преследуют общую цель или по крайней мере между ними существует соглашение о тех особенных уступках, которых при ведении совместных операций каждый из них будет стараться добиться у противника. Но, однако, это нисколько не вынуждает их иметь общий конечный предмет действий и не указывает на то, что у них у всех одинаковая степень желания видеть удачный исход войны». «Обычно, — указывает Блюме, — каждый из союзников стремится свалить всю тяжесть войны на других. При этом каждый из союзников следит за тем, чтобы другой не получил из общей добычи больше, чем ему выгодно дать. Нередко случалось и так: государство, так сказать, навязывало свой союз другому с главной целью помешать ему приобрести те или другие выгоды».

Далее Блюме указывает, что «даже в тех случаях, когда между союзниками существует определенная договоренность, которая в большинстве случаев носит лишь внешний характер, они не могут создать равномерного участия в войне из-за неодинакового состава их сил и средств и неодинаковых общественных взглядов. Они не могут создать единой власти и с величайшими трудностями осуществляют руководство боевыми действиями.

В коалиционных войнах недоверие, недоброжелательство, бездарность и интрига располагают несравненно более широким полем деятельности, чем в войне без союзников» (Блюме, Этюды о стратегии, СПБ, 1899 г., стр. 35 и 36).

Буржуазная коалиция — это в большинстве случаев временный союз врагов.

Эта меткая характеристика целиком и полностью подтвердилась во время мировой войны.

В первый период войны армии Франции, Англии и Бельгии очень напоминали басню Крылова «Лебедь, рак и щука».

Когда английская экспедиционная армия высадилась во Франции, ее главнокомандующий ген. Френч получил прямые директивы своего правительства не только не подчиняться французскому главному командованию, но вообще действовать вполне самостоятельно. Вначале стоило больших трудов заставить английскую армию принять участие в пограничном сражении. Китченер считал необходимым сосредоточить английскую армию где-нибудь в глубком тылу — не ближе района Амьена, где она

могла бы отдохнуть, оглядеться и только в зависимости от благоприятной обстановки вступить в бой.

Много дипломатических усилий было потрачено, чтобы убедить Китченера в необходимости немедленного участия английской армии в первых операциях. Результатом было сосредоточение английской армии в районе Мобеж. К 21—22 августа 1914 г. армия Френча развернулась в районе Монс и 23-го столкнулась с армией Клука. Разгром был, конечно, полный. Англичане потеряли около 10 000 пленными (точно по официальным английским источникам 9 756 чел.). Этот разгром был результатом не только значительного численного превосходства Клука, но и архаических методов борьбы, примененных англичанами. Достаточно указать, что 2 слабых корпуса заняли фронт свыше 40 км, и на таком фронте они хотели отразить Клука, имевшего дивизию на участке 2—3 км, при подавляющем превосходстве в артиллерии.

Английская армия бежала. Вначале ее потянуло к Мобежу, под прикрытие крепости. Отказавшись от этого плана, она несколько раз пыталась уйти к побережью, а затем начала свой знаменитый отход и катилась мимо Парижа за Сену, уже не считаясь ни с чем. Без зазрения совести она оголила левый фланг французов и ничего знать не хотела. Попытка английской армии остановиться в районе Ле-Като привела лишь к новому поражению ее в районе Ландерен—Ле-Като 25—27 августа. Английская армия демонстрировала уже с давних пор известную традицию английской политики воевать кровью своих союзников или наймитов. Даже в сражении на Марне англичане еще не забыли Монса и, имея свободный путь в тыл германской армии Бюлова, предпочли топтаться на месте, причиняя Жоффру и Галлиени большое беспокойство: не выкинет ли английская армия в решительный момент еще какой-нибудь отступательный фортель.

Действия бельгийской армии оказались не лучшими. После того, как Леман прозевал оборону Льежа и сдал Людендорфу цитадель крепости, вместо того чтобы его застрелить, бельгийская армия решила, что она имеет самостоятельное значение и соответствующим образом построила свои операции. 10 августа 1914 г. она расположилась 5 дивизиями за р. Жетой на фронте в 30 км, вне связи даже с крепостью Намюр, и здесь стала ждать подхода главных сил германских армий. 18 августа

она была атакована армией Клука и, как следовало ожидать, отброшена от Брюсселя. Бельгийская армия решила уйти на Антверпен. До сих пор во всяком случае нет ни одного политика, ни одного стратега, который дал бы хоть какое-нибудь связное объяснение отходу бельгийской армии в Антверпен, который превратился для нее из крепости в мышеловку (впрочем, ей удалось однажды глухой ночью оттуда ускользнуть). Однако, факт этого отхода объясняется просто. Бельгийское правительство и командование были подавлены мощью германских армий, вторгнувшихся в Бельгию. Они сразу потеряли веру в то, что французская армия сможет противостоять немцам; поэтому они и не хотели связать свою судьбу с Францией, надеясь самостоятельной политикой каким-нибудь образом добиться соглашения с Германией. Отход бельгийской армии к Антверпену должен быть квалифицирован как измена.

Переход Италии, бывшей союзницы Германии и Австро-Венгрии, на сторону Антанты связан с огромным торгом, который продолжался почти год. В конечном счете Антанта обещала больше. Но будь меднолобая политика Австро-Венгрии более дальновидной, за реальные уступки она могла добиться выступления Италии на стороне тройственного союза.

Историк когда-нибудь вскроет сущность коалиций в период мировой войны. Он, между прочим, раньше всего докажет, что царская Россия, уложившая почти полтора миллиона человеческих жизней за Дарданеллы, никогда бы, конечно, этих Дарданелл не получила. Не стоит доказывать, что Россия в этой грандиозной борьбе выполняла роль доподлинного «вассала» Антанты. Французские военные писатели до сих пор не могут освободиться от чувства горечи, когда они пишут о поведении английского командования на западном театре. Англичане в 1916 г. в течение четырех месяцев спокойно смотрели, как французская армия истекала кровью под Верденом, и не делали даже попытки оказать помощь.

История осуществления единства командования союзными армиями в мировой войне вскроет эту чудовищную трагикомедию, которая стоила потрясающих жертв. Только под влиянием угрозы непосредственного поражения Англия решилась в 1918 г. подчинить свою армию Фошу. Германия в течение всей войны, хотя и осуществляла военную гегемонию над своими союзниками, тем не менее в решающий период (1918 г.) не могла заставить

Австро-Венгрию дать ей несколько свободных дивизий для действий на западном театре.

Единство командования — необходимое условие успеха на войне. Но этого единства не было во время мировой войны. Беспрерывные трения между командованием различных армий привели к тому, что единовременных усилий ни Антанта, ни «срединный» союз не могли осуществить почти ни разу.

2. Постепенное образование коалиций

Против четырех государств «срединного» союза в конце 1917 г. воевали тридцать государств, объединенных Антантой. К концу войны почти весь капиталистический мир выступил против империалистической Германии. Только отдельные страны, как, например, Швеция, Голландия, которые обогащались за счет Германии, продолжали сохранять по отношению к ней благожелательный нейтралитет. Подавляющее превосходство Антанты очевидно. Но коалиции мировой войны не создались сразу. Они складывались, вырастали на основе сложной, причудливой политической игры различных стран.

Внутреннее положение Германии и Австро-Венгрии, подвергнувшихся жестокой блокаде, их недостаточно крепкие и глубокие международные связи, недостатки дипломатического аппарата не открывали больших возможностей для привлечения на свою сторону новых союзников. Австро-Венгрия предпочла воевать с Италией, нежели пойти хотя бы на малейшие территориальные уступки. С конца 1915 г., когда победа Антанты становилась все более очевидной, «срединный» союз был уже почти полностью изолирован.

Коалиция Антанты расширялась постепенно. Решающим моментом было вступление в войну США в апреле 1917 г. Одновременно с расширением коалиции мы были свидетелями отпадения одного из ее важных членов: в конце 1917 г. из империалистической войны вышла Россия.

Постепенное и сложное образование коалиций привело к тому, что обе коалиции не могли проявить всех своих сил сразу. До конца 1917 г. на европейских театрах войны создалось своеобразное р а в н о в е с и е, которое было поколеблено революцией в России и вступлением в войну США.

3. Неравномерное развитие и нарастание вооруженных сил

Неравномерное развитие и нарастание вооруженных сил вытекало из ряда причин. В первую очередь, влияло постепенное образование коалиций. Во-вторых, — структурные особенности в экономике воевавших стран. В третьих, — структурные особенности в развитии вооруженных сил мирного времени.

Франция имела для развертывания новых формирований все данные в отношении людских ресурсов, но не имела после утери района Бриэ достаточной металлургической базы. Особенно остро ощущала Франция недостаток в нефтяных продуктах. Англия имела высоко развитую индустрию, но в мирное время она содержала лишь незначительную сухопутную армию. Все усилия Англии до войны были направлены на развитие морского флота.

Понадобился длительный срок, пока Англия развернула сухопутную армию в соответствии со своими возможностями. До мая 1915 г. Англия перебросила во Францию только 16 пехотных и 5 кавалерийских дивизий, в 1915 г.—30 пехотных, в 1916 г.—22, в 1917 г.—6, в 1918 г.—4, а всего—78 пехотных и 5 кавалерийских дивизий. Американская армия также формировалась почти заново. Франция во время мировой войны развернула 118 пехотных дивизий. В то же время Германия развернула 242 дивизии. В конечном итоге только Россия с 1916 г. имела подавляющий перевес в живых силах над своими противниками. Но Россия без материально-технической помощи со стороны союзников воевать не могла. Россия и политически и экономически была колоссом на глиняных ногах. На западном же театре до конца мировой войны сохранялось известное равенство в числе дивизий. Такая же, примерно, картина наблюдается и в отношении других родов войск, формирование которых было гораздо сложнее и труднее.

Несмотря на огромное экономическое превосходство Антанты, оно на боевом фронте в течение ряда лет непосредственного отражения не находило. Превосходство армий Антанты в отношении количества дивизий, орудий, самолетов и прочей военной техники накапливалось постепенно.

Из вышеприведенных замечаний можно уяснить, что если «срединный» союз не был в силах покончить со своим противником одним ударом, то и Антанте нужно было длительное время, чтобы

добиться фактического превосходства во всех отношениях. Длительность мировой войны способствовала развитию и углублению позиционной системы.

4. Неравноценность отдельных членов коалиций

Уже давно известно, что в эпоху империализма маленькие самостоятельные государства по существу превратились в политические придатки так называемых «великих» держав. В мировой войне приняло участие большое количество маленьких государств. Втягивание этих государств в войну явилось не результатом стремления основных членов коалиций к умножению своих сил (ибо чисто военное значение этих государств было ничтожным), а отражало империалистический характер войны.

Выступление Болгарии было продиктовано необходимостью открыть для Германии дорогу в Турцию. Греция была вовлечена в войну насильственно. США потянули за собой добрый десяток небольших государств Америки.

Последовательное вовлечение в войну новых союзников создавало новые фронты. Новые фронты требовали новых сил и средств. «Великие» державы должны были поддерживать своих маленьких союзников, чтобы создавать в общественном мнении видимость борьбы «за свободу» малых народностей. Внимание и силы с главных театров отвлекались. Борьба неизбежно затягивалась, взаимодействие фронтов затруднялось, вооруженная борьба сопровождалась сложной политической борьбой. Но и здесь Антанта имела большие преимущества. Благодаря общему превосходству сил она могла отвлекать на второстепенные театры крупные военные силы без особого ущерба для основных фронтов. Германия этого делать не могла, она могла лишь прибегать к ударной, временной помощи. Сербский и румынский походы проведены, главным образом, силами Германии, но эти хорошо выполненные операции не ликвидировали ни македонского (салоникского), ни румынского фронтов, точно так же, как удар 1917 г. на Изонцо не вывел из войны Италию. В конце 1917 г., когда Германия начала стягивать свои силы на запад, она сняла все свои дивизии со всех второстепенных фронтов, кроме русского. В 1918 г. эти фронты, предоставленные самим себе, раз-

валились, и характерно, что ликвидация мировой войны началась именно с этих второстепенных фронтов, которые без германской помощи не могли удержаться.

Наоборот, Антанта на второстепенных фронтах все время не только осуществляла политическую гегемонию, но и держала там крупные силы. Даже на итальянском фронте, который в 1917 г. был спасен переброшенными туда 11 союзными дивизиями, эти силы остались до апреля 1918 г.

5. Империалистические противоречия внутри коалиций

Помимо общих интересов, каждый из «великих» партнеров коалиций вел свою политику, жадно устремляясь к объектам своих империалистических вожделений, особенно к овладению колониями противника. Это, естественно, также отвлекало внимание от главных театров войны. Если подойти к мировой войне под этим углом зрения, то можно считать, что мировая война закончилась задолго до Версаля. Германия потеряла все свои колонии еще в начале войны. Турция по существу была разделена уж в 1917 г. Германия делала конвульсивные попытки прорвать блокаду. Подводной войной 1917 г. Германия стремилась открыть дорогу в Африку и Азию. Эта попытка не увенчалась успехом. Чтобы наверстать утерянное другими приобретениями, Германия устремилась на восток — в Россию.

Наступление Германии на востоке весной 1918 г. (в частности, ее украинский поход) было не только походом за хлебом и нефтью, не только желанием разгрома советской власти, но и стремлением к прямым империалистическим завоеваниям. Безрассудность этих операций сейчас очевидна. Когда началось германское наступление в Пикардии в марте 1918 г., Германия имела на востоке 53 дивизии, там же застряла половина австро-венгерской армии. Этим фактом и объясняется недостаток сил, который привел к неудаче успешно начатой операции.

Особенно ретиво за наследство мировой войны взялись Англия и Франция. Англия устремилась к основным путям своей империалистической политики—к Аравии, Палестине, Месопотамии; Франция — к северу и центру Африки: в Алжир, Марокко и Конго.

В июле 1918 г., когда началось контрнаступление союзников на западном театре войны, общие силы действующих армий противников были распределены следующим образом:

1. Во Франции

Антанта	Див. в 1-й линии	Див. в рез.	Орудий: полевых	Орудий: тяжелых	Людей
Бельгийская армия	9	3	486	273	167 232
Английская „	37	19	4 198	2 167	1 905 609
Французская „	86	33	5 933	5 355	2 744 902
Американская „	8	8	864	528	854 896
Итого	140	63	11 481	8 323	5 672 639
Германская армия плюс 2 австр. див.	127	78	10 800	7 300	5 977 000

2. На востоке (в России)

Немцы	Див. на фронте	Див. в рез.	Орудий: легких	Орудий: тяжелых	Людей
В Финляндии	2	—	—	—	—
„ Рижском районе	5 и 1 кав.	7	—	—	—
„ Двинском „	2	1	—	—	—
„ Минском „	5 и 1 кав.	3	—	—	—
„ Киевском „ и на Украине	12 и 1 кав.	7	—	—	—
Итого	26 и 3 кав.	18	1 900	400	887 000
Австрийцы					
В Одесском районе	15	—	800	50	472 000

3. Итальянский фронт

Антанта	Дивизий на фронте	Див. в рез.	Орудий: легких	Орудий: тяжелых	Людей
Итальянцы	33	19	—	—	—
Французы	1	1	—	—	—
Англичане	2	1	—	—	—
Итого	36	21	3 876	3 112	1 968 000
Австрийцы	36	23	4 400	1 400	1 498 000

4. Македонский (салоникский) фронт

Антанта	Див. на фронте	Див. в рез.	Орудий: полевых	Орудий: тяжелых	Людей
Французы	5	3	412	186	232 299
Сербы	4	1	224	32	124 283
Англичане	5	1	216	121	154 196
Итальянцы	1	1	32	—	44 468
Греки	2	1	168	68	101 075
Итого	17	7	1 052	407	656 321
Болгарская армия	15+2 австр. див.	2	1 052	189	453 500

5. В Палестине

Англия — армия в составе 191 182 чел., 606 орудий и 2 056 пулеметов
Турция „ „ „ 141 000 „ и около 400 орудий.

6. В Месопотамии

Англия — армия в составе 160 892 чел. и 365 орудий.

Эти таблицы не требуют пояснений. Они иллюстрируют конечный результат того переплетения сил, которое образовалось перед началом перехода Антанты к решительным действиям.

Противоречия Антанты облегчили Германии возможность маневрировать на внутренних линиях и удерживать свой фронт в течение четырех лет при значительно меньших силах.

Противоречия «серединного» союза привели к его распаду.

Противоречия коалиций привели к тому, что каждая национальная армия имела своего самостоятельного главнокомандующего. Единого, общего руководства не было.

Все эти противоречия развивались на фоне развития основного классового противоречия между интересами буржуазии и интересами трудящихся. Лозунг Ленина о превращении империалистической войны в войну гражданскую являлся не только директивой для большевистской партии, для пролетариата, но и гениальным раскрытием действительного процесса движения мировой войны.

Глава IV

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Несоответствие между пространством театров военных действий и массами

В войнах прошлых столетий для стотысячных армий было гораздо больше простора для маневрирования, чем для миллионных армий эпохи мировой войны 1914—1918 гг. В отношении позиционности и маневренности пространство и массы создают ряд обратных пропорций. Чем больше сил и меньше пространства, тем больше вероятности, при прочих равных условиях, что вооруженный фронт примет стабилизованный характер. И наоборот, чем больше пространства и меньше сил, тем более маневренный характер принимают обычно операции.

На восточном театре маневренный период борьбы продолжался гораздо дольше, чем на западном. На первом общая плотность фронта в соединении с другими причинами не создала даже и в середине 1915 г. условий для стабилизации. И в последующий период войны оперативная плотность на восточном театре никогда не достигала позиционных норм западного театра. Мно-

гими авторами маневренный характер операций гражданской войны 1918—1920 гг. объясняется исключительно отношением между пространством и массами. Хотя такое объяснение совершенно недостаточно, тем не менее нельзя недооценивать значения этого фактора. На западном театре войны в 1914 г. наблюдалось быстрое, сплошное и почти равномерное занятие всего фронта от моря и до швейцарской границы. Фланги закрылись. Появился новый фактор — сплошной укрепленный фронт. Он сыграл огромную роль. Воевавшие страны оказались перед неразгаданным сфинксом. Сплошной фронт опрокинул оперативное искусство XIX столетия. Загипнотизированные размахом маневренных операций старого военного опыта и старой военной теории, ученые военные мужи начали говорить о полном закате военного искусства. Эти совершенно нелепые разговоры продолжаются и сейчас. И в начале XIX столетия, когда выковывалось военное искусство Великой буржуазной французской революции, генералы дореволюционной эпохи, не имея возможности осознать революции, происшедшей в военном деле, говорили о «закате». Перед лицом надвигающейся пролетарской революции буржуазные ученые также твердят о «закате Европы».

Если взять только связь между позиционной войной и плотностью сплошных фронтов, то абстрактно можно было бы сделать такой вывод: война переходит в позиционные формы, если общая оперативная плотность на всем фронте в среднем достигает 5 км на дивизию и 15—20 орудий на 1 км и если воюющие страны по своим политическим, экономическим и живым ресурсам могут поддержать эту плотность в течение длительного срока. Но такой вывод был бы грубо формальным, а потому и неправильным. Сплошной фронт и большая оперативная плотность не создают непреодолимых преград для маневренной войны, меняется лишь характер последней. Достаточно указать, что в 1918 г. война приняла маневренный характер в момент наивысшего уплотнения фронта.

Последний период мировой войны ярко показал характер маневрирования при сплошных фронтах. Трудность и сложность этого маневрирования несравненно большая, чем в XIX столетии. Искусство этого маневрирования гораздо выше. Богатство оперативных комбинаций поразительно. Но для того, чтобы овладеть маневрированием на сплошных фронтах, понадобился длительный срок. Этот срок был необходим для того, чтобы развитием мощ-

ных технических средств подавления, во-первых, добиться возможности преодолеть стабилизованный характер сплошных фронтов и, во-вторых, получить обеспеченную оперативную и тактическую подвижность. Тем не менее маневрирование в конце мировой войны на западном театре приняло очень куцые формы. Медлительность продвижения, недостаток размаха, угроза стабилизации при каждой остановке, осторожность наступающего и пр. — все это не гармонирует с подлинными требованиями маневренности. Но что поделать... Условия на западном театре сложились так, что главнейший узел операций завязался на участке между морем и Верденом. Здесь средняя оперативная плотность на всем фронте достигла 2—3 км на дивизию и 30—35 орудий на 1 км. При таких условиях удивительно не то, что фронт так медленно «маневрировал», а то, что война тем не менее приняла маневренный характер.

Но когда генеральные штабы впервые оказались перед сплошным фронтом, они еще думали по-старинке. Перестроиться на новый лад сразу, сделать резкий поворот в оценке военной обстановки они не могли и в первый период войны пытались преодолеть позиционный фронт старыми средствами. Путем сосредоточения сравнительно незначительных сил на узком участке они пытались прорвать фронт противника, отбросить его фланги, разъединить силы и маневром на открытых флангах добиться цели. На западе такая концепция сражения систематически не давала успеха, на востоке такой прорыв часто удавался, ибо здесь было сравнительно легко прорвать тонкую линию обороны. За внешней видимостью сплошного фронта на востоке часто имелись скрытые фланги в виде участков, занятых ничтожными силами. Эти участки и являлись объектами атаки.

Но одно понятие «сплошной фронт» еще не дает правильного представления о влиянии этого фактора на характер оперативного маневрирования.

Дополнительными данными по отношению к сплошному фронту являлись: степень укрепленности фронта, глубина позиции, плотность обороны в отношении количества живых сил и огневых средств, количество резервов, состояние сообщений, конфигурация фронта и т. д.

Сплошной и чудовищно укрепленный фронт в соединении с мощью огневых средств, упорством обороны и маневром резервами создал положение, при котором большинство сражений

на западе являлись длительными сражениями на месте, а фронт оставался неподвижным.

Неподвижность боевого фронта и кипучая деятельность на путях сообщений являются отличительной, но отнюдь не единственной чертой операций позиционного периода мировой войны. Только в 1918 г. боевой фронт также пришел в движение. Но это было все же движение сплошного фронта. Открыть фронт, отдать большое пространство, чтобы создать благоприятную конфигурацию фронта для маневра, обе стороны боялись.

2. Несоответствие между массами и подвижностью этих масс

Что подвижность является одной из основных категорий войны, это не требует доказательств. Вооруженная борьба до известной степени есть борьба за большую подвижность, мобильность, быстроту. История войн дает бесчисленное количество примеров, доказывающих, что подвижность сама по себе является могущественным орудием войны, часто способным восполнить недостаток в силах. Наполеону приписывают изречение, что сила армии измеряется массой, умноженной на скорость. Дю-Фур уже после мировой войны констатирует, что стратегия может иметь будущее только при том условии, что она сумеет придать мобильность силам, предоставленным в ее распоряжение, и сумеет подчинить их закону современной жизни — скорости. Но подвижность является производным фактором. В конечном итоге и она определяется общими условиями развития военного дела — политическим развитием живых масс и прогрессом техники.

Условия возникновения подвижности массовых армий XIX столетия прекрасно анализированы Энгельсом [1]. Оценивая армию Наполеона, Энгельс констатирует, что подвижность этой армии являлась неизбежным следствием массового характера армии. Питаясь из местных средств, армии должны были быстро продвигаться, чтобы иметь возможность найти себе пропитание в новых рай-

[1] Особенно важной в этом отношении является статья Энгельса „Перспективы борьбы Священного союза".

онах. Подвижность своих армий Наполеон искусно использовал в оперативных целях.

Предпосылками для дальнейшего развития подвижности в прошлом столетии явились:

а) Подвижность отдельных бойцов и массы в целом, вызванная победой буржуазной революции. Не подлежит никакому сомнению, что пехотинец Наполеона двигался быстрее, лучше, проворнее пехотинца Фридриха II. Энгельс указывает: «Сонная неповоротливость дореволюционных армий (XVIII столетия—*А. В.*) находилась в тесной связи с феодальной системой. Одна только масса офицерских экипажей затрудняла всякое движение. Армии ползли так же медленно, как в общем происходило движение по тогдашним путям сообщения». Только политическая эмансипация народных масс открыла новые пути для развития подвижности.

б) Прогресс техники, давший возможность продвигать вслед за армиями материальную часть. Уже в эпоху Наполеона решающую роль сыграл лафет Грибоваля, разрешивший проблему подвижности артиллерии не только на театре войны, но и на поле боя. В последующий период конструкция артиллерийских орудий все улучшалась, вес их уменьшался, подвижность артиллерии возрастала.

в) Развитие военного искусства: открытие колонны как формы движения масс, планомерная организация маршей, упорядочение движения на грунтовых путях, постепенное расчетное нормирование маршей, все возрастающий размах операций и т. д.

Но подвижность армии XIX столетия имела определенные границы. Питание из местных средств, ноги людей и конский транспорт обусловливали пределы подвижности. Новых условий до последней четверти прошлого столетия не появлялось. Поэтому подвижность армии Мольтке после сосредоточения, произведенного по железным дорогам, мало отличалась от подвижности армии Наполеона. Характер маршей армии XIX столетия тщательно изучен. Леваль в «Стратегии маршей» обобщил до конца опыт подвижности армий, передвигающихся пешим порядком и обеспеченных конским подвозом.

Но в начале XX столетия появился ряд новых факторов, поставивших проблему подвижности «по-новому». В первую очередь, во много раз увеличилась железнодорожная сеть, которая допустила такой количественный рост вооруженных сил, какой

до развития железных дорог был абсолютно невозможен. Железные дороги в то же время значительно усложнили проблему подвижности и вообще повлияли преобразующим образом на военное дело. Совокупность ряда новых условий привела к тому, что армии в начале мировой войны в значительной мере утеряли свою оперативную подвижность.

Главнейшие причины, повлиявшие на изменение характера подвижности, заключаются в следующем:

1. Значительно возросли массы. Вместо стотысячных армий — миллионы людей и лошадей с возросшими потребностями в продовольствии. Бойцы требовали и свежего хлеба и свежего мяса. Питать эти массы из местных средств стало невозможным. Армии начали базироваться почти исключительно на подвоз из тыла. Те условия, которые прежде были первопричиной подвижности массовых стотысячных армий, отпали. Но основой подвоза до мировой войны остался конский транспорт. Закон же конского подвоза общеизвестен — пятипереходная система. На больших расстояниях уже было необходимо закладывать неподвижные склады — базы.

2. Техническое оснащение армии, особенно боевым оружием, все возрастало. Оружие стало скорострельным и машинизированным. Потребность в боевых припасах увеличилась до огромной степени. Наполеон мог считать достаточным иметь на полк из 10 000 чел. отделение фурштата в 22 повозки, в 1914 г. дивизии было необходимо иметь до 1 000 повозок. Тыл армии тяжелел, колонны удлинялись, становились все более неповоротливыми, маневр затруднялся. Нижеследующая таблица иллюстрирует это положение наглядным образом:

	На тысячу людей приходилось								
	эпоха Наполеона			эпоха Мольтке			1905—1910 гг.		
	орудий	повозок	лошадей	орудий	повозок	лошадей	орудий	повозок	лошадей
Артиллерийских обозов	2	10	50	4	28	118	5—6	45—50	120—130
Производственных обозов	—	15—18	30—36	—	40	80	—	60—90	120—180

Вместе с ростом артиллерийских средств борьбы росли и другие технические средства — инженерные, связь и т. д.

3. Но в то время, когда боевая часть армии становилась все более машинизированной, тыл в основном оставался конским. Отсюда и появилось одно из основных противоречий в организации армии накануне мировой войны — противоречие между машинизированным фронтом и отсталым конским тылом. Это противоречие во время мировой войны все более обострялось и наложило свой отпечаток на характер, глубину и размах операций. Миллионные армии не могли освободиться от бремени конского тыла, который стал диктовать свои законы.

Подвоз продовольствия, огнеприпасов, огромного количества инженерных и строительных материалов и пр. возрос до невиданных прежде пределов. Во время мировой войны на западном театре просто стало невозможно подвозить конским транспортом к войскам все необходимое, несмотря на то, что конечно-выгрузочные станции доводились почти непосредственно к линиям фронта. Обеспечить подвоз от конечно-выгрузочных станций стало возможным только путем массового применения автотранспорта и узкоколейных железных дорог.

Если смотреть на подвижность с абстрактной точки зрения, то может показаться, что железные дороги разрешили эту проблему полностью. В самом деле, если густота сети и провозоспособность железных дорог соответствуют массам, действующим на театре войны, то, казалось бы, все потребности этих масс могут быть удовлетворены. Если же к делу подойти конкретно, то в проблеме подвижности обнаруживается ряд новых отношений и противоречий, которые не нашли разрешения почти до конца мировой войны.

4. Проблему подвижности не следует понимать и рассматривать лишь в узких рамках подвоза. Подвоз — только одна сторона вопроса. Другая сторона — это совокупность боевых требований, предъявляемых к подвижности.

Основой оперативной и тактической подвижности армии мировой войны с момента завязки сражения, как и в старину, остались ноги бойцов. Всю армию посадить на автомобили было нельзя, и те части, которые перевозились на автомобилях для боя, должны были с них слезать. Воевать в железнодорожных эшелонах также было нельзя.

В тех случаях, когда противник отходил и пространство для маневра было достаточным (открытые фланги), ноги даже миллионных армий делали чудеса. Марш германских армий к Марне, рокировка армии Клука к правому флангу в сражении на Марне, рокировка 4-й австрийской армии Ауфенберга в галицийской операции являются образцами высокого мастерства.

Но на стабилизованных фронтах, когда армии при наступлении должны были двигаться, преодолевая все возрастающее сопротивление противника, ноги оказывались плохим инструментом. В то время, когда армии в дни боя пешим порядком могли сделать не больше 8—10 км, противник подвозил резервы по одной дивизии на каждой железнодорожной магистрали со скоростью 250 км в сутки и на автомобилях со скоростью 100 км в сутки. Недостаток подвижности армии при наступлении особенно остро давал себя чувствовать в операциях позиционного периода.

Обычно первая линия противника сравнительно легко прорывалась. В мировой войне почти не было случая, чтобы подготовленная операция не привела к овладению первой линией. Наступающий останавливался перед второй линией, не имея возможности взять ее с налета. Отставали: артиллерия, все другие средства подавления и резервы. В большинстве случаев нужно было перед последующими оборонительными линиями начинать дело сначала. Таким образом, опыт обнаружил **противоречие в подвижности войск при обороне и в подвижности войск при наступлении.**

Если в эпоху Наполеона и даже в эпоху Мольтке массы сил и средств до известной степени сами толкали к быстрым наступательным маршам и подвижность проявляла себя при наступлении в гораздо большей степени, чем при обороне, то в мировой войне эти отношения переменились. **Подвижность при обороне значительно превосходила подвижность при наступлении.**

На это обстоятельство обратил внимание уже Шлихтинг, когда он писал:

«С развитием операции наступающая сторона должна будет отделиться от своих железнодорожных сообщений, а неприятель едва ли оставит ей свою сеть неповрежденной. С этой точки зрения оборона является наиболее сильным образом действий. Вся железнодорожная сеть в тылу остается в полном ее распо-

ряжении, что обеспечивает правильность подвоза продовольствия, боевых припасов и войск...

Недостаток железнодорожных путей для подвоза необходимых орудий войны и для обеспечения продовольствием войсковых масс при некоторых условиях затрудняет стратегическое наступление гораздо более, чем повышаемая ими подвижность обороняющегося» (Шлихтинг, Основы тактики и стратегии, СПБ, 1910 г., ч. II, кн. I, стр. 32—33).

Во время мировой войны использование железных дорог достигло поистине грандиозных размеров. Но основные противоречия остались. В непосредственных интересах отражения натиска противника обороняющийся мог использовать железные дороги в гораздо большей степени, чем наступающий.

Подобное влияние железных дорог вытекает из свойств последних.

Во-первых, железные дороги связаны с раз принятыми направлениями, которые не могут быть произвольно изменены. Когда этот недостаток железных дорог не может быть устранен густотой сети на всем театре, маневр наступающего поневоле ограничивается. В сербском и румынском походах наступающий испытывал огромные затруднения из-за слабости своих железнодорожных коммуникаций. Только общая благоприятная конфигурация фронта, давшая возможность применить глубокие обходные угрозы, слабые железнодорожные сообщения обороняющегося и пассивность обороны дали наступающему успех.

Во-вторых, железные дороги — это сложный и хрупкий организм, проявляющий наибольшую работоспособность в спокойных условиях благоприятного тыла.

В-третьих, во время мировой войны наступающие армии столкнулись с факторами разрушения железных дорог.

Этот момент коренным образом повлиял на характер операций. Размах операций — быстрота и глубина продвижения наступающих частей — оказался в прямой зависимости от быстроты восстановления железных дорог.

Разрушение железных дорог имеет свою историю. В начале мировой войны разрушения еще не носили капитального характера. Во время марша германских армий к Марне немцы в общем встретились с незначительными повреждениями. Восстановление железных дорог шло с большой быстротой. Двухколейная магистраль Льеж — Брюссель — Монс восстанавливалась со ско-

ростью 15—18 км в сутки. Примерно, с такой же скоростью восстанавливались в первый период войны железные дороги на восточном театре войны. Такой темп восстановления железных дорог позволял армиям продвигаться вперед на неограниченные расстояния. Поход немцев к Марне и их же поход летом 1915 г. в Россию не встречал непреодолимых затруднений в подвозе. Но в последующий период войны техника разрушения достигла большого совершенства. Железные дороги уничтожали целиком вплоть до снятия пути и разрушения полотна. Отверстия мостов увеличивались искусственными взрывами, туннели разрушались и т. д.

Техника же восстановления железных дорог во время мировой войны отставала от техники разрушения.

Уже в сентябре 1914 г. на западном театре на капитально разрушенных путях восстанавливалось не больше 5—8 км в сутки, а в 1918 г. средние нормы восстановления не превышали 3—5 км в сутки. Причина отставания восстановления заключалась в том, что органы восстановления еще не были механизированы. Таким образом, проблема оперативной подвижности при наступлении в той части, которая касается железных дорог, во время мировой войны не была разрешена. Само собой разумеется, это обстоятельство должно было сказаться и действительно сказалось в том отношении, что в форме железнодорожного маневра обороняющийся нашел средство отразить почти все наступления противника.

Автомобиль явился тем дополнительным транспортным средством, которое, наряду с прогрессом техники восстановления железных дорог, открыло реальные перспективы для разрешения проблемы подвижности.

Достаточно посмотреть на нижеследующую таблицу, чтобы убедиться в том, какую огромную роль сыграл автотранспорт во время мировой войны на западном театре. С начала войны по 11 ноября 1918 г. перевезено:

	Войск. грузов	Войск	Раненых
Французскими автомобилями	26 495 251 т	23 543 979 чел.	10 411 156 чол.
Английскими автомобилями	12 598 000 „	9 843 000 „	6 354 000 „
Всего . . .	39 093 251 т	33 386 979 чел.	16 765 156 чел.

В переводе на железнодорожный транспорт это означает перевозку всего 45 988 763 т=4 600 000 вагонов=92 000 эшелонов. По данным Ле-Энефа и Борнека (Французские железные дороги и война, русский перевод, изд. ВВРС, 1923 г.), железные дороги на западном театре только по оперативным перевозкам использовали 100 000 поездов, а всего для фронта было использовано около 200 000 поездов, т. е. автомобили дали почти половину продуктивности железных дорог.

Причины преобразующей роли автотранспорта заключаются также в его свойствах: несравненно большая грузоподъемность по сравнению с конским транспортом (отношение — при полном автомобильном пробеге в 100 км одна трехтонная машина равняется 18—20 парным повозкам), меньшая потребность в обслуживающем персонале, независимость от железнодорожных путей (каждая посредственная шоссированная дорога могла стать автомобильной дорогой), более легкая организация и устройство и т. д.

Автотранспорт нашел применение в двух областях.

1. В области подвоза снабженческих грузов он развился в могучее средство, связав войска с конечными железнодорожными станциями. Уже после окончания мировой войны французская военная мысль, отличающаяся своим формализмом, признала, что автотранспорт позволяет войскам отрываться от железных дорог на расстояние до 120 км. Для восточного театра эта цифра может быть свободно удвоена.

Ярким примером огромных возможностей, которые таятся в автотранспорте, является организация автомобильных коммуникаций для 10-й французской армии, переброшенной в 1917 г. на помощь Италии.

24 октября 1917 г. произошло австро-германское наступление на Изонцо, и итальянский фронт рассыпался. Этот исторический пример показывает, что позиционный фронт даже в лучших естественных условиях обороны, каким является горный район, не может держаться, если нет всех необходимых для этого условий. 28 октября стало очевидным, что итальянцы сами удержаться не смогут. Последовало решение послать в Италию 6 французских и 5 английских дивизий. Войска большей частью были переброшены по двум железнодорожным магистралям — через Модану, Милан, Верону и через Вентимилью, Геную, Ми-

лан. Но большое количество пехоты и материальной части было перевезено на автомобилях через Ниццу на Милан. Кроме того, автомобильные колонны (обозы) преодолели Альпы, уже покрытые снегом, по следующему маршруту: Эпернэ, Труа, Дижон, Шалон-на-Сене, Лион, Гренобль, Вейн, Бриансон, Турин, Милан (расстояние около 900 км). Через две недели армия, развернувшаяся к югу и востоку от оз. Гард, имела законченную железнодорожную и автомобильную коммуникацию.

Конечно, автотранспорт не освободил армию от конского транспорта. В армиях Антанты на западном театре в 1918 г. насчитывалось 1 400 000 лошадей, но все же роль этого вида транспорта неизбежно стала второстепенной.

2. Автотранспорт явился дополнительным средством для маневрирования стратегическими резервами. Отдельные примеры могут иллюстрировать развитие применения этого нового вида маневра — автомобильного маневра.

9 сентября 1914 г. пехота 62-й дивизии на мобилизованных таксомоторах перевезена из Парижа на фронт армии Монури.

Во время «бега к морю» перевезена пехота двух дивизий.

26 апреля 1915 г. во время первой газовой атаки немцев на Ипре перевезены две пехотные дивизии.

При подготовке операции в Шампани автомобили перевезли тяжелую артиллерию, которая самостоятельно двигаться не могла.

В 1916 г., можно прямо сказать, автомобиль спас Верден. По знаменитой шоссейной дороге Бар-Ле-Дюк — Верден (Священная дорога) в период февраль — июнь 1916 г. перевозилось до 60 000 т грузов и 400 000 чел. в месяц к фронту и до 250 000 раненых с фронта.

Но все эти перевозки носили еще половинчатый характер. Целые войсковые соединения с материальной частью еще не перевозились. Первым подобным опытом была комбинированная перевозка трех дивизий из Шато-Тьерри в Перон 20 ноября 1917 г. во время операции англичан у Камбре.

В 1918 г. такие перевозки стали обычным явлением. Так, например, в мае на автомобилях были перевезены 62 дивизии, в то время как по железным дорогам только 41, в июне—55 дивизий и т. д.

Только наличие хорошо организованного автомобильного транспорта позволило Антанте продвигаться вслед за отходящими немцами в 1918 г.

Превосходство Антанты над Германией в отношении автомобильного транспорта послужило одной из причин конечной победы. В 1918 г. Антанта имела на западном театре 200 000 автомобилей, в то время как немцы имели всего около 40 000. С задачей массового автомобильного производства германская промышленность справиться не могла; кроме того, Германия в продолжение всей войны испытывала хронический недостаток горючего и резины (результат блокады).

Но использование автотранспорта имело определенные пределы и свои трудности. Организация массовой автомобильной службы, которая раньше не имела прецедентов, проходила через ряд этапов, импровизаций, провалов и неудач. Долгое время прошло, пока на шоссейных путях работа была организована «по-железнодорожному»: распорядительные комиссии, графики движения, охрана путей, диспетчерская служба, служба связи, ремонтная служба и т. д.

Автотранспорту пришлось столкнуться с таким фактором, как массовое разрушение грунтовых дорог. Разрушение путей в боевой полосе ограничило масштаб использования автотранспорта как средства для немедленного продвижения вперед вслед за отходящим противником, атакующими частями и артиллерией.

Решение вопроса было найдено только после мировой войны в конструкции вездеходного автомобиля (гусеничного, шестиколесного и др.). Первые автомобили этого типа появились в 1917 г., но достаточного применения и проверки во время мировой войны они не получили. В 1918 г. стали применять американские гусеничные тракторы.

Подводя итоги, мы должны констатировать, что на западном театре войны до 1918 г. наступающий все же был лишен возможности в полной мере использовать при наступлении механические средства передвижения. Ни железные дороги, ни обыкновенные автомобили, ни колесные тракторы не могли поспевать за ногами бойцов. Наоборот, обороняющийся мог против обыкновенных людских ног выдвигать всю мощь механизированного транспорта. Очевидно, что боевые действия проходили не в равных условиях.

В 1916 г. на поле боя появился танк — бронированная повозка на гусеничном ходу. Вездеходность гусеницы в соединении с броней и мотором внутреннего сгорания — вот тот

технический фактор, которому суждено было сыграть преобразующую роль в военном деле. Там, где прежде бронированный автомобиль беспомощно застревал, демонстрируя свое бессилие перед условиями местности, теперь появилась машина, независимая от дороги. Там, где прежде тяжелое орудие бесспльно утопало в грязи размытой дороги и его не могли вытащить десятки лошадей, теперь то же самое тяжелое орудие, поставленное на механизпрованную повозку, свободно передвигалось вслед за войсками.

Применение танков в 1918 г. приобрело чрезвычайно широкий характер. Они участвовали почти во всех операциях. И здесь Антанта имела очевидное превосходство, ибо немцы танков не имели.

Всего во время мировой войны Антанта построила около 7 000 танков. В полной мере танковая война должна была развернуться в 1919 г., когда Антанта имела в виду закончить строительство 22 000 танков, которые уже были заказаны.

Но все же к концу мировой войны обнаружились лишь тенденции использования всех возможностей механического передвижения. Моторизованных и механизпрованных частей мировая война еще не знала. Но тенденции, повторяем, очевидны. В условиях большой войны оперативная подвижность может быть достигнута дальнейшим усовершенствованием техники восстановления железных и грунтовых дорог и всесторонним использованием мотора внутреннего сгорания и гусеницы.

На восточном театре войны проблема подвижности носила иной характер.

Во-первых, здесь сравнительно меньшие силы сражавшихся занимали гораздо более широкие фронты.

Во-вторых, здесь в меньшей мере проявлялось соревнование между идущими пешим порядком наступающими войсками и железнодорожным маневром обороняющегося, что являлось следствием общей слабости железнодорожной сети и огромных пространств восточного театра. Резервы почти никогда не успевали своевременно прибыть к угрожаемым пунктам. Чтобы иметь возможность использовать железнодорожный маневр, обороняющийся должен был жертвовать большими пространствами. Выигрыш наступающим большого пространства до известной степени облегчал его положение, ибо позволял шире использовать местные продовольственные средства.

В-третьих, обороняющийся (русская армия) не мог противопоставить немцам ни устойчивой обороны в виде мощных оборонительных рубежей, ни упорной обороны, вследствие малой боеспособности войск. Наступающий достигал больших успехов сравнительно малыми силами.

В-четвертых, техника разрушения железных дорог, вследствие быстрого развертывания событий, не была на высоте. Наступающий быстро их восстанавливал. Малое количество объектов восстановления позволяло сосредоточивать усилия на этих объектах. Массовых разрушений обыкновенных и шоссейных дорог почти не было.

3. Противоречия обороны и наступления

Превосходство обороны над наступлением

Взаимодействие наступления и обороны — одно из основных явлений войны. Если в интересах лучшего анализа свойств и особенностей наступления и обороны их часто изучают изолированно, то в действительной жизни трудно себе представить наступление без наличия противника, который волей или неволей обороняется. Наступление и оборона образуют единство противоположностей[1].

Наступающий, сковывающий действия противника, неизбежно подчиняется до известной степени действиям последнего. С другой стороны, и обороняющийся беспрерывно находится под влиянием наступающего. Искусство военного вождения, между прочим, заключается в том, чтобы провести свой план действий, не подчиняясь влиянию противодействия противника. Наибольшие успехи и неудачи в истории войн связаны с проблемой захвата и сохранения свободы действий и инициативы.

Что наступление и оборона только дополняют друг друга, можно убедиться даже во встречном сражении, которое обычно развивается из наступления обеих сторон. Дело в конце концов

---

[1] Тов. Славин в «Вопросах военного дела» (Воениздат, 1935 г.) справедливо указывает, что наступление и оборону нельзя брать как основное исходное противоречие, движущее развитие военного дела. «Оборона и наступление,—указывает Славин,—является формой столкновения двух противников, двух различных армий». Считать это основным противоречием—значит скатиться к механистическим отклонениям от диалектики.

сводится к тому, что одна сторона переходит к обороне. Основная задача во встречном столкновении, даже в оперативном масштабе, заключается в том, чтобы, не ожидая прояснения неизбежно затемненной обстановки, принять быстрое активное решение, сковать противника, заставить его перейти к обороне и нанести ему удар, пользуясь свободой маневрирования. Недаром уставы Красной армии категорически указывают, что во встречном бою командир соединения обязан принять немедленное решение. Даже действия одного лишь наступающего или обороняющегося в любом сражении представляют собой комбинацию обороны и наступления. Причудливое сочетание наступления и обороны особенно ярко обнаружилось в операциях мировой войны.

Сражения на широком фронте, длившиеся много дней, не развивались равномерно на всем фронте. Успех и поражение не всегда являлись результатом механического сложения достижений отдельных успешных наступательных боев. Решающую роль играло большое число различных качественных показателей: успех в решающем направлении; неожиданный прорыв на второстепенном направлении, открывающий путь на тыл противника; фланговая угроза глубокого охвата или обхода; моральный надлом в массах и в командовании; большие потери в материальной части и в живой силе; несвоевременное прибытие резервов и т. д. В итоге часто можно было увидеть общий неуспех там, где налицо было много частных побед. В осенней кампании 1914 г. на западе немцы имели большие тактические и оперативные успехи, но сумму этих успехов перевешивает стратегическая неудача на Марне. В галицийской операции австрийцы нанесли русской армии ряд частных ударов, но все же в конце концов их постигло оперативное поражение. Германцы хвастают, что они во время мировой войны не знали поражений на поле боя, тем не менее Версальский мир был продиктован не Антанте, а Германии. «Бессилие побед» проходит трагической чертой через всю военную деятельность Германии.

Даже в обороне низших соединений наступление и оборона дополняют друг друга. Зольдан указывает, что эластический метод обороны представляет комбинацию атаки и обороны. Этот метод сейчас воспринят уставами всех армий. Оборона становится интегральной составной частью каждого наступления.

Оборона по существу так же активна, как и наступление. Ее основание — это контратака, начиная от частных резервов так-

тического порядка и кончая заранее подготовленным оперативным контрударом с тылового рубежа.

Наивно звучит нижеследующий основной «вековечный» принцип старой стратегии:

«Никогда не следует забывать, что поражение неприятеля на одном важном пункте влечет за собой победу на всем театре войны, независимо даже и от неудач на второстепенных пунктах. В настойчивом и умелом применении этого принципа, так называемого в стратегии принципа частной победы, и заключается весь секрет успеха при стратегически наступательных действиях» (Михневич, Стратегия, книга II, СПБ, 1901 г.).

Этот тезис оказался недостаточным для эпохи мировой войны. Опыт мировой войны на основе множества фактов выводит антитезис, гласящий, что даже решительный успех на одном важном пункте не влечет за собой победы на всем театре войны. Противник имел возможность, жертвуя территорией, выиграть время и восстановить свои силы. Армии стали чрезвычайно живучими. К этому средству—выиграть время путем отхода—в маневренный период войны и прибегал обороняющийся, когда видел, что упорство не может задержать противника.

Но в главнейших операциях позиционного периода мировой войны объективно вообще трудно установить, какая сторона являлась наступающей и какая обороняющейся. За исключением инициативы первого удара, который ярко определял нападающую сторону, после него в ходе операции оба противника были одновременно и нападающей и обороняющейся стороной. Атака и контратака как бы сливались в единый процесс взаимного истребления. После сражения обе стороны с одинаковым успехом и лживостью кричали о победе.

Мировая война, как известно, началась с наступления почти всех противников. Но на западном театре так же быстро все противники перешли к обороне. Переход к обороне в данном случае означал переход к позиционной войне, хотя никто и не предполагал, что оборона перерастет в такие своеобразные формы.

Но во взаимодействии обороны и наступлении направляющим началом является оборона.

Эту направляющую роль обороны Клаузевиц определил понятием превосходства обороны над наступлением.

Клаузевиц пишет:

«Оборона — более сильный вид войны, но цель ее отрицательная (negativ); наступление же — более слабый, но с положительной целью» (К л а у з е в и ц, О войне, т. II).

Это открытие Клаузевица очень ценно и правильно; оно не теряет своего значения и в современную эпоху.

Хотя заключение о превосходстве обороны над наступлением Клаузевиц вывел из опыта войн, по изложению своего взгляда он придал тяжелый, умозрительный характер, затрудняющий усвоение его мыслей.

«Что такое оборона?» — спрашивает Клаузевиц и отвечает: «Это — противодействие удару. Каков ее признак? Выжидание удара... Однако, безусловная (абсолютная) оборона совершенно противоречит сути войны, так как войну вела бы одна сторона, а поэтому оборона на войне может быть только относительной (условной)».

Но война требует не только выжидания удара, она порождает и безусловную необходимость отбивать удары, т. е. атаковать, наступать. Элементы атаки лежат в самой сущности обороны. Даже в самой пассивной обороне обороняющийся посылает противнику пули и снаряды. Оборона — это щит, «но щит, составленный из искусных ударов».

«Оборона легче атаки (наступления), но она преследует отрицательную цель (сохранение), в то время как наступление стремится к захвату. Из этого положения вытекает, что обороняться необходимо до тех пор, пока нет сил и возможностей от цели отрицательной перейти к цели положительной. Естественный ход дела будет такой, что начинают обороной и кончают наступлением».

С исключительным блеском Клаузевиц вскрыл и показал острие «сверкающего меча возмездия», лежащего в основе обороны и находящего свое оперативное отражение в контратаке.

Но в последнем тезисе вскрывается не только взаимодействие обороны и наступления, но и их глубокое противоречие. Суть этого противоречия заключается в том, что, в то время как оборона таит в себе элементы превосходства над наступлением, участь войны в подавляющем большинстве случаев может быть решена только наступлением. Одной обороной нельзя добиться цели войны, если эта цель положительная, т. е. если путем войны политика стремится разгромить (повалить) противника.

В определенный момент необходимо переходить в самое решительное наступление с целью полного разгрома вооруженных сил противника. А в такой разновидности военного искусства, как вооруженное восстание, «оборона смерти подобна» (Ленин). Искусство военного руководства заключается в том, чтобы на основе учета сложного переплета элементов, образующих соотношение сил, определить этот момент перехода в решительное наступление.

В войнах прошлых столетий этот момент решительного наступления обычно совпадал с началом войны.

Последующие операции являлись лишь дополнением и реализацией успехов, достигнутых в первых решительных сражениях.

«Классическая» военная теория весьма мало занималась этой проблемой.

Буржуазная военная теория до мировой войны не давала конкретных указаний об условиях перехода к решительному наступлению. Гениальных военных вождей загнивающий капитализм в мировой войне не выдвинул. Все страны начали войну решительным наступлением. Но их быстро постигло горькое разочарование. Момент решительного наступления отошел в неопределенное будущее. Главное командование обеих коалиций до конца войны не могло определить этого момента. Много раз благоприятные моменты для решительного наступления не улавливались. Но во всех крупных операциях главное командование обычно декларировало, что оно переходит в «решительное» наступление, и также решительно они систематически проваливались.

Превосходство средств обороны над средствами наступления

На практике проблема обороны и наступления не является абстракцией. Наступают и обороняются не идеи, а армии, вооруженные различными средствами борьбы. Превосходство обороны над наступлением во время мировой войны раньше всего проявилось в превосходстве стредств обороны над средствами наступления. После опыта мировой войны все армии мира усвоили, что одно и то же войсковое соединение может на гораздо более широком участке успешно обороняться, нежели наступать. Стрелковая дивизия при атаке укрепленной полосы может успешно действовать на участке 1—2 км, а обороняться она может на участке 4—8 км.

Главная причина превосходства средств обороны над средствами наступления заключалась в том, что оборона, имея возможность использовать все средства наступления, может в то же время прибегать к дополнительным, специфическим, оборонительным средствам. Широко развитые полевые фортификационные сооружения, мощные бетонированные постройки, широкие, хорошо оборудованные проволочные заграждения, глубоко эшелонированные, заблаговременно подготовленные позиции, точно организованная система огня и т. д. являлись такими средствами, к которым наступающий мог прибегнуть лишь в незначительной степени. Совершенно очевидно, что для преодоления этой системы оборонительных препятствий наступающий должен был выдвигать количественное и качественное превосходство средств наступления.

Некоторые военные исследователи полагают, что классификация военной техники на средства обороны и средства наступления неправильна. Несомненно, что любое средство военной техники применимо и в обороне и в наступлении. Но все же, в каждом боевом техническом средстве можно найти такую специфику, которая показывает, что оно для обороны или наступления имеет большее или меньшее значение, большее или меньшее применение. Если взять, например, пулемет, то опыт подтверждает, что без пулеметов можно наступать и даже успешно, а вот строить оборону без пулеметов в современных условиях совершенно невозможно. Или если взять, например, современное противотанковое или зенитное орудие, то оно на 100% является средством обороны. Бессмысленно стрелять в небо, если самолеты противника не летают. Бомбардировочная авиация, танки могут найти применение в обороне, но и в этом случае они будут решать свою задачу атакой. Если взять только военную сторону дела, то классификация военной техники на средства обороны и наступления допустима. Для изучения процесса преодоления позиционной войны такая классификация даже необходима. Она необходима и для современных условий, когда военная техника стала очень разнообразной, сложной и быстро развивающейся.

Позиционный период мировой войны представляет собой грандиозное соревнование за достижение превосходства средств наступления над средствами обороны.

Основные усилия обеих коалиций шли в следующих направлениях:

1. Стремление к достижению количественного превосходства над противником путем привлечения новых союзников, увеличения численности армии, развертывания новых формирований, увеличения технических средств, истощения противника систематическим истреблением его армий и т. д.

2. Стремление к достижению качественного превосходства путем создания благоприятной мировой политической обстановки, разложения тыла и армии противника пропагандой, сохранения «гражданского мира» внутри своей страны.

3. Возрастающее увеличение мощи наступательных средств, артиллерии крупнейших калибров, боевой авиации и т. д.

4. Увеличение подвижности этих средств: применение автотранспорта, тракторов, самоходной артиллерии, танков и т. д.

Но все эти процессы не развивались равномерно, а нарастали постепенно, скачкообразно, создавая весьма сложный и причудливый переплет. В начале мировой войны выяснилось несоответствие людских и материальных ресурсов, подготовленных в мирное время, действительным потребностям в людских и технических массах, двинутых на театры военных действий.

В военной литературе мы часто встречаемся со взглядами, что позиционная война явилась следствием просчета в нормах артиллерийских снарядов. Эта упрощенная точка зрения не выдерживает критики. В конце 1914 г. война не стала бы более маневренной от того, что вместо заготовленных в мирное время 1 000—1 500 снарядов на орудие имелось бы 3 000—4 000. Недостаток снарядов был лишь первым толчком для перехода к позиционной войне. Он вызвал приостановку военных действий, но решающего значения все же не имел. Со снарядным производством воевавшие страны справились более или менее быстро. Мобилизация промышленности открыла совершенно небывалые возможности в развертывании производства огнеприпасов. В конце 1916 г. Антанта производила в день около 350 000 снарядов всех калибров, «Срединный» союз—около 300 000. Более важным является тот факт, что текущим производством нельзя было покрыть текущей потребности в периоды горячих боев. Фактический расход снарядов в боевые периоды значительно превышал текущее производство, быстро истощая накопленные запасы. Для иллюстрации в нижеследующей таблице даны цифры

фактического расхода снарядов французской армией в наиболее интенсивные боевые десятидневки мировой войны:

	75-*мм*	105-*мм*	120-*мм*	155-*мм*	220-*мм* и больше
1915 г.					
Сентябрь 20—30 .	322 000	1 900	9 000	112 000	1 580
1916 г.					
Июнь 20—30 . . .	255 000	5 800	14 000	21 200	3 150
Сентябрь 1—10 . .	328 000	6 200	12 800	28 100	2 450
1917 г.					
Апрель 10—20 . .	625 000	2 100	22 000	53 000	4 550
Август 10—20 . .	280 000	6 500	14 500	49 500	3 200
Октябрь 10—20 . .	250 000	7 300	11 400	45 000	2 450
1918 г.					
Июль 20—30 . . .	400 000	14 500	6 500	59 200	1 750
Сентябрь 20—30 .	315 000	12 700	6 300	58 600	1 250

Кроме колоссального расхода снарядов, каждая крупная операция выводила из строя от 20 до 30% орудий, сотни самолетов, не говоря уже об огромном количестве потерь в винтовках и пулеметах. Неизбежным результатом истощения запасов были длительные оперативные паузы (остановки).

Еще более важную роль сыграло неравномерное развитие технических средств борьбы. Большая часть артиллерийских орудий, сконструированных до мировой войны, не была предназначена для борьбы против мощных укрепленных полос. Прекрасные сами по себе 75-мм французская пушка и русская 76-мм пушка были сконструированы как орудия борьбы против видимых живых целей. Эти длинные пушки с большой начальной скоростью и с пологой траекторией предназначались, главным образом, для поражения открытых целей шрапнелью. Тяжелая артиллерия как орудие полевого боя, считалась излишней. В Германии на Шлиффена смотрели «дикими глазами», когда он включил в корпусную артиллерию орудия крупных калибров.

Между тем именно наличие и превосходство тяжелой артиллерии германской армии часто обеспечивали ей успех в военных операциях мировой войны, особенно на восточном театре.

Основным оружием пехоты была магазинная винтовка. Роль пулеметов не была еще осознана. В 1914 г. каждый линейный полк имел лишь одну пулеметную команду в 6—8 пулеметов. До тех пор пока бойцы двигались, главным образом, по поверхности земли, артиллерия того времени с ними справлялась. Но лишь только бойцы закопались в землю и опутались проволокой, наличная артиллерия оказалась бессильной.

Первые два года позиционной войны проходят в борьбе количества и мощи артиллерии против количества и мощи пулеметов и фортификационных сооружений.

Обычная картина сражения того периода такова. Густо сосредоточенная артиллерия с все возрастающей плотностью, доходящей до 100 орудий на 1 км фронта, открывает убийственный огонь по расположению противника. Позиции буквально сравниваются с землей. Укрепленная зона превращается во вспаханное воронками открытое поле. Гарнизон обороны несет огромные потери и деморализуется. Путь для наступающих целей кажется свободным. Пехота идет в атаку. Но в последний момент на изрытом воронками поле обороны, как «феникс из пепла», вдруг воскресают отдельные уцелевшие пулеметы с храбрыми бойцами, сохранившими самообладание и стойкость в кошмарных условиях боя, и эти пулеметы расстреливают в упор наступающие цели и отбрасывают их назад. Если же и эти пулеметы преодолены, то наступающие встречаются с подготовленными контратаками противника. А до подхода к позициям противника наступающий должен преодолеть заградительный артиллерийский огонь.

Потери обороны от артиллерийского огня, конечно, сказывались на всем ходе длительных операций. Но не меньшие потери (обычно даже большие) нес и наступающий. Эффект убийственного действия пулеметов на коротком расстоянии создал основание для современной обороны. Пулеметы располагаются по всему пространству обороны, образуя систему перекрестного огня по всему фронту и на всей глубине укрепленной полосы. Эти пулеметы стремятся укрыться от взоров наземного и воздушного наблюдения противника. Они молчат, ничем себя не обнаруживая. Разбросанные по полю на больших площадях, они имеют

возможность уцелеть под артиллерийской бомбардировкой противника. А потом, когда наступающий приближается и вынужден перенести свой артиллерийский огонь, эти пулеметы оживают.

Тем не менее нужно констатировать, что в пределах досягаемости артиллерийского огня победительницей в этой борьбе вышла артиллерия. Но эта победа носила лишь тактический характер. Против мощи артиллерии оборона нашла средство противодействия путем уширения позиций в глубину до 25 км. Оперативное превосходство средств наступления появилось тогда, когда им была предоставлена не только мощь, но и подвижность. Эта проблема полностью не была разрешена во время мировой войны. Опыт последней указал лишь пути (танки, штурмовая и бомбовозная авиация—воздушная артиллерия, самоходная артиллерия и т. д.). Массовое внедрение новых средств обороны и наступления привело к перераспределению родов войск в армиях, что можно усмотреть из нижеследующей итоговой таблицы процентного соотношения родов войск в 1914 и 1918 гг.

	1914 г.			1918 г.		
	Франция	Англия	Германия	Франция	Англия	Германия
Стрелковые части (пехотные, пулеметные, самокатные, минометные)	61,6	54,0	62,3	50,5	46,4	48,9
Артиллерия	18,5	16,5	17,0	29,7	28,0	28,6
Кавалерия	4,6	7,5	4,7	3,3	1,0	1,6
Авиация	0,4	0,5	0,3	2,4	2,0	2,3
Инженерные войска	4,9	5,0	4,0	6,0	8,0	5,2
Прочие	10,0	16,5	11,7	8,0	14,6	13,4

Неравномерность развития технических средств борьбы объясняется рядом сложных причин.

Во-первых, все страны шли к развертыванию своих технических средств почти вслепую — эмпирически. Сегодня война требовала снарядов — развертывали производство снарядов; завтра появлялся лозунг «побольше тяжелой артиллерии» — начиналась гонка в производстве тяжелой артиллерии; потом авиация, танки, автотранспорт, средства связи и т. п. Необходимость сочетания мощи с подвижностью и количеством генеральные штабы поняли только в последний период войны.

Во-вторых, сама техника не оставалась на одном и том же уровне, а быстро развивалась и совершенствовалась.

Артиллерия 1918 г. — это не артиллерия 1914 г. Она подвижнее, дальнобойнее и скорострельнее. Авиация 1918 г. резко отличается от авиации 1914 г. и т. д.

В-третьих, в ходе войны появлялись новые технические средства: отравляющие вещества, танки, радио и т. д., которые, в свою очередь, развивались. Эффект новых средств в момент их появления был значителен. Но так как новые технические средства появлялись неожиданно, в незначительных количествах, то их эффект обычно имел лишь местное значение. Противник успевал изучить это средство и принять контрмеры.

В-четвертых, решающую роль играли особенности промышленного производства и подготовки кадров специалистов. Наиболее легко, конечно, оказалось производить средства обороны: винтовки, пулеметы, патроны, мелкие орудия, минометы и фортификационные средства. Гораздо труднее налаживалось производство тяжелой артиллерии и танков. Еще более трудным было развертывание авиации (летный состав) и т. д.

В-пятых, на развитие технических средств оказывало влияние состояние сырья, полуфабрикатов, рабочей силы и т. д. В конце 1917 г. Германия уже поняла преимущество танков, но разбег в осуществлении «программы Гинденбурга» был столь велик, что он поглотил почти весь производственный аппарат и все металлические ресурсы. Для танков нехватало ни фабрик, ни стали.

Глава V

ПРОБЛЕМА ОПЕРАЦИОННЫХ ЛИНИЙ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Маневр по внутренним линиям, как основа маневра в позиционной войне

Одной из величайших слабостей теории стратегии XIX столетия было то, что она никак не могла связать концы с концами в вопросе о действиях по внутренним и внешним операционным линиям. Усматривая преимущества и в концентрических и в эксцентрических действиях, старая стратегия выдвинула два принципа, прямо противоположных друг другу:

1. Противника выгодно бить по частям, пользуясь внутренними операционными линиями. Для этой цели нужно армию держать сосредоточенно и, если противник разъединил свои силы, бросаться на ближайшего противника раньше, чем другой поспеет на помощь. Это — школа Фридриха II и Наполеона. Она нераздельно властвовала до середины прошлого столетия.

2. Противника выгодно бить окружением, пользуясь внешними операционными линиями. Для этой цели армию нужно развертывать на широком фронте, выигрывать фланги противника, охватывать и бить противника с тыла. Это — школа Мольтке. До мировой войны в военной теории дискуссия велась, главным образом, вокруг проблем выгодности и невыгодности тех или иных операционных линий.

Подняться до сознания того, что война есть единая система действий по внутренним и внешним операционным линиям, старая стратегия не могла, ибо она не имела инструмента для согласования противоречий. Стремясь устранить противоречия операционных линий, она попадала из одной крайности в другую, предлагая общие рецепты на все случаи жизни. Только отдельные лица сумели подняться до сознания, что отнесение тех или иных операций к таким абстрактным понятиям, как операционные линии, является условностью, помогающей разобраться в сложном процессе боевой действительности. Ведь в самом деле, если одна сторона действует по внутренним линиям, то другая может действовать по внешним и т. д. Еще Медем в середине прошлого столетия указал, что Фридрих II действовал по внутренним операционным линиям потому, что он был окружен

врагами и, занимая по отношению к ним центральное место, мог бросаться на одного противника, а потом на другого.

«В тех походах, где Фридрих II действовал внутренними линиями, такое расположение большей частью было следствием не произвола, но концентрического направления неприятельских сил...

Театр военных действий был не обширен; неприятель, наступавший из Саксонии, Лузации или от Вислы, мог в несколько переходов достигать центра прусских владений и тем наносить Фридриху решительные удары...»

Поэтому Фридрих вынужден был действовать по внутренним линиям. Пользуясь же своей прекрасно обученной армией, он мог достигать и боевых успехов.

Но успехи Фридриха зависели не только от его личных способностей и боевой подготовки его армии. Медем объясняет:

«Во-первых, большинство полководцев, действовавших против него, не умели уклоняться от сражения или не постигали выгоды избегать боя, в то время когда Фридрих направлялся на них с сосредоточенными силами...

Во-вторых, у них не было единства в действиях, потому что каждая из армий имела особенного, независимого от другого, главнокомандующего.

В-третьих, затруднительный способ продовольствия войск и излишняя боязнь за свои сообщения делали движения их весьма медлительными и осторожными...» (Медем, Обозрение известных правил и систем стратегии, СПБ, 1836 г.).

Действия Наполеона фактически невозможно уложить в рамки какой-нибудь из схем этих «линий». Он осуществлял свои намерения по-всякому. Мы можем найти у него большое разнообразие оперативных форм. Его преимущество и заключалось, между прочим, в том, что он не был связан никакой догматической доктриной, а имел хорошую, многочисленную армию, в то время когда его противники воевали, опираясь на старые доктрины и не замечали новой армии, новой техники и стратегии, рожденных Великой французской буржуазной революцией.

Энгельс в своей брошюре («По и Рейн») свидетельствует, что Наполеон следующим образом отозвался об учении Бюлова о концентрических наступлениях и эксцентрических отступлениях:

«Если вы хотите узнать, как при помощи слабой армии разбить более сильную, то изучите положения, выставляемые этим

писателем; у вас будет тогда понятие о военной науке; то, что он рекомендует, представляет полную противоположность тому, чему следует учиться».

В тех кампаниях, когда Наполеону приходилось действовать по внутренним линиям, он пользовался пассивностью своих врагов и действительно бил их по частям, стараясь держать свою армию сосредоточенной. Но и в этом случае Наполеон всегда стремился ударить в тыл противника и отрезать ему пути отступления.

Под Аустерлицем Наполеон втиснул свою армию между разъединенными силами Багратиона и Кутузова и осуществил фланговый удар по главной группе. То же повторяется и под Абенсбергом. Под Иеной Наполеон произвел большой маневр по внешним операционным линиям и заставил противника принять бой с перевернутым фронтом. Но когда его враги сумели добиться хоть некоторого единства, то «внутренние» линии Наполеона не могли преодолеть превосходства в силах его противников, их «внешних» линий и того обстоятельства, что внутри страны Наполеон потерял свое обаяние и поддержку, которые он имел прежде. В кампаниях 1813, 1814, 1815 гг. Наполеон был разбит противниками, действовавшими по внешним операционным линиям.

В войну 1871 г. мы также видим взаимодействие внутренних и внешних операционных линий. Мольтке начал войну по внутренним линиям; он прежде всего помешал соединиться армиям Базена и Мак-Магона, обратившись вначале против Базена, а потом против Мак-Магона. Каждая из этих операций — Гравелот и Седан — в отдельности осуществлены по внешним операционным линиям путем концентрических маршей, охвата флангов и окружения. Но было бы ошибкой победу Пруссии объяснить только «линиями». Они играли лишь второстепенную роль. Решающими условиями явились полуторное превосходство в силах и качественное превосходство прусской армии, с одной стороны, и внутреннее разложение Второй империи — с другой.

Мольтке, основываясь на собственном опыте, указывает:

«Выгода внутренних операционных линий бесспорно остается в силе лишь до тех пор, пока имеется достаточно пространства, чтобы по меньшей мере в несколько переходов выдвинуться навстречу одному из противников с целью выиграть время, чтобы

его разбить и преследовать, а затем обратиться на другого противника, до сего времени лишь наблюдаемого.

Если же это пространство настолько стесняется, что больше уже нет возможности атаковать одного из противников, не подвергаясь опасности одновременно иметь дело и с другим, который может напасть на нас с фланга или тыла, то стратегическая выгода внутренних операционных линий обращается в тактическую невыгоду быть охваченным в бою» (Мольтке, Военные поучения, СПБ, 1913 г., стр. 174).

Это было правильно для той эпохи, когда армии все же продолжали занимать незначительные пространства на значительной территории государства, когда они свободно маневрировали и передвигались без непосредственного воздействия противника. При всех различиях эпоха 1870—1871 гг. гораздо меньше отличается от эпохи Наполеона, чем эпоха мировой войны от эпохи Мольтке.

Начало XIX века полно стратегических систем, выведенных на основании эмпирического изучения прошлых войн, причем обычно эти системы являлись результатом изучения не всех сложных явлений войны в их взаимодействии, а лишь одного какого-нибудь элемента. На это обратил внимание даже Медем, который писал:

«Так, главным основанием системы Лойда, Бюлова и Ропья служила мысль, что успех войны преимущественно зависит от охранения собственных сообщений и от действия на сообщения противника; генерал Жомини основал все свои правила единственно на зависимости успеха от решительных тактических действий или сражений; наконец, эрцгерцог Карл принял основанием своей системы мнение, что успех зависит преимущественно от искусного применения военных соображений к местности» (Медем, Обозрение известных правил и систем стратегии, СПБ, 1836 г., стр. 163—164).

Намекая на Бюлова, Клаузевиц зло и иронически пишет:

«Один умница попытался соединить в одно целое, а именно в понятие о базисе, всевозможные обстоятельства. В понятии о базисе сливаются и продовольствие армии, ее укомплектование и пополнение, снаряжение и вооружение, непрерывность сношений с отечеством, наконец, и безопасность путей отступления. Понятие о базисе поставлено на место всех поименованных различных отношений. Затем самый базис заменен его протяжением

(длиной), наконец, угол, который образует базис с армией, поставлен на место самого базиса. Между тем все это повело к результату чисто геометрическому, ни к чему непригодному. Да оно и понятно, потому что каждая из указанных постановок произвольно упускает часть того, что было в прежнем понятии» (К л а у з е в и ц, О войне, т. I).

Все эти системы неизбежно приходили в противоречие со своим исходным пунктом, ибо войны, откуда они черпали свои выводы, велись на несравненно более сложной и широкой базе, чем те отдельные элементы, на основании которых строилась та или иная стратегическая система.

В отдельных случаях авторы этих стратегических систем, доводившие их до конца, докатывались до сплошного мистицизма. Так, Леер, взявший в основание своей «Стратегии» учение об операционных линиях, возвел это учение в степень некоего потустороннего фактора. Определяя операционную линию, как линию, обнимающую операцию по цели и направлению, Леер пишет:

«Обнимая голову и хвост явления (операции), операционная линия становится общим центром внутреннего развития всей стратегической операции, короче говоря, вопрос об операционной линии есть главный, центральный вопрос стратегии. Он все обнимает, все проникает, все и вся определяет» (Л е е р, Стратегия, изд. 2-е, СПБ, 1913 г., т. I, стр. 33).

Однако, понимая шаткость такого мистического определения, Леер конкретизирует понятие об операционной линии, указывая на троякое значение этого термина.

Операционная линия Леером воспринимается: 1) как путь наступления — в виде умственной идеальной линии, направляющей ход всей операции, 2) как путь отступления и 3) как путь подвоза.

По мнению Леера, операционная линия должна: 1) вести к важной цели, 2) быть удобной и 3) быть безопасной.

Практическим результатом подобной теории могла быть только величайшая пассивность в ведении операции, ибо для того, чтобы провести, например, операцию на окружение, никак нельзя было согласовать всех условий, требуемых Леером. В такой операции никак нельзя иметь ни безопасную, ни простую операционную линию. И действительно, русский генералитет, воспитанный на лееровских принципах, не умел проводить ни одного маневра, что он ярко доказал во время русско-японской войны.

Леер, писавший свою «Стратегию» в восьмидесятых годах прошлого столетия, упорно отказывался от опыта войн крымской, североамериканской, 1866 и 1870 гг. Он настойчиво продолжал твердить выводы из наполеоновских войн, которые для него приобрели характер священных и непогрешимых образцов военного искусства.

В абстракции действия по внутренним оперативным линиям являются действиями в условиях окружения.

Увлечение «внутренними линиями» в прошлом столетии было столь сильным, что Драгомиров, который вообще отличался тем, что доводил свои мысли прямолинейно до конца, а потому часто до абсурда, утверждал, что окруженный вообще находится в более выгодных условиях, имея свою армию сосредоточенной, в то время когда окружающий может ей противопоставить только тонкий кордон.

Шаткость и грубость такого мнения бросаются в глаза. Не каждое окружение создает условие для действий по внутренним операционным линиям. Наоборот, в нормальных условиях окружение означает гибель окруженного.

Чтобы окружение действительно давало окруженному возможность действовать по внутренним операционным линиям, необходим ряд условий.

Во-первых, достаточное пространство для маневра. Недаром Клаузевиц считал, что возможность действий по внутренним линиям возрастает по мере увеличения пространства театра военных действий.

Во-вторых, время, достаточное для того, чтобы разбить одного противника раньше, чем другой подоспеет на помощь. Время же на войне, как известно, является производной от пространства и подвижности войск.

В-третьих, достаточные силы, чтобы разбить каждого противника в отдельности (или часть сил противника, если он один) и в то же время задержать других противников (или остальные силы противника).

В-четвертых, необходимо, чтобы противники (или противник) держали свои силы раздельными. Если этого условия нет и противник держит свои силы сосредоточенными, то действий по внутренним линиям осуществить невозможно.

Взаимное проникновение, переход одних форм операционных линий в другие необычайно ярко обнаружились во время миро-

вой войны. В маневренный период мировой войны не только в масштабе войны в целом, но даже в масштабе отдельных операций, наблюдались различные комбинации и сочетания внутренних и внешних операционных линий.

Разгром 2-й армии Самсонова в 1914 г. в масштабе восточно-прусского театра войны представляет собой операцию, проведенную по внутренним операционным линиям. Но операция эта сама по себе есть операция, проведенная по внешним операционным линиям (концентрический марш, обход и окружение).

Галицийская операция русской армии хотя и неудачно проведена по внешним операционным линиям, но в масштабе войны в целом стремление окончательно уничтожить австро-венгерскую армию являлось стратегией внутренних операционных линий.

Франция в 1914 г. отразила нашествие германских армий удачным маневром по внутренним линиям.

Румынский поход осенью 1916 г. в масштабе всей стратегии «Серединного» союза являлся операцией по внутренним линиям, но действия Фалькенгайна и Макензена в самой Румынии были проведены по внешним линиям и т. д.

Жонглируя этими мыслями, можно создать большое число различных, даже остроумных комбинаций. Но они имели бы весьма небольшое практическое значение.

Позиционная война произвела переворот в оценке операционных линий вообще, внутренних и внешних операционных линий в частности. Если в этих терминах оставить старое содержание, то от них вообще следует отказаться, так как позиционные операции мировой войны дают такое обилие комбинаций операционных линий, что вместо закономерности получается хаос.

Новая «сущность» операций мировой войны, вынуждающая по-иному ставить вопрос о внутренних и внешних операционных линиях, заключается в том, что армии одновременно находились в состоянии разъединения и соединения, рассосредоточения и сосредоточения. Занимая широкие и сплошные фронты на много сотен километров, армии неизбежно разъединяли свои силы, располагаясь кордоном. Но, имея мощные сообщения, армии в короткий срок легко сосредоточивались к любому пункту фронта. Расстояния до известной степени потеряли свое значение. Более короткие расстояния, являвшиеся основой действий по внутренним линиям в старом понимании этого слова, когда армии передвигались только пешим

порядком, заменились выигрышем времени посредством более быстрых средств механического транспорта. Полностью расстояния, конечно, не потеряли своей роли. Антанта не могла своими вооруженными силами помочь России, так как Антанта не могла преодолеть неудобств, связанных с ее «наружным» положением.

Независимо от цели маневра (маневр обхода, охвата, прорыва) во время мировой войны каждый железнодорожный маневр являлся маневром по внутренним линиям. Каждый автомобильный маневр носил такой же характер. Маневр по внутренним линиям превратился в маневр на своих тыловых путях сообщения.

Французской военной теорией (Кольман, Серриньи, Дю-Фур и др.) маневр по внутренним линиям введен как одна из основных форм операций.

В наиболее чистом виде маневрирование по внутренним линиям проявилось в маневрировании «Серединного» союза в течение всей войны.

Одна Германия в течение мировой войны перевезла по внутренним линиям на различные театры войны 378 дивизий.

Но и наружно расположенные армии Антанты — на западном и восточном театрах — широко маневрировали на внутренних линиях. Даже в России междуфронтовые переброски дают 150—200 дивизионных перевозок в год.

В мистифицированной, идеалистической форме учение об операционных линиях выражает одно из основных правил (условий) успеха на войне. Это — требование правильного выбора направления (района) главного удара и сосредоточения на этом направлении (в этом районе) превосходных сил в нужный момент.

Но на этом пункте во время мировой войны неоднократно спотыкались все главнокомандующие и Антанты и «Серединного» союза. В общем они дооросовестно стремились создавать даже огромное превосходство в силах на важных направлениях. Но содержание понятия превосходства в силах изменилось настолько, что формальные цифровые показатели уже не могли ответить на этот вопрос по существу. В русской армии высшие штабы в течение долгого времени мерили соотношение сил количеством батальонов и штыков; между тем соотношение таких сил, будучи само по себе очень важным, уже потеряло значение основного звена. В последующий период войны нужное количество сил и средств начали рассчитывать по количеству объектов, которые нужно было уничтожить или которыми нужно было овладеть.

Такой метод подсчета сам по себе неизбежно приводил к огромному превосходству сил и средств при наступлении. Но и это не помогало. Качество средств подавления, их недостаточная мощность и подвижность сводили на-нет достигнутое формальное превосходство. Таким образом, содержание требования о превосходстве в силах на решающем пункте радикально изменилось. От высших штабов потребовалось глубокое изучение всех элементов, образующих обстановку, в ее сложной динамике и взаимодействии. Этой наукой штабы долгое время не могли овладеть.

Глава VI

ОСТАНОВКИ (ОПЕРАТИВНЫЕ ПАУЗЫ) ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Причины неправильного подхода к оценке позиционной войны кроются в том, что последнюю смешивают с неизбежными на войне остановками военных действий. Верно, что приостановка активных действий явилась необходимым этапом при переходе войны к позиционным формам, но остановки неизбежны и в самой подвижной, маневренной войне. Продолжительные остановки имели место во всех прошлых войнах. Проблема остановок имеет большое значение, ибо остановки в общем значительно превышают продолжительность активных военных действий.

Попытаемся разобраться в причинах, вызывавших остановки во время мировой войны.

Клаузевиц выдвигает три причины остановок на войне:

«Прирожденные человеческому духу боязнь и нерешительность порождают склонность к задержке и являются, таким образом, первым останавливающим началом. Это своего рода тяжесть в мире нравственном, но тяжесть эта — последствие сил отталкивающих, а не сил притяжения: это боязнь перед опасностью и ответственностью.

Для пламенной стихии войны слишком тяжелы натуры обыденные: для постоянного ее движения требуются толчки более сильные и частые. Одно лишь сознание цели, ради которой ополчились, далеко не всегда способно пересилить эту тяжесть. Для этого требуется, чтобы во главе стоял дух (ум) предпри-

имчивый, чувствующий себя на войне точно в родной стихии, как рыба в воде, или же необходимо особо сильное давление сверху» (Клаузевиц, О войне, т. I).

Мы не можем даже частично согласиться с этими глубоко субъективными и идеалистическими объяснениями. Боязнь опасности и нерешительность отнюдь не являются врожденными свойствами человека.

Когда армейская масса не одухотворена высокими целями (например, классовыми или национальными), во имя которых она проливает свою кровь, то только насильственной, палочной дисциплиной или жаждой наживы можно было побудить эту армию к борьбе. Именно поэтому эпоха кабинетных войн, которые глубоко не затрагивали народных масс, не показала высоких боевых качеств вербованных армий. В эту эпоху действительно нужны были решительные люди, чтобы заставить эти армии сражаться. Вожди вроде Густава-Адольфа или Фридриха II вызывали в своих армиях боевой порыв не своими гениальными качествами, а шпицрутенами, палками и особыми формами боевых порядков, превращавших армию в механизм.

Но и они стремились дать своим армиям какую-то нравственную идею в виде пропаганды борьбы за религию, за короля, за отечество, обращаясь в то же время к самым темным инстинктам своих армий, разрешая насилия над местным населением, отдавая завоеванные города на разграбление и т. д.

Но лишь только эпоха Великой французской буржуазной революции выдвинула народную армию, до известной степени осознавшую цели войны, как уже эта армия сумела показать образцы массового героизма, решительности и энергии. Эти качества французской армии Наполеон сумел надлежащим образом использовать, ведя свои войны с большим напряжением. Тем не менее продолжительные остановки имели место и в эпоху Наполеона.

Вторую причину остановок Клаузевиц видит в несовершенстве человеческого суждения вообще и на войне в особенности. Неизвестность, отсутствие точных данных о действиях и намерениях противника давят на психику и вызывают пассивность. Но и это объяснение по сути дела ничего не объясняет. Остановки не могут быть объяснены тем, что полководцы растерялись или неожиданно решили подождать. Если такие факты еще были возможны в XVIII столетии, когда действительно случалось, что, малость

постреляв на поле боя, противники расходились в разные стороны, поближе к своим коммуникациям и магазинам, то теперь такое положение совершенно невозможно. Нерешительных и растерявшихся генералов просто сменят, как это, например, было сделано во французской армии, где в течение первых двух месяцев войны было сменено 49 генералов, а в течение 4 лет — 4 главнокомандующих.

Мощные средства разведки и усовершенствованные методы изучения разведывательных материалов дают теперь гораздо больше возможностей быть осведомленным о действиях противника, чем прежде. Во время мировой войны почти не удавалось добиваться внезапности при подготовке крупных операций.

«Третий тормоз, по временам останавливающий все движение, — это превосходство обороны над наступлением. Сторона А может считать себя слишком слабой для того, чтобы атаковать противную сторону Б; но из этого еще не следует, что, обратно, Б была достаточно сильна для атаки. А, потому что излишек силы стороны Б в обороне может быть не только потерян ею при атаке на А, но перевес, может быть, даже окажется на стороне противника. Следовательно, может случиться, что обе стороны одновременно не только чувствуют себя слишком слабыми для атаки, но что они действительно для этого недостаточно сильны» (Клаузевиц, О войне, т. I).

Это положение Клаузевица уже гораздо более приемлемо, если его облечь в более конкретные, материалистические формы.

Во время мировой войны весьма длительные остановки вызывались множеством сложных причин объективного порядка, вынуждавших к остановкам, независимо от воли командования.

Причины эти таковы:

1. Сопротивление противника, которое в большинстве случаев вынуждало наступающего прекратить активные действия (это — главнейшая причина).

2. Истощение сил наступающего, вследствие людских потерь. Многодневные сражения неизбежно вызывали огромные потери. Поскольку не было возможности эти потери пополнить в ходе сражения, то через некоторое время большинство войсковых соединений настолько уменьшалось по своей численности, что уже теряло способность к дальнейшим активным действиям. Тем самым ослаблялась наступательная мощь всей ударной массы, и наступление приостанавливалось. На запад-

ном театре с этим злом боролись путем ввода новых свежих соединений из тыла. Но когда операции продолжались много месяцев, то в определенный момент нехватало и резервов. В тех случаях, когда командование не желало считаться с законом истощения, результатом многих наступлений были тяжелые поражения. К факторам людского истощения нужно отнести физическую и моральную усталость, болезни и пр.

3. Истощение материальных запасов. Сражения требовали такого большого количества материальных средств, что текущим производством даже мобилизованной промышленности удовлетворить эти потребности было невозможно. Для накопления запасов требовалось долгое время. Достаточно указать, что французская промышленность в 1918 г. производила до 200 000 75-мм и 50 000 тяжелых снарядов в сутки. Тем не менее после перехода в наступление французская армия быстро истощила все свои запасы, что можно видеть из нижеследующей таблицы, составленной Эрром:

	10 июля	1 августа	1 сентября	1 октября	1 ноября	11 ноября
75-*мм* (в выстрелах на 1 орудие)	1 587	1 068	1 309	511	466	420
155-*мм* (в тыс. снар.) . . .	2 595	2 330	2 306	1 472	1 190	946

4. Превращение каждой операции в акт общегосударственного масштаба. В подготовке операции играли роль не только «свободная воля» главного командования, но и правительство и все ресурсы страны. Главное командование обычно вынуждено было ждать, пока мобилизованное народное хозяйство позволит заготовить достаточную материальную базу и подготовит (обучит) новые людские контингенты для пополнения потерь и для новых формирований.

5. Затруднения в подвозе по мере продвижения армии вперед. Неоспоримо установлено, что в связи с отставанием быстроты восстановления железных и шоссейных дорог от быстроты продвижения войск дальнобойность операций имела определенные пределы.

В позиционной войне на западном театре, если судить по опыту 1918 г., отрыв армий от головных железнодорожных станций на 2—3 перехода уже создавал почти непреодолимое затруднение в подвозе.

6. Время, необходимое на подготовку операции. Это время колебалось от одного до трех месяцев.

Словом, причин для остановок было достаточно.

Но особенность позиционной войны заключалась в том, что боевые действия фактически не прекращались и во время остановок. Разница между периодами остановок и периодами действительных сражений заключалась в степени боевого напряжения. В период остановок борьба носила все черты осадной войны: вплотную сдвинувшиеся фронты, продвижения сапами, минная борьба, беспрерывная бомбардировка, минометная и бомбометная борьба, снайперская борьба, частные атаки, контратаки, поиски разведывательных партий и т. д. не прекращались даже в самые спокойные периоды. Периоды сражения являлись своеобразным штурмом части крепостных сооружений противника, которые протянулись через всю территорию государства.

Такое сочетание непрерывности и прерывности сражения является характерной чертой позиционной войны.

Позиционный характер войны отнюдь не следует сводить к одной длительности, хотя длительность и является одним из признаков позиционной войны. Но не менее длительной может быть и маневренная война. Гражданская война в СССР также продолжалась четыре года, несмотря на ее исключительную маневренность. Не являются специфическим признаком позиционной войны и длительные остановки. Те причины, которые вызывали остановки в мировой войне, могут одинаково оказать свое влияние и в маневренной войне. Боевое напряжение в позиционной войне было не меньше, а больше боевого напряжения прошлых маневренных войн. Только гражданская война в СССР обнаружила еще большее боевое напряжение. Но в то время, как в гражданской войне напряжение имело яркое внешнее выражение в больших пространственных передвижениях фронтов, в позиционной войне этого внешнего выражения не было. Только на кладбищах и в госпиталях статистики, учитывавшие потери, могли определять коэфициент боевого напряжения позиционной войны.

Глава VII

ФРОНТАЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ ДО МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Как основная форма операций в позиционной войне фронтальное сражение введено в боевую практику лишь опытом мировой войны. Старая военная теория знала лишь одну разновидность фронтального сражения — прорыв. Но, основываясь на свойствах оружия, на трудностях сосредоточения сил для прорыва и, главным образом, на исторических примерах, теория доказывала, что попытки прорыва неизбежно должны привести к фронтальному сражению, которое не может дать решительных результатов.

Мольтке в своих «Поучениях» доказывал, что сосредоточенные тесно массы, которые должны дать победу, не могут быть ни размещены, ни накормлены и, что самое дурное, не могут быть передвинуты. Рассчитав глубину колонны корпуса, он пришел к заключению, что последнему для подхода к полю сражения и развертывания на нем потребуется почти целый день, а потому он сможет быть введен в дело мало-помалу и никогда всей силой. Если же по одной дороге пойдут два корпуса, то уже в день боя второй корпус не может быть использован. На основании этих расчетов Мольтке, во-первых, пришел к заключению о «гнусной крайности сосредоточения», а во-вторых, выдвинул требование широкого развертывания армии, рассчитав как минимум не менее одной дороги на корпус.

Однако, то, что было правильно для эпохи Мольтке, жизнь легко опрокинула во время мировой войны. В большинстве случаев дорогу имела даже каждая дивизия, однако, это не спасало ни от «гнусной крайности сосредоточения», ни от фронтальных сражений. А зачастую случалось, что дивизии были вынуждены эшелонироваться в глубину в 3—4 ряда, и тем не менее они к бою поспевали, так как последний часто продолжался много дней.

Не менее решительно высказывался Шлиффен. Рассматривая операции Наполеона, он пишет:

«Воображение было приковано гигантской атакой при Лейпциге против неприятельского центра и повторными попытками под Ватерлоо прорвать английский фронт. Что эти атаки не уда-

лись, вызвав трагический конец корсиканского героя, забывалось из-за их величия. С тех пор признавалось непзбежным условием победы массирование войск перед сражением. Двигаться надлежало глубокими плотными колоннами, армии перед сражением должны были собираться в узкие глубокие массы» (Шлиффен, Канны, стр. 178).

Далее Шлиффен доказывает, что массирование непзбежно приводит к лобовым атакам недостаточными силами, к наступлению в затылок, к постоянным ослабевающим ударам, которые остаются почти безрезультатными. Все силы необходимо развертывать в сторону флангов, не выделяя крупных резервов.

Шлиффен остался в памяти потомства как враг прорыва; он выдвинул в противовес этой форме теорию «Канн». Впрочем, справедливость требует указать, что такие крайности у Шлиффена имели место только в его сочинениях. В качестве руководителя германского генерального штаба он при некоторых обстоятельствах допускал возможность прорыва французского фронта, требуя в этом случае лишь обеспечения прорыва на наиболее выгодных оперативных направлениях, т. е. на флангах.

В своей известной записке от декабря 1905 г. Шлиффен не отказывался эшелонировать на правом фланге германского фронта корпуса в три линии.

Специальным исследованием о прорыве перед войной явилась статья ген. Вейпингера под заглавием «О прорыве как решительной форме».

Эта статья обратила на себя всеобщее внимание и, повидимому, является исчерпывающим документом, свидетельствующим о тех взглядах, которые господствовали в оценке формы прорыва в Германии. Автор раньше всего дает следующее определение прорыва:

«Тактический прорыв — это насильственный фронтальный удар, разрывающий тактический организм; оперативный прорыв — это достигнутый боем разрыв фронта оперативного целого. Прорыв является формой решения тогда, когда при тактическом прорыве достигается решение участи боя, при оперативном прорыве — решение участи кампании».

Современная теория таким определением, конечно, не может удовлетвориться, но оно характерно для 1913 г., когда проводились еще резкие взгляды, что участь войны может быть решена одной операцией.

В этом отношении оперативный прорыв понимался как разновидность действий по внутренним операционным линиям. Ген. Вейнингер так и указывает, что оперативный прорыв — это «особенно смелый вид действий по внутренним линиям». Такой стратегический прорыв приводит к Ульму, Лейпцигу (с точки зрения союзников), Кенигрецу, Мецу, Седану.

Здесь уже все напутано. Понимать свободный обходный маневр против одной группы войск противника, далеко расположенной от другой, как оперативный или стратегический прорыв — это попытка с негодными средствами. Ведь сам ген. Вейнингер в своем определении термина «прорыв» требовал насильственного осуществления его, т. е. боя.

Но здесь он, повидимому, повторяет следующую идею Шлихтинга:

«Прорыв должен быть стратегическим хотя бы и перед самым полем сражения; другими словами, он должен дать возможность разбить одну часть противника, мешая в то же время другой принять участие в этом бою. Дневной переход можно считать наименьшим расстоянием, при котором можно еще обеспечить себя с другой стороны» (Шлихтинг, Основы современной тактики и стратегии, ч. II, стр. 17).

Исследование ген. Вейнингера построено на широком историческом базисе. Оно доходит до Аннибала, про которого Вейнингер пишет:

«Пока у него были слоны, он также не пренебрегал прорывом: на Тичино, на Требии, у Тразименского озера он победой обязан ему; здесь он сочетал фронтальный прорыв своих слонов с фланговой атакой своих нумидийских всадников. В болотах Кампании он своих слонов потерял... Теренций Варрон хотел его победить его же собственной тактикой: из своих тяжело вооруженных он построил колонну для прорыва невиданной до того времени глубины».

Аннибал же, как известно, противопоставил этой фаланге удлиненный фронт и осуществил окружение. Ген. Вейнингер делает вывод:

«Так создались «Канны», этот прототип задавленного с обеих сторон прорыва».

Таким образом, понадобилось сделать экскурсию за 2 000 лет, чтобы доказать, что в современных условиях прорыв «невозможен». Как известно, такие методы доказательства являются довольно наивными.

Для эпохи линейной тактики прорыв исключался. Это было просто фронтальное побоище, которое разнообразилось косым порядком Фридриха II, осуществлявшего таким путем охват.

Ген. Вейнингер утверждает, что и Наполеон не знал успехов в попытках тактического прорыва.

Аустерлиц не есть пример тактического прорыва, он не может им быть, так как здесь не было прорыва сомкнутой или связной тактической линии.

Эйлау — безусловно тактический прорыв, но он потерпел полное фиаско.

Ваграм — полный неуспех тактического прорыва; дело решилось успехом Даву на фланге.

Бородино — вообще фронтальное сражение, а не прорыв.

Бауцен и Дрезден дают новое доказательство, что даже с молодыми войсками Наполеон предпочитал охват, а не удар в центр.

Лейпциг и Ханау не являются ценными, с точки зрения исследуемого предмета, ибо войска не прорывали, а пробивались.

Попытка прорыва у Ватерлоо — последний акт отчаяния.

Таким образом, ген. Вейнингер констатирует, что из 60 сражений Наполеона успешный прорыв был осуществлен лишь у Линьи.

В 1859 г. попытки прорыва в сражениях при Маджента и Сольферино не удались. В обоих случаях победа была достигнута не фронтальным проломом, а фланговой атакой.

В 1870 г. в процессе сражений были эпизоды, напоминавшие прорыв, но не было ни одного сражения, в котором Мольтке сознательно и преднамеренно использовал бы эту форму решения боя.

В русско-японской войне не удалась ни одна попытка прорыва. Шахэ и Мукден не дали решения путем прорыва.

В конечном результате ген. Вейнингер приходит к следующему выводу:

«Сосредоточенный удар массою с целью тактического прорыва при силе современного огня невозможен».

И здесь ген. Вейнингер повторяет следующий прогноз Шлихтинга:

«Попытки чисто тактического прорыва в будущем, повидимому, почти неосуществимы» (Шлихтинг, Основы современной тактики и стратегии, ч. II, стр. 17).

Против этих германских официальных взглядов в качестве апостола прорыва выступил Бернгарди [1].

Точно так же как Шлиффен в «Каннах» доказывал, что многие полководцы вплоть до Наполеона и Мольтке в целом ряде сражений не могли достигать полных, решительных результатов, вследствие непонимания всех преимуществ обхода и ошибок в тех случаях, когда обходный маневр проводился,— так и Бернгарди весь двухтомный труд своей «Современной войны» посвятил доказательству превосходства формы прорыва. Основываясь на ряде сражений — Читтаонога (сев.-амер. война), Сен-Прива (1870 г.), Сплонскоп (англо-бурская война), Мукден (русско-японская),—Бернгарди говорит о возможности достижения решительных результатов путем прорыва. Чтобы подкрепить это свое утверждение, Бернгарди производит подробный анализ свойств современного ему оружия и доказывает, что наибольшие результаты это оружие может дать только при фронтальном массировании.

Таким образом, до мировой войны во взглядах и идеях боролись доктринерские крайности, при этом победителями в споре были безусловно враги прорыва. В полевых уставах армий различных стран мы не находим систематических указаний о действиях при прорыве. Опыт же войн доказывает, что хотя и редко, но все же эта форма сражения применялась и приводила к успеху. Во многих сражениях имели место отдельные оттенки оперативных форм, приближавшихся то к фронтальному сражению, то к прорыву, то к обходу и т. д. Отказом от признания за прорывом даже права на существование военная теория лишь демонстрировала свою однобокость, наперекор жизненным фактам.

Но есть огромная разница в принципиальной постановке вопроса о прорыве в прошлом столетии и теперь. В ту пору командующий имел гораздо большую свободу в выборе маневренных форм, чем во время мировой войны.

---

[1] В своей «Войне будущего» (Гиз, 1921 г.) Бернгарди жалуется, что его предсказания не были услышаны перед войной. Он пишет: «Голоса, между прочим и мой, говорившие о том, что все-таки возможны сражения с прорывом центра и что ввиду современных мероприятий они могут оказаться необходимыми, эти голоса не были услышаны, на них не было обращено внимания».

Наступающий уже с далекого расстояния, за много переходов до противника, мог нацеливать свое движение на фланги и тыл противника как на самые уязвимые места его расположения. Сражения были скоротечны, и маневр на сообщения или на фланги быстро давал свои результаты. Свойства оружия, наиболее действительного с близких расстояний, также заставляли устремлять внимание на фланги, где наиболее легко было обойти опасности столкновения с фронтальным огнем.

Совершенно иное положение создалось в мировой войне. Фронты неслыханной мощности выросли от «моря до моря» на всем протяжении государств. Бессмысленно было говорить о свободном маневре на тыл противника, когда открытых флангов и открытых путей за его флангами уже больше не было.

Какой бы формальный мотив ни имели операции мировой войны, но если противник не подставлял открытого фланга, прорыв являлся единственным средством для искусственного насильственного создания у противника фланга, через который становилось возможным воздействовать на его сообщения.

Даже в такой классической обходной операции, как сражение у Танненберга, для осуществления охвата левого фланга Самсонова понадобился прорыв 1-го русского корпуса у Сольдау, чтобы открыть немецкому корпусу Франсуа путь в тыл 2-й русской армии.

А с 1915 г., особенно в период стабилизации фронтов, роль прорыва возросла до степени единственного средства, дающего возможность перейти к полевым маневренным действиям.

Вся эволюция учения об операциях и тактике во время мировой войны базировалась на опыте осуществления прорыва. Прорыв поднялся до степени действительного «научного» сражения.

Вот почему, несмотря на большую разновидность фронтальных операций, основной из них для эпохи мировой войны является прорыв.

Но кроме прорыва мировая война выявила массу различных других форм оперативного маневра. Неудачный прорыв при упорстве противников перерождался во фронтальное сражение. Были найдены такие формы, как удар по сходящимся направлениям, комбинированный удар, сражение на истощение и т. д.

Противоречия между довоенными теориями, касавшимися форм оперативного маневра, и действительной обстановкой, сло-

жившейся во время мировой войны, очень ярко сказались в проблеме развертывания.

Сложилось мнение, что генеральные штабы до мировой войны ошиблись, главным образом, в вопросах, касающихся длительности войны и связанной с ней экономической подготовки. Но факты указывают, что военная теория до мировой войны вообще не сумела приподнять завесу над новыми условиями войны многомиллионных армий и была ложна во многих своих выводах. Одним из таких заблуждений была, в частности, и теория оперативных возможностей войсковых соединений и норм оперативного развертывания.

Бачани, бывший участником русско-японской войны, дает правильную принципиальную постановку вопроса об оперативных возможностях войсковых соединений, указывая, что преимущества тактического обучения и общей подготовки войск в бою у двух противников выражаются в той густоте (отношение числа войск к ширине занимаемого ими пространства), в которой они в состоянии выполнять возложенные на них задачи.

К этому следует добавить, что эти возможности зависят не только от качества войск, но и от степени насыщения их техникой, особенностей местности и также от того, выполняет ли соединение наступательную или оборонительную задачу, т. е. нормы находятся в зависимости от целого ряда условий, влияние которых приводит эти нормы к большим колебаниям.

Но старые довоенные уставы были в большинстве сугубо догматичны. Они не знали колебаний. Даже передовые германские справочники еще в 1912 г. давали следующие нормы:

При наступлении

Полк (3 батальона, 3 батареи)	500 м
Бригада (6 батальонов, 6 батарей)	750 „
Дивизия	1 200—1 500 „
Корпус	3 000—3 300 „

При обороне

Полк (3 батальона, 3 батареи)	750 м
Бригада (6 батальонов, 6 батарей)	1 250 „
Дивизия	1 750 „
Корпус	3 750 „

По сути говоря, это — нормы 1870 г., хотя в отношении наступления здесь имеется сходство с нормами, установленными

в мировую войну. Но это лишь «случайность». Прежнее развертывание было очень широким, линейным и неглубоким, в то время как эволюция развертывания во время мировой войны шла от линейного порядка к глубокому. Качество одной и той же плотности до и во время мировой войны было совершенно различным.

По взглядам старой военной теории, армия, как и корпус, должна была действовать, как батальон, точно так же как вся артиллерия Наполеона часто действовала, как одна батарея.

Дабы показать, что это действительно так, восстановим выводы Леера относительно развертывания миллионной армии. Известно, что на основании изучения прошлых войн Леер установил, что армия в 150 000—200 000 чел. при стратегическом развертывании занимает фронт, примерно, в 100 км, а при сосредоточении—15—20 км. Действительно, опыт ряда сражений XIX века подтверждает, что армии в 200 000 развертывались для боя на фронте около 20 км. Например, при Ваграме 170 000 французов развернулись на фронте — 18 км; при Садовой 220 000 немцев развернулись на фронте до 20 км: при Сен-Прива 200 000 немцев развернулись на фронте в 20 км и т. д. Механически перенеся этот расчет на миллионную армию, Леер поучает:

«Приняв за норму для отдельного театра миллионную армию (без включения нестроевого элемента), в видах удобства управления ею, придется расчленить ее на пять частных армий, силою от 150 000 до 200 000, из пяти корпусов каждая...

На исходной линии операции, в минуту стратегического развертывания частной армии около 200 000, придется уделить пространство в 100 верст... а на миллионную массовую армию в полном ее составе (т. е. на пять частных армий) — от 800 до 1 000 верст.

Картина... в минуту подхода армии к полю сражения представляется в следующем виде.

Отделяя две частные армии для бокового обеспечения справа и слева (которые на этот раз могут быть и значительно слабее нормы) и направляя остальные три частные армии концентрически против главной массы неприятельских войск, одну на фронт и две на оба фланга, и имея в виду сосредоточение каждой из этих армий в минуту подхода к неприятельской позиции по фронту на одном переходе (20 верст), а в глубину и на

меньшем расстоянии—на полперехода и менее, фронт всех трех частных армий в эту минуту будет 50—60 верст» (Леер, Стратегия, т. I, стр. 256).

Такая арифметика может только внести в головы сумбур, но не является наукой. Крайности эмпиризма в военной науке так же опасны, как и в естествознании. Достаточно указать, что уже в русско-японской войне 1904—1905 гг. эти нормы были иными: при Ляояне фронт сражения армий в 120 000—150 000 чел. был 35—40 км, при Шахэ армии численностью в 170 000—200 000 чел. сражались на фронте в 60 км; при Мукдене армии выросли до 300 000 чел., фронт сражения был 110 км.

Другим, хотя и более тонким, но также эмпирическим путем подошел к этой проблеме Леваль.

В своей «Стратегии маршей» он приходит к известному заключению, что глубина одной походной колонны не должна быть больше одного перехода (20—25 км), ибо иначе войска не успеют прибыть на поле боя в тот же день. Это заключение было правильно для сражений прошлых столетий, подавляющее большинство которых решалось в течение одного дня. В день сосредоточения к полю боя Леваль допускал более усиленный переход одной колонны, взяв норму в 36 км. Установив ширину фронта для развертывания 10 000 чел. в 1 км, он построил нижеследующую таблицу отношения ширины боевого фронта к ширине фронта марша:

Численность войск	Ширина боевого фронта плюс усиленный дневной переход при сосредоточении	Коэфициент
10 000	1+36= 37	В 37 раз больше боевого порядка
20 000	2+36= 38	„ 19 „ „ „ „
30 000	3+36= 39	„ 13 „ „ „ „
40 000	4+36= 40	„ 10 „ „ „ „
60 000	6+36= 42	„ 7 „ „ „ „
90 000	9+36= 45	„ 5 „ „ „ „
120 000	12+36= 48	„ 4 „ „ „ „
180 000	18+36= 54	„ 3 „ „ „ „
270 000	27+36= 63	„ $2^1/_2$ „ „ „ „
360 000	36+36= 72	„ 2 „ „ „ „
480 000	48+36= 84	„ $1^3/_4$ „ „ „ „
720 000	72+36=108	„ $1^1/_2$ „ „ „ „
1 080 000	108+36=144	„ $1^1/_3$ „ „ „ „

Таким образом, Леваль устанавливает, что по мере увеличения численности войск наибольший фронт марша стремится приблизиться к фронту боевого порядка.

Дефекты подобного расчета резко бросаются в глаза.

Для стотысячных армий прошлого столетия был большой простор для маневрирования на театре военных действий. Двигаясь на очень широком фронте вдали от противника, армии постепенно суживали фронт марша при подходе к полю боя, фронт боя (сражения) был невелик. Остальное пространство театров военных действий оказывалось свободным. Но для миллионных армий мировой войны был только один фронт развертывания — это вся граница государства, подвергнувшаяся нападению. Фронт здесь может быть отнюдь не равномерный, а различной плотности, в зависимости от целого ряда причин. Впрочем, даже прошлое столетие, строившее военную теорию геометрически — на основном принципе «частной победы», выражающемся в требовании сосредоточения подавляющих сил в решительный момент к решительному пункту, — усердно рекомендовало не прибегать к равномерному развертыванию. Но, раз обратившись к арифметике, ни Леер, ни Леваль, очевидно, не могли превозмочь железной логики арифметических выводов. Поэтому они и не могли подняться выше механического развертывания миллионной армии на фронте в 80—100 км, не делая никакой разницы между западными (культурными), восточными (отсталыми) и азиатско-африканскими театрами войны. Если на западном театре во время мировой войны мы видели и более плотные сосредоточения на главных направлениях, то на восточном театре такие массы на таких узких фронтах было очень трудно сосредоточить, ибо их нельзя было питать и снабжать всем необходимым из-за слабости железнодорожной сети, а в Азии или в Африке действия таких масс, вооруженных современной техникой, вообще крайне затруднительны.

Однако, уже до мировой войны теория развертывания и нормирования на практике значительно прогрессировала. Теория Шлиффена, разработанная в его «Каннах» и развитая Фалькенгаузеном в труде «Современная война», по сравнению с теорией Леера и Леваля была значительным шагом вперед. Развертывание германской и французской армий в 1914 г. уже носит в себе черты современности.

Во время мировой войны эти теории значительно обогатились. Проблема определения норм развертывания целиком встала «по-иному». Нормирование (оперативное и тактическое) стало чрезвычайно сложным делом. В условиях все развивающихся фронтальных операций, связанных с появлением новых средств борьбы, их усовершенствованием и увеличением их количества, при нормировании потребовался учет большого числа родов войск и различных факторов.

Во время мировой войны мы имели операции, проведение которых потребовало сосредоточения и развертывания таких масс войск и техники, которые превосходили первоначальное стратегическое развертывание в начале войны. Но это сосредоточение и развертывание нужно было производить на ходу, при очень короткой подготовке, в то время как начальное сосредоточение и развертывание подготовлялись годами в мирное время.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЭВОЛЮЦИЯ ФРОНТАЛЬНОГО УДАРА НА ЗАПАДНОМ ТЕАТРЕ ВОЙНЫ

Глава VIII

ПЕРЕХОД К ПОЗИЦИОННОЙ ВОЙНЕ НА ЗАПАДНОМ ТЕАТРЕ (КРИЗИС ПРИСПОСОБЛЕНИЯ)

Уже в маневренных операциях 1914 г. внимательный наблюдатель мог бы усмотреть все признаки предстоящей стабилизации фронта на западном театре. Он раньше всего увидел бы бессилие фронтальных атак, попыток прорыва и угроз охвата и обхода. Уже в этот период даже незначительное количество пулеметов, состоявших на вооружении армий, и полевая легкая артиллерия наносили чудовищные потери наступавшим густым боевым порядкам обеих сторон. Прямые штыковые атаки без артиллерийской подготовки успеха уже не давали. Войска стихийно начали закапываться в землю, стремясь огню противника противопоставить глубокие окопы. После пограничного сражения германское главное командование решает не только изменить направление своей обходящей группы армий правого крыла, но произвести вместе с обходом и прорыв неприятельского фронта. Однако, в сражении на Марне обходящий был сам обойден, а прорыв не удался. В продолжение всего сражения на Марне весь участок от швейцарской границы и до Сен-Мпэля оставался неподвижным. Верденский участок держался, невзирая на то, что в период 5—10 сентября он был почти окружен. Во время отхода немцы цепко удержались на р. Эн, отбив все атаки французов. Во время «бега к морю» весь фронт от швейцарской границы и до Суассона также оставался неподвижным. Маневрен-

ные конвульсии продолжались лишь на открытом северном фланге, но и здесь фронт быстро уперся в море. Фланги закрылись и вместе с ними закрылись все маневренные возможности. Отныне фланги в расположении противника стало возможным образовывать только насильственным путем, только путем фронтального прорыва.

Еще в ноябре 1914 г. Жоффр в одной из своих директив писал:

«Общее наступление всей армии одновременно при сложившейся обстановке возможно лишь с того момента, когда сильным ударом в одной точке мы прорвем расположение противника и этим заставим его начать постепенное очищение фронта прочими войсками. Действуя иначе, мы рискуем лишь рядом бесполезных усилий, подобных тем, которые имели место за последние недели в разных армиях» (директива от 29 ноября 1914 г.).

Хотя «прорыв» и назван, но он не подкреплен никакими исчерпывающими указаниями о том, как этот прорыв произвести. В довоенных уставах главы «о прорыве» не было. Это был период всеобщей растерянности. Ряд авторов — Люка, Пьерфо и др. — художественно описывают смятение умов во Франции. Старая военная теория обанкротилась. Новая военная обстановка, созданная всем предшествующим ходом подготовки к войне, стихийно разорвала старую теоретическую оболочку. Косная же, консервативная французская военная мысль, воспитанная в догматических нормах и шаблонах, оказалась неспособной быстро проанализировать и оценить новые условия борьбы и приспособиться к ним. Понадобилась длительная суровая практическая школа, стоившая неслыханных жертв, пока французы постигли «новые секреты» войны.

Это состояние растерянности в одинаковой степени наблюдалось и в Германии. Бесплодные атаки в Ипрском районе, когда фронт окончательно уперся в море, доказывали, что «прыжок пантеры», посредством которого Шлиффен предполагал уничтожить французскую армию, не удался. Но, решив после неудачи на Ипре перейти к обороне, германская армия все же сразу поняла все преимущества, которые она может получить от полевой фортификации, проволочных заграждений и пулеметов, организованных в систему обороны. Опыт русско-японской войны, во время которой характерные элементы стабилизации фронта и использования полевых фортификационных сооружений полу-

чили большое развитие, был в Германии изучен и усвоен лучше и полнее, чем в других странах. Поэтому германцы быстрее смогли создать свою первую сплошную укрепленную линию, прикрытую проволочными заграждениями.

Переход Германии к обороне, естественно, означал провал ее плана войны и уже предвещал будущее поражение. Поскольку Германия перенесла центр тяжести войны на восточный театр, где она достигла огромных успехов, германское главное командование могло питаться иллюзиями, что все обстоит благополучно. Стабилизации фронта на западном театре способствовало и то обстоятельство, что обе стороны «вдруг» обнаружили недостаток огнеприпасов и артиллерии. Большие потери первых месяцев исчерпали ресурсы запасных депо. Обнаружилась нехватка шанцевого инструмента и проволоки, необходимых для укрепления позиций. Обе стороны начали искать внутри страны возможностей для развертывания военных производств. Решение было найдено в начавшемся процессе приспособления гражданской промышленности к производству предметов боевого снабжения.

Перед промышленными кругами встала естественная альтернатива — или закрыть свои фабрики и заводы в связи с кризисом потребления, вызванным войной, или же мобилизоваться для нужд войны. Конечно, был выбран второй путь. Период ноябрь 1914 г. — февраль 1915 г. характерен «патриотической» активностью промышленной буржуазии обеих враждующих коалиций. Промышленники собираются на конференции и совещания, предлагая правительству и главному командованию свои услуги в деле обороны страны. То, к чему не могли притти тяжелодумные мозги руководителей капиталистических армий, быстро открыли пронырливые и жадные к наживе буржуа. Они сумели доказать, что производить снаряды могут не только старые, кадровые, военные заводы, но и любой металлический завод, имеющий штамповальные станки; что производить индивидуальные пакеты, парашюты и детонаторные трубки могут не только «чисто военные заводы», но и любая шляпная и корсетная фабрика. Услуги гражданских промышленников значительно превзошли все ожидания. Они несли на «алтарь» войны все большее количество боевых машин, все новые и новые изобретения, углубляя и расширяя результатами своей деятельности позиционный фронт. Германский профессор Габер открывает способ добычи связанного азота из воздуха. Гражданские про-

фессора первые предлагают применить газы для целей войны. Английская металлургическая промышленность быстро приспосабливается к производству орудий, пулеметов и самолетных моторов. В военное производство втягивается могущественная американская промышленность. Америке пока нет нужды активно вступать в войну. Но она уже обогащается, мирным путем вытягивая из Европы все золотые запасы. На фронт бросаются десятки тысяч тонн проволоки, бетона, лопат и мотыг и все возрастающее количество огневых средств. Фронт укрепляется и постепенно превращается в сплошную крепостную зону.

Постепенно становится ясным, что воевать должны не только армии, но все государства в целом. Устанавливается особый режим военного времени, выражающийся раньше всего в отказе от всех достижений буржуазной демократии и переходе к беспощадной диктатуре против трудящихся масс. В ряде стран вводится карточная система на продукты потребления. На обслуживание войны приспосабливаются все государственные надстройки капитализма. Размах войны и ее напряжение растут изо дня в день.

В этих условиях главное командование Франции все же не дремлет. Недавние успехи на Марне кружат ему голову. Оно видит, что Германия снимает с западного театра дивизию за дивизией и бросает их на восток против России. Нужно использовать благоприятную обстановку и попытаться прорвать неприятельский фронт и выйти вновь в открытое поле. Нужно срезать выступ Сен-Миель, чтобы окончательно устранить опасность, нависшую над Верденом. Путем прорыва в Шампани нужно попытаться вернуть северные области Франции, потеря которых так остро чувствуется всей страной.

Понимая, что на старых уставах «далеко не уедешь», французское главное командование издает свою первую «инструкцию». Но опыта борьбы еще нет, и главное командование вынуждено лишь отделаться некоторыми общими указаниями, которые оно и излагает на двух с половиной страницах инструкции Жоффра от 2 января 1915 г. Указывая, что «операции должны как во времени, так и в пространстве развиваться более медленно и более методично», чем прежде, инструкция дает следующую программу для атаки:

«а) Предварительная подготовка атаки должна быть выполнена командованием до мельчайших подробностей.

б) Успех каждой атаки обусловливается могучей артиллерийской подготовкой, которая прокладывает дорогу пехоте.

в) В избранной для наступательных действий полосе нужно вести целый ряд атак на возможно большем числе участков, в соответствии с наличными силами пехоты и средствами артиллерии; эти атаки должны быть, вообще говоря, одновременны, чтобы помешать противнику сосредоточивать свои средства к одному пункту; каждая из них производится на возможно более широком фронте, распространяясь вправо и влево при помощи огня, с целью парализовать возможный фланкирующий огонь противника.

г) Артиллерия может подготовить атаку только первых линий окопов и подступов к ним. Поэтому наступление поневоле должно разбиться на несколько последовательных атак, следующих одна за другой с возможно короткими промежутками, но все же достаточными для организации необходимой новой подготовки.

д) Пехота должна избегать атаки естественных опорных пунктов вроде деревень и лесов, которые не могут быть уничтожены нашим артиллерийским огнем; она должна преимущественно направляться для овладения окопами, построенными в открытом поле. Пехотная атака должна следовать непосредственно за артподготовкой и сейчас же закреплять захваченное, чтобы быть в состоянии отбить всякую контратаку.

е) Необходима, наконец, тесная связь между пехотой и артиллерией не только во время подготовки атаки, но также и во время ее выполнения и даже по достижении успеха.»

Основными этапами, в которых французы нащупывали новые оперативные и тактические методы борьбы, являются: 1) первое сражение в Шампани 16 февраля — 10 марта 1915 г., 2) наступление в Вевре 30 марта — 6 апреля 1915 г., 3) наступление в Артуа 9 мая — 16 июня 1916 г.

Основной формой во всех этих операциях был фронтальный прорыв на узком фронте.

Был еще ряд мелких попыток, имевших лишь тактическое значение. С германской стороны следует отметить первую газовую атаку на Ипре 22—26 апреля 1915 г. Это сражение представляет собой лишь тот интерес, что оно открыло новую эру в истории военного искусства, в связи с введением нового могущественного технического средства, каким являются отравляю-

щие вещества. Как продукт возросших производительных сил передовых капиталистических государств отравляющие вещества демонстрировали влияние экономики на военное дело.

Таблица показывает те силы и средства, с которыми французы пытались прорвать фронт противника в первых сражениях.

Сражения	Живые силы	Фронт атаки (в км)	Орудий	Длительность арт. подготовки	Плотность в 1 линии	
					пехоты	артиллерии
Шампань	4 корп.—12 див.	7	430	3 дня	1 див.—1½ км	50—70 ор. на 1 км
Вевр	4 корп.—16 див.	10	580	6 „	1 „ —1 „	40—50 ор. на 1 км
Артуа	5 корп.—18 див.	12	600	6 „	1 „ —1 „	40—50 ор. на 1 км

Во всех этих операциях французы не добились никаких оперативных результатов и только понесли огромные потери.

Систематические неудачи, по мнению французов, явились результатом: а) несоответствия артиллерийской подготовки из-за недостатка тяжелой артиллерии и снарядов, б) недостаточной ширины фронта прорыва и в) несвоевременного использования успеха, вследствие запаздывания резервов.

Но о главнейших причинах французская главная квартира не упоминает. Она еще не признается в том, что пехота буквально скашивалась пулеметами немцев. Хотя в директивах главной квартиры и упоминается о необходимости более редких построений цепей, но фактически пехота продолжала осуществлять густые уставные порядки. Низшие командиры и войска еще не были переобучены. Достаточно упомянуть, что во всех поименованных операциях французы понесли такие потери: в Шампани—80 000 чел., в Вевре—50 000 чел., в Артуа—100 000 чел.

Французы еще недостаточно разобрались также в тех фактах, что во всех операциях они не осуществили внезапности и не подготовили плацдармов для построения всего боевого порядка. Они не обнаружили, что уже эти сражения выявили две резкие тенденции: 1) превращение общего сражения в тягучие бои за

местные предметы, 2) все возрастающую роль железнодорожного маневра, позволяющего противнику быстро подтягивать к полю сражения новые силы. Во всех этих трех операциях были дополнительно втянуты:

	Французами	Немцами
в Шампани	9 дивизий	12 дивизий
» Вевре	3 »	6 »
» Артуа	7 »	9 »

Это втягивание свежих сил уже в 1915 г. предопределило новый характер операций на западном театре.

В отношении тактических приемов, там, где выступает творчество масс, где бойцы и непосредственные войсковые командиры, приспосабливаясь и приспосабливая новые средства борьбы, создают в разгаре боя новую тактику, — там сразу были накоплены богатейшие данные в отношении методов обороны и наступления. Такие новые тактические приемы и формы, как продвижение сапами по склонам гор (Вими, Нотр-Дам-де-Лоррет), новый вид боя ручными гранатами в траншеях и ходах сообщений (знаменитый «лабиринт» в Артуа), атаки и контратаки мелких частей пехоты, убийственная роль отдельных сохранившихся пулеметов обороны, роль позиций на обратных скатах, минная борьба, роль наблюдательных пунктов и системы связи и т. д.— все это было быстро найдено и осознано войсками.

Но выразителями этой новой тактики часто бывали наиболее реакционные, шовинистически настроенные командиры, которые к боевым выводам прибавляли большую долю отсебятины. Для примера возьмем брошюру капитана Лафарга «Пехотная атака в настоящем периоде войны», изданную в августе 1915 г. и разосланную по распоряжению Жоффра в войска. Брошюра наделала большой шум и по существу превратилась в первоисточник для разработки инструкции, по которой была проведена операция в Шампани — Артуа в сентябре 1915 г.

Лафарг исходит из основного предположения, что немцы имеют всего лишь одну укрепленную линию глубиной не более трех километров [1]. Он пишет:

---

[1] На деле оказалось, что в сентябре 1915 г. немцы уже имели две укрепленные линии.

«Атака — это грандиозный, безграничный штурм, начатый мгновенно на всем фронте наступления, ведомый с бешеной настойчивостью прямо перед собой, могущий остановиться лишь тогда, когда последняя неприятельская линия будет сокрушена. Атака отнюдь не должна быть методичной.

Нельзя понемногу грызть одну за другой мешающие оборонительные линии — надо решиться и проглотить их сразу».

Лафарг отдает должное тщательной подготовке операции. У него имеется и ряд ценных указаний. Он по опыту знает, как трудно 75-мм орудиями уничтожить пулеметы, какое гибельное влияние оказывают пулеметы противника; он знает, что пехоту перед началом атаки нужно подводить возможно ближе к противнику. Поэтому Лафарг требует мощной артиллерийской подготовки.

Лафарг требует и наличия крупных подвижных резервов, в составе которых он считает необходимым иметь:

«Кавалерию, автобатареи, автопулеметы, пехотные батальоны, посаженные на автомобили, с приданными им для очистки дорог саперами и, кроме того, крупные свежие силы, готовые начать новые бои и могущие вступить в дело через 2—3 часа».

Но реакционно настроенный боевой командир видит, что условия позиционной борьбы быстро уничтожают у бойцов остатки муштры мирного времени. Поэтому больше половины своей брошюры Лафарг уделяет вопросам сохранения дисциплины, порядка и обучения войск. Он требует не только густых цепей, но и их равнения.

Все эти выводы войсковых командиров изучались в высших штабах, сводились и издавались в новых инструкциях, которые носили, главным образом, тактический характер.

Но с задачами оперативного характера высшие штабы в комфорте тыловой жизни, вдали от фронта, справлялись гораздо хуже. Здесь опыт накапливался гораздо медленнее, прогноза на будущее в большинстве случаев не было, оперативные формы носили в себе черты маневренной войны (обход и охват несуществующих флангов и т. д.).

В той части работы высших штабов, которая была обращена к тылу страны, также наблюдались крупнейшие недочеты. Потребности в технических средствах борьбы, в пополнениях, в новых формированиях исчислялись неправильно. Сегодня одна заявка, завтра — другая, послезавтра — третья. Высшему ко-

мандному составу казалось почему-то, что война должна скоро окончиться. Но война расширялась и углублялась, втягивая все новые ресурсы и приобретая все больший размах.

Первой крупной операцией позиционного периода является операция в Шампани — Артуа в сентябре 1915 г. На ней мы остановимся подробнее в следующей главе. Здесь же необходимо отметить, что уже в первых операциях 1915 г. резко выступают две тенденции, задававшие тон стратегии и тактике всей мировой войны. Методизм и быстрота действий превратились в некие непримиримые полярности, к которым попеременно склонялось внимание военного руководства Антанты.

Строгий методизм проповедывали те представители генералитета Антанты, которые олицетворяли стратегию истощения (Фош, Петэн, Хэг и др.). Более полно соответствуя политике союзников, методизм определял генеральную линию стратегии и тактики Антанты. Быстрота же действий проповедывалась теми генералами (Манжен, Нивель, Дебене и др.), которые под этим знаменем критиковали методизм главного командования. Принцип быстроты действий отражал влияние тех капиталистических и политических кругов, для которых затяжная война была невыгодна (например, для рантье, терявших свои капиталы при падении франка).

В руководящих кругах германской армии также шла глубокая борьба вокруг способов ведения войны. Фалькенгайн в общем склонялся к стратегии истощения. Но ставка главнокомандующего на востоке (Людендорф, Гофман и др.) полагала, что Германия должна искать победы в открытом генеральном сражении. Она исходила из стремления добиться победы раньше, чем Антанта развернет все свои силы.

Характерно, что почти до конца войны соединить, разрешить противоречия методизма и быстроты действий Антанта не сумела. До известной степени в оперативно-тактическом разрезе эту задачу разрешили немцы, и то только в 1918 г. В настоящее время достигнуто единство методизма.

Глава IX

ОПЕРАЦИЯ В ШАМПАНИ — АРТУА (25 СЕНТЯБРЯ — 6 ОКТЯБРЯ 1915 г.)

Удар по сходящимся направлениям и фронтальный прорыв на западном театре войны

1. Политические предпосылки операции

Нужно раньше всего констатировать, что французы согласились провести эту операцию с большой неохотой. Систематический провал предшествующих попыток прорыва неприятельского фронта должен был навести на мысль, что для достижения успеха нужно применить гораздо большие силы и средства, чем прежде. Но выделение нужных сил и средств в подавляющей части должно было пасть на долю Франции. К концу лета 1915 г. Англия успела перебросить на материк только 28—30 дивизий. Развертывание английской артиллерии и других технических средств борьбы еще не достигло больших размеров. Кроме того, английское главное командование считало, что английская армия ни по своей численности, ни по подготовке еще не приспособлена к проведению крупных наступательных операций. Систематический отказ английской главной квартиры принять участие в совместном ударе вызывал раздражение французской ставки, правительственных сфер и общественного мнения. Но с фактом нужно было считаться. Поэтому естественно, что Жоффр предпочитал выжидать того времени, когда можно будет переложить на плечи английской армии большую часть бремени войны.

В то время и французское главное командование не могло считать, что оно располагает достаточными ресурсами, чтобы начать решительную операцию только своими силами, не опираясь на силы союзников. Начатая мобилизация французской промышленности еще не дала нужного эффекта. В день выпускалось только 80 000 артиллерийских снарядов, а тяжелой артиллерии были выпущены только единичные опытные образцы.

Но решающее влияние оказали события на восточном театре войны. Победоносное продвижение немцев, казалось, не будет иметь пределов. В течение всего лета 1915 г. из русской ставки

и от царского правительства в Париж и Лондон сыпались телеграммы о помощи. Но вместо реальной помощи Китченер и Жоффр отделывались ответными восторженными телеграммами по адресу «героической» русской армии. Горькое разочарование и озлобление в русской ставке не имело пределов. К концу лета наступил такой момент, когда решался основной вопрос о дальнейшем участии России в войне. Во Франции были осведомлены о том, что германская дипломатия делала недвусмысленные попытки завязать с Россией переговоры о сепаратном мире. Небезызвестные миссии графини Васильчиковой, переговоры директора «Немецкого банка» Манкевича с банковскими представителями России в Стокгольме в июле 1915 г., свидание Протопопова (будущего русского председателя совета министров) с Варбургом и др. не оставляли сомнения в возможности сепаратного мира со стороны России. Эта опасность была еще более реальной в связи с тем, что Николая II окружала влиятельная группировка, считавшая, что Россия должна немедленно выйти из войны с целью развязать себе руки для борьбы с надвигающейся революцией внутри страны. Во главе этой группировки стояла Александра Федоровна, инспирируемая Распутиным.

Стратегическое положение и на других театрах было неблагоприятным. Выступление Италии не дало ожидаемых положительных результатов. Болгария примкнула к «Серединному» союзу, Румыния всеми средствами оттягивала свое выступление на стороне Антанты.

Поэтому Франция была вынуждена начать операцию такого масштаба, которая действительно могла бы приостановить победоносное движение германских армий в глубь России и восстановить коалиционное равновесие. Еще 7 июля 1915 г. на междусоюзном военном совете в Шантильи Жоффр декларировал готовность Франции начать операцию с решительной целью. В своем торжественном выступлении Жоффр раньше всего перечислил прошлые оперативные заслуги русской армии, которая неоднократно выручала союзников в тяжелую минуту. Затем, оценив неблагоприятную обстановку, сложившуюся на востоке, Жоффр отметил, что и союзники обязаны подать России самоотверженную помощь. Однако, переход в наступление на всех фронтах оказался невозможным, вследствие неготовности Италии и Сербии. Удар может быть нанесен только на западном

театре соединенными франко-английскими силами. Но подготовка операции требует длительного времени и может быть закончена только к концу августа. Таким образом, операция была решена и назначена на первые числа сентября.

Николай II поспешил воспользоваться благоприятными обстоятельствами для того, чтобы сменить Николая Николаевича, в котором он видел, во-первых, решительного сторонника войны до победного конца и, во-вторых, опасного конкурента на престол. Зная прекрасно, что операция французов не может не отразиться решающим образом на победоносном продвижении германцев вплоть до того, что последние вынуждены будут остановиться, Николай II выбрал именно этот момент для того, чтобы стать во главе русской армии, надеясь связать со своим именем приостановку германского вторжения. Но французы и здесь подвели. Операция в Шампани началась позднее, и вступление русского царя в верховное командование ознаменовалось не стратегическими успехами, а Свенцянским прорывом.

Только потом с большим треском в актив нового русского верховного командования была записана ликвидация Свенцянского прорыва. Но этому трееку никто не поверил. Осведомленные круги знали, что германцы были вынуждены в решающий момент снять с Свенцянского направления 6 дивизий, а широкие массы вообще давно уже перестали верить официальным сводкам, которые систематически нагло врали, скрывая от народа действительное положение дел.

Анализируя соображения стратегического порядка, следует остановиться на том, что хотя Жоффр в своих сношениях с русской ставкой отрицал факт переброски крупных германских сил с западного театра на восток, тем не менее он был прекрасно осведомлен о движении германских сил на западном фронте. Он знал, что до августа 1915 г. с западного фронта были сняты 22 лучших германских дивизии. Общая численность германских дивизий на фронте, поднявшаяся в апреле до 102, понизилась в июне до 90. К 1 июля германская армия на западе имела в резерве всего лишь одну дивизию. Эта цифра в сентябре поднялась только до 5. Перевес сил в количественном выражении был безусловно на стороне Антанты. В начале сентября Антанта имела на западном театре превосходство почти в 30 дивизий.

2. План операции

Удар по сходящимся направлениям как оперативный маневр в позиционной войне

Нельзя отрицать, что операция была задумана в большом масштабе. В основном план операции представлен на схеме 1.

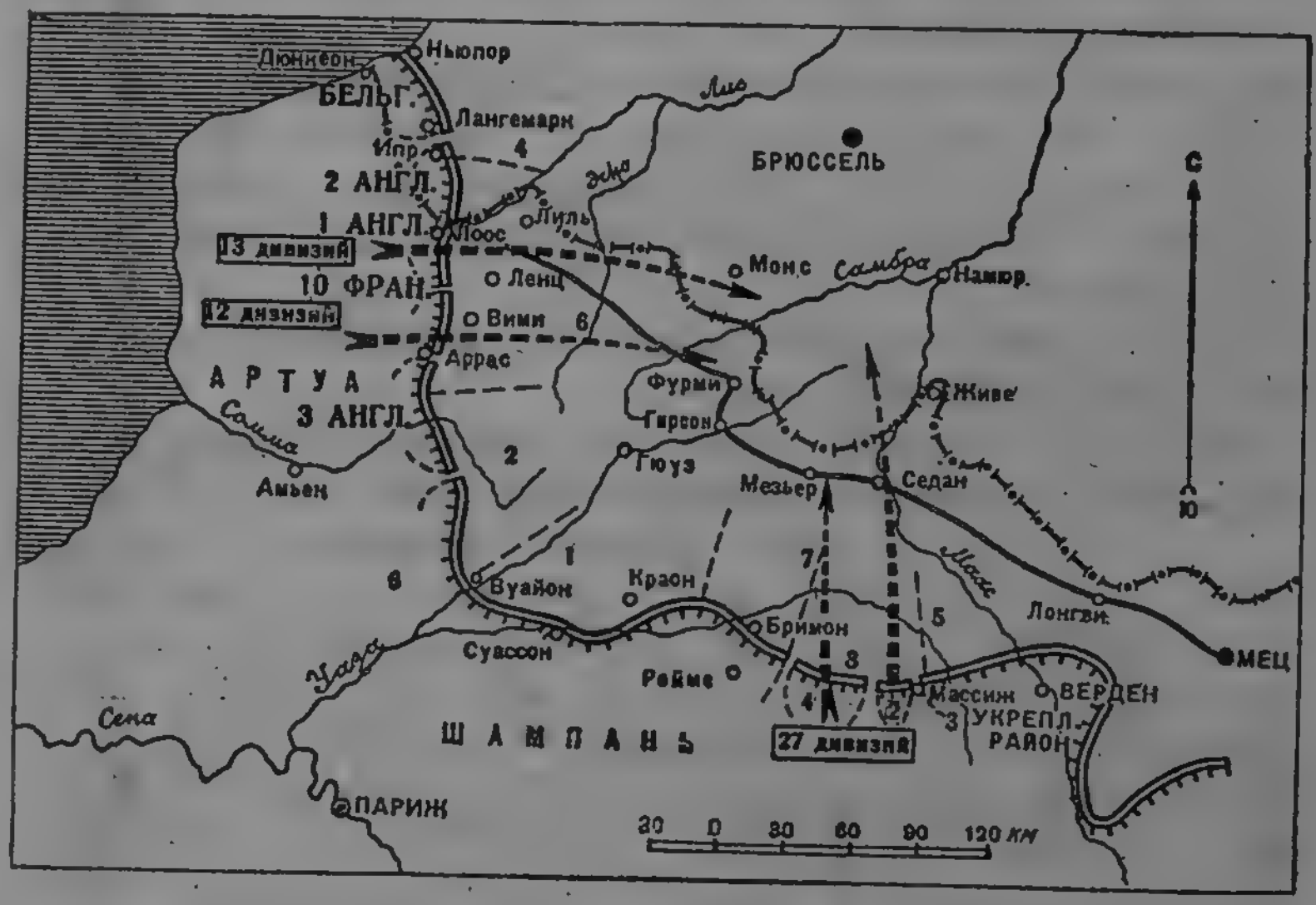

Схема 1: План операции в Шампани — Артуа

Этот план имел в виду ни больше ни меньше, как путем двойного прорыва окружить большую часть германских сил, расположенных в вогнутой дуге (с вершиной у Суассона) от Шампани до Соммы. Во внешней форме операции ярко выступают классические маневренные мотивы действий на сообщения. Эта форма операции после войны была французами «канонизирована» под термином «маневр по сходящимся направлениям».

В маневренных условиях, при открытых флангах удар по сходящимся направлениям с обходом или охватом обоих флангов противника является типичной формой операции на окружение.

На сплошных фронтах позиционной войны без открытых флангов необходимой предпосылкой успеха обходного или охватывающего маневра был прорыв и образование флангов в расположении противника.

Охватывающая конфигурация фронта Антанты на западном театре создавала естественные предпосылки для постановки задач по удару в тыл. Но так как прорыв не удавался, то получалось, что главное командование ставило задачи охватить несуществующие фланги.

Но в 1915 г. союзное главное командование исходило не только из оперативных принципов, а из конкретной обстановки, которая сложилась так, что главный узел всех операций на западном театре войны завязался на обширной дуге между Верденом и морем.

Вполне понятные причины предопределили решающее значение этого участка общего фронта:

1. Французы все время стремились освободить северные промышленные департаменты, захваченные немцами.

2. На этом участке фронт проходил, примерно, в 100 км от Парижа и Амьена. Близость фронта от столицы и от главнейших железнодорожных узлов в расположении французов и англичан навязывала мысль о необходимости завоевать у противника территорию, чтобы обезопасить главнейшие коммуникации.

3. Англичане вообще не могли считать свой фронт обеспеченным, ибо он был обращен тылом к морю, поэтому им всегда казалось, что в их тылу нет достаточного пространства для контрманевра в случае успешного прорыва немцев в направлении на Кале и Булонь.

4. Сеть железных и грунтовых дорог театра войны также наталкивала на мысль о целесообразности подобного маневра. Дю-Фур в своем труде «Ведение операций» пишет:

«1. Всякое продвижение союзников между Мозелем и Рейном втянуло бы их в систему сходящихся путей, благоприятствующих германскому контрнаступлению.

2. Глубокое продвижение союзников между линией Уазы, Самбра, Маас и линией Люксембург—Кобленц, наоборот, разъединило бы боевой фронт противника на две части, которые могли бы сообщаться только при помощи рокадных линий, расположенных к востоку от Арденнского массива.

3. Район Гирсон, Мобеж, Валансьен, Дуе, Камбре, Бюзиньи представляет собой крупный центр разветвлений больших путей, обслуживающих часть германского фронта между Маасом и Северным морем; следовательно, исходные базы союзнических наступлений логично должны быть предприняты к западу от Мааса: с одной стороны, к югу между плато де-Краон и Маасом— с целью отбросить противника к Арденнскому массиву и прорвать рокадный путь Гирсон—Мезьер—Лонгви; с другой стороны, между Уазой и Аррас—с целью достигнуть зоны, где сходятся железнодорожные узлы, на которых основывается передвижение резервов».

4. Все эти соображения, определившие характер операции с оперативной точки зрения, правильны. Здесь все есть — и важные политические цели, и благоприятная конфигурация фронта, и важные объекты, и хорошие сообщения, и крупное превосходство в силах. Но всех этих благоприятных условий оказалось уже недостаточным, для того чтобы преодолеть систему германской обороны, которая тогда еще вовсе не отличалась законченностью и мощью.

5. Но, помимо вышеизложенных соображений, решающую роль в выборе формы операции играла коалиционная стратегия. Английская армия, как известно, занимала самостоятельный участок фронта и ни в коем случае не желала маневрировать своими силами на всем западном театре. Отсюда неизбежно вытекало, что во всех случаях, когда английское главное командование соглашалось принять участие в какой-либо операции, участок для английской армии выбирался на «ее» фронте. Французскому главному командованию предоставлялась «свобода» группировать свои силы к флангу английской армии, как, например, на Сомме, или же действовать самостоятельно, вне непосредственной связи с английской армией. В последнем случае неизбежно получался удар по сходящимся направлениям, вследствие дугообразной конфигурации всего фронта.

6. Не последнюю роль в выборе формы операции в Шампани играл результат летнего наступления германской и австро-венгерской армий в России. Там также конфигурация фронта создала условия для обширного маневра по сходящимся направлениям, который наряду с другими причинами привел к огромному успеху.

На схеме 2 можно видеть общее сходство в геометрическом начертании обеих оперативных форм. В нашем распоряжении нет документов, подтверждающих, в какой мере удар немцев на востоке армиями Макензена и Гальвица имел влияние на выбор

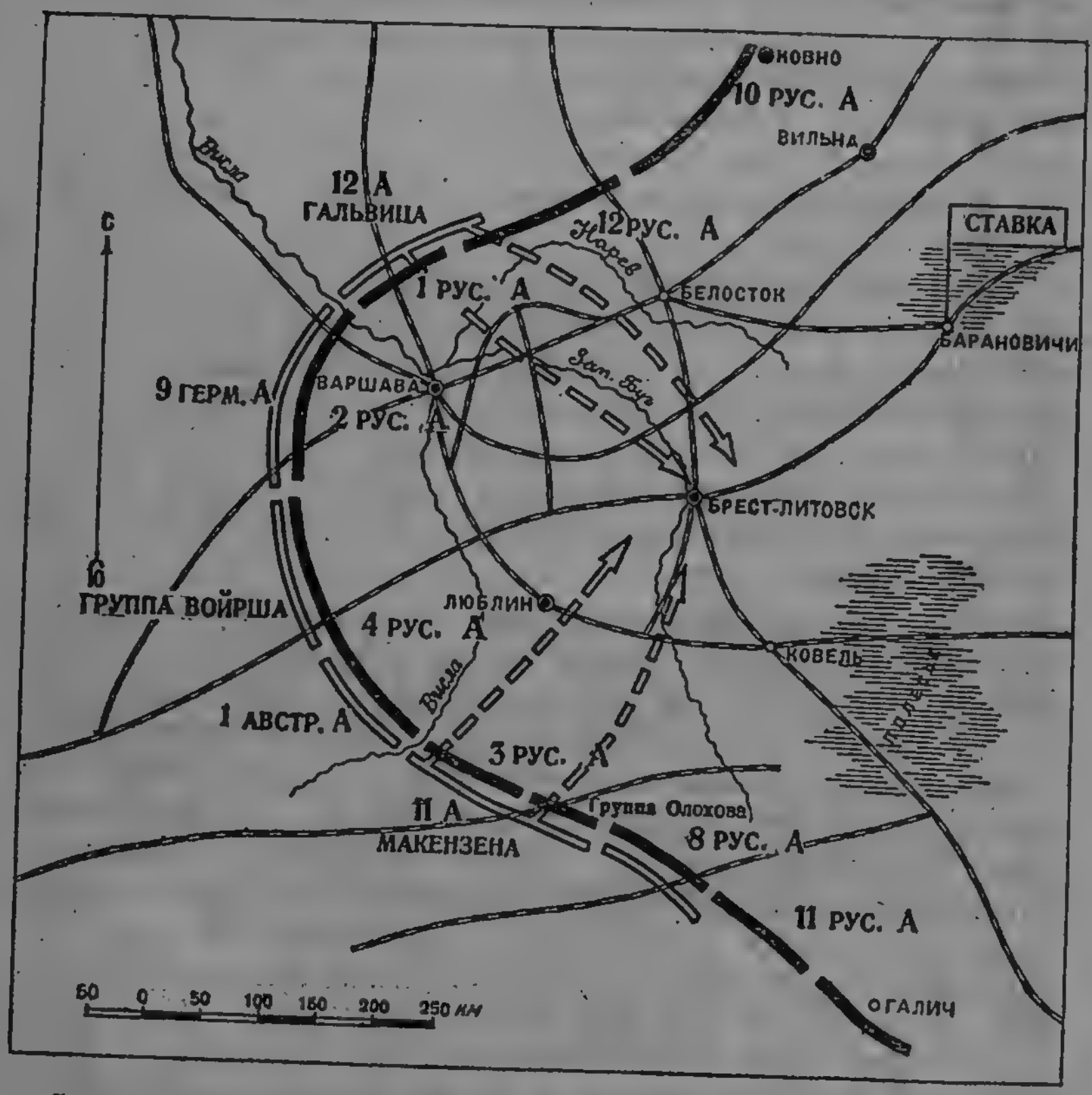

Схема 2. План операции немцев на Восточном театре летом 1915 г.

формы маневра в операции Шампани — Артуа. Мы можем лишь констатировать внешнее сходство и указать, что, поскольку оперативные формы на сплошных, стабилизованных фронтах в мировой войне появились впервые, постольку моменты подражания и учета имели место.

В данном вопросе нас интересует другое: почему операция немцев на восточном театре привела к решительному стратегическому успеху, в то время как операции англо-французов не дали почти никаких результатов. Ответ на этот вопрос нужно искать в сумме специфических условий, которые создали разницу в характере операций на западном и восточном театрах войны.

Для проведения операции англо-французов были назначены: в Шампани (главный удар) — участок в 30 км: 30 пехотных и 7 кавалерийских дивизий, 1 300 легких и 850 тяжелых орудий; в Артуа (совместный удар с 1-й английской армией)— участок в 22 км: 22 пехотных и 6 кавалерийских дивизий, 1 300 легких и 650 тяжелых орудий.

Так как операция в Шампани — Артуа вылилась в две самостоятельные операции, то для дальнейшего исследования характера фронтального прорыва на западном театре достаточно будет более подробно остановиться только на операции в Шампани.

3. Французская оперативно-тактическая доктрина в 1915 г.

В основе французской оперативно-тактической доктрины, на основании которой подготовлялось сражение в Шампани—Артуа, все еще лежат идеи ударности. Штурм укрепленной полосы противника должен носить характер единовременного могучего скачка вперед всех штурмующих сил для овладения с налета всей полосой обороны противника и выхода в открытое поле. В приказе Жоффра от 14 сентября 1915 г. значится: «Задача всех частей, принимающих участие в наступлении, сводится не только к тому, чтобы отнять передовые неприятельские окопы, но чтобы без остановки день и ночь пробиваться вперед, через вторую и третью линии на открытое поле».

Французское главное командование не считает даже нужным пересмотреть свои инструкции от 16 августа и 8 июля 1915 г., полагая, что они себя полностью оправдали в прошлых операциях. В основном эти инструкции дали следующие указания:

1. Атака должна вестись на возможно более широком фронте. Ширина фронта атаки определяется наличием сил из расчета 1½ км на дивизию.

В ту пору французы, как и все прочие воевавшие страны, не имели еще достаточных предпосылок для определения ширины фронта атаки. В последующий период войны на западе установилось определенное мнение, что ширина фронта атаки вытекает из наличия артиллерийских средств, достаточных для полного разрушения неприятельской системы обороны. Только после мировой войны было установлено, что ширина фронта атаки зависит от многих причин, которые могут быть нормированы лишь в самых общих чертах. Боеспособность противника, мощь его укрепленной обороны, наличие артиллерийских и танковых средств, наличие резервов у противника, система сообщений, ведущих к участку атаки, и пр.—все это должно быть учтено в каждом отдельном конкретном случае. Ширина фронта атаки—это понятие производное. Можно лишь констатировать, что этот фронт должен быть возможно шире, ибо тем самым затрудняется для противника затыкание образуемых брешей.

2. Резервы наступающего должны быть подведены возможно ближе для того, чтобы они могли беспрерывно питать передовые ударные части и незамедлительно развить успех в случае удачного прорыва.

3. Для стремительного броска в глубокий тыл противника должны быть сосредоточены крупные конные массы. В Шампани было сосредоточено 2 кавалерийских корпуса (7 кавалерийских дивизий), которые имели целью прервать железнодорожную линию Вузье — Ретель, проходившую в 24 км от линии неприятельского фронта.

4. Наступающие части должны быть подведены возможно ближе к расположению противника — не дальше 100—200 м, чтобы они имели возможность с одного броска ворваться в окопы противника.

5. Боевой порядок должен быть построен в виде последовательного ряда штурмующих (набегающих) волн-цепей с целью поддержания непрерывности штурма. Такой порядок необходим в связи с тем, что передние волны неизбежно растают от потерь. За атакующими волнами с целью беспрерывного питания и смены передовых ударных волн движутся поддержки и резервы.

6. Местность в районе атаки должна быть подготовлена в виде мощного, заранее оборудованного инженерного плацдарма для укрытия и безопасного расположения всех атакующих частей. Плацдарм состоит из ряда траншей и укрытий, соединен-

ных ходами сообщений, мостами и лестницами для беспрерывного продвижения по окопам и по верху.

Такие исходные траншеи создаются для 3—4 пехотных волн, а за ними — блиндажи и другие укрытия для резервов.

В плацдарм включаются склады оружия и боевых припасов, передовые перевязочные пункты, создается мощная сеть связи и наблюдения и т. д.

7. Атака подготовляется достаточно мощной артиллерией, которая должна полностью разрушить укрепленную полосу противника в пределах досягаемости огня. Затем должен действовать ударный шок наступающих цепей.

8. Перед началом атаки вся штурмующая масса занимает свои места в окопах и по сигналу единовременно всей массой быстро движется вперед к окопам противника по проходам и мостам прямо перед собой, волна за волной, а за ними — поддержки и резервы.

9. Французская пехота пойдет в атаку с музыкой и развернутыми знаменами, чтобы доказать «проклятым бошам», что не угас еще старый героический французский дух.

Подготовка плацдарма началась в начале августа. Эти работы не укрылись от неприятельского наблюдения, и в начале сентября оно уже было в достаточной мер осведомлено о готовящемся наступлении. Элемента «внезапности» французы не учли. Вернее, надо считать, что они просто пренебрегли внезапностью, надеясь на колоссальное превосходство своих сил.

4. В исходном положении

В операции в Шампани приняли участие следующие силы и средства:

а) Французы

Группа армий центра — *ген. Кастельно.*

2-я армия — *ген. Петэн.* Участок Массиж—Суэн (15 км).
В первой линии — XIV, XI, XX и I колониальные корпуса.
Во второй линии — XVI корпус, 153-я и 53-я дивизии.
В третьей линии — III кав. корпус (6-я 8-я и 9-я кав. дивизии).

4-я армия — *ген. Ланль-де-Кари.* Участок Суэн—р. Сенн (16 км).
В первой линии — II, VII, XXXII, IV корпуса.
Во второй линии — VI корпус, 8-я и 56-я дивизии.
В третьей линии — II кав. корпус (4-я, 5-я и 7-я кав. дивизии),

б) Немцы

3-я армия — *ген. фон-Эйнем.* Участок Массиж—Реймс (50 км).

На участке французского удара были расположены:
XII резервный корпус (23-я, 24-я и 15-я резервные дивизии) и
VIII резервный корпус (50-я и 16-я резервные дивизии).

В резерве две-три отдельных пехотных бригады и X корпус, перевозка которого из России в это время заканчивалась.

Таким образом, французы имели не менее чем пятикратное превосходство в живых силах.

Построение французского боевого порядка ярко вскрывает оперативно-тактические взгляды французов осенью 1915 г. Восемь корпусов (21 дивизия) стоят в первой линии, имея в глубину не более 0,5 км. Вместе со всеми резервами глубина была не более 5—6 км. Такое построение полностью отображает тактику XIX столетия. Французское главное командование, учитывая высокие моральные качества своей пехоты и недостаток технической базы, делает ставку на удар живой силой. Оценивая это построение, Балк пишет:

«На пространстве в 1 200 м ширины и 170 м глубины могло находиться одновременно 3 600 чел. Атака первоначально производилась только одною бригадою: вторая находилась на своем месте в полной готовности. Построение полков одного за другим должно было привести к полной запутанности связи и исключить всякую возможность командования. Прорыв вперед отдельных наступательных волн неосуществим, потому что этому мешают устойчивые массы передних. Легко было усмотреть опасность, заключавшуюся в том, что подкрепления запутаются в узких петлях первой группы прорыва. Метод Жоффра превращал дивизию в одну единственную неуклюжую фалангу, которая, раз приведенная в движение, может или продвигаться вперед или отхлынуть в полном беспорядке назад. Бездушность схемы грозила убить живую деятельность начальника» (Балк, Развитие тактики, изд. Петр. воен. окр., II, 1932 г., стр. 79).

Для подготовки атаки была сосредоточена могущественная артиллерия, а именно:

полевой легкой артиллерии	1 060	орудий
тяжелых пушек (разных калибров)	580	„
тяжелых гаубиц „ „	992	„
траншейной артиллерии	993	„
Всего	2 925	орудий

Это давало среднюю артиллерийскую плотность 70—75 орудий на 1 км.

При беглом взгляде обращает на себя внимание большое количество тяжелой артиллерии. Откуда же она взялась, если Франция вступила в войну, имея в полевой армии всего лишь 300 тяжелых орудий?

Появление многочисленной тяжелой артиллерии объясняется тем, что Франция имела большое количество артиллерии старых образцов в крепостях и арсеналах, которое хранилось «на всякий случай». Таких орудий всего имелось:

90-*мм* пушек обр. Ванж	4 000
95-мм „	1 500
120 мм „ длинных	2 400
155-мм „ „	1 400
120-мм гаубиц коротких	200
155-мм „ „	500
220—270-мм гаубиц коротких	300

Из этих орудий в 1915 г. начали спешно формировать новые артиллерийские соединения. Но отрицательным качеством всей этой артиллерии была, во-первых, малая подвижность. Большая часть крепостной артиллерии была на неподвижных установках; маневрировать этой артиллерией, даже в условиях позиционной войны, оказалось делом чрезвычайно трудным. Во-вторых, для этой старой артиллерии имелось мало снарядов. В-третьих, она не обладала достаточной дальнобойностью. Тем не менее эта артиллерия оказала Франции неоценимую услугу; поставленная на неподвижные позиции, она хотя и не годилась для наступательных действий, но все же увеличивала мощь обороны.

Из этой артиллерии в Шампани было сосредоточено, помимо войсковой (дивизионной и корпусной) артиллерии, по два полка орудий — 90, 95, 100, 105, 120, 155-мм длинных, 155-мм коротких, 220 и 270-мм. Подавляющая часть этой армейской артиллерии двигаться за пехотой, очевидно, не могла. Пройдя 3—4 км, пехота оказалась без артиллерийского прикрытия и вынуждена была остановиться. Перенесение же позиций вперед требовало столь длительного времени, что эффект первого удара совершенно утрачивался. Авиация в конце 1915 г. также еще не получила достаточного развития. Помимо корпусной авиации, 2-я и 4-я армии получили по одной эскадрилье самолетов систем Фарман, Кодрон, Ньюпорт и Вуазен. Типы самолетов го-

ворят сами за себя. Это были хрупкие аппараты со скоростью не больше 100 км, с потолком до 2 000 м и ничтожной грузоподъемностью, весьма чувствительные ко всякой перемене погоды. Эта авиация должна была выполнить огромную работу по разведке и корректированию огня артиллерии. Но перед началом и в ходе операции ни одна из этих задач не была выполнена,

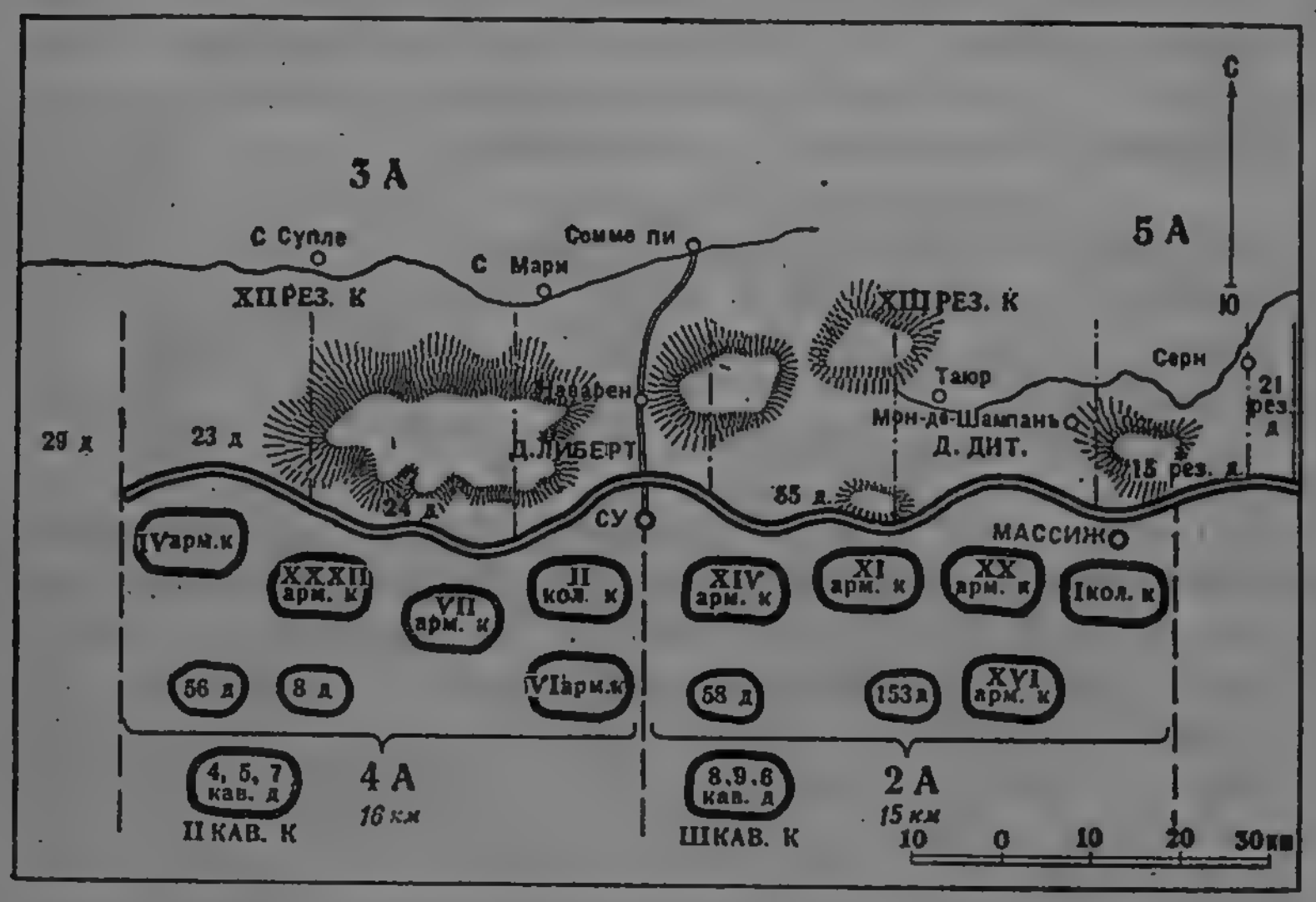

Схема 3. Построение боевого порядка в Шампани 25 сентября 1915 г.

вследствие плохой погоды. Большой перевес авиации наступающего (200 французских самолетов против 60 немецких) не мог оказать существенного влияния на ход операции.

Взаимная группировка сил в Шампани показана на схеме 3.

5. Краткий очерк развития операции и причины неуспеха

Операцию в Шампани можно разбить на 5 периодов: 1) 22—25 сентября — подготовка атаки первой неприятельской линии, 2) 25—27 сентября атака первой линии, 3) 28 сентября — неудачная атака второй линии, 4) 1—5 октября—подготовка атаки

второй линии, 5) 6 октября—вторичная неудачная атака второй линии.

Артиллерийская подготовка началась 22 сентября и продолжалась три дня.

Невзирая на обилие снарядов, позволившее выпустить в период 22—27 сентября 1 387 370 75-мм снарядов, 265 483 155-мм и 30 317 снарядов калибров 220—270-мм, а всего 1 683 170 снарядов, артиллерийская подготовка не дала достаточно полных результатов. Укрепления первой линии противника были лишь частично разрушены. Вторая линия почти полностью уцелела. Французские артиллеристы объяснили неудачу артиллерийской подготовки дождливой погодой, мешавшей артиллерийскому наблюдению как с земли, так и с воздуха. Дождь действительно сыграл большую отрицательную роль. Однако, кроме этого, следует указать, что артиллерийская подготовка не дала нужного эффекта и по причинам внутреннего организационного порядка. Позиции противника не были в достаточной мере изучены, четкой централизации артиллерии также не было. Не было осуществлено и взаимодействие с пехотой.

В конечном итоге атака 25—27 сентября удалась лишь частично. Французы продвинулись на 1—3 км.

Уже в эти дни выявились все отрицательные стороны осуществленной системы атаки. Густая «фаланга» неизбежно несла огромные потери. За всю операцию в Шампани у французов выбыло из строя 150 000 чел., т. е. до 45% численного состава войск. Такие потери вызвали быструю приостановку наступления по требованию правительства. В атаке 6 октября пехота почти уже утеряла все черты недавнего героизма и больше делала вид, что наступает, чем действительно наступала. Плацпарадный маневр нарушился в первый же день 25 сентября. Вышедшая всей массой из плацдарма пехота сразу потеряла порядок и взаимодействие. Резервы задерживались. Управление почти было утеряно. Движение по лабиринту неприятельских окопов, разрушенных артиллерией и размытых дождем, уже нельзя было осуществить так, как предполагалось, церемониальным маршем. Попав в неприятельские окопы, французская пехота уже не могла легко вылезать наверх, ибо достаточного количества выходов для нее немцы не подготовили.

На позициях противника, особенно на обратных скатах, осталось много неразрушенных пулеметных огневых оазисов, кото-

рые опустошали французские цепи. Наступающие части перемешались. Связь с артиллерией нарушилась, и пехота невольно останавливалась перед каждым препятствием.

Однако, неуспех французского наступления не может быть объяснен только недочетами организации и несовершенством технических средств. Решающую роль сыграла обороноспособность германских войск. Хотя 26 сентября и был момент, когда командование 3-й германской армии выдвигало мысль о необходимости отхода в связи с недостатком сил, но эта мысль была Фалькенгайном отвергнута. Фалькенгайн в полдень 26 сентября лично явился в штаб 3-й армии и дал нужные указания об организации обороны. К полю сражения начинают подтягиваться резервы. К 6 октября 3-я армия уже имела 5 корпусов (VIII, X, XII резервные, XIII и XIV), состоявшие из 12 дивизий, 5 отдельных дивизий (5-я, 50-я, 53-я резервная, 56-я, 113-я) и 8—10 отдельных бригад из сводных отрядов. Кроме того, продолжали прибывать свежие части с востока, где немцы под влиянием напряжения в Шампани и Артуа были вынуждены прекратить Свенцянскую операцию.

Немецкая оборона в сражении в Шампани строилась еще на основах борьбы на первой линии огня. Такая оборона в данных условиях была целесообразна, но части, естественно, несли большие потери.

Но решающую роль сыграла заранее оборудованная вторая позиция немцев, расположенная в 3—5 км позади первой. Вот как Петэн в своей реляции главнокомандующему оценил роль этой второй позиции:

«Вторая позиция немцев была расположена в расстоянии от 5 до 6 км позади первой, по северному берегу р. Дормуаз (Шампань), следовательно, вне пределов досягаемости нашей полевой артиллерии. К ней было едва приступлено в конце июля месяца; но как только с нашей стороны начались работы по оборудованию подступов, неприятель тотчас же принялся лихорадочно работать. Наши тяжелые орудия пытались ему помешать; эти орудия, к несчастью, были слишком малочисленны и слишком плохо обеспечены снарядами, чтобы быть в состоянии достигнуть серьезных результатов. Несмотря на это, ко времени атаки окопы не были еще вполне закончены, зато фланкирующие постройки были все на местах, так же как и проволочные заграждения, которые отличались даже необычной силой и густотой. Эта

позиция была хорошо применена к местности, а сила ее удваивалась тем, что она была расположена на обратном скате, что делало ее абсолютно невидимой для наших земных наблюдателей».

Таким образом, мы должны констатировать, что с наличными силами и средствами и с принятой оперативно-тактической доктриной осуществить прорыв не удалось, да и невозможно было его осуществить по объективным причинам.

Для позиционной войны нужны были какие-то другие оперативные формы, и они были найдены в системе сражений на истощение.

Глава X

ВЕРДЕН И СОММА 1916 г.

Поворот от фронтальных операций с решительной целью к сражению на истощение.

Провал операций 1915 г., когда еще стремились добиться победы в войне старыми средствами «генерального сражения», должен был, наконец, привести к мысли, что не все благополучно «в царстве датском». Постепенно накопленный опыт дал обильный материал для ряда важных заключений:

1. Войну нельзя закончить одним лишь поражением армий. Даже после огромных потерь армии могут быстро восстановить свои силы. Восстановление русской армии осенью 1915 г., после того как немцы нанесли ей чудовищное поражение, было фактом, который заставлял призадуматься.

2. В резервах военнообязанных и в народном хозяйстве открывались все новые и новые ресурсы, позволявшие развертывать новые формирования, возмещать пока еще любые потери, восстанавливать материальную часть, вводить в дело новые массовые технические средства борьбы и т. д.

3. Становилось ясным, что пока еще обе стороны полны соков для длительной войны. Германия путем завоеваний на востоке значительно улучшила свои сырьевые источники (галицийская нефть, домбровский уголь) и продовольственное положение. Антанта сумела в основном перестроить свою мирную промышленность для военных нужд.

4. В войну втягивались новые противники. Появлялись новые фронты. Недавно вступила в войну Италия, — образовался итальянский фронт. С вступлением в войну Болгарии образо-

вался македонский (салоникский) фронт. Не сегодня-завтра должна была выступить Румыния. Военные действия перебрасывались в Африку и т. д.

5. В то же время обнаружилось, что старой «доброй» армии больше нет. Она полегла на полях сражения. Пришел новый массовый боец, которого не так легко уже гнать на убой. Этот новый боец требует мощной артиллерийской подготовки, хотя бы минимальных сносных условий в окопах. Он требует даже, чтобы ему доставляли в окопы пищу и т. д.

6. Внедрилась в сознание мысль, что нельзя прорвать фронт противника до тех пор, пока он сохраняет организационную и техническую мощь армии, имеет большие резервы, нетронутую систему сообщений, укрепленные и эшелонированные в глубину позиции и т. д. и т. д.

Все эти новые факты должны были привести к мысли, что нужно применить какую-то новую стратегию, которая позволила бы распространить влияние войны не только на армию, но и на тыл, на экономическую и политическую мощь государств, на общественное мнение, на нейтральные страны и т. д. Нужно изменить соотношение всех сил, образующих сложный переплет войны. Чтобы добиться победы, нужно прежде всего истощить живые и материальные ресурсы противника. Отсюда — стратегия истощения, которая получила внешнее выражение в сражениях на истощение.

Но во Франции и в Германии эта новая стратегия имела свои особенности, главным образом, в отношении ее предпосылок. Тактика же сражения на истощение совпадала у обоих противников. Поэтому для иллюстрации этого типа сражения мы остановимся подробнее на операции на р. Сомме, лишь кратко изложив стратегические предпосылки наступления немцев на Верден.

Глава XI

ВЕРДЕН
(ФЕВРАЛЬ — ИЮЛЬ 1916 г.)

Политические и стратегические предпосылки операции

В своем докладе Вильгельму в конце декабря 1916 г. Фалькенгайн следующим образом анализирует обстановку.

Главным врагом Германии является Англия. До тех пор, пока Англии не будет нанесен решительный удар, добиться общей победы невозможно. Этот удар, вследствие слабости германского флота, не может быть нанесен на море. Решения нужно искать на суше. Удар может быть нанесен или непосредственно английской армии или одному из ее союзников.

Чтобы нанести поражение английской армии на ее фронте во Франции, между Соммой и морем, нужны слишком большие силы (не менее 30 дивизий для главного удара). Такими силами Германия не располагает. Удар меньшими силами не сулит решительных успехов. Хотя путем оголения всех фронтов и можно собрать нужные силы, но итти на такой риск не рекомендуется. Наступления на второстепенных театрах (на Салоники, решительные действия в Ираке, поход на Египет, на Суэцкий канал) хотя и могут рассчитывать на успех, но подготовка таких операций требует длительного времени, преодоления многих крупных затруднений и все же не дает достаточно оснований полагать, что этим путем можно добиться решительного исхода войны. Англия сумела бы «переварить» поражения на второстепенных театрах. Остаются, следовательно, силы главных союзников Англии — России, Италии, Франции.

Удар по России вновь может принести только ординарный успех. Чтобы вывести Россию из строя, нужно двинуться в большой поход на Петербург, Москву или на Украину. Но огромная территория этой страны требует таких сил, которыми Германия также не располагает.

Удар по Италии выгоден только для Австро-Венгрии. Даже вывод этой страны из войны не окажет существенного влияния на Англию.

Остается, следовательно, Франция. Франция — это главный меч в руках Англии.

«Если удастся ясно доказать ее народу (французскому народу — *А. В.*), что ему в военном отношении не на что более рассчитывать, тогда предел будет перейден, лучший меч будет выбит из рук Англии. Для этого не нужно сомнительное и превосходящее наши силы средство массового прорыва. И с ограниченными силами, повидимому, может быть достаточно сделано для этой цели. Позади французского участка на западном фронте имеются, в пределах нашего достижения, цели, для защиты которых французское командование будет вынуждено пожертво-

вать последним человеком. Но если оно это сделает, то Франция истечет кровью, так как иного исхода нет, и притом одинаково, достигнем ли мы самой цели или нет. Если же оно не сделает этого, и цель попадет в наши руки, тогда моральное впечатление во Франции будет чудовищным» (Фалькенгайн, Верховное командование, изд. ВВРС, 1923 г., стр. 200).

Таким пунктом является Верден. Удар не следует наносить в форме прорыва.

«Уроки, вытекающие из неудачных массовых наступлений наших врагов, решительно говорят против применения подобных боевых методов. Попытки массовых прорывов против морально нетронутого, хорошо вооруженного и численно не особенно уступающего врага, даже при величайших накоплениях людьми и средствами, могут считаться только безнадежными. Обороняющемуся в большинстве случаев удается заполнить прорванные места фронта. Это удается ему легко, если он решится на добровольный отход, а помешать ему в этом едва ли можно. Полученные тогда выступы, в высокой степени подверженные действию фланкирующего огня, угрожают стать общей могилой» (Фалькенгайн, Верховное командование, изд. ВВРС, стр. 196).

Удар по французской армии на суше следует дополнить беспощадной подводной войной на море, не считаясь с опасностью возможного военного выступления Америки против Германии, ибо Америка не имеет для этого достаточных сил.

План Фалькенгайна был принят, но решительная подводная война была отсрочена. Германским подводным лодкам разрешалось нападать лишь на те неприятельские суда, о которых было определенно известно, что они вооружены.

Выбор Вердена и направление главного удара к северо-западу от него имеют большое принципиальное значение. Германская главная квартира не задается почти никакими оперативными целями. Верден расположен в вершине изогнутого фронта. Им предполагают овладеть не фланговой атакой, не охватом, не ударом в тыл, например, со стороны выступа Сен-Миэль или с западного берега р. Маас, а фронтальной атакой. По отношению ко всему фронту Верден не играл большой стратегической роли. То, что Верден, по мнению Фалькенгайна, являлся наиболее мощной опорой для всякой попытки контрнаступления французов во фланг всей германской армии, расположенной во Франции и Бельгии, являлось все же второстепенным соображением. Не являются

решающими моментами и благоприятные общие условия участка атаки на Верден, при которых германская армия имела большое превосходство в коммуникациях благодаря железным дорогам, идущим густой сетью от Меца к Вердену, а также то обстоятельство, что лесной массив в районе германского расположения позволил скрытно подготовить атаку; все это — побочные соображения.

Характерно, что атаке на Верден было отдано предпочтение, невзирая на то, что самого Фалькенгайна тянуло на фланг неприятельского фронта — к Бельфору.

Верден был выбран только из-за политических предпосылок. Верден был выбран как пункт, ради которого Франция пойдет на самые большие жертвы.

В чем заключаются основные дефекты концепции Фалькенгайна? В том, что Фалькенгайн не учел следующих обстоятельств:

1. Политически наступление на Верден означало собою отчаяние германского главного командования, которое поняло, что Германия не может добиться победы в войне путем поражения армий Антанты в открытом бою. Если Фалькенгайн предполагал путем сражения на истощение создать условия для компромиссного мира, то безусловно необходимо было добиться хотя бы минимального результата в виде взятия Вердена. Для этого были все возможности. Нужно было лишь расширить атаку сразу и на западный берег р. Маас и предоставить войскам большую инициативу. 23 марта на путях к Вердену не было защитников. Расчет Фалькенгайна на поражение французской армии не оправдался. С февраля по июль французы стянули к Вердену 71 дивизию, а немцы только 43, и немецкие дивизии были в конечном итоге гораздо больше истощены.

В материальном отношении Фалькенгайн основывал операцию на превосходстве германской артиллерии. Под Верденом было сосредоточено свыше 2 000 орудий на узком фронте, из них ⅔ тяжелых, в том числе 175 орудий калибром 21—42 см. Но операция под Верденом обнаружила крупную особенность позиционной войны. От увеличения количества технических средств далеко не в прямой пропорции увеличивались потери живых сил противника. Этот феномен легко поддается объяснению:

а) Оружие перестало быть средством поражения только живых целей. Борьба с материальной частью противника потребо-

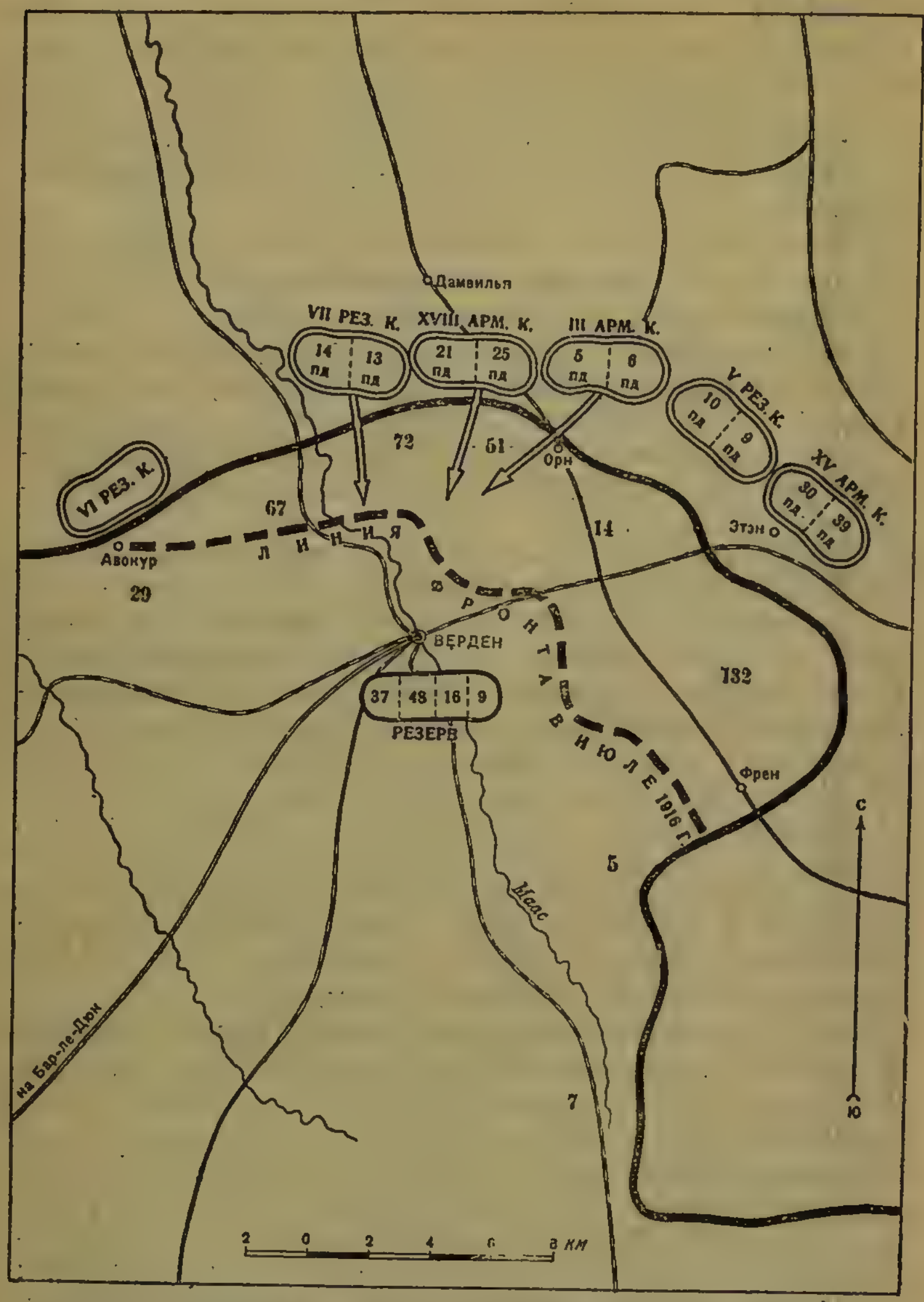

Схема 4. Расположение сторон под Верденом 21 февраля 1916 г.

вала в абсолютных цифрах гораздо больше огня, чем борьба с живой силой. Было установлено, что для нейтрализации одной батареи противника нужно использовать не менее двух батарей с большим числом снарядов. Чтобы поразить один танк или самолет, нужно было потратить большое количество огнеприпасов, между тем, в каждом отдельном случае поражались лишь один-два человека.

б) Потребовалось огромное количество снарядов для разрушения искусственных сооружений, препятствий и фортификационных построек противника. Бетон и проволока стали для артиллерии такой же целью, как и живые силы.

в) Невидимость полей сражения достигла предельной степени. Открыть все цели в период подготовки атаки было невозможно. Для устранения этого недочета начали применять подвижный огневой вал. Но огневой вал, в сущности говоря, являлся прыжком в неизвестность.

В конечном результате потери немцев под Верденом были, повидимому, немногим меньше потерь французов.

2. Фалькенгайн не учел до конца возможностей обороны в позиционной войне. Невзирая на все трудности в подвозе, невзирая на то, что единственная железнодорожная магистраль, подходившая к Вердену, была прервана, подвоз материальной части и подвоз живой силы не только не прекращался, а беспрерывно возрастал. Верден был спасен автомобильным транспортом. Шоссейная дорога Бар-ле-Дюк — Верден стала во Франции «священной» дорогой. Благодаря автомобильному транспорту французы сумели подвезти к Вердену огромное количество огнеприпасов. С 21 февраля по 15 июня под Верденом было израсходовано снарядов: полевой легкой артиллерии — 1 042 800 шт., полевой средней — 2 077 225, полевой тяжелой — 1 618 592, крупнейших калибров — 11 500. Показала свою мощь и французская промышленность, которая сумела восстановить 1 119 потерянных орудий (из них 853 было расстреляно).

Для ориентировки план атаки на Верден показан на схеме 4.

Глава XII

СОММА
(ИЮЛЬ — НОЯБРЬ 1916 г.)

Французский опыт сражения на истощение.

1. Поворот в системе оперативно-тактических взглядов

Тот факт, что французы пришли к форме сражения на истощение одновременно с немцами и независимо от последних, свидетельствует о том, что эта форма оперативного маневра явилась следствием не только свободного творчества главного командования обеих сторон, но объективной формой сражения, вытекавшей из условий позиционной войны. Люка в своей «Эволюции тактических идей» называет 1916 г. периодом уточнения выводов. Но по существу со стороны французов имело место не уточнение выводов, а резкий поворот в системе оперативных и тактических взглядов. Французы вынуждены согласиться с фактом невозможности осуществить прорыв неприятельского фронта. Задачу уничтожения живых сил противника они отныне будут решать крайне методически, организованным и планомерным использованием мощных средств подавления, в первую очередь — артиллерии.

Только в результате длительного опыта, крупных неудач, тщательного изучения накопленного материала французы могли создать свою новую «доктрину», являющуюся крайним выражением оперативно-тактического искусства позиционной войны.

Операция на Сомме была задумана еще в конце 1915 г.

Для подготовки операции перед французским главным командованием стояли нижеследующие задачи:

1) выработать новую доктрину для активного наступательного сражения в условиях западного театра войны;

2) переобучить армию в соответствии с новыми тактическими и оперативными положениями;

3) выбрать объект и направление удара для решительного разгрома германских армий;

4) произвести перегруппировку на фронте и усилить новые формирования с целью образовать достаточные силы для решительного удара и резервы для его развития;

5) подготовить в тылу страны достаточные материальные средства и снабдить ими армию в районе удара.

2. Наступательная доктрина французов

Стремление выработать «новую наступательную доктрину» явилось естественной реакцией на неудачи 1915 г. Результатом явилась известная инструкция ген. Жоффра от 16 января 1916 г. В противовес «молниеносной ударности» всеми силами и непрерывности движения, этим основным руководящим началам наступательной доктрины 1915 г., новая инструкция кладет в основу крайний методизм. Производится переоценка всех ценностей и, в первую очередь, возможностей пехоты. В основу наступательного боевого порядка ставится артиллерия, которая своим массированным огнем должна подготовить продвижение пехоты. «Артиллерия разрушает, пехота наводняет»,—гласит инструкция. Учитывая оперативную глубину обороны противника, инструкция не задается целью прорыва всей глубины обороны с налета. Без перемены артиллерийских позиций можно овладеть только первой полосой, т. е. продвинуться на 3—5 км, затем остановка и новая методическая подготовка атаки следующего рубежа. Массирование артиллерии доводится до больших пределов: 100 и более орудий различных калибров на 1 км атакуемого фронта. Продвижение пехоты сопровождается заградительным подвижным огнем (огневым валом). Основные пункты инструкции Жоффра гласят:

«Цель общей наступательной операции заключается в уничтожении всей пехоты и артиллерии, которые противник в состоянии нам противопоставить на всех своих последовательных позициях в районе атаки.

Операция обыкновенно будет состоять:

1) из тщательно подготовленного штурма траншей первой линии противника и непосредственно следующего за ним боя, настойчиво руководимого начальниками; этот бой имеет целью:

а) захват всех позиций противника, которые могут быть обстреляны действительным артиллерийским огнем или до атаки, или во время ее развития и

б) рекогносцировку позиций, которые не могли быть обстреляны действительным артиллерийским огнем, и занятие наблюдательных пунктов, необходимых для новой полной артиллерийской подготовки;

2) из новой подготовки и новой атаки, для которых командным составом должны быть предусмотрены и организованы все средства.

Общий характер такого наступления будет состоять, таким образом, из ряда последовательных действий, заранее предусмотренных командным составом, причем каждая атака должна производиться с полным напряжением сил той войсковой части, на которую она была возложена.

Все участники наступления должны твердо усвоить, что атака укрепленной позиции может и должна увенчаться победой, если она предпринята при превосходстве как материальных, так и моральных сил и проведена решительно, методично и упорно.

Атака начинается со штурма первых неприятельских траншей. В этот момент артиллерия прикрывает пехоту от контратак своим заградительным огнем и стремится подавить неприятельские батареи.

В дальнейшем атака постепенно распространяется в глубь неприятельских линий, подкрепляемая влитием в боевую часть войск второй линии и резервов и поддерживаемая артиллерией, работающей в тесной связи с пехотой. Энергичное общее руководство должно вдохновлять и подбадривать частный почин, оно должно следить возможно внимательнее за ходом боя и иметь точные сведения об обстановке; тем самым обеспечивается планомерность действий и связь между родами войск.

Атака укрепленной позиции не должна сливаться в беспрерывный ряд штурмов. Частная атака где-либо может натолкнуться на позиции, еще держащиеся и хорошо защищенные, и в таком случае придется вновь приступить к подготовке атаки, для чего потребуется вновь создавать в руках высшего начальства все средства, обеспечивающие успех; новую разведку противника и его позиций, новую группировку сил (пехоту и артиллерию), новый план, выраженный в приказаниях, внушение войскам новой в себе уверенности и разъяснение им, что встречаемые препятствия будут сломлены сосредоточиваемыми для того превосходными средствами».

Еще более резко выявил новый характер сражения Фош (главнокомандующий северной группой армий), проводивший операцию на Сомме. В его инструкции от 20 апреля 1916 г. уже учтен верденский опыт.

В этой инструкции мы читаем:

«Опыт показал: где разрушение артиллерией было действительным, там наступление пехоты было успешным и стоило небольших потерь в людях; там же, где разрушение было произведено лишь частично, наступление пехоты немедленно останавливается, а последующие ее усилия, несмотря на количество сил, не представляют собой ничего, кроме неуспеха и сильных потерь. Другими словами, атака неразрушенных позиций недоступна.

Мера подготовки артиллерией атаки в общем определяет собой меру возможностей для пехоты. Эта подготовка должна тотчас же снова начинаться, лишь только пехота остановлена в своем движении. Глубина обстреливаемого артиллерией пространства определяет рубеж, который может быть назначен пехоте для захвата. Он отнюдь не велик: 2, 3, 4 км.

Наступательные операции надо, следовательно, понимать как ряд последовательных действий, имеющих целью последовательный захват части пространства, занимаемого неприятелем, на котором наша артиллерия могла уничтожить препятствия; протяжение этого пространства обыкновенно соответствует расстоянию, разделяющему две организованные неприятельские позиции. Поэтому в принципе при наступлении каждый маневр должен иметь целью захват одной линии неприятельских позиций.

Техническая сторона каждого такого маневра состоит в том, чтобы добиться с небольшими артиллерийскими средствами возможно полного разрушения неприятельских средств защиты, применяя при этом лишь строго необходимое количество пехоты.

Последовательность этих действий заключается в нижеследующем.

Первое: разрушить первую неприятельскую позицию при помощи соответствующей артиллерии и затем бросить пехоту в количестве, необходимом для захвата ее; продолжать продвижение до новой линии нетронутого сопротивления неприятеля и там приступить к подготовке нового наступления.

Второе: разрушить вторую неприятельскую позицию при помощи новой артиллерийской подготовки, причем часть артиллерии будет продвинута вперед, и затем вновь двинуть необходимое количество пехоты, чтобы занять указанную позицию, продолжая затем движение до третьей позиции, где готовиться к новому наступлению.

Третье: разрушить третью неприятельскую позицию, и т. д.

Каждый из этих моментов требует методического развития целой серии операций, требующих заблаговременной подготовки, соответствующей силе позиций и средствам неприятеля, которые он может применить для их защиты.

Атака не должна быть простым штурмом, ведущимся без передышки до конечных обозначенных рубежей. Такой штурм всегда имеет следствием беспорядок, т. е. смешение единиц, толпу, потерю управления и т. д. Он лишает возможности сочетать действия артиллерии с действиями пехоты, и этим самым пехота лишается поддержки своих орудий.

Для правильного ведения атаки следует:

1) чтобы маневрирование во время атаки было заранее подготовлено и изучено в зависимости от местности, неприятельских укреплений, действий соседних войск и т. д.;

2) чтобы боевые единицы были удобоуправляемы как в ширину, так и в глубину на случай маневрирования; каждое движение должно иметь строго обозначенную цель; каждый начальник должен занимать соответствующее место;

3) чтобы бой велся таким темпом, при котором старший командный персонал мог бы постоянно за ним следить как в отношении порядка, так и в отношении сохранения связи между пехотой и артиллерией.

Атака второй позиции должна вестись свежими дивизиями, а не теми, которые атаковали первую позицию. Не следует расходовать полностью большие боевые единицы в самом начале боя, который будет продолжителен. Атаки первой позиции и организация захваченного района являются достаточным усилием для дивизий, выполняющих их, каковы бы ни были их потери».

Внимательное изучение этих инструкций позволяет вскрыть зародыш новых противоречий, лежащих в основе сражения на истощение.

Во-первых, сражение на истощение являлось в основе материальным сражением; тем самым проведение подобных операций неизбежно ставилось в исключительную зависимость от состояния живых и материальных ресурсов страны и действующей армии. Накопление материальных средств даже в условиях широко развитой и мобилизованной промышленности требовало длительного времени.

Во-вторых, сражением подобного типа нельзя было добиться не только нарушения организационной системы армии противника, но даже овладения его укрепленной полосой. Подготовка атаки последующих укрепленных линий противника, после захвата первой, требовала столь длительного времени, что противник успевал создавать в своем тылу новые укрепленные зоны. Противник успевал также подвести достаточные резервы для уравнения сил. Сражение неизбежно затягивалось на весьма длительный срок.

В-третьих, масспрование артиллерии потребовало длительного времени для подготовки ее действия: подготовка позиций, особенно трудная для тяжелой артиллерии, подготовка данных для стрельбы, система наблюдения, связь, пристрелка, подвоз боеприпасов, подготовка погребов для снарядов и т. д. Артиллерийская подготовка длилась много дней (методов точной и уточненной стрельбы французы в 1916 г. еще не знали), противник своевременно узнавал о готовящейся атаке и успевал принимать меры противодействия. Внезапность не достигалась.

В-четвертых, массовая артиллерия, поскольку ей отвели решающую роль в подготовке штурма неприятельских позиций, ограничила размах удара пехоты досягаемостью своего огня. На пределе этой досягаемости пехота неизбежно должна была останавливаться, ожидая перехода артиллерии на более близкие позиции. Но этот переход вновь требовал длительного времени, приостанавливавшего активные действия.

Тот, кто хотел бы видеть в этих инструкциях документы только военно-технического порядка, безусловно ошибся бы. Это раньше всего глубоко продуманная политическая программа воздействия на моральные факторы армии с целью увеличения ее моральной устойчивости и воли к борьбе. Эти беспрерывные указания о необходимости поддержания железного порядка в наступающих войсках свидетельствуют о том, что до сих пор достаточного порядка не было. Ради «порядка» в жертву приносятся быстрота действий и инициатива младших начальников. Войсковая часть, достигшая указанного ей рубежа, не может по собственной инициативе двигаться вперед. Все приурочено к тому, чтобы дать командному составу возможность держать свои части в руках. 7 июля был такой момент, когда на французском участке атаки в расположении немцев образовалась открытая брешь, которую немцы не могли закрыть,

не имея больше резервов. Но лишенная инициативы пехота французов не пошла в прорыв, и на другой день брешь была закрыта.

Французские генералы так оценивали качества всей армии.

Мнение ген. Фоша:

«Не будем искать успеха ценой жертв пехоты. У нас ее мало, обновление ее происходит, главным образом, за счет выздоравливающих, война же предстоит еще долгая, а поэтому будем пользоваться тем оружием, которое не рискует притупиться, — будем очищать путь нашим армиям артиллерией».

Мнение ген. Мишле:

«Большие массы артиллерии на атакующих фронтах необходимы, так как без решительной подготовки атаки предварительной бомбардировкой наша пехота вперед не пойдет. Этим я не хочу сказать, что наша пехота морально опустилась, хотя, конечно, в начале войны наша пехота была лучше. Я хочу сказать, что за два года войны наша пехота настолько утомилась бесплодными атаками укрепленных позиций, настолько устала от траншейной войны, прятанья в убежищах, бомбардировок, огня заграждения и пр., что более чем когда-либо для того, чтобы поднять ее на штурм, необходимо давать ей уверенность в возможности и исполнимости поручаемого ей задания».

Французские генералы жалуются на свою пехоту. Пехота потрясена колоссальными потерями, которыми сопровождались систематические неудачи, и кошмарными условиями окопной войны и окопной жизни. Нужен какой-то новый импульс, чтобы двинуть эту пехоту вперед, и этот импульс был найден в охарактеризованной нами артиллерийской доктрине. Но по сути дела она представляет собой грандиозный обман. Хотя инструкция говорит о прорыве, но никакого прорыва и не предполагалось.

Хотя во французских армейских приказах мы находим такие яркие пункты, как, например: «атака будет выполняться лишь там, где объект ее окажется подвергнутым предварительному артиллерийскому разрушению, контролируемому, полному, несомненному», или: «пехота будет направляться на рубеж лишь тогда, когда этот последний уже окажется в полной власти артиллерии и в состоянии разрушения, допускающем занятие его пехотой» (приказы 10-й французской армии), но фактически эти требования не могли быть выполнены. Артиллерия того времени по своим техническим данным (малая подвижность в усло-

виях тяжелого для продвижения артиллерии позиционного поля сражения и недостаточная дальнобойность) не могла поспевать за пехотой и прикрывать ее огнем при всех положениях. Пехота быстро отрывалась от артиллерии и оказывалась с глазу на глаз с контратакующими свежими частями противника. В этом-то положении она обычно и несла огромные потери.

3. Переобучение армии

Одновременно с изданием инструкции началось и переобучение французской армии в 7 специально созданных учебных лагерях в тылу, куда поочередно перевозились французские дивизии. Срок обучения был установлен в 2 недели.

Это переобучение было поставлено на широкую ногу. В лагерях были воссозданы целые участки укрепленного фронта, оплетенные проволокой, лабиринтом траншей, ходами сообщений, подземными казематами, пулеметными установками и позициями полевой, тяжелой и траншейной артиллерии. Обучающаяся часть попадала в действительную «боевую» обстановку. Пехота занимала учебный участок позиционного фронта и практически обучалась детальным приемам продвижения в атаку по разрушенным неприятельским линиям, бою ручными гранатами в окопах, искусству очищать окопы и убежища длинными ручными ножами и гранатами, искусству минной борьбы с захватом переднего края воронок после взрыва горнов, искусству приспосабливать захваченные неприятельские окопы к обороне, тесному взаимодействию с артиллерией, умению двигаться за заградительным огнем, приемам установления и поддержания связи — проволочной, радио, собаками, голубями и различного рода сигнализацией. Войсковые соединения обучались производить смену в течение нескольких часов и быстро возводить полевые укрепления.

Что и говорить, — учитывая общий культурный уровень массы бойцов, следует признать, что такой лабораторный метод обучения должен был давать прекрасные результаты в самый короткий срок. Только благодаря ему армии могли переобучиваться ежегодно в соответствии с ежегодно устанавливаемой «новой доктриной». Систему почти ежегодного переобучения армии с успехом применили и германцы.

Эти учебные поля были одновременно и полями опытными. Иногда воспроизводились отдельные действительные участки по-

приятельского фронта, и на них войска обучались приемам атаки, которые потом повторялись на поле сражения. Этот метод подготовки войск получил особенно большое развитие у англичан, которые часто подготовляли таким образом даже незначительные набеги разведывательного характера на неприятельское расположение.

Одновременно с обучением была пущена в ход и вся система «воспитания». В первую очередь, были приведены в действие суровые военные законы, посредством которых быстро расправлялись с их нарушителями. Заподозренных в дезертирстве и пойманных в тылу тут же на месте расстреливали после короткой процедуры полковых судов. Трупы бросались без погребения с наколотой на груди бумажкой с надписью «дезертир». Ежедневно утром, где бы войсковая часть ни находилась, командиры отделения и взвода были обязаны проверить личный состав своего подразделения. Отсутствовавшие тут же предавались беспощадному полковому суду. Впоследствии, в боях под Верденом, применялись расстрелы даже тех, кто уходил во вторую линию под предлогом выноса раненых.

Все бойцы, о которых имелось основание предполагать, что они дезертировали или сдались в плен, присуждались к смертной казни заочно, приговоры отсылались на места жительства, и если дезертира там ловили, то приговор немедленно приводился в исполнение через повешение. Эти приговоры публиковались в печати для всеобщего сведения.

Система политической обработки масс, конечно, не ограничивалась только террором. В арсенале французских империалистов оставалось еще достаточно возможностей для того, чтобы затуманивать народные мозги. Печать, посылки, письма, отпуска, награды, пастыри, парламентарии, учителя, полиция, контрразведка исполняли свою работу не менее успешно, чем виселицы и расстрелы.

4. План операции

Первоначально французская главная квартира предполагала собрать для удара 75 дивизий (50 французских и 25 английских). По масштабам 1916 г. это был бы действительно огромный кулак. Удар предполагался на фронте в 70 км по обеим сторонам р. Соммы, с целью прорыва в общем направле-

нии на Валансьен — Мобеж, в обход всего неприятельского восточного фронта; тем самым должны были быть отрезаны все германские силы, расположенные тылом к голландской границе. В отношении формы оперативного маневра французам пришлось отказаться от повторения удара по сходящимся направлениям, и в инструкции Жоффра от 16 января указывается, что «наступательная операция должна выполняться на широком и непрерывном фронте». Но верденское наступление германцев расстроило этот план. Выделенные к середине февраля 27 дивизий резерва были быстро втянуты в сражение под Верденом, и свободных сил для немедленного осуществления удара на Сомме уже не было. Был период, когда французская главная квартира предполагала отказаться от проведения задуманной операции. Решили в конце концов нижеследующие политические и стратегические соображения:

1. Обязательства по отношению к союзникам о совместном ударе. Россия рядом операций демонстрировала «возрождение» своей армии. У Дрисвяты и у оз. Нарочь царизм хотел доказать, что в России хватает еще пушечного мяса. В мае должно было начаться колоссальное по средствам наступление на всех русских фронтах. Отказаться от участия в общем ударе казалось неблагоразумным, тем более что Россия должна была выступить раньше на две недели, отвлекая германские силы. В течение всей мировой войны Жоффр упорно стремился осуществить в коалиции стратегическую гегемонию французского главного командования. Но его усилия организовать одновременный, совместный удар всех сил коалиции на всех фронтах всегда выявляли прямые тенденции использовать силы союзников в эгоистических интересах Франции. Против подобной политики Франции союзники, естественно, протестовали, и переговоры о совместном ударе неизбежно затягивались и проходили с большими трениями. Только в 1916 г. Жоффру, наконец, удалось добиться согласия союзников на совместный удар. На конференции в Шантильи 12 марта 1916 г. было принято следующее решение:

1) французская армия должна незыблемо обеспечивать ось междусоюзного маневра, однако, не истощая при этом чрезмерно своих сил;

2) британская армия должна дополнительно сосредоточить во Франции все возможные силы и средства, чтобы в подготавли-

ваемом на Сомме франко-британском наступлении заменить французские войска, отвлеченные борьбой под Верденом;

3) подготовка к общему наступлению должна проводиться с таким расчетом, чтобы оно могло быть произведено в самом непродолжительном времени, причем должны учитываться климатические условия и тот факт, что России необходим значительный срок для окончания своей далеко еще неполной подготовки.

Удар был намечен в следующем порядке: 15 мая атакует русская армия, 1 июня—англо-французы, а затем итальянцы. Но обстоятельства сложились иначе. Русская армия только частично (юго-западный фронт) успела подготовиться к 1 июня. Итальянцы 14 мая сами были атакованы в Трентино. Англо-французская подготовка на Сомме также затягивалась. Тем не менее нужно констатировать, что летом 1916 г. Антанте удалось, хотя и в разное время, нанести удар на всех фронтах и привести «Серединный» союз в состояние большого напряжения.

2. Англичане не хотели сами наступать. По отношению к английской армии на западе французы играли, примерно, такую же роль, какую германцы играли по отношению к австро-венгерской армии на востоке. Они являлись подпорками для своих сравнительно слабых в боевом отношении союзников. Англичане еще не забыли Артуа прошлого года и предпочитали укреплять свой фронт, усиливать мощь своей армии и выжидательно смотреть на чудовищную бойню под Верденом и на русском фронте. Нужно было вновь пустить в ход все средства дипломатии, чтобы заставить английскую армию драться. И кроме «дипломатии»—еще и несколько десятков французских дивизий. Поскольку англичане наносили главный удар, а французы к этому удару лишь пристраивались, постольку и участок для атаки и форма удара вытекали не из оперативных соображений, а из коалиционной политики и стратегии.

3. Не последнюю роль играло и стремление отвлечь германские силы от Вердена. Для этого нужно было показать немцам, что «Верденская мельница» своей задачи не решила. Нужно было пустить в ход другую, «Соммскую мельницу». И действительно, начало сражения на Сомме было концом сражения у Вердена, где продолжались еще некоторое время лишь боевые конвульсии. Обе стороны знали, что вести одновременно две операции на истощение они не в состоянии. Как бы ни были малы

оперативные результаты сражения на Сомме, необходимо признать, что политически французы добились своей цели. Они доказали, что замысел Фалькенгайна провалился и что инициатива в руках Антанты.

В совокупности все эти обстоятельства все же привели к значительному сокращению размаха операции на Сомме. Она свелась в конце концов к подготовке атаки на фронте около 40 км по обеим сторонам р. Соммы. Для атаки на участке Суаекур—Маркур (15 км) французы назначили 12 дивизий; на участке Маркур — район севернее Гебютерн (25 км) англичане назначили 25 дивизий.

5. Подготовка материальной части и плацдарма

«Инструкция» Жоффра от 16 января была и военно-экономической программой. Это было оперативно-тактическое выражение «заявки», которую французская главная квартира предъявила народному хозяйству страны. По этой программе промышленность должна была изготовить: 900—105-мм пушек, 2 160—155-мм гаубиц, 1 440—155-мм пушек, 320—220-мм мортир и 20—280-мм мортир, не считая английской программы, цифр которой у нас, к сожалению, нет. Перед сражением на Сомме эта программа еще не была закончена, тем не менее французы сумели доставить на атакуемый участок свыше 100 орудий большой мощности (от 220 до 380 мм). Вновь вводимая тяжелая артиллерия была организована в группы артиллерийского резерва главного командования.

В отношении огнеприпасов программа требовала доведения ежедневного изготовления до 200 000 легких и 30 000 тяжелых снарядов. Промышленность с этой задачей справилась. Такая производительность позволила не только пополнить запасы снарядов, расстрелянных под Верденом, но и накопить достаточные запасы для операции на Сомме. Точных цифр этих запасов у нас нет. По данным Эрра можно указать, что с 24 июня по 10 июля было выпущено: 2 013 484 легких и 519 165 тяжелых снарядов.

В огнеприпасах не чувствовалось недостатка. Материальной части также было достаточно. Это позволило в одной 6-й армии в период с 1 июля по 1 октября заменить 746 разорванных и износившихся орудий.

Кроме того, французы успели произвести оснащение своей армии другими новыми средствами борьбы. В частности, ка-

ждый пехотный полк получил одну 4-орудийную батарею 37-мм орудий сопровождения.

Подготовка плацдарма для наступления началась еще в январе 1916 г. Опыт Вердена был полностью перенесен сюда. Невзирая на богатую сеть дорог, ведущих к участку, выбранному для атаки, было решено большую часть запасов сосредоточить заблаговременно на построенных складах-станциях, непосредственно за боевой линией. Таких мощных распорядительных станций-складов было построено 3.

В отношении войскового рубежа мы не находим принципиальных различий по сравнению с Шампанью. Идея «плацдарма» продолжает господствовать. Здесь была лишь большая детализация, большая оборудованность всей исходной позиции.

Чтобы иметь представление о размахе произведенных работ, укажем некоторые моменты материальной подготовки плацдарма: возведено 125 бетонированных батарейных позиций для тяжелой артиллерии; построено 125 км железных дорог нормальной колеи для подвоза снабжения и маневрирования тяжелой артиллерии на железнодорожных установках; сооружено до 2 000 колодцев для питания водой людей и лошадей; сооружено на позициях 150 погребов для снарядов, не считая работ на станциях-складах; устроена система убежищ, углубленных до 9 м для 5 дивизий второй линии; сооружено 5 аэродромных парков на 200 самолетов; сооружено 3 госпитальных городка, способных принять одновременно 15 000 чел. каждый.

6. Занятие исходного положения

К 24 июня с началом артиллерийской подготовки войска, предназначенные для атаки, заняли исходное положение в нижеследующем порядке:

а) Англо-французы

Французский участок: Суаекур—Марикур (15 км).
6 я армия — *ген. Файоль.*

№№ корпусов	№№ дивизий 1-й линии	№№ дивизий 2-й линии
XXXV (на южн. берегу р. Соммы)	61, 51	53
1 колониальный	2 и 3 колон.	—
XX (на северн. берегу р. Соммы)	11, 39	153, 47
II (на южн. берегу р. Соммы) .	—	3 и 4

Английский участок: Марикур—район севернее Гебютерн (25 км).
4-я армия — *ген. Раулинсон* и VII корпус 3-й армии.

№№ корпусов	№№ дивизий 1-й линии	№№ дивизий 2-й линии
XIII	18, 30	9
XV	21, 17, 7	—
III	8, 34	19
X	36, 32	49
VIII	31, 4, 29	48
VII	46, 56	—

Кроме того, в ближайшем тылу было сосредоточено по одному английскому и французскому кавалерийскому корпусу.

б) Немцы

2-я армия — ген. *Грюнерт.*

К северу от Соммы, на участке от Гебютерн до р. Соммы — 2-я гвардейская резервная, 52-я, 26-я резервная, 28-я резервная и 12-я дивизии.
К югу от Соммы — 11-я и 121-я дивизии.
В резерве армии — 1-я гвардейская резервная дивизия.

Взаимная группировка сторон показана на схеме 5. Артиллерийских орудий было сосредоточено:

	Траншейных	Полевых легких	Тяжелых
У французов	678	644	660
У англичан	800	600	500

Эти силы и средства в общем дали следующую среднюю плотность:

	На одну дивизию приходилось	На 1 км было орудий
У французов	2 км	133
У англичан	$1^1/_2$ км	76

Против этих сил 1 июля на позиции стояло лишь 8 германских дивизий и около 500 орудий, т. е. англо-французы имели пятикратное превосходство в числе дивизий и почти

восьмикратное превосходство в артиллерии. Авиация англо-французов абсолютно господствовала в воздухе.

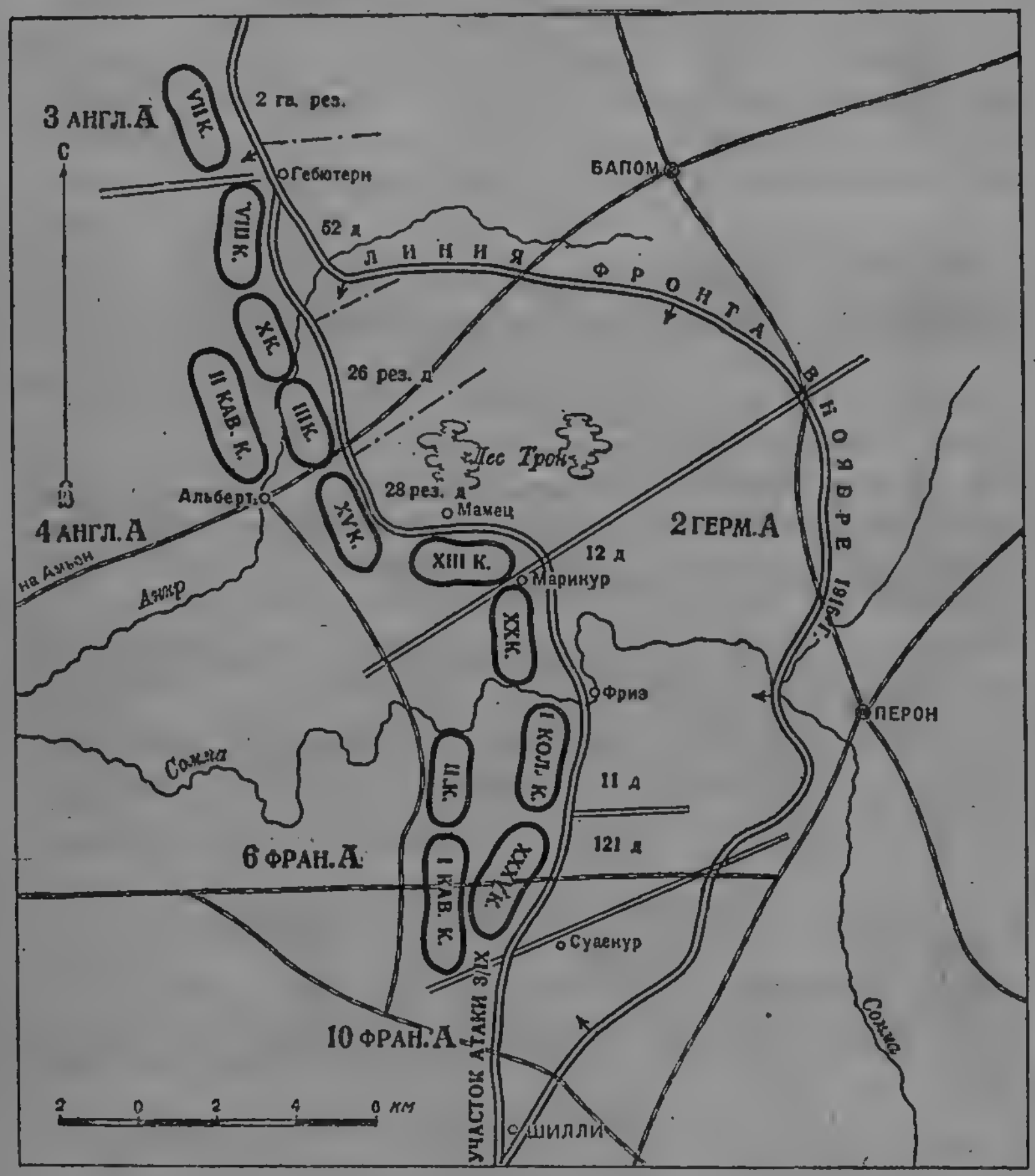

Схема 5. Операция на Сомме (июль—ноябрь 1916 г.)

Бросается в глаза слабая артиллерийская плотность у англичан. Это тем более странно, что англичане к тому времени имели на фронте 56 пехотных дивизий и 4 768 орудий, стало быть, для атаки они предназначали почти половину живых сил

и меньше четверти артиллерии. Объяснения нужно искать в том, что англичане еще не понимали в достаточной мере взаимоотношения между живой силой и количеством артиллерии. За это они горько поплатились, понеся чудовищные потери и достигнув минимальных успехов.

Но, «обжегшись на молоке», англичане начали «дуть на воду». После этого опыта англичане стали давать в своих наступательных операциях такую артиллерийскую плотность, которая значительно превзошла все бывшие доселе нормы.

В то же время характерно напряжение французов, которые в артиллерийском отношении почти оголили весь фронт, оставив лишь два очага — под Верденом и на Сомме.

7. Краткий очерк операции на Сомме

Оперативный и тактический характер сражения на истощение

Операцию на Сомме можно разделить на 4 периода: 1) 1—10 июля—исходная атака и бой за овладение первой укрепленной полосой; 2) от 10 июля до конца августа—затяжное сражение за удержание захваченной местности; 3) 3—28 сентября—новая общая атака союзников с небольшим успехом; 4) затяжное сражение до конца октября.

Артиллерийская подготовка началась 22 июня. К 1 июля она дала следующие результаты:

1. Искусственные препятствия, состоявшие местами из двух и даже трех рядов проволочных заграждений до 30 м шириной, были уничтожены почти полностью. Сохранились лишь те заграждения, которые были невидимы англо-французам, низкие тонкие заграждения и заграждения на обратных скатах.

2. Большая часть окопов первой полосы потеряла свой первоначальный профиль. На отдельных больших участках вся оборонительная полоса представляла лишь поле, изрытое воронками. Окопы были сравнены с землей.

3. Большая часть наблюдательных пунктов передовой полосы была уничтожена. Сохранилась лишь часть мощных бетонированных наблюдательных пунктов.

4. Убежища на глубине 5—6 м от прямых попаданий тяжелых снарядов разрушились. Большая часть бетонированных

убежищ на глубине 7—8 м сохранилась. В некоторых убежищах выходы были засыпаны, и они превратились в «мышеловки». Вывод: убежища должны иметь не менее трех выходов, при этом полезно соединять убежища подземными галлереями.

5. Пулеметные и минометные гнезда (капониры) и блокгаузы были разрушены далеко не все. Главным образом, сохранились те пулеметы, которые были скрытно расположены внутри оборонительной полосы.

6. Линия связи, закопанная на глубине больше 2 м, была почти полностью разрушена. Действовали лишь отдельные посты оптической сигнализации и отдельные радиостанции.

7. Артиллерия немцев в общем пострадала незначительно. Но недостаточная по количеству, она не могла создать для наступающей пехоты противника достаточно мощную преграду. Ее заградительный огонь в момент атаки пехоты в общем был легко преодолен.

8. Пути сообщения в тылу обороны находились все время под серьезным воздействием дальнобойной артиллерии. Станция снабжения 2-й армии была парализована. Тем не менее подвоз и подход резервов был только затруднен, но не прекращен.

9. Вследствие ряда ложных тревог пехота немцев неоднократно преждевременно выходила из убежищ и занимала места в боевой линии, неся при этом большие потери.

В конечном результате французы и англичане уже в первый день атаки сумели преодолеть первую оборонительную полосу немцев. Но удержались на ней только французы. Англичане же большей частью были отброшены контратаками назад.

Подготовка атаки не ускользнула от внимания немцев. Все работы по оборудованию плацдарма были взяты под беспрерывное воздушное наблюдение с фотографированием еще с марта месяца. Немцы своевременно выяснили сосредоточение английских сил и появление к северу от Соммы XX французского корпуса, считавшегося одним из лучших ударных корпусов французской армии. Было обнаружено также значительное скопление английских войск. К концу июня немцы определили и вероятный фронт атаки от Марикур до Римской дороги (8 км к югу от Соммы), т. е., как мы видим, вполне точно.

Но достаточных мер обороны все же принято не было. За это ген. Грюнерт был снят с должности. К участку атаки было дополнительно переброшено лишь около 30 батарей. К тому

времени немцы имели в резерве 12 дивизий, расположенных тремя группами:

Первая группа

VI рез. корпус (11-я и 12-я рез. дивизии) район Камбре.

10-я Бав. дивизия — район Перон
22-я рез. „ „ Сен-Кантен
123-я „ „ Ипр

Вторая группа

183-я дивизия — район Турне
3-я „ „ Валансьен
IV корпус (17-я и 18-я дивизии) — район Шарлевиль.

Третья группа

14-я рез. дивизия — район Седан
4-я „ „ Седан
5-я „ „ С.-Авольд

Но дополнительных дивизий к участку атаки своевременно подано не было. Этим в основном и определяется первоначальный успех англо-французов.

Но лишь только выяснилась серьезность положения на Сомме, как немедленно начинается быстрое подтягивание на поле сражения дополнительных сил. На чашу весов бросается основной боевой фактор — железные дороги. С 2 по 30 июля к участку сражения на Сомме подвозится 26 дивизий.

3 июля 2-я армия, вследствие значительного увеличения числа боевых соединений, была разделена на две армии (1-ю и 2-ю).

К 14 сентября немцы имели уже втянутыми в бой: к северу от Соммы 35 дивизий, к югу от Соммы 14 дивизий, а всего 49 дивизий.

Одновременно и французские силы быстро росли. Имея вначале в боевой линии лишь три корпуса, французы в середине августа успели дополнительно подвезти VII корпус (3 дивизии), II (3 дивизии), X (2 дивизии), XXX (3 дивизии) и II колониальный (2 дивизии) — итого 5 корпусов — 13 дивизий.

Англичане в период с 1 июля по ноябрь втянули в дело 54 дивизии, т. е. в сражении приняла участие вся английская армия. Этим путем английское командование обучало свою армию методам борьбы за укрепленные полосы. Хороший, но несколько

дороговатый метод обучения, ибо англичане уложили на Сомме свыше 250 000 чел.!

Сражение на истощение вылилось во фронтальное встречное сражение подвозимых резервов. Такое сражение не могло иметь решительных оперативных результатов. Взаимное уничтожение живой силы достигалось организованным действием боевых машин, в первую очередь артиллерии.

8. Понятие о последовательных операциях в позиционной войне

С понятием «последовательные операции» в маневренной войне связано представление о значительных территориальных сдвигах на фронте, о далеких продвижениях наступающих армий, удерживающих в течение длительного времени напряжение главного удара в одном и том же направлении. Совершенно иной характер имели последовательные операции в период позиционной войны. Оперативный характер сражения на истощение, как мы видели, быстро вырождался в длительное тактическое и материальное соревнование на одном и том же участке фронта.

Основная причина, почему операции на истощение превращались в тактические сражения, кроется в том, что обороняющаяся сторона имела полную возможность использовать мощь своих сообщений для быстрого уравнения сил и средств на поле боя. Наступающий же не мог преодолеть укрепленной полосы противника раньше, чем подоспеют резервы последнего. В определенный момент сражение приобретало характер взаимного истребления на основе полного использования методизма и плановости.

В сражении на истощение не было ни победителей, ни побежденных. Результаты сражения в большинстве случаев имели не оперативный, а политический характер. На Сомме англо-французы не имели решительной победы, потому что они ее не могли иметь и не ставили себе подобной цели. В то же время, с точки зрения коалиционной стратегии Антанты в целом, Сомма привела к успеху, ибо убедительно доказала немцам их бессилие на западном театре. Сомма способствовала успеху Брусилова на восточном театре и в конечном итоге вызвала выступление Румынии на стороне Антанты.

Немецкие генералы, в свою очередь, могли заявить общественному мнению страны, что они сумели успешно удержать свой фронт, но в то же время они должны были признать, что страна не проявила пока что достаточного напряжения и что война требует больших дополнительных ресурсов.

В тех случаях, когда наступающая сторона все же хотела извлечь из сражения на истощение оперативные результаты, она была вынуждена переносить удар на соседние или на другие участки фронта. Так зародилась идея последовательных операций в позиционной войне. Такими переносами центра тяжести операции на другие участки фронта истощались резервы противника, нащупывались его слабые места и сохранялся беспрерывный оперативный характер сражения. В 1916 г. не было еще всех условий (превосходство сил и средств одной из сторон, количественное и качественное истощение противника и т. д.), чтобы таким методом достичь крупных целей. Но в 1918 г. и немцы и французы стремились полностью использовать последовательные операции.

Еще в конце июля французское главное командование решает расширить фронт атаки к югу от Соммы, привлекая для этой цели соседнюю 10-ю армию. Подготовка удара заняла больше месяца и была закончена к 3 сентября.

10-я армия развернула свои силы на участке Шилли — Варне (20 км), имея в первой линии три корпуса (X, XXXV и II) и во второй линии также три корпуса (XXX, II колониальный и XXI). Для развития успеха был подтянут II кавалерийский корпус.

Чтобы детальнее уяснить характер сражения на истощение, разберем группировку артиллерии 10-й армии. Она была распределена следующим образом:

X корпус (три дивизии)

(Фронт Шилле—Лихонс—6 км)

А. Для разрушения первой позиции

Траншейная артиллерия:

Калибр	58 мм	22 бат.	164	орудия
»	240 »	4 »	24	»
»	340 »	1 »	2	»
	Всего		190	орудий

Тяжелые гаубицы:

Калибр 155 мм	16 бат.	64 орудия
„ 220 „	11 „	44 „
Всего		108 орудий

Б. Для борьбы с неприятельской артиллерией

Калибр 95 мм	4 бат.	16 орудий
Длинных пушек 120 мм	2 „	8 „
„ „ 155 „	16 „	64 „
Всего		88 орудий

В. Для заградительного огня и по пехоте

Полевая легкая артиллерия:

Калибр 90 мм	9 бат.	36 орудий
„ 75 „	36 „	144 „
Всего		180 орудий

Г. Для обстрела дальних и особо укрепленных пунктов

Артиллерия на железнодорожных установках:

Калибр 270 мм	2 бат.	8 орудий
„ 280 „	2 „	4 „
„ 370 „	2 „	4 „
Всего		16 орудий
Всего в корпусе		582 орудия

XXXV корпус (4 дивизии)

(Фронт Лихонс—Естре — 8 км)

А. Для разрушения первой позиции

Траншейная артиллерия:

Калибр 58 мм	8 бат.	96 орудий
„ 240 „	5 „	30 „
„ 340 „	2 „	4 „
Всего		130 орудий

Тяжелые гаубицы:

Калибр 155 мм	24 бат.	96 орудий
„ 220 „	10 „	40 „
Всего		136 орудий

Б. Для борьбы с неприятельской артиллерией

Калибр 95 мм	9 бат.	36 орудий
» 105 »	2 »	8 »
Длинных пушек 120 мм	9 »	36 »
» » 155 »	11 »	44 »
Всего		124 орудия

В. Для заградительного огня и по пехоте

Полевая легкая артиллерия:

Калибр 99 мм	3 бат.	12 орудий
» 75 »	42 »	168 »
Всего		180 орудий

Г. Для обстрела дальних и особо укрепленных пунктов

Артиллерия на железнодорожных установках:

Калибр 270 мм	2 бат.	8 орудий
» 293 »	1 »	2 »
» 370 »	2 »	4 »
Всего		14 орудий
Всего в корпусе		584 орудия

II корпус (три дивизии)

(участок Естре—Барне—6 км)

А. Для разрушения первой позиции

Траншейная артиллерия:

Калибр 68 мм	14 бат.	168 орудий
» 240 »	4 »	24 »
Всего		192 орудия

Тяжелые гаубицы:

Калибр 155 мм	13 бат.	52 орудия
» 220 »	8 »	32 »
Всего		84 орудия

Б. Для борьбы с неприятельской артиллерией

Калибр 95 мм	2 бат.	16 орудий
» 100 »	2 »	8 »
Длинных пушек 120 мм	6 »	24 »
» » 155 »	14 »	56 »
Всего		104 орудия

В. Для заградительного огня и огня по пехоте

Калибр 75 мм . . . . . 45 бат. 180 орудий

Г. Для обстрела дальних и особо укрепленных пунктов

Калибр	270 мм	4 бат.	16 орудий
„	280 „	1 „	2 „
	Всего . . .		18 орудий
Всего в корпусе . . .			578 орудий

Кроме того, группа командующего армией:

Калибр	400 мм	2	орудия
„	320 „	16	„
„	340 „	4	„
„	305 „	8	„
„	240 „	6	„
„	190 „	24	„
„	160 „	3	„
	Всего . . .	63	орудия
Всего в 10-й армии .		1 807	орудий

Таким образом, на фронте в 20 км была достигнута плотность 80 орудий на 1 км. В распределении артиллерии мы видим дальнейший шаг вперед, облегчавший использование и централизованное управление.

Из удара 10-й армии можно сделать следующие выводы:

1. Подготовка удара требовала свыше месяца. Такой все же сравнительно небольшой срок объясняется тем, что в инженерном отношении участок 10-й армии был оборудован гораздо раньше. Обычно подготовка операции в армейском масштабе требовала до трех месяцев.

2. 3 сентября, когда состоялся удар 10-й армии, сражение на всем Соммском участке продолжалось с неослабевающим напряжением. Преимущества 10-й армии заключались лишь во внезапности, которой все же удалось достигнуть благодаря недостаточной бдительности германской армии, и в сравнительной незначительности противостоящих германских сил.

3. Длительность усилий 10-й армии обеспечивалась расположением корпусов в две линии (дивизии располагались даже в три-четыре линии).

4. Атака 10-й армии привела к обычному тактическому успеху, т. е. к продвижению в глубину на 3—5 км. На этом ру-

беже пехота атакующего остановилась, закрепляя за собой местность и отражая контратаки противника. Двигаться немедленно дальше пехота не могла, так как артиллерия, особенно тяжелая, не могла двигаться за ней с одинаковой быстротой. Вся французская артиллерия калибром больше 155 мм не обладала еще достаточной подвижностью. Полевая же артиллерия 75—120 мм хотя и могла бы поспеть за пехотой, но вследствие слабой своей мощности она не сумела в достаточной мере обеспечить последующую немедленную атаку пехоты.

5. Чтобы получить достаточные силы и особенно артиллерию для 10-й армии, французы были вынуждены произвести большие перегруппировки на всем фронте. Напряженное маневрирование на тыловых путях сообщения является характерным признаком сражения на истощение.

6. В ходе операции одновременно уточняются старые и делаются новые выводы тактического и оперативного порядка. Но большинство этих выводов касается не столько способов действия при наступлении, сколько, главным образом, обороны. Обе стороны приходят к основному выводу, что для успеха обороны необходимо иметь возможно более глубокую укрепленную полосу с организованной системой пулеметного и артиллерийского огня, с одной стороны, и глубоко эшелонированный гарнизон обороны для питания контратак, с другой.

Глава XIII

ОПЕРАЦИЯ НА р. ЭН (АПРЕЛЬ 1917 г.)

Поворот от операций на истощение к операциям на сокрушение. Фронтальный удар на широком фронте

1. Политические и стратегические предпосылки операции

Таким образом, в течение всего 1916 г. на западном театре продолжалось беспрерывное грандиозное сражение, которое в общем унесло свыше миллиона жертв. Но от победы оба противника к концу года оказались все так же далеко, как и прежде.

Но было ясно, что Антанта имеет значительное превосходство над Германией. Последняя была вынуждена полностью отказаться до 1918 г. от активных действий на западном театре.

В течение 1916 г. оперативное и тактическое искусство на западном театре войны продолжало развиваться по линии углубления и расширения позиционной войны. Французское главное командование, попав в тон основной стратегической линии поведения Антанты, имевшей целью истощение германцев, с момента издания инструкции от 16 января 1916 г. довольно успешно фиксирует новые тактические и оперативные формы, которые выявились на полях сражения, в связи с быстрым ростом численности армии и техники и последовательным падением моральной устойчивости бойцов.

Но в начале 1917 г. французская политика и главное командование вдруг делают «дикий» скачок в сторону и вновь выдвигают задачу покончить с Германией одним ударом. Правительство Бриана ставит стратегии эту цель, а в лице ген. Нивеля оно находит свое оперативное и тактическое оформление. В сражении на р. Эн эта новая «доктрина» держала экзамен и жутким образом провалилась.

Чтобы понять причины, приведшие французское правительство и главное командование к решению нанести Германии полное поражение весной 1917 г., нужно несколько разобраться в обстановке, которая сложилась к концу 1916 г.

Результаты кампании 1916 г. были в общем благоприятны для Антанты. «Срединный» союз лишь с большим трудом отражал многочисленные атаки армий Антанты, проводившиеся почти на всех фронтах. Казалось, что если Антанте удастся добиться вновь единовременного удара всех армий на всех фронтах, то противник не будет в состоянии отразить это соединенное наступление. К этой цели и были направлены, как и прежде, все усилия Жоффра. На конференции в Шантильи 16 ноября 1916 г. было достигнуто следующее соглашение:

«I. Члены конференции одобряют план коалиции, представленный им в форме меморандума и имеющий целью придать кампании 1917 г. решительный характер.

Вследствие этого они принимают следующие решения:

а) предпринятые в настоящее время наступательные операции должны быть продолжены зимою 1916/17 г. во всем объеме, допускаемом климатическими условиями каждого фронта;

б) чтобы иметь возможность противостоять всякому новому обороту событий и, главным образом, чтобы воспрепятствовать неприятелю захватить инициативу операций, армии коалиции должны быть готовы начать общее наступление в первой половине февраля 1917 г. со всеми имеющимися в их распоряжении средствами;

в) с того времени как армии будут готовы к атаке, главнокомандующие должны установить взаимно согласованный образ их действий, сообразно обстановке;

г) если обстоятельства позволят, общее наступление при условии ввода в действие максимума средств, которыми каждая армия будет располагать, начнется на всех фронтах сейчас же по согласовании отдельных наступательных операций, причем сроки их будут установлены по общему соглашению главнокомандующих;

д) чтобы вполне осуществить необходимую общую согласованность в этих различных для каждой армии положениях, главнокомандующие должны сохранять тесный контакт между собой.

II. На балканском фронте:

а) коалиция должна стремиться возможно скорее вывести Болгарию из строя. Русское верховное командование намерено в этих видах продолжать и усиливать начатые операции;

б) русско-румынские силы предназначаются для действий против болгар с севера, а союзная салоникская армия—для действий с юга. Действия обеих этих групп должны быть тесно связаны между собой, чтобы добиться на том или другом фронте совместного развития операций;

в) союзная армия на Востоке (на салоникском фронте.—*А.В.*) возможно скорее должна быть доведена до 23 дивизий; этот состав соответствует, с одной стороны, численности войск, которые смогут маневрировать и которые можно будет питать и снабжать на восточном театре военных действий, с другой стороны—количеству войсковых единиц, которое сможет быть выделено с западных театров военных действий. С целью такого усиления союзных армий на востоке британское правительство без промедления должно довести свои силы до 7 дивизий, французское правительство—до 6, а итальянскому правительству, информированному о твердо выраженных намерениях русского верховного командования, будет предложено довести итальянские силы в Салониках до 3 дивизий;

г) численный состав союзной армии на востоке должен тщательно поддерживаться в полном комплекте».

Эти решения полностью соответствовали стратегии Франции, которая стремилась переложить возможно большие задачи на союзников. В соответствии с принятыми решениями Жоффр сносился с Хэгом, предлагая последнему проект совместного удара на западном театре. Английская армия должна атаковать между Бапомом и Вими, в то время когда французская армия примет на себя участок между Соммой и Уазой. Таким образом, Жоффр по существу предлагал продолжать заглохнувшую в ноябре 1916 г. операцию на Сомме.

Но не успели представители держав разъехаться из Шантильи, как начался распад принятого грандиозного плана совместного удара.

В первую очередь, был отставлен удар на македонском (салоникском) фронте, имевший целью вывести из строя Болгарию. Преодолеть трения между Францией и Англией оказалось невозможным, и вместо активных действий было решено сохранить на этом фронте пассивность.

Во-вторых, в те дни, когда происходила конференция, в ход переговоров вмешался противник, который 11 ноября вторгся в Валахию (Румыния) и к середине декабря занял почти всю румынскую территорию, разбив наголову румынскую армию.

В-третьих, вследствие разгрома Румынии, пришлось отказаться от совместного удара русских и румынских сил на восточном театре.

В-четвертых, итальянцы, готовя удар на Изонцо, все время предполагали, что они сами будут атакованы в Трентино. Естественно, что при таких условиях они не проявляли большой активности.

Таким образом, от плана остался клочок бумаги. Жоффру оставалось лишь разработать план действий французских армий на западном театре, согласуя свои предположения с планом англичан. К счастью, намерения английской главной квартиры были в достаточной мере агрессивны, и она на сей раз не сильно торговалась с Жоффром о пределах размаха английского удара. Хэг согласился атаковать на участке в 40 км, назначив для удара две армии (1-ю и 3-ю) в составе 28—30 дивизий. Если учесть, что Жоффр предполагал атаковать на участке также в 40 км, то всего получаем ширину фронтального удара в 80 км.

Такой размах операции на западном театре не имел еще места.

Тем не менее нужно констатировать, что лично Жоффр и его основные сотрудники, в особенности Фош и Петэн, не верили в возможность покончить с германской армией одним ударом. Их взгляды вошли в противоречие с намерениями французского правительства и привели к отставке Жоффра.

Причины, побудившие Антанту искать весной 1917 г. немедленного сокрушения Германии, вытекали из ряда сложных внутренних и внешних обстоятельств.

До Франции доносился подземный гул великих событий, назревавших в России. Палеолог и Бьюкенен (послы Франции и Англии в Петрограде), не жалея красок, доносили о назревающей революции и возможном выходе России из войны. Нужно спешить, иначе Германия начнет перебрасывать с восточного театра корпуса и дивизии, и благоприятное соотношение сил может измениться. Превосходство же в силах, действительно, было на стороне Антанты. Она имела на западном театре 170 дивизий против 134 германских при значительном превосходстве технических средств борьбы (24 000 орудий Антанты против 18 000 орудий германцев). Антанта знала о «программе Гинденбурга», которая должна была значительно увеличить численность и техническую мощь германской армии. Нужно нанести Германии удар раньше, чем она осуществит эту программу.

Внутри Франции также выявились крупные затруднения. Резкое падение посевных площадей, недород в главнейших странах—поставщиках хлеба (Америка, Аргентина) и неожиданно суровая зима грозили голодом. Одновременно и резко ухудшилось финансовое положение страны. Французский мелкий буржуа, на котором только и держалась мощь армии, начал сдавать. Французские лавочники начали увлекаться пацифизмом. В рабочем классе быстро нарастали революционные настроения. В промышленных областях Парижа, Лиона и Луары росло забастовочное движение.

Под влиянием всех этих причин французское правительство и выдвинуло идею необходимости решительного наступления. Но методы Жоффра и его ближайших сподвижников не могли импонировать правительству. Их стратегия ограниченных целей не встречала сочувствия у французских банкиров, которые требовали более серьезных успехов. Не соглашалась с этой стратегией и армия, которая не хотела понимать, почему она должна нести

такие огромные потери в борьбе за «метры» неприятельских позиций. Под давлением двух сил, действовавших в разных направлениях, — реакционного правительства и возбужденных масс—Жоффр ушел в отставку. Был отстранен также и Фош, который был направлен в Италию. Главнокомандующим был назначен Нивель (командовавший до этого 2-й армией под Верденом). Одновременно разгорелась острая парламентская борьба. которая в конце концов привела к падению министерства Бриана. Власть перешла в руки радикального кабинета Рибо (военный министр Пенлеве), который высказался против решительного наступления. Но это правительство не могло удержать инерции готовящегося удара и шовинистического ажиотажа французских банкиров.

2. План Нивеля

План Жоффра Нивелю не понравился. По его мнению, фронтальное сражение на широком фронте от Вими до Суассона даже в случае успеха не может дать решительных результатов. Необходимо фронтальный удар дополнить фланговым, чтобы при прорыве сразу иметь возможность выбросить крупные силы в тыл охваченного с фланга противника. Поэтому Нивель к фронтальному участку Жоффра добавляет еще один фронт между Суассоном и Реймсом, превращая этот участок в главный. Таким образом, Нивель вновь выдвигает идею удара по сходящимся направлениям, отвергнутую осенью 1915 г.

Чтобы получить достаточные силы и средства для дополнительного удара, Нивель добивается у Хэга удлинения английского фронта к востоку. Англичане протягивают свой фронт до Руа, сменив части 6-й и 10-й французских армий.

По плану Нивеля англичане в первых числах апреля атакуют на фронте Вими — Руа. Через 3—5 дней атакует северная группа французских армий на фронте Руа — Лассиньи. Через несколько дней после этого удара производится главная атака на р. Эн в общем направлении на Гирсон.

В случае успеха Нивель предполагает создать угрозу всем силам немцев, действующим в северной Франции и Бельгии, которые будут сжаты между Арденнами и южной оконечностью Голландии. Налицо опять грандиозный план окружения всей германской армии и столь же грандиозное несоответствие между замыслом и средствами для его реализации.

3. Новая оперативная и тактическая доктрина французов

Совершенно очевидно, что для такого грандиозного стратегического плана, какой был задуман Нивелем, не годилась тактическая доктрина 1916 г., в основе которой лежал крайний методизм. Нужно было эту доктрину переработать и вновь переобучить войска.

Нивель, на основании опыта своей боевой деятельности, мог уверовать, что он нашел новый секрет победы. Нивель начал войну в чине полковника. Во время войны он быстро прославился как командир III армейского корпуса, а затем в качестве командующего 2-й армией. Под Верденом 24 октября и 15 декабря 1916 г. он своими решительными, энергичными и короткими ударами отбил у немцев почти всю территорию, которую они завоевывали почти полгода. Успех этих атак мог вскружить ему голову, которая и без того была пропитана сокрушительными наступательными идеями. В своих докладах правительству он пишет: «Из вечных принципов войны наиболее существенным и никогда не оспаривавшимся является положение, что уничтожение главной массы вооруженных сил врага ведет к решению войны». Доказывая необходимость не откладывать наступления на р. Эн, он говорит: «Значительные германские силы, которые в настоящий момент связываются на востоке, смогут освободиться и возвратиться на наш фронт; но в течение ближайших недель это еще не будет иметь места».

Как «настоящий военный», воспитанный суровыми условиями позиционной войны, Нивель не хочет считаться с политикой. Он—поклонник грубой силы. Союзники имеют большое превосходство в людях, пушках, снарядах, танках и авиации. Германия не может противопоставить равных средств. Путем единовременного решительного и стремительного удара фронт противника должен быть прорван на широком участке. Тактика Нивеля очень проста. Он возвращается к тактическим приемам наступления в Шампани осенью 1915 г. Путем беспрерывного движения массы пехоты, сопровождаемой могущественным артиллерийским огневым валом, позиция противника должна быть прорвана в течение 24—48 часов. Пехоте не нужно останавливаться для ликвидации второстепенных объектов, мешающих продвижению. Артиллерия как легкая, так и тяжелая, должна научиться сле-

довать за пехотой. Нивель не хочет признавать, что тяжелая артиллерия того периода физически не могла поспевать за пехотой. Хотя к операции на р. Эн было привлечено 84 дивизиона тракторной артиллерии, все же было известно, что эта артиллерия может успешно маневрировать только на тыловых оборудованных дорогах, а не на поле сражения. Нивель не хочет также считаться ни с мощью укреплений противника, достигших глубины до 15 км, ни с его резервами. Словом, Нивель высказал систему взглядов, вытекающих не из обстановки, а из головы. Такая доктрина неизбежно должна была рухнуть при первом соприкосновении с действительностью. Однако, уверенность в победе была столь велика, что предстоящее наступление стало предметом открытого обсуждения в прессе и в обществе. Элемент внезапности был отброшен в сторону, как ненужный в данных условиях.

Целая серия руководящих документов (инструкций), изданных в конце 1916 г., резко изменяет установившиеся взгляды на способы действий при атаке укрепленных полос.

Остановимся подробнее на инструкции от 16 декабря 1916 г., по указаниям которой было произведено переобучение войск, предназначенных для операции весной 1917 г. Хотя эта инструкция подписана Жоффром в день его отставки, но по существу она является инструкцией Нивеля. В общих указаниях инструкция критикует крайний методизм, не оправдавший себя в операциях 1916 г.

«Опыт доказал, что этот способ действий, обеспечивая определенные результаты, не приводил к использованию в полной мере всех сил, пущенных в дело, и часто ограничивал возможность использования уже достигнутых успехов. Он всегда давал противнику время оправляться и организовать по мере нашего продвижения новые оборонительные линии».

Чтобы преодолеть отрицательные стороны методизма, нужно стремиться соединить методизм с быстротой.

Полный методизм должен быть достигнут при подготовке атаки, но во время атаки нужно отказаться от назначения конечных пунктов, дальше которых пехота не могла бы двигаться. Пехоте должно быть возвращено право инициативы и смелости. В борьбе внутри укрепленной полосы противника пехота своими средствами должна овладеть теми пунктами, которые еще остались в руках противника. Должно стать обязательным правило

механически поддерживать тесное соприкосновение с противником при его отходе. Подготовка новой атаки должна ограничиваться временем, нужным для установки артиллерии на новых позициях. «Тяжелая артиллерия стала орудием полевой войны. Необходимо научиться пользоваться ею, как 75-мм пушкой, добиваясь столь же быстрых выездов на позицию и открытия огня».

В отношении характера атаки инструкция дает такие указания:

«Безостановочное, производимое в полном порядке, последовательное и быстрое движение вперед совершенно естественным путем приводит снова к полевому бою, к которому и надлежит стремиться в итоге прорыва. Перед общим наступлением необходимо стряхнуть с себя окончательно неподвижность и медлительность, въевшиеся в наши приемы боя, благодаря излишне затянувшейся окопной войне».

Подготавливается и кавалерия, которая реорганизуется. Значительно усиливаются ее огневые средства. Кавалерия обучается пешему бою. Кавалерия должна «приспособить свои приемы действий к условиям современного боя и современного огня».

Задачи кавалерии: 1) немедленное использование успеха в связи с атакующими войсками (это — задача дивизионной и корпусной кавалерии); 2) дальнейшее развитие успеха конными массами, которые должны рассчитывать только на свои силы.

«Крупные кавалерийские соединения должны начать действовать после того, как будет проделана брешь в неприятельской оборонительной системе или когда неприятель начнет отступление широким фронтом».

Действия кавалерии слагаются из трех этапов: а) выход в прорыв, б) параллельное преследование противника с целью не дать ему возможности закрепиться на тыловых рубежах и в) самостоятельный бой кавалерии в тылу противника до подхода главных сил наступающего.

Прорыв фронта также слагается из трех основных этапов:

а) Мощный, сокрушительный, тщательно подготовленный удар на широком фронте. Быстрое непрерывное движение пехоты прямо перед собой с минимальными остановками, необходимыми для приведения себя в порядок и для подтягивания артиллерии, должно образовать брешь в расположении противника.

б) Успех атакующих частей развивается, главным образом, на флангах с целью расширения бреши и отражения фланговых контратак.

в) Использование успеха возлагается на свежие войска и кавалерию, расположенные вблизи фронта атаки.

Но какие основания имел Нивель считать, что весной 1917 г. такой прорыв может иметь успех? Кроме сознания количественного превосходства — никаких. Превосходства в качестве технических средств (кроме незначительного количества танков) и в искусстве использования этих средств у англо-французов еще не было. Хотя в инструкции от 16 декабря и указывается на необходимость короткой артиллерийской подготовки, но этот короткий срок исчисляется в 3—5 дней. Хотя инструкция декларирует необходимость ряда быстро следующих одна за другой атак, но как конкретно осуществить эту быстроту, не указывается. Боеспособность германской армии все еще была на высоте. Правильная идея единовременного подавления всей укрепленной полосы противника еще не могла быть материально обеспечена, так как артиллерия не имела такой дальнобойности.

4. Контрмероприятия германцев

В то время когда во Франции развивался наступательный ажиотаж, во главе германских армий стали Гинденбург и Людендорф. Их приход ознаменовался целым рядом перемен в германской политике и стратегии:

1. Установлением фактической военной диктатуры. Популярность этих двух лиц в стране была столь велика, что им не стоило больших трудов отбросить на задний план парламентскую говорильню (рейхстаг) и поставить в подчиненное положение и самого Вильгельма. С конца 1916 г. ни один важный вопрос внутренней и внешней политики Германии не решался без влияния этих двух лиц. Неоднократно выдвигался проект назначения Людендорфа канцлером.

2. Решением продолжать войну до полной победы. В Германии и в особенности в Австро-Венгрии появилось много трезвых буржуазных государственных деятелей, которые понимали безнадежность дальнейшей борьбы и готовы были итти на компромиссный мир, не отказываясь даже и от некоторых уступок. Но Гинденбург и Людендорф, отражавшие взгляды наиболее реакционных империалистических кругов, смотревших на политику только сквозь «чисто военные», солдатские очки, не могли понять, что временный стратегический успех не решает

участи войны. Успехи германского оружия, особенно на востоке, были велики. На западе немцы упорно удерживали свой фронт. Германскому главному командованию казалось, что можно добиться победы вооруженной силой.

Из решения продолжать войну до конца, в свою очередь, вытекал ряд следствий:

а) Переход к беспощадной подводной войне, невзирая на опасность выступления Америки на стороне Антанты. Чтобы как-нибудь оправдать подводную войну перед всемирным общественным мнением, Германия в декабре 1916 г. обратилась с предложением о мире. Но это предложение по своей форме и по существу носило чисто провокационный характер и, естественно, было Антантой отвергнуто.

б) Принятие закона о всеобщей обязательной трудовой повинности для всех лиц в возрасте от 16 до 60 лет. Этот закон своим острием был явно направлен против рабочего класса, который все более отходил от разлагающего влияния социал-демократической, шовинистической пропаганды и становился на классовую революционную точку зрения.

в) Разработка плана расширения военных производств и новых формирований, известного под названием «программы Гинденбурга». Под руководством Людендорфа был произведен коренной перерасчет потребностей технических средств борьбы. Промышленности была предъявлена новая заявка, выполнение которой потребовало огромного напряжения германского народного хозяйства. Но выполнение военных заказов было для германских промышленников столь прибыльным делом, что они успешно справились с новой программой. Фактическое производство значительно превзошло потребность. Нижеследующие цифры иллюстрируют программу Гинденбурга:

Наименование предмета	Потребность в месяц по заявке германского главного командования	Фактически достигнутая производительность
Порох	12 000 т	14 400 т
Снаряды	11 000 000 шт.	11 000 000 шт.
Патроны	200 000 000 „	250 000 000 „
Винтовки	200 000 „	250 000 „
Пулеметы	7 000 „	14 000 „
Орудия легкие	3 000 „	2 800 „
„ тяжелые	400 „	400 „

Заявка германского главного командования была значительно больше действительной потребности. Достаточно указать, что действительная потребность в орудиях была не больше 1 200—1 500 орудий в месяц, заявка же требовала 3 000. Причина столь вздутых цифр заявки заключается не только в стремлении возможно шире использовать технику на фронте, но и в требованиях германских промышленников, стремившихся извлечь из войны возможно больше прибылей.

По сравнению с потребностью середины 1916 г. программа Гинденбурга исходила из расчета утроенного количества орудий и пулеметов и удвоенного количества огнеприпасов. Кроме того, эта программа предусматривала формирование новых 40 дивизий.

3. Переходом на всех фронтах к обороне впредь до осуществления этой программы. На основе опыта последних операций была издана новая инструкция—«Оборонительный бой».

Эта инструкция вводит ряд новых приемов и методов в систему обороны. В основу обороны кладутся глубоко эшелонированные бетонированные укрепленные позиции (до 15 км в глубину) и активность гарнизонов, осуществляющих оборону путем маневра. Основная задача обороны заключается в том, чтобы нанести противнику возможно больше потерь при всемерной экономии своих живых сил. Эта цель должна быть достигнута путем полного использования мощи всех огневых средств. Инструкция отказывается от требования удерживать переднюю линию во что бы то ни стало. В инструкции указывается:

«При устройстве позиций и распределении сил эшелонирование в глубину должно составлять руководящую мысль.

Наименьший гарнизон — в первой линии и эшелонирование — в глубину.

Упорное сопротивление и возобновление гарнизона первой линии являются уже мерами, недостаточными для удержания позиции.

Бороться надо не в первой линии, а за первую линию и около нее».

Понятно, что выдвижение лозунга «всемерная экономия живых сил и усиление технических средств борьбы» должно было служить подъему моральной устойчивости бойцов.

В соответствии с этой инструкцией была выстроена новая мощная укрепленная полоса на линии Аррас—Камбре—Сен-

Кантен — Ля-фер-Вальи под названием позиции Зигфрида (или Гинденбурга). Позиция состояла из трех укрепленных полос глубиной до 12—15 км. От моря до Арраса была построена такая же позиция под названием позиции Вотана.

В середине февраля 1917 г. частями 3-й германской армии в Шампани был захвачен приказ, раскрывающий план операции Нивеля. Догадки о готовящемся наступлении получили документальное подтверждение. Не имея достаточных сил для подготовки отражения двух одновременных атак на Сомме и на Эне, германское главное командование решило: а) расстроить наступление на Сомме путем преднамеренного отхода на позицию Зигфрида и б) произвести перегруппировку сил на фронте с целью уплотнения позиций на р. Эн и образования резервов.

Идея преднамеренного отхода (отскока) на позицию Зигфрида возникла у ген. Куля еще осенью 1916 г. Но тогда она была отвергнута Людендорфом по политическим соображениям. Но когда определенно выяснилось, что на неустроенной, изрытой воронками, болотистой и топкой позиции на Сомме будет трудно удержаться, отход был санкционирован.

Огромную роль, которую сыграл отход, нарушивший весь план англо-французского наступления, быстрота, четкость и планомерность его осуществления свидетельствуют о высоких качествах германской армии того времени. Отныне преднамеренный отход с широким использованием службы заграждения займет надлежащее место в перечне оперативных приемов обороны не только в позиционной, но и в маневренной войне.

Операция по отходу требовала выполнения огромных работ. Нужно было самым детальным образом подготовить позиции и тыл для трех армий. Эта часть работы была выполнена заблаговременно, путем создания особых штабов, ведавших строительством. Позиции были оборудованы по последнему слову фортификационной техники. Они действительно могли считаться неприступными. Тыл — железнодорожная сеть, склады огнестрельных припасов, продовольственные склады, бараки для ближайших резервов, мастерские и лазареты — был оборудован во всех отношениях. В основном эти работы были произведены в период с 9 февраля по 15 марта 1917 г. Одновременно выполнялась эвакуация материальных средств позиции, оставляемой на Сомме. 15 марта начался всеобщий отход, и 20 марта немцы заняли новые позиции.

Одновременно с отходом было организовано полное разрушение оставляемого пространства. Были взорваны все мосты, даже самые маленькие, как на железнодорожных, так и на грунтовых путях. Железнодорожная колея почти всюду была снята. Верхний слой на шоссейных путях немцы разрушили, а на главных участках образовали воронки путем взрывов мощных горнов. Разрушению подверглись все станционные сооружения по управлению и водоснабжению. Было засыпано и разрушено огромное количество колодцев и родников. Большинство селений немцы сожгли и разрушили, большую часть здорового населения — эвакуировали. Людендорф с прямолинейным цинизмом указывает, что было сделано все для того, чтобы оставить французам возможно больше бесполезных едоков — детей, женщин и стариков, которые были согнаны в определенные места и оставлены в «подарок» французам. Там, где представлялось возможным, были образованы наводнения путем уничтожения запруд в одних местах и постройки новых запруд в других. В пунктах особенно важных были оставлены скрытые мины замедленного действия, которые взрывались через некоторое время после прихода французов. Все ранее устроенные позиции были сравнены с землей. Норман, оценивая результаты произведенных разрушений, пишет:

«В результате наши дивизии не только оказались задержанными, но они отдалялись от своих обозов, часто даже и от обозов первого разряда и артиллерии. Нетревожимые неприятелем, они в течение 5 дней делают путь всего в 2 перехода до новой линии фронта. И после этого нужно больше месяца, чтобы придать хотя бы временную проходимость дорожной сети завоеванного пространства». (Норман. Разрушение и восстановление путей сообщения, перевод с французского, Л., 1928 г., стр. 60).

Отход в корне расстроил план Нивеля. На всем фронте от Арраса до Суассона англо-французские войска оказались перед разрушенной пустотой до 25 км глубины. Думать об ударе на этом фронте при таких условиях больше не приходилось.

Отход позволил немцам, вследствие сокращения фронта, вывести из боевой линии до 15 дивизий. Кроме того, освободился в районе Соммы и штаб 1-й армии. С целью уплотнения сил напр. Эн 1-я армия была поставлена по обеим сторонам Реймса между 7-й и 3-й германскими армиями. Одновременно немцы приступили к образованию резервов. Были переброшены части

из Румынии и с восточного театра. Слабые дивизии были отосланы на восток и заменены свежими частями. Таким путем в марте немцам удалось собрать в резерве главного командования 31 дивизию. Резервы были подтянуты поближе к фронту. Войска были переобучены на основе новой инструкции по обороне.

Но как каждый отход, так и этот имел и свои отрицательные стороны. Главнейшая из них заключалась в том, что немцы передали французам железнодорожный рокадный участок Суассон—Нойон—Руа, который позволил французам через короткое время создать в своем ближайшем тылу еще одну (четвертую) рокадную сквозную железнодорожную магистраль.

Подготовка немцев к отходу не ускользнула от бдительности французов. Еще 4 марта ген. Франше д'Эсперэ (командующий 5-й армией) доносит Нивелю:

«Все вместе взятые полученные за последнее время сведения показывают, что неприятель подготовил отход на новые позиции, расположенные приблизительно в 20 км от тепершнего фронта.

Нельзя сомневаться в том, что этот план отхода существует: совпадающие сведения, полученные от пленных, эвакуация тылов, систематическое уничтожение всего, проводимое противником в зоне, которая будет им очищена, уже состоявшийся отход некоторого количества учреждений (штабов, авиационных парков, этапных частей) ясно указывают на намерения противника».

Но Нивель, увлеченный своим замыслом, не придает серьезного значения этим донесениям. В своих письмах Петэну и Хэгу он указывает, что нельзя основывать решения на предположениях, что нет никаких вещественных доказательств, позволяющих думать, что немцы решили оставить свои позиции на Сомме добровольно.

5. Изменение плана Нивеля

Отход немцев все же поставил Нивеля перед необходимостью пересмотреть свой план операции. Одновременно произошли крупные политические события, которые заставили французское правительство серьезно призадуматься.

Во-первых, вспыхнула русская революция.

Во-вторых, Америка прервала с Германией дипломатические отношения и вслед за тем объявила ей войну.

В третьих, начали сказываться результаты беспощадной подводной войны.

Февральская буржуазно-демократическая революция в России, помимо прочих последствий мирового значения, непосредственным результатом имела сообщение ген. Алексеева Нивелю, что русская армия до восстановления своей боеспособности не может принять участия в общем весеннем наступлении 1917 г. Это было последнее звено в развале плана Жоффра. Нивель не может согласиться с этим фактом. Он телеграфирует Алексееву: «Для наступления на западном фронте я пущу в ход все силы французских армий, так как я буду искать решительных результатов, получение которых в настоящий период войны не может быть отложено», и настаивает, чтобы русская армия своего наступления не откладывала. Но когда все же последовал категорический отказ Алексеева, Нивель не изменяет своего решения о наступлении на западном театре. Наоборот, выпадение России логически должно было вызвать требование об ускорении операции.

В своей решимости Нивель встречал полную поддержку Хэга. Агрессивность Англии была совершенно понятна. Успехи беспощадной подводной войны, начатой Германией, давали себя остро чувствовать. В первые месяцы 1917 г. германские подводные лодки потопили:

В январе	439 500 т
„ феврале	781 500 „
„ марте	885 000 „
„ апреле	1 091 000 „
„ мае	869 000 „
„ июне	1 016 000 „

При таком положении неизбежно должен был наступить момент, когда даже могущественный тоннаж Англии не смог бы справиться с задачами по подвозу всего необходимого для армии и подвозу продовольствия в метрополию. В тот период Англия еще не научилась бороться с неприятельскими подводными лодками.

Во внутреннем положении Англии также образовалась серьезная политическая прореха. В конце 1916 г. в Ирландии вспыхнуло революционное восстание под лозунгом отделения и обра-

зования самостоятельной Ирландской республики. Хотя восстание было подавлено, но положение оставалось тревожным и весной 1917 г. Естественно, что английское правительство в тот момент должно было желать быстрейшего окончания войны.

Если при этом учесть, что главный удар должна была наносить французская армия, которой предстояло выставить не менее 75—80 дивизий, в то время когда роль английской армии ограничивалась пределами 30 дивизий, то решительность Хэга можно считать вполне обоснованной. Этот полководец, который все время считал, что его главнейшей задачей является оборонительный образ действий, на этот раз дошел в своем напоре до того, что 19 апреля, когда уже выяснился полный провал операции французов на р. Эн, он телеграфировал Нивелю:

«Я полагаю, что шансы на успех в этом году замечательно хороши, если мы не ослабим наших усилий, и было бы неумно и бессмысленно, а в конце-концов стоило бы и больше людей, если в ближайшее время мы приостановили бы наступательные операции».

Последствия вступления Америки в войну в ту пору еще не могли быть в полной мере учтены. Политически присоединение Америки к Антанте не могло вызвать больших восторгов. Большой сухопутной армии Америка не имела. Формирование многомиллионной армии должно было потребовать длительного срока— не менее 1½ лет. Выступление Америки непосредственно давало лишь огромные возможности воздействия на массы для подъема их настроения. Для Антанты безусловно было желательнее покончить с Германией раньше, чем Америка появится у стола, где будет делиться добыча войны, на равных основаниях с другими крупными членами коалиции.

Все вышеизложенные противоречивые обстоятельства в общем должны были положительным образом влиять на решение Нивеля осуществить свой план.

Но отход немцев на позицию Зигфрида был фактом, с которым пришлось поневоле считаться. Этот отход был для Нивеля большим разочарованием. В основе плана Нивеля лежала одна правильная мысль: он понял, что особенностью нового характера операции является не только прорыв укрепленной полосы противника, но и истощение его стратегических резервов. Нивель предполагал, что атака англичан и северной группы французских армий должна втянуть и сковать большую часть гер-

манских резервов: Таким образом, у германцев нехватит сил для отражения главного удара на р. Эн.

Но отход немцев лишил Нивеля возможности проверить свою идею на практике. Нивель был поставлен перед альтернативой— или отложить удар на неопределенное время или же ограничиться одной атакой на р. Эн.

Чтобы окончательно принять решение, Нивель должен был оценить еще следующие данные обстановки:

1. Войска, расположенные на р. Эн, начали доносить о значительном уплотнении германских сил на фронте. 5-я французская армия констатировала, что количество германских дивизий на ее участке с середины марта по начало апреля возросло с 4 до 9, т. е. увеличилось больше, чем вдвое. В то же время количество обнаруженных неприятельских батарей изо дня в день также возрастало: 53 батареи—15 февраля, 162—30 марта, 210—8 апреля, 392—12 апреля. На фронте 6-й французской армии количество обнаруженных германских батарей утроилось.

2. В конце марта при неожиданном набеге немцев на расположение VII французского корпуса в руки немцев попал приказ, точно фиксирующий расположение большей части 5-й армии. 5 апреля этот факт стал известен Нивелю.

3. В интересах скрытности французским истребителям было запрещено вылетать массами. В результате немецкие разведчики могли беспрепятственно работать над французским расположением, последовательно вскрывая всю обстановку.

4. Французская главная квартира знала о значительных перебросках германских сил с восточного театра и новых формирований из центра страны к позициям на р. Эн. Агентура отметила до восьми переброс войсковых частей дивизионного масштаба.

5. В связи с отходом немцев освободились крупные силы 3-й и 1-й французских армий; в частности, освободилось свыше 100 батарей тяжелой артиллерии.

6. Английская главная квартира сообщила, что отход немцев вынуждает ее отнести удар английских сил к северу, а именно на участок Невиль — Суше (по обеим сторонам Арраса), и что английская армия готова атаковать со всей решимостью.

Оценка всех этих обстоятельств привела Нивеля к решению атаковать на р. Эн 12 апреля, с тем, чтобы английская армия атаковала не позже 8 апреля.

Но предположения Нивеля встретили самое серьезное противодействие не только со стороны отдельных членов правительства и парламентских деятелей, но и со стороны большей части высших начальников французской армии.

Резкие возражения Петэна еще задолго до наступления привели к тому, что 5-я армия была изъята из его ведения. Чтобы создать себе послушный аппарат управления, Нивель для операции на р. Эн организовал специальную фронтовую группу под названием группы армий резерва, в составе 5-й, 6-й и 10-й армий. Во главе группы был поставлен ген. Мишле.

Отрицательное отношение к наступлению со стороны командующего 5-й армией ген. Франше д'Эспере привело к его перемещению хотя и на высшую должность, но на пассивный участок. Командующим 5-й армией был назначен ген. Мазель, верный сподвижник Нивеля.

Командующий 6-й армией ген. Манжен, который выдвинулся одновременно с Нивелем, против наступления не только не возражал, но был агрессивнее самого Нивеля. Манжен настаивал на продолжении атак и после 16 апреля, когда его армия утонула в крови и когда сам Нивель уже был охвачен ядом разочарования. Но доблесть Манжена никого не увлекла, ибо, по единодушному мнению, храбрость Манжена превышала его умственные способности.

С противниками наступления Нивель расправлялся самым беспощадным образом. Ген. Фонклар (командир 1-го армейского корпуса), при первой же попытке высказать сомнение в успехе атаки, смещается с должности и переводится на спокойный участок. Ген. Кларет де ля-Туш по аналогичному поводу отправляют в тыл.

Но этот административный нажим не успокаивает возбужденных французских генералов. К военному министру Пенлеве сыплются письменные и устные протесты против наступления. Сам Пенлеве также настроен отрицательно, но Нивель не может его сместить. 2 апреля Пенлеве созывает совещание в военном министерстве. Присутствуют Рибо, Тома, Манжино, Нивель и адмирал Лаказ. Нивелю удается убедить совещание в необходимости наступления.

Но 5 апреля к президенту республики Пуанкаре является бывший военный министр Мессими (командующий егерской бригадой) и подает ему записку, излагающую все сомнения высшего

начальствующего состава. Мессими указывает, что все исполнители высказываются против наступления, что главная квартира делает ошибку, которая может иметь для Франции непоправимые последствия. Мессими пишет:

«Со своей стороны я глубоко потрясен, что даже при совершенно новой обстановке главная квартира не нашла другого решения, как только поставить заплаты на проекте, выработанном без достаточных оснований. Я считаю своим долгом обратиться к правительству со следующим спешным и вполне определенным заявлением: как депутат, как бывший военный министр и, наконец, как командир, ответственный за жизнь 10 000 человек, я прошу правительство, прежде чем начнется эта операция, созвать, посоветоваться и выслушать всех командующих группами армий — вместе или порознь, начиная с того, который завтра поведет французские армии в наступление».

Неожиданное выступление Мессими вызвало большой шум. Пуанкаре был вынужден созвать военный совет, который состоялся 6 апреля в Компьене. На совет были вызваны премьер Рибо, все три министра национальной обороны, ген. Нивель и все главнокомандующие группами армий: Франше д'Эспере, Петэн, Кастельно и Мишле. Председательствовал Пуанкаре. На совете Нивель горячо защищал свой план. Президент спросил мнения главнокомандующих. Кастельно отделался общими фразами. Мишле пытался возражать, но в присутствии Нивеля растерялся и не смог защитить свою точку зрения. Петэн категорически высказался против, заявив между прочим: «Это чистая фантазия—прорваться за вторую неприятельскую линию». Решительно высказался против и военный министр. Тогда Нивель заявил: «Так как я расхожусь во мнении как с правительством, так и со своими подчиненными, мне остается только передать президенту республики мое решение об отставке».

Но Пуанкаре (Пуанкаре-война), этот махровый реакционнейший представитель крупнейшей французской буржуазии, не мог следовать по стопам колебаний, которыми были охвачены члены радикального правительства. Пуанкаре—за безусловное наступление, тем более что сменить в это время главнокомандующего по политическим соображениям было невозможно.

Таким образом, наступление было решено с той лишь оговоркой, что в случае, если прорыв не удастся в течение 48 часов после начала наступления, оно будет прервано.

6. Построение боевого порядка французов

Для дальнейшего исследования вопроса о новом характере фронтального сражения достаточно ограничиться изложением операции на р. Эн, оставив в стороне удар англичан. И на сей раз, как и в прошлых операциях, по существу имели место не одна, а две совершенно самостоятельных операции. В ударе по сходящимся направлениям взаимодействие атакующих крыльев достигается, если удар имеет успех или же когда между крыльями небольшое расстояние. В данном случае этих условий не было, и хотя 9 апреля англичане имели тактический успех, все же их действия не отвлекли германских резервов и ни в какой степени не отразились на успешности германской обороны на р. Эн.

Перед началом наступления противники занимали следующее положение:

а) Французы

Группа армий резерва — *ген. Мишле.*

5-я армия — *ген. Мазель*, участок Реймс — Гартебиз (22 км)

№№ корпусов	№№ дивизий в 1-й линии	№№ дивизий во 2-й линии
XXXVIII арм.	151, 27	—
VII »	41, 14, 37 и 3-я русская бригада	—
XXXII »	40, 42, 69	155
V »	9, 10, 125	—
I »	1, 2, 51, 162	—
IX »	1, 2, 51, 162	17, 18, 152
Отдельные дивизии	—	66, 165 и 6 кав.

Задача армии — атака в северо-восточном направлении. Левофланговый 1 корпус атакует прямо перед собой с целью овладеть высотами Краон, считавшимися основным опорным пунктом немецкой позиции.

6-я армия — *ген. Манжен,* участок Гартебиз — форт Конде (20 км)

№№ корпусов	№№ дивизий в 1-й линии	№№ дивизий во 2-й линии
II колон	10, 15-я колон. и 38-я пех.	—
XX арм.	11, 39, 153	—
VI „	12 56, 127	—
I колон.	2-я и 3-я колон.	—
XI арм.	—	21, 22, 133
XXXVII „	—	10, 158
Отдельные дивизии . .	—	97-я, тер., 166, 168 и 15-я кав.

Задача армии—наступление прямо на север с целью захвата высот Шмен-де-Дам. В результате расходящихся атак 5-й и 6-й армий в их стыке должен был образоваться прорыв, развить который должна была на рассвете второго дня наступления расположенная в третьей линии 10-я армия ген. Дюшен в составе:

II арм. корпус . . .	3, 4,	44-я дивизии
III „ „ . . .	5, 6,	47-я „
XVIII „ „ . . .	35, 36,	154-я „
I кав. „ . . .	1, 3-я	кав. „
II „ „ . . .	2, 4, 7-я	» „

Таким образом, на фронте в 42 км французы имели:

в первой линии—27 дивизий, что дает среднюю тактическую плотность—одну дивизию на 1½ км фронта;

во второй линии—14 пехотных и 2 кавалерийских дивизии;

в третьей линии—особая (10-я) армия в составе 9 пехотных и 5 кавалерийских дивизий.

Всего—50 пехотных и 7 кавалерийских дивизий. Кроме того, в период с 16 по 22 апреля к участку атаки были подвезены еще 9 дивизий.

Для подготовки и поддержки атаки была сосредоточена нижеследующая могущественная артиллерия:

Категории орудий	6-я армия	5-я армия	Всего
Полевых легких пушек	846	860	1 706
Тяжелых пушек	336	670	1 006
„ гаубиц	406	346	752
Мино-бомбометов (траншейной артиллерии)	594	1 056	1 650
Орудий особой мощности	81	91	172
Всего	2 263	3 023	5 286

Средняя плотность—127,3 орудия на 1 км фронта.

Для сравнения с прошлыми операциями Владиславский в ст. «Наступление французов весной 1917 г.» («Военная наука и революция», кн. 1, 1922 г.) приводит следующий расчет количества метров на одно орудие разных калибров:

Категории орудий	Шампань 1915 г.	Сомма 1916 г.	На р. Эн	
			5 я армия	6-я армия
	Приходилось метров			
Полевых легких орудий	33	33	24	18
Тяжелых орудий	40	26	24	20
Траншейных орудий	103	21	24	25
Особой мощности	—	110	276	185

В операции на р. Эн со стороны французов впервые были использованы танки в следующем составе: первый отряд—в составе 5 групп—80 танков, второй отряд—в составе 3 групп—48 танков, а всего 128 танков.

Танки действовали на участке XXXII корпуса. как на наиболее благоприятной местности.

Каждый корпус имел по разведывательной эскадрилье самолетов типа Фарман и по одному воздухоплавательному отряду (2 привязных шара). Корпусная авиация имела 3 отряда и распределялась по дивизиям и корпусной артиллерии. Кроме того,

было придано: 5-й армии—по одной эскадрилье самолетов типа Фарман, Ньюпорт, Кодрон «Р»; 6-й армии—по одной эскадрилье типа Фарман, Вуазен, Кодрон, Ньюпорт, Моран-Сальнер; 10-й армии — по одной эскадрилье типа Фарман, Кодрон, Ньюпорт. Всего

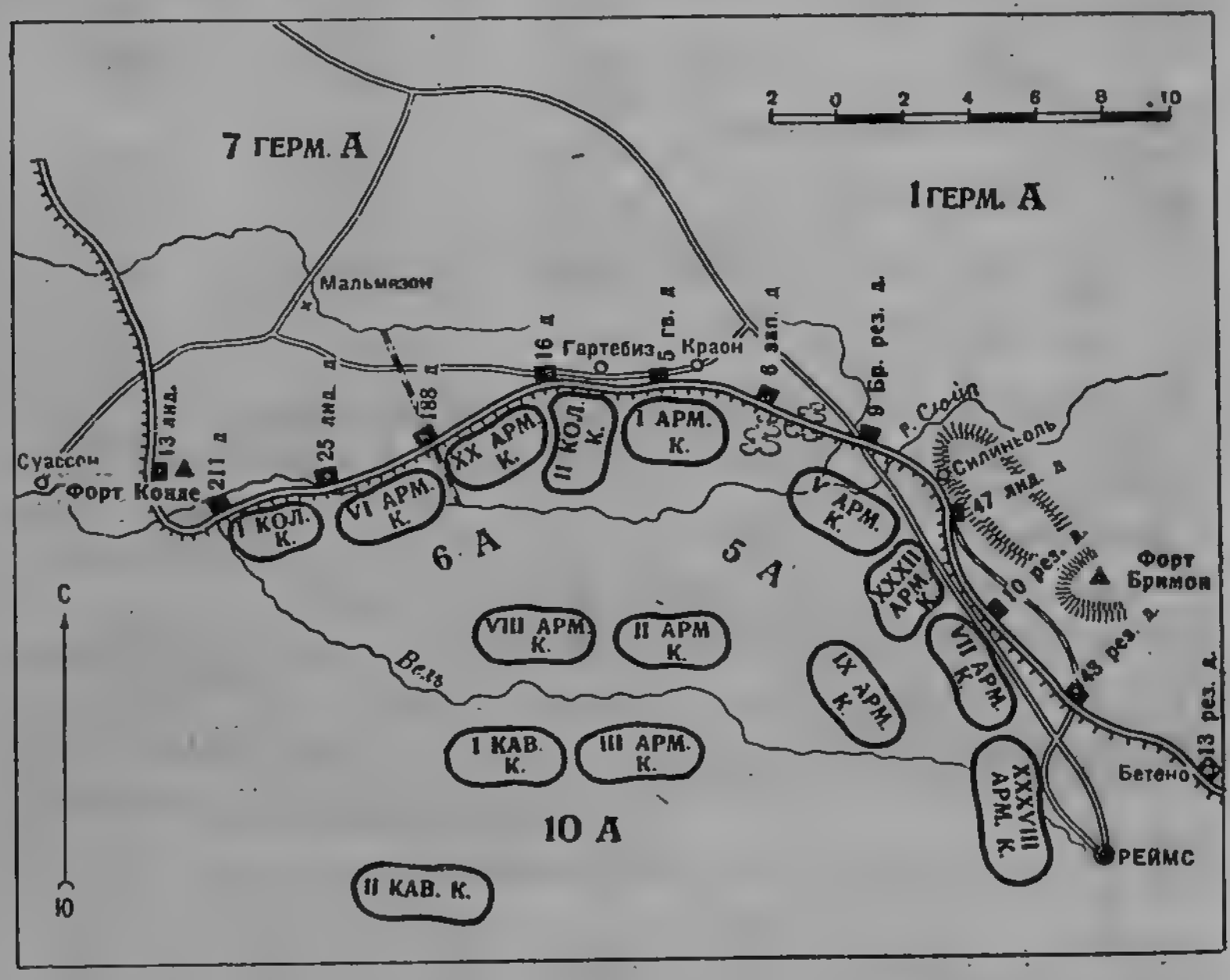

Схема 6. Операция на р. Эн 15 апреля — 5 мая 1917 г.

войсковой авиации—140 самолетов, армейской авиации—12 эскадрилий—360 самолетов.

Оборудование тыла группы армий резерва выразилось в постройке мощного плацдарма, системы подъездных железнодорожных путей, мощных распорядительных станций, складов, госпитальных городков по типу известной уже организации на Сомме. В данном случае оборудование тыла, в соответствии с сосредоточением колоссальных сил, получило гораздо большее развитие. Достаточно указать, что на подготовке тыла работало около 100 000 человек.

Чтобы в какой-нибудь мере возместить отпавший удар северной группы армий на Сомме, Нивель решил привлечь к атаке

и 3-ю французскую армию на участке Оберви — Реймс. Но атака этой армии, не усиленная никакими крупными техническими средствами, не могла оказать существенного влияния на исход операции на р. Эн.

б) Немцы

Группа армий германского кронпринца.

1-я армия — *ген. Белов*, участок по обеим сторонам Реймса.

В первой линии: 13-я, 43-я и 10-я резервные, 47-я ландверная, 9-я Баварская резервная и 6-я запасная дивизии. В резерве армии — 4—5 дивизий.

7-я армия — *ген. фон-Бойен*, участок от высот Краон до форта Конде.

В первой линии: 5 я гвардейская, 16-я, 183-я, 25-я ландверная, 21-я, 13-я ландверная дивизии. В резерве армии—5—6 дивизий.

Таким образом, немцы расположили в первой линии 12 дивизий с тактической плотностью 3½ км на дивизию. Уже эта плотность свидетельствовала о том, что немцы были готовы отразить натиск противника на занимаемых позициях.

Взаимное расположение сторон перед началом операции показано на схеме 6.

7. Провал операции на р. Эн

Краткое описание немецких позиций

Участок германских позиций на р. Эн (Суассон — Реймс), особенно на правом фланге (участок Шмен-де-Дам), представлял собой один из наиболее мощных естественных рубежей всего германского западного фронта. Естественная мощь позиции была значительно усилена фортификационными сооружениями. На этой позиции немцы удержались после отхода с р. Марны в 1914 г. и с тех пор беспрерывно ее совершенствовали. Мощь позиции послужила главнейшей причиной решения германского главного командования отразить атаку французов на месте, не прибегая к преднамеренному отходу.

Участок от форта Бримон до Краон, который должна была атаковать 5-я армия, представлял собой равнину с рядом отдельных возвышенностей. На этих возвышенностях еще в мирное время французы построили ряд фортов (Ножен-Лябесс,

Витри ле-Реймс, Френ, Бримон и др.), являвшихся как бы укрепленным тет-де-поном у Реймса. В 1914 г. линия этих фортов попала в руки немцев неразрушенной и послужила основанием для создания мощного бетонированного барьера крепостного типа. На всем участке, за исключением левого фланга 5-й армии (направление на Краон), германские позиции были прикрыты р. Миет.

От Краон до форта Конде германские позиции были расположены на гребне высот, составлявших водораздел между р. Эн и рр. Уаза и Эйлет. Немецкие позиции командовали над всей местностью, давали прекрасный обзор и обстрел и, будучи покрыты лесом, хорошо укрывали тыл немецкого расположения.

Артиллерийская подготовка

Артиллерийская подготовка должна была начаться 7 апреля и продолжаться до 12 апреля. Согласно полученным распоряжениям артиллерия должна была вести огонь до полного разрушения сразу по всем неприятельским позициям на всю глубину. Предполагалось, что столь многочисленная сосредоточенная артиллерия сможет справиться с этой задачей. Но отвратительная ненастная погода, недостаточная видимость с воздуха и недостаток наблюдательных пунктов (особенно в 6-й армии) привели к тому, что к 12 апреля подготовка была признана незаконченной, и атаку пришлось отложить до 16 апреля. В период с 11 по 15 апреля напряжение артиллерийской работы достигло величайших пределов. За эти 5 дней французская артиллерия выпустила 3 214 937 снарядов, т. е. больше 600 000 снарядов в сутки. Но 15 апреля стало нехватать снарядов, особенно тяжелых калибров. Произошла некоторая путаница в подвозе. Артиллерия начала получать снаряды не своих калибров. Дело в том, что, желая сосредоточить возможно большее количество артиллерии, французы стянули к р. Эн все возможные ресурсы. Артиллерия состояла из гаубиц и пушек следующих калибров (в мм): 75, 90, 95, 100, 105, 120, 138, 145, 155, 220, 240, 270, 280, 305, 320, 340, 370, 400, а также из морских орудий —14, 16 и 19 см. Такое обилие калибров привело к путанице в подвозе.

К вечеру 15 апреля войска доносили, что артиллерийскую подготовку нельзя считать законченной. Тем не мнее атака не была отменена.

То, что произошло 16—17 апреля 1917 г. на р. Эн, удивительным образом напоминает события в Шампани 25—27 сентября 1915 г. Но кровавое побоище на р. Эн было еще грандиознее, вследствие большего масштаба операции. Атака состоялась в 6 час. 16 апреля. 5-я армия была отражена почти на всем фронте перед первой неприятельской позицией. В официальной реляции о бое значится, что немецкий заградительный огонь был открыт незамедлительно в момент перехода в атаку. На горе Сапиньоль атакующие части натолкнулись на серию блиндированных и бетонированных пулеметных капониров, которые соединялись туннелями с подземными убежищами. Пулеметы эти не были разрушены и открыли убийственный огонь. 1 армейский корпус на высотах Краон ворвался в неприятельское расположение, овладел даже участком второй позиции, но был с большими потерями отброшен назад.

Примерно, такую же неудачу потерпела и 6-я армия. Атака этой армии ярко обнаружила противоречие реальных достижений приказу армейского командования. Приказ Манжена гласил: «Командующий армией намерен прорвать неприятельские линии между Гартебиз и каналом Эн — Уаза. Для этого прорыва необходимо одним ударом взять все оборонительные сооружения противника и весь район, занятый его артиллерией. В тот же день атакующие войска должны продвинуться до гребня высот, которые окружают долину Лаон. Заря следующего дня должна видеть развертывание кавалерии в долине Лаон и занятие пехотой линии Лаон — Ланикур». Приказ предусматривает движение пехоты за подвижным огневым валом со скоростью 100 м в 3 минуты. На деле случилось иное. II колониальный корпус атакует неудачно. Сенегальская дивизия, непривычная к холоду и снегу, имея много обмороженных и попав к тому же под нерасстроенный пулеметный огонь противника, в панике бросается назад. В поисках теплого пристанища обезумевший «цветной цвет» французской армии бросается в госпитали и даже в поезда.

Атаки не прекращаются и в последующие дни. Части несут огромные потери. Взаимодействие с артиллерией и порядок давно уже утеряны. К 19 апреля весь успех ограничивается занятием неприятельских позиций на Шмен-де-Дам и захватом форта Конде. В тот же день Нивель решает ввести в дело 10-ю армию. Но вместо преследования противника в образовавшемся

прорыве корпуса этой армии должны сменить обессиленные части 1 армейского, II колониального и XX корпусов.

Неудача атаки стала быстро известна в Париже, и правительство потребовало прекращения операции. Но Нивель не сдается. Он соглашается лишь, что операция будет продолжаться с ограниченной целью. На это решение повлиял доклад Мишле, который писал: «Независимо от понесенных чувствительных потерь, утомление войск, увеличенное неблагоприятными атмосферными условиями, заставило сменить большую часть крупных соединений. Благодаря этим заменам в распоряжении группы армий резерва осталось только четыре свежих пехотных дивизии. Запас огнеприпасов, которые в настоящее время находятся в распоряжении группы армий резерва, а также те огнеприпасы, ежедневное прибытие которых ожидается, не позволяют вести намеченных операций».

По существу переход к ограниченным целям означал конец операции. Французы потеряли свыше 150 000 человек.

Атака танков

Танки были предназначены для атаки третьей (тыловой) германской укрепленной линии. Для развертывания все танки должны были пройти в колонне по одному через р. Мнет. При подготовке танков к бою была допущена крупная и роковая ошибка. Чтобы увеличить время их полезной работы с 7 до 11 часов, танкам было приказано взять с собой дополнительные бидоны с бензином. Этот взрывчатый груз был прикреплен впереди и с наружной части танков. В бою многие из этих бидонов загорелись и при взрыве превращали танки в двигающиеся факелы. Танки развернулись для атаки в 14 часов. Не сопровождаемые пехотой, предварительно не обученной совместным действиям с танками и к тому же уставшей после 8-часового боя, танки ушли далеко вперед в расположение противника, где они попали под губительный огонь германской артиллерии. К 19 часам из 132 танков было уничтожено 57 и испорчено 64. Большая часть экипажа вышла из строя. Благополучно вернулось назад лишь 11 танков.

Это неслыханное поражение танков сослужило все же французам хорошую службу. Немцы сделали прямой вывод о непригодности танков для современного боя и отказались их строить.

Причины неудачи

а) Политические. Операция на р. Эн демонстрировала отчаяние французской политики и стратегии. Операция была начата вопреки общественному мнению страны и армии. Это был переломный момент в войне. Франция изверилась в возможности добиться победы. Только выступление Америки радикальным образом изменило соотношение сил.

б) Стратегические. Французам не удалось организовать совместного удара на всех фронтах. Руки германского главного командования были развязаны. Это сказалось на маневрировании германских резервов. В литературе этому вопросу даются противоречивые оценки. По одним французским источникам движение германских резервов представляется в следующем виде: к 1 апреля немцы имели в резерве 52 дивизии; к 16 апреля 8 дивизий были направлены на английский участок в район Арраса, 6 дивизий усилили фронт на р. Эн, осталось 38 дивизий; к 22 апреля из них введено в бой 22 дивизии; к 25 апреля в резерве осталось 12 дивизий, к 11 мая резервы немцев иссякли. В это время Антанта имела еще в резерве 30 дивизий (16 французских и 14 английских). Но учет германских резервов, исходящий из официальных штабных французских источников, явно неверен. По данным Гере, немцы в мае имели на западе в резерве еще 19 дивизий.

в) Оперативные. Если искать решающее звено, приведшее к провалу операции, то таким будет отсутствие внезапности. Из этого отнюдь не вытекает, что если бы французам удалось обеспечить внезапность, то прорыв был бы произведен. Нет, прорыва не было бы, но успех все же был бы больший. Внезапность не была достигнута потому, что французы задолго до операции, с целью повышения настроения внутри страны, кричали о ней на всех перекрестках. Французская армия еще не сумела овладеть техникой внезапности. Подготовительные работы тянулись долго. Войска заняли позиции задолго до операции. Артиллерийская подготовка длилась много дней. Немцы успели укрепить свою оборону. При этом нужно учесть и решающую роль преднамеренного отхода немцев на позицию Зигфрида.

г) Тактические. Отсутствие взаимодействия пехоты с артиллерией (слишком быстрое продвижение огневого вала) и с тан-

ками. В операции на р. Эн французская пехота впервые увидела это новое средство борьбы. Недостаточная подвижность артиллерии и неумение ею пользоваться. Ненастная погода. Мощь неприятельских позиций. И в довершение всего французам не удалось обеспечить господства в воздухе.

В общем операция на р. Эн свидетельствует о том, что стратегия Антанты отнюдь не развивалась равномерно. Под влиянием политических причин Антанта в начале 1917 г. бросается в авантюру, пытаясь добиться победы одним ударом.

Справедливость требует отметить, что 250 000 жертв операции все же отрезвили политических руководителей Антанты. Но вернуть потери было невозможно.

Глава XIV

ОПЕРАЦИИ 1917 г.

Поворот от фронтального удара с решительной целью к фронтальному удару с ограниченной целью

1. Ближайшие последствия операции на р. Эн

Непосредственным результатом неудачного апрельского наступления, которое унесло 250 000 жертв, была серия открытых возмущений и даже восстаний во многих французских войсковых частях. Части, выведенные в тыл, отказывались возвращаться на фронт и требовали прекращения войны. С красными знаменами и криками «долой войну» части XVI армейского корпуса демонстрировали перед высшими штабами. Кое-где запели Интернационал. Французские «героические пуалю» такими способами выражали свой протест против бессмысленной бойни. Французские правящие круги получили грозное предостережение, что кроме «бошей» есть еще революционные вооруженные массы своего собственного народа.

При помощи цветных войск и беспощадного террора восстания были подавлены. Подавлению способствовала и пассивность германских армий. Некоторые историки считают, что если бы в тот момент германцы перешли в наступление, они могли бы

рассчитывать на серьезный успех, ибо во многих французских частях, расположенных на фронте, господствовали откровенные панические настроения. Людендорф свою пассивность оправдывает тем, что не знал о брожениях во французской армии. Фактически же он не мог думать о наступлении, поскольку в тот же период и в германской армии, особенно во флоте, происходили серьезные революционные вспышки.

Чтобы устранить создавшееся острое положение, французское правительство провело ряд чрезвычайных мер.

Во-первых, ушел со своего поста Нивель. Главнокомандующим был назначен осторожный Петэн. Был возвращен Фош. Подозрительные части были выведены в глубокий резерв и подверглись серьезной обработке.

Во-вторых, правительство с трибуны палаты торжественно заявило, что отныне Франция временно отказывается от широких наступательных операций и переходит к выжидательной борьбе до тех пор, пока в Европу не будут переброшены достаточные американские силы и пока не будет изготовлена еще более мощная и более многочисленная материальная часть. Во главе правительства стал небезызвестный «тигр» Клемансо, фактически превратившийся в диктатора. Выдвижением Клемансо французская буржуазия демонстрировала свою готовность бороться до конца. Лозунг Клемансо — «я воюю» — как нельзя более соответствовал реакционной политике французских правящих кругов.

На отказ Франции от поисков немедленного решения войны повлияли еще и другие обстоятельства. Французское главное командование «вдруг» узрело, что если оно будет продолжать так бесшабашно избивать свою армию в повторных безуспешных атаках, то в один прекрасный день оно останется без войска. Призывные контингенты иссякали, а использование цветных колониальных войск еще не получило достаточного развития. До сего времени Франция систематически истощала свои людские ресурсы, причем безвозвратные потери в среднем составляли ежемесячно свыше 50 000 человек. Сражение на истощение было для французского народа не по плечу. В отношении людского запаса Германия в ту пору имела еще большие возможности.

В середине 1917 г. обнаружился все возрастающий нефтяной кризис. Армии Антанты на Западном фронте ежегодно потребляли до 1 000 000 т бензина и до 800 000 т нефтяных масел. Основ-

ным поставщиком была Америка. Между тем немецкая подводная война уже достигла таких успехов, что французы были вынуждены обратиться к своим неприкосновенным запасам. Английский флот был вынужден прекратить боевое и учебное плавание. Армия была поставлена под угрозу приостановки автотранспорта и действий авиации. Начали раздаваться в полном смысле слова вопли, адресованные к новому заокеанскому союзнику. В одном из своих писем Вильсону новый премьер-министр Клемансо пишет буквально следующее:

«Всякая заминка в снабжении бензином может привести к внезапному параличу наших армий и принудит нас к миру, неприемлемому для союзников. Верховным командованием установлен для французских армий минимальный запас в 44 000 т бензина при ежемесячном израсходовании 30 000 т. Этот необходимый запас упал к настоящему моменту до 28 000 т и может быть каждый день сведен к нулю, если Соединенные штаты немедленно не примут и не приведут в исполнение ряда срочных и исключительных мер» (Пьер Л'Эспаньоль, Мировая борьба за нефть, Гиз, 1925 г., стр. 88).

Таким образом, отказ Антанты от достижения решительных усилий явился следствием ряда серьезных причин. Но приняв такое решение о линии дальнейшего стратегического поведения, союзники одновременно пришли к заключению, что эта оборона должна носить активный характер. Планомерное истощение противника должно продолжаться. Нужно найти такую форму сражения, которая позволила бы беспрерывно держать германскую армию в напряжении и наносить ей возможно больший материальный и моральный ущерб. В то же время эта форма сражения не должна предъявлять чрезмерных требований к моральным силам армий Антанты, во избежание нового взрыва со стороны масс. Такая форма сражения была найдена в операциях с ограниченной целью. Не следует задаваться невыполнимыми задачами. Системой операций с ограниченной целью, тщательно подготовляемых, обеспеченных мощными средствами подавления и беспрерывно проводимых на разных участках фронта, необходимо наносить противнику возможно больше потерь с наибольшей экономией собственных сил.

Таким образом, операции с ограниченной целью наряду со сражением на истощение явились вторым основным типом оперативного маневра в позиционной войне.

2. Сущность и техническая база фронтальных операций с ограниченной целью

Учет прошлых операций неопровержимо доказал, что захват первой линии или отдельных пунктов неприятельской позиции обычно не представляет больших затруднений. Неудача начиналась тогда, когда пехота в своем стремительном движении вперед уходила от прикрывающего ее огня артиллерии и оставалась без поддержки артиллерии с глазу на глаз с контратакующими резервами противника. Та часть артиллерии, которая успевала передвинуться за пехотой, не давала достаточного обеспечения. Естественен был вывод, что атакующей пехоте следует ставить такие цели, достигнув которых она продолжала бы оставаться под защитой заградительного огня всей массы своей артиллерии. Отсюда и зародилась идея постановки ограниченных целей.

Но к тому времени и укрепленные линии обороны стали эшелонироваться гораздо дальше в глубину. Дальнобойность имевшейся артиллерии не позволяла простреливать укрепленную полосу насквозь. Поэтому обе стороны пришли к необходимости увеличить дальнобойность артиллерии. Эта проблема была разрешена путем реконструкции действующей артиллерии, принятием на вооружение нового типа снарядов, а также быстрым массовым выпуском новых образцов орудий.

Чтобы больше не возвращаться к этой проблеме, укажем основные достижения противников во время мировой войны в отношении увеличения дальнобойности артиллерии.

	Пушечная артиллерия			Гаубичная артиллерия		
	Калибр в см	Предельная дальность 1914 г.	Предельная дальность 1918 г.	Калибр в см	Предельная дальность 1914 г.	Предельная дальность 1918 г.
Германия . . .	7,7	7 800	10 700	10,5	7 000	9 700
Франция . . .	7,5	8 600	11 000	12,0	5 700	8 100
Германия . . .	10,52	13 100	14 100	14,97	8 500	—
Франция . . .	10,5	12 300	13 600	15,5	6 100	9 800
Германия . . .	13,55	16 500	22 300	21,1	9 700	10 200
Франция . . .	15,5	9 700	17 600	22,0	7 100	10 800

Мировая война вообще интересна непрерывным состязанием между мощью и дальнобойностью артиллерии и мощью и глу-

бинной укрепленных полос. Старый спор между артиллерией и фортификацией в отношении мощности разрешился в пользу артиллерии, ибо фортификация в общем не сумела создать таких оборонительных построек, которые не были бы разрушены артиллерией. Но в отношении глубины укрепленных полос верх взяла фортификация. Во все время войны на западном театре артиллерия не могла без перенесения позиции вперед простреливать всю глубину укрепленной системы противника.

Увеличением дальнобойности артиллерии дело не ограничивалось. Было признано, что применявшееся до сих пор масспрование артиллерии недостаточно. Норма артиллерийской плотности свыше 10 м фронта на 1 орудие не давала нужного эффекта. Гаскуэн признает, что даже в 1917 г. на р. Эн не было достаточного количества орудий навесной стрельбы. Было всего 428 гаубиц 155-мм, в то время когда нужно было не меньше 800—900. Было установлено, что для разрешения всех сложных задач по уничтожению атакуемого участка нужно иметь 1 орудие на 6—7 м фронта или до 160—180 орудий на 1 км. Такая плотность позволяла выпустить на 1 пог. м позиции противника до 1 500 кг металла (в Шампани было выпущено на 1 пог. м 400 кг, на Сомме—500 кг). Осуществить эти новые нормы стало возможным благодаря производственным успехам, достигнутым мобилизованной промышленностью.

Должно быть достигнуто строгое соответствие между шириной фронта прорыва, наличными артиллерийскими средствами и массированием пехоты на участке атаки. Ширина фронта атаки должна явиться строгой арифметической производной от количества имеющейся артиллерии, а количество артиллерии должно определяться шириной избранного для атаки участка. Что касается пехотной плотности, то было установлено, что в среднем нужно исходить из расчета 1 дивизия на 1 км фронта (считая также дивизии 2-й линии и резервы).

В этой последней норме кроется одно из неразрешенных противоречий между теорией и практикой позиционной войны. В своих декларациях высшие штабы утверждали, что не следует уплотнять пехотную массу из-за больших потерь. Поэтому боевые порядки становились все более редкими: от интервалов в 1—2 шага между отдельными бойцами в 1914 г. армии дошли до 4—5 шагов в 1917 г. Но это на деле не избавляло от возрастающего уплотнения пехоты. В боевом порядке пехота, счи-

тая обслуживающие ее тылы и приданные технические средства, давала не менее 20 000 человек на 1 км. Такой плотности не имела даже греческая фаланга. Правда, эта масса была рассредоточена на большой глубине — до 3—4 км, но потери неизбежно были велики.

В своих директивах и инструкциях 1917 г. Петэн настойчиво упирает на методизм. Он указывает: «Нет никаких препятствий к тому, чтобы предвидение было доведено до крайних пределов, чтобы мельчайшие действия бойца были упорядочены от первого до последнего момента всей операции».

Операция не должна вестись на широком фронте, ибо такая операция требует длительного времени для подготовки; управление войсками в процессе ее затруднительно, и элементы предусмотрительности не могут быть доведены до конца. И действительно, все операции с ограниченной целью велись на фронте не более 8—15 км.

С неменьшей настойчивостью Петэн указывает на необходимость укрепления дисциплины в войсках. Операции не должны носить длительного изнуряющего характера. В ходе самого сражения и после него все потрепанные дивизии должны сменяться и выводиться в тыл. Каждый свободный миг должен быть использован для обучения и отдыха. «Эти периоды обучения и отдыха необходимы войскам для их морального и физического восстановления, для поддержания способности к наступлению и для ослабления их нравственного напряжения». Действительно, Петэн будет проводить последующие операции со строгим учетом своих людских и материальных возможностей в целом.

Таким образом, можно констатировать, что французы вернулись к оперативным и тактическим концепциям, которые господствовали уже в начале 1916 г. Разница между сражением на истощение и фронтальным ударом с ограниченной целью заключается лишь в масштабе замысла и длительности боевого напряжения. Если в сражении на истощение еще имели место какие-то оперативные предположения, которые обеспечивались длительностью боевых усилий в раз избранном направлении, то в операциях с ограниченной целью оперативные моменты почти совершенно уходят в сторону, и каждая такая операция в отдельности представляет лишь незначительный боевой тактический эпизод. Стратегическое значение этих операций заключалось в их мно-

жественности, в том, что Антанта осуществила в 1917 г. не одну операцию, а систему операций.

Необходимым условием успешности удара с ограниченной целью была пассивность противника, который соглашался без борьбы уступить наступающему захваченный им клочок территории. В тех случаях, когда обороняемый объект имел для немцев большое значение и наступающий проявлял упорство, сражение с ограниченной целью неизбежно превращалось в сражение на истощение. Такой была операция во Фландрии, которая затянулась от 31 июля по ноябрь 1917 г. и потребовала ввода в дело 54 английских, 17 французских и 60 германских дивизий.

Эта операция, известная в Англии как драма «Пашендэйля» по оценке Лиддель-Гарта (Правда о войне 1914—1918 гг., ГВИЗ, 1935 г.), окаймлена траурной чертой в истории британской армии. Достаточно прочесть проникновенные, полные сарказма, страницы 3-го тома мемуаров Ллойд-Джорджа, посвященные «Пашендэйлю», чтобы убедиться в том, сколько упорства в своей бездарности, сколько оперативной тупости проявило английское главное командование в этой бесплодной операции. Почти пять месяцев на болотах Ипра продолжалось сражение на истощение, которые фактически не имело цели.

3. Динамика операций с ограниченной целью

Контратаки французов под Верденом 24 октября и 16 декабря 1916 г.

Чтобы уяснить себе динамику операций с ограниченной целью, нужно вернуться несколько назад и рассмотреть операции под Верденом 24 октября и 16 декабря 1916 г. (схема 7).

Здесь операции с ограниченной целью получили не только свое зарождение, но и законченное выражение. Любопытно отметить, что авторами операций этого типа были Нивель и Манжен, которые так бесславно провалились на р. Эн.

Вполне понятные причины объясняют, почему французы осенью и зимой 1916 г. выбрали для своих операций именно Верденский район. Отбить у немцев захваченную территорию, вернуть форт Дуомон, который превратился в некий священный пункт, казалось чрезвычайно заманчивым. Был правильно учтен

и тот момент, что Гинденбург и Людендорф, после того как они резко прервали сражение под Верденом, не смогут без ущерба для своего авторитета затеять под Верденом новое длительное

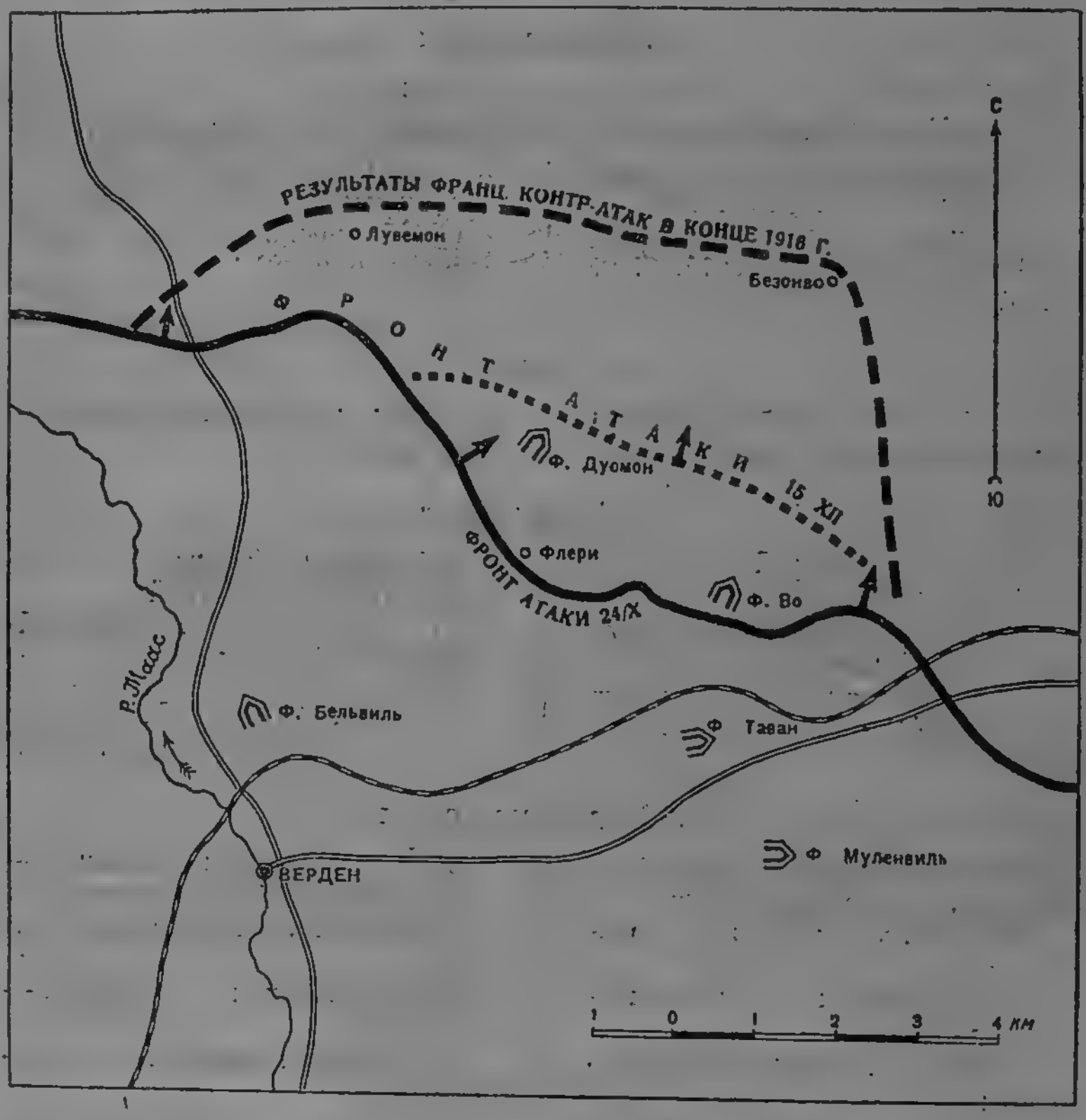

Схема 7. Операции с ограниченной целью под Верденом 24 октября и 16 декабря 1916 г.

сражение. Немцы были вынуждены проглотить горькие пилюли и 24 октября и 15 декабря, решившись не производить общих контратак.

В подготовке операции Нивель проводит крайний методизм.

Командующий армией вникает в мельчайшие детали операций. В конечном итоге они рисуются в следующем виде:

Атака 24 октября	Атака 15 декабря
1. Фронт атаки	
7 км	8 км
2. Количество дивизий и построение боевого порядка	
3 дивизии и полк в первой линии 3 дивизии во второй линии 2 дивизии в резерве армии (№№ дивизий: 38, 133, 74, 7, 9, 63, 37 и 22)	4 дивизии в первой линии 4 дивизии во второй линии (№№ дивизий: 21, 123, 126, 38, 128, 33, 6 и 22)
3. Задачи	
Выход на линию фортов Во-Дуомон и захват их	Выход на линию Безонво — Лувемон
4. Артиллерия	
70 полевых батарей 87 тяжелых батарей 16 орудий крупной дальнобойной тяжелой артиллерии Итого . . . . 668 орудий	95 полевых батарей 107 тяжелых батарей 27 орудий крупной дальнобойной тяжелой артиллерии Итого 817 орудий, не считая траншейной артиллерии
5. Воздушные силы	
Разведывательная авиация — 10 отрядов по 10 самолетов Кроме того, 7 привязных аэростатов Истребительная авиация — 1 эскадрилья Бомбовозная авиация — 1 эскадрилья	Разведывательная авиация — 11 отрядов по 10 самолетов Кроме того, 12 привязных шаров Истребительная авиация — 2 эскадрильи Бомбовозная авиация — 1 эскадрилья

Радиоустановки обеспечивают одновременную работу в воздухе 17 самолетов.

Артиллерия полностью централизована и образует: а) группы дивизионной артиллерии смешанного состава от 65 до 220-мм по одной группе на каждую дивизию; б) артиллерию командующего атакой (в обеих атаках—ген. Манжен), состоящую из противоартиллерийских групп, по одной группе на каждую дивизию,

и одной группы дальнего действия; в) артиллерию командующего армией, состоящую из одной группы тяжелых мортир (270—370-мм), одной группы дальнобойных тяжелых пушек (14-см морских и 24-мм орудий) и одной группы тяжелых дальнобойных гаубиц (270—400-мм) на железнодорожных установках. План действий артиллерии: каждый выстрел проверяется; до начала атаки разрушаются все неприятельские позиции в пределах атакуемого участка и все обнаруженные неприятельские батареи; во время атаки нейтрализуется огонь неприятельских батарей.

Перед атакой 24 октября было обнаружено 187 немецких батарей. Под обстрел в течение 3 дней подготовки было взято 99 батарей. Из них прекратили огонь 39 батарей, 30 батарей были вынуждены переменить позиции. Для подавления одной батареи требовалось выпустить 600—700 снарядов из 155-мм орудий или 70—80 снарядов — из дальнобойной тяжелой артиллерии.

Особо тяжелая артиллерия стреляла по главнейшим целям. 22—24 октября таким объектом были: форт Дуомон, по которому стреляли 2 орудия 280-мм, 2 орудия 270-мм, 1 орудие 370-мм, 1 орудие 400-мм, и форт Во, по которому стреляли: 1 орудие 370-мм, 1 орудие — 380-мм, 1 орудие 270-мм. Форт Во в день атаки взят не был. Он был захвачен 2 ноября, когда на него обрушилась вся тяжелая артиллерия.

Дивизионная артиллерия разрушает все неприятельские постройки первой линии. Разрушения производятся сериями бомбардировок, результаты которых проверяются разведкой наземной и с воздуха. Бомбардировка не прекращается и ночью, она осуществляется путем «поливания» площадей снарядами полевых калибров.

6. Сопровождение пехоты огнем

На рассвете в день атаки бомбардировка достигает полной интенсивности. Передовая линия противника обстреливается и всеми траншейными орудиями — минометами и бомбометами.

Атака пехоты сопровождается двойным подвижным заградительным огневым валом, продвигаемым вперед со скоростью 100 м в 4 минуты. После захвата первых объектов пехота прикрывается неподвижным заградительным огнем. Вся тяжелая артиллерия обрушивается на вторую линию окопов противника

и на все подступы, по которым возможно продвижение его резервов.

7. Атака пехоты

Пехота занимает позиции за один-два дня до начала атаки. В каждой дивизии — полки рядом. Батальоны — один за другим. Боевой порядок пехоты — волны. Атака делится на два этапа. Батальоны, захватывающие первые объекты, остаются на месте. После дополнительной артиллерийской подготовки, не позже чем через 2—3 часа, двигается вперед вторая линия батальонов. Глубина предусмотренного продвижения: 24 октября — около 3 000 м, 15 декабря — 2 700 м. На захваченных рубежах пехота закрепляется. Вторая линия дивизии служит для смены истрепанных частей первой линии и для отражения возможных контратак. Беспрерывность и быстрота атаки должны обеспечить успех.

8. Снабжение и устройство тыла

а) Снаряды:

24 октября	15 декабря
Заготовлено снарядов всех калибров 800 600	Заготовлено — 670 200
Израсходовано в период 20—27 октября — 839 162	Действительно израсходовано 753 295

б) Патроны. Каждому стрелку — по 200 патронов, в дивизии 600 000 патронов, в ближайших складах — запас 2 300 000 патронов на дивизию.

в) Ручные гранаты. По 38 000 ручных гранат на дивизию раздали бойцам, кроме того по 1 000 химгранат с ОВ удушающего действия. На складах группы — 119 000 гранат и 3 000 химгранат с ОВ удушающего действия.

г) Ракеты. В каждой дивизии — 2 400 осветительных ракет, 2 400 ракет для сигнализации, 8 000 бенгальских ракет.

д) Провиант. При бойцах — неприкосновенный запас на 2—4 суток. В ближайших складах — на 4 суток.

е) Порядок подвоза. Все затруднения, которые испытывал Верденский район в феврале 1916 г., уже в июле были устранены. Вновь построенная двухколейная железная дорога Соммепль — Верден в соединении с возросшей пропускной способностью Маасской метровой сети и значительным расширением и улучшением шоссейных дорог полностью разрешили проблему

подвоза. Грузы подвозились к выгрузочным станциям на восточном берегу Мааса, откуда подавались войскам по узкоколейным дорогам, грузовиками, конским транспортом и даже по р. Маас. Для подачи воды были выстроены специальные водопроводы из г. Вердена.

Последующие операции 1917 г. проводились по вышеизложенной системе, но сосредоточение сил и средств было гораздо большим, что можно видеть из прилагаемой таблицы:

Наименование операций	Фронт атаки	Количество дивизий	Количество артиллерии		
			легкой и траншейной	тяжелой	плотность на 1 км
Фландрия 31 июля (только французский участок)	4	5	240	373	153
Верден 20—26 августа	17	22	1 195	1 484	160
Мальмезон 23—27 октября	10	18	898	924	199

4. Проблема внезапности и подвижности при наступлении на западном театре войны

Танковая атака под Камбре 20 ноября — 5 декабря 1917 г.

Среди многих фронтальных операций 1917 г. с ограниченной целью одна имеет большое принципиальное значение: это — танковая атака англичан под Камбре. Принципиальная роль этой операции заключается в том, что в ней впервые была осуществлена внезапная танковая атака без многодневной предварительной артиллерийской подготовки.

Проблема внезапности в позиционной войне имеет свою историю. Внезапность является таким же «вековечным принципом» войны, как и «принцип», что для войны нужны люди и оружие. Но старые приемы и методы осуществления внезапности оказались недостаточными или несоответствующими во время мировой войны. Обе стороны проявили много находчивости, творчества и тонкости в изыскании новых средств обмана бдительности

противника и введения его в заблуждение. При подготовке операций в этом отношении немцы с начала войны имели крупные достижения. Антанта же, особенно Франция, часто на внезапности жестоко проваливалась (Эн, Шампань). Осуществление внезапности стало крупным разделом военной теории и практики. Внезапность диференцировалась. Появилась внезапность стратегическая, оперативная, тактическая, техническая, организационная, внезапные воздушные атаки и т. д. Главнейшая трудность сохранения втайне задуманной операции заключалась в том, что во время подготовки ее было чрезвычайно трудно укрыть большие массы живых сил и материальных средств, сосредоточиваемых к участку удара. Противники еще не научились подводить войска к участку операции лишь накануне ее начала. Если при этом учесть, что артиллерийская подготовка длилась обычно несколько дней, а подготовка плацдарма — несколько недель, то очевидно, что противник успевал подводить резервы.

В то же время было ясно, что в операции с ограниченной целью при поддержке лишь артиллерийского огня чрезвычайно трудно добиться продвижения больше, чем на 3—5 км. После этого всегда была необходима длительная остановка для перемещения артиллерии и подготовки новой операции. В период 1915—1917 гг. никогда еще не было случая, чтобы атакующий смог сразу развить успешно произведенный тактический прорыв. Такое положение создавало безнадежность. Если нельзя было использовать в полной мере успехи тактического прорыва, терялись перспективы решить войну маневром армии.

Творческое внимание командного состава было направлено на изыскание средств к увеличению подвижности средств подавления при наступлении. Вначале предполагали решить проблему соответствующим построением боевого порядка пехоты и использованием в прорыве конницы. Но эти попытки не увенчались успехом. Пехота без артиллерии двигаться вперед не могла. Для конницы ни разу не было сделано достаточного прорыва. Постепенно были открыты возможности использования механических средств транспорта и мотора внутреннего сгорания. Автомобильный транспорт сделал возможным быстрое сосредоточение пехоты, а изобретение танка разрешило проблему огневого сопровождения пехоты. Одновременно развивалось искусство осуществления внезапности (короткая артиллерийская подготовка, занятие исходного положения лишь накануне атаки и т. д.).

Первые опыты использования танков должны были показать, что в лице танков наступление приобрело боевое средство, способное заменить артиллерию, причем это средство, используя мотор внутреннего сгорания, обладает гораздо большей подвижностью. Командиры английского танкового корпуса предложили произвести опытную операцию более широкого масштаба, основанную на сопровождении пехоты танками.

Хотя и с большими трениями, но английское главное командование решило подобный опыт произвести. Дело в том, что танки завоевывали признание с большим трудом. Провал танков на р. Эн, повторные неудачи танков на болотах в районе Ипра привели к скептическому отношению к этому средству. Танкистам удалось доказать, что для успеха танковой атаки нужно избрать хорошую местность — ровную, без лесов и болот.

К операции начали готовиться задолго до ее начала. Нужно было разрешить ряд технических и тактических проблем. Нужно было обучить пехоту совместным действиям с танками и главное — завоевать доверие пехоты к этому роду оружия. В специальных лагерях дивизии, предназначенные для атаки, в течение долгого времени обучались совместно с танками. И для самих танковых частей многое было еще неясно. Они обучались скрытному движению к исходной линии и ночному развертыванию, движению через неприятельскую укрепленную полосу и т. д. Чтобы получить возможность переходить через широкие окопы системы Гинденбурга (свыше 12 футов), танкисты изобрели способ опускания фашин на дно траншей и т. д.

На английском фронте были благоприятные открытые участки для танковых атак. После долгих рекогносцировок был выбран участок 3-й английской армии против Камбре.

«План операции 3-й армии был следующий: 1) прорыв системы германских оборонительных линий между каналом Сен-Кантен и северным каналом; 2) захват Камбре, леса Бурлон и переправы через р. Сансе; 3) выход в тыл германцам в районе к югу от Сансе и к западу от северного канала; 4) развитие успеха в сторону Валансьена (Ф у л л е р, Танки, ВВРС, 1923 г., стр. 120).

Хотя план представляет собой обширную программу, но по существу дело обстояло гораздо скромнее. На участке в 12 км было сосредоточено 7 пехотных дивизий, около 1 000 орудий,

342 танка и 1 кавалерийский корпус. Слабое эшелонирование в глубину и сравнительно слабые силы, более, чем письменный

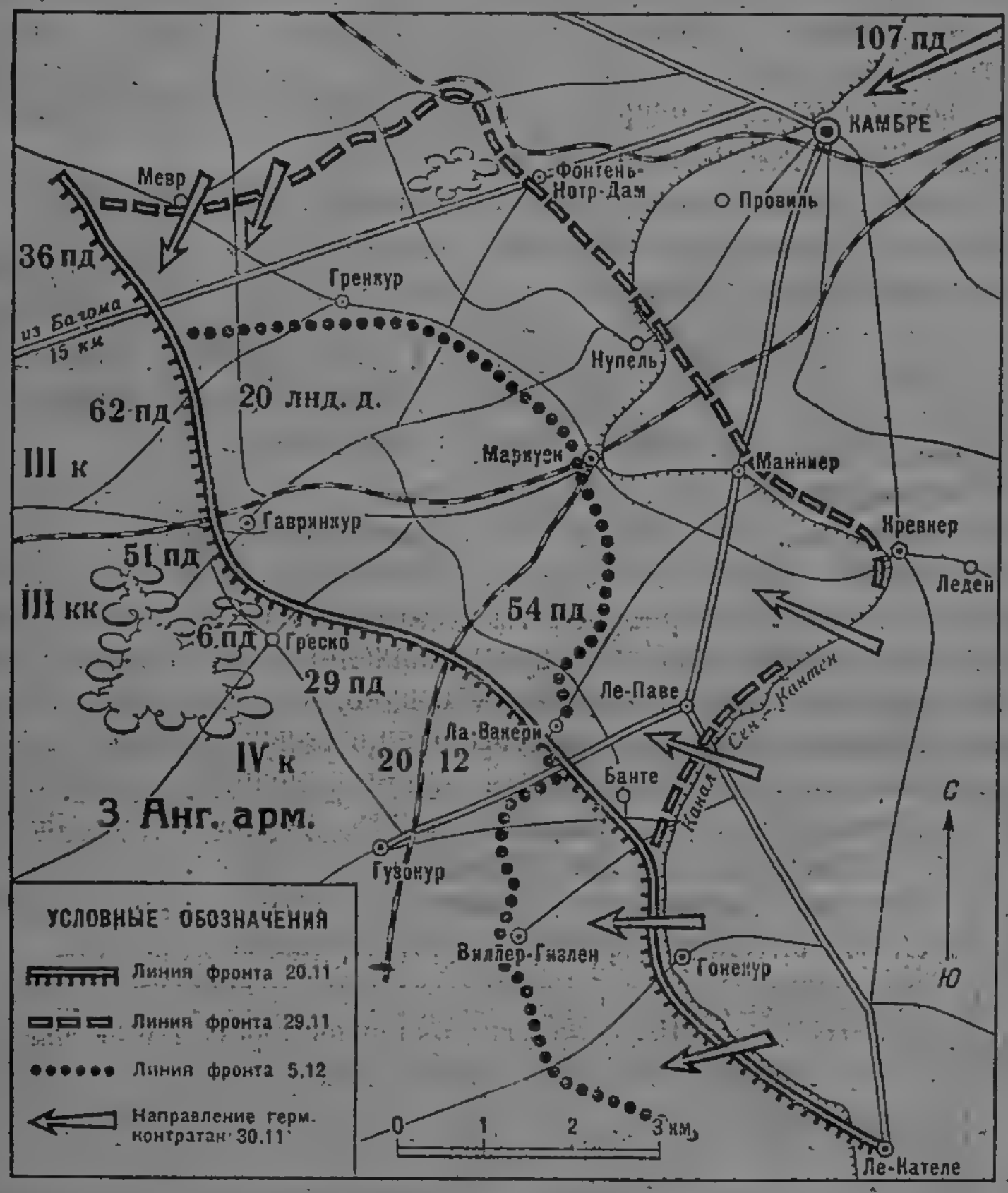

Схема 8. Танковая атака под Камбре

план, свидетельствовали о том, что англичане не задавались широкими замыслами.

В боевом порядке два атакующих корпуса заняли следующее положение (схема 8).

Силы и средства распределялись так:

IV корпус — участок Ла-Вакери — Гавринкур.

12-я дивизия	—	72 танка	в линии,	12 запасн.
20-я „		36 „	„ „	6 „
29-я „		36 „	„ „	10 „
6-я „		72 „	„ „	12 „

III корпус — участок Гавринкур — Мевр.

51-я дивизия	—	70 танков	в линии	
62-я „		56 „	„	„
36-я „		— „	„	„

Всего 7 пехотных дивизий, 342 танка в линии, 40 запасных

Кроме того, в тылу сосредоточился III кавалерийский корпус в составе 1-й, 2-й и 5-й кавалерийских дивизий.

Пехотных дивизий во второй линии было 3. Кроме того, 3 французских дивизии 19—20 ноября были перевезены на автомобилях из района Шато-Тьерри в район Перон.

С немецкой стороны на участке атаки стояли лишь 20-я ландверная и 54-я пехотная дивизии. К Камбре подвозилась с востока 107-я дивизия.

Сосредоточение ударных английских частей было произведено ночными маршами накануне атаки. Развертывание танков было произведено также ночью. В общем внезапность была достигнута.

В 6 час. 20 мин. 20 ноября артиллерия 3-й английской армии после трехчасовой артиллерийской подготовки образовала подвижный огневой вал, под прикрытием которого танки пошли вперед, а за ними — пехота.

На долю 3-й армии неожиданно выпал серьезный успех. Обе немецкие дивизии обороны были смяты. Гарнизон обороны частично в панике бежал, частично был захвачен в плен. Позиция Гинденбурга оказалась прорванной на всю глубину. Но успех не был использован. Английская пехота и конница, вместо того чтобы решительно двинуться вперед, начали топтаться на месте, танки же понесли большие потери и при движении вперед отрывались от пехоты, которая сильно отставала. Фактически в течение 20 и 21 ноября на путях к Камбре почти никого не было, если не считать мелких команд и отдельных батальонов, переброшенных на автомобилях. К вечеру 29 ноября линия фронта проходила через Мевр, северную опушку Бурлонского

леса, Фонтень, Нотр-Дам, Маннпер, Кревкер, Банте. На этой линии английские части были задержаны подошедшими германскими резервами. Обычный позиционный бой продолжался до 30 ноября, когда немцы перешли в решительную контратаку. Здесь уже немцы решили, в свою очередь, показать свое искусство достижения внезапности.

Фон-Марвитц (командующий 2-й германской армией) решил не только восстановить положение, но и уничтожить все неприятельские части, расположенные в выступе. Для этой цели он сосредоточил 7 дивизий (30-ю, 9-ю рез., 220-ю, 28-ю, 34-ю, 208-ю и 183-ю) на левом фланге выступа, на участке Леден — Гонекур (8 км) и 4 дивизии на правом фланге выступа, в районе югозападнее Бурлона, с задачей — концентрической атакой на Треско окружить все части англичан, проникшие в выступ фронта. Атаку поддерживали 1 000 орудий, из них 75% тяжелых.

Немцам внезапность также удалась в полной мере. Здесь — впервые на западном театре — была применена система короткой артиллерийской подготовки по методу уточненной стрельбы. Атака имела успех, особенно на южном фланге выступа. Англичане с большими потерями были отброшены в исходное положение. Но окружить их не удалось. Тем не менее, расценивая результаты операции, Фуллер с пафосом пишет: «Камбре стало Вальми новой военной эпохи, эпохи машинной войны». Хотя такого значения операция под Камбре и не имеет, но все же можно считать, что проблема механизации армии ведет свое начало отсюда.

Глава XV

1918 г. НА ЗАПАДНОМ ТЕАТРЕ

Превращение позиционной войны в маневренную

Наступление немцев в 1-й половине и особенно контрнаступление Антанты во 2-й половине 1918 г. прежде всего сделали неоспоримым один факт — преодоление позиционного фронта и переход к маневренной войне.

Но это не была маневренная война в общепринятом смысле этого слова—с обширными обходными и охватывающими маневрами и контрманеврами, с глубокими отходами с целью выигрыша

времени, с большими территориальными колебаниями, с уничтожением целых армий путем окружения, с параллельным преследованием на протяжении сотен километров и прочими элементами, определяющими обычную маневренную обстановку. Это была своеобразная маневренная война с особыми формами и особым характером. Противники нашли средства преодолевать неподвижную мощь укрепленных позиционных фронтов и переводить борьбу в открытое поле. Борьба в открытом поле, взятая в широком понимании, и является сущностью маневренной войны.

В 1918 г. на западном театре была маневренная борьба на высшей ступени, на новой материально-технической базе; маневренная война, в которой колебания фронта были незначительны, которая все время была близка к тому, чтобы вновь замереть в позиционных окопах, которая наряду с маневром на фронте перенесла маневр в тыл, на железные и шоссейные дороги и т. д. Словом, это было возвращение к маневренной войне, но к такой маневренной войне, которая сохранила и впитала в себя весь опыт позиционного периода. Особенность этой маневренной войны заключалась в том, что фронт оставался сплошным. Но весь этот сплошной фронт от Вердена на запад пришел в движение. Войска оставили окопы, в которых сидели три с половиной года.

В доподлинную маневренную войну война на западном театре перерасти не успела. Но не подлежит никакому сомнению, что если бы война не прекратилась, а продолжалась еще один год, мы были бы свидетелями широкого маневрирования миллионных армий, оснащенных мощными техническими средствами.

Какая же политическая и материально-техническая база определила характер этого нового типа маневренной войны?

В первую очередь — решительное изменение соотношения сил во всех количественных и качественных показателях в пользу Антанты.

Политическая обстановка после вступления Соединенных штатов в войну сложилась таким образом, что «Срединный» союз не мог больше иметь никаких надежд добиться победы. Не соглашаясь и не предлагая компромиссного мира, Германия пыталась разгромить вооруженные силы Антанты. Этого она добиться не могла, и последние поражения до такой степени развалили коалицию и вооруженные силы Германии, что ее способность к сопротивлению была резким образом ослаблена. Развал германской

армии решающим образом стимулировал переход к маневренной войне.

Во-вторых, Антанта добилась осуществления превосходства средств наступления над средствами обороны. Мы дальше увидим фундамент, на котором строился немцами прорыв фронта союзников. Это — широкий фронт атаки, могучие артиллерийские и танковые средства, оперативная и тактическая внезапность, групповая тактика, быстрота и непрерывность наступления, достигаемые беспрерывным вводом резервов.

Немцы дали высокие образцы оперативного и тактического искусства в использовании людских и артиллерийских масс. Системой стрельбы по площадям с массовым применением нестойких отравляющих веществ и массовым использованием минометов для уничтожения проволоки и подавления пехоты они добились короткой артиллерийской подготовки. Они показали, как нужно добиваться внезапности при действиях миллионных армий.

Тем не менее прорывы немцев, доказавшие возможность преодоления позиционной войны, фактически не сумели расшатать всего позиционного фронта Антанты. Их прорывы замирали только в сравнительно широких тактических рамках. У немцев нехватало сил и оперативной подвижности для того, чтобы придать своим прорывам стратегический масштаб.

Техническая база, определившая маневренный характер операций 1918 г., в полной мере выявилась у Антанты. Объясняется это просто экономическим превосходством Антанты над истощенной Германией.

Одним из основных средств, радикальнейшим образом повлиявших на характер оперативных форм, были танки. Появление бронированной повозки с гусеничным ходом разрешило одну из труднейших проблем мировой войны, ибо дало возможность беспрерывно продвигать вслед за наступающей пехотой средства подавления в достаточном количестве и достаточной мощности. Немцы не сумели своевременно оценить роль этого нового средства. Только после мировой войны они поняли, какое огромное упущение они сделали, недооценив значения танков. Со стороны Антанты, почти в каждой операции 1918 г., танки принимали участие в больших массах.

Кроме танков, не менее решающую роль сыграли: самодвижущаяся артиллерия на гусеничном ходу, штурмовая и бомбардировочная авиация, автомобильный транспорт и искусство

использования всех этих средств. Если качество новых технических средств дало такое оружие в руки наступающего, посредством которого он мог обеспечить себе успех в борьбе против укрепленных полос, то новый характер оперативных форм определился количеством этих средств, выдвинутых на театр военных действий. Тяжелый, неповоротливый, неуклюжий характер маневренных операций 1918 г. объясняется чрезмерно большим количеством сил и средств с обеих сторон и недостатком пространства на театре военных действий для использования этих сил и средств. На западном театре войны было тесно для многомиллионных армий воевавших сторон. В середине 1918 г. средняя плотность на всем театре протяжением около 800 км достигала 5 000—6 000 человек и 25—30 орудий на 1 км. Такая масса людей и средств неизбежно сделали фронт чрезвычайно громоздким. Если при этом учесть, что общая подвижность этих многомиллионных армий в боевой полосе была еще сравнительно незначительной, то станет ясным своеобразие маневренной войны на западном театре.

Но можно не сомневаться, что при больших пространствах, при большой подвижности в самой боевой зоне маневренная война на новой материально-технической базе породила бы такие маневренные операции, каких еще никогда не знала мировая военная история.

Таким образом, маневренная война, возникшая в 1918 г. на западном театре, коренным образом отличалась не только от обычного представления о маневренности, но и от характера маневрирования в 1914 г.

В 1914 г. маневрировали армии, которые полностью сохраняли боеспособность и политико-моральную устойчивость, накопленные в течение долгих лет мирной подготовки. В 1914 г. армии были послушным инструментом в руках командования и господствующих классов. Управлять этими армиями было сравнительно легко. Крепкие и многочисленные кадры мирного времени легко переварили массу запасных, заполнявших ряды армий при мобилизации. Армии 1914 г. были хорошо обучены и воспитаны.

В 1918 г. положение радикально изменилось. В этот период маневрировали уже армиями, которые были охвачены глубоким политико-моральным разложением. С середины 1918 г. развал германской армии принял катастрофический характер. Резкие упадочные настроения наблюдались также в рядах армий Ан-

танты. Только американские войска еще сохранили всю мощь нетронутого разложением военного организма. Боевая подготовка и обученность войск также не были на высоте. Войска ускользали из рук командования, демонстрируя свое нежелание воевать.

Глава XVI

НАСТУПЛЕНИЕ НЕМЦЕВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1918 г.

Прорыв на широком фронте как средство преодоления позиционной войны

1. Стратегическая и оперативная концепция германского главного командования

Оценка политической обстановки

Причины, вынудившие германское главное командование перейти весной 1918 г. в решительное наступление на западном театре, представляют большой интерес. По этому поводу имеется уже столь обширная литература, что повторять здесь весь ход дискуссии нет смысла. Мы укажем лишь основные моменты. После мировой войны бывшие руководители германской армии (Гинденбург, Людендорф, Гофман, Куль и др.) попытались создать общественное мнение, что немцы были вынуждены перейти на западе к решительным действиям, что Германия в начале 1918 г. уже не могла продолжать тот оборонительный образ действий, который являлся руководящим началом ее стратегии на западе в 1917 г.; с исключительной наглостью и лживостью они пытаются доказать легенду «об ударе в спину из тыла» и т. д.

Концепция Людендорфа, которой следует большинство германских военных писателей, такова:

Политическое положение Германии было безвыходным. Мирные условия, подобные тем, которые были в действительности навязаны Германии, были разработаны Антантой задолго до Версаля. Все попытки Германии добиться «справедливого мира» систематически отвергались Антантой. «Алчные Шейлоки» Антанты имели лишь одну цель: расчленить Гер-

манию, отнять все ее колонии, разрушить благосостояние страны и т. д. При таких условиях Германия вынуждена была сражаться до последнего солдата.

Теперь уже в достаточной мере доказано, что за этой высокопарной демагогией скрывались самые беззастенчивые аннексионистские устремления германского империализма. В тот момент, когда Германия предлагала мирные условия в декабре 1916 г. и принимала мирную резолюцию в июне 1917 г., в тайниках различных коронных советов намечались широкие программы обширных империалистических завоеваний на востоке и на западе. Вся Бельгия или в крайнем случае район Льежа и прибрежье Фландрии, а также область Бриэ на западе, прибалтийские провинции и т. д. на востоке и многие колонии Антанты присоединялись в этих программах к Германии.

Чтобы добиться этих целей, Германия, естественно, должна была сперва разгромить вооруженные силы Антанты и притом на главном, западном, театре.

В то же время Людендорф знал, что военная помощь Америки изо дня в день возрастает и ускоряется. Нужно нанести удар раньше, чем Америка развернет такие военные ресурсы, которые изменят решающим образом соотношение сил в пользу Антанты.

Внутреннее положение в коалиции, по мнению Людендорфа, также требовало решительного наступления возможно скорее. Людендорф пишет:

«Четверной союз держался единственно надеждой на победу германского оружия.

Австро-венгерская армия вымоталась; она потеряла около 1 800 000 человек пленными, и у нее нехватало пополнений. Боеспособность армии была ограничена... Действительно, бросалось в глаза, что военные силы Австро-Венгрии подходят к концу. Было ясно, что в этом случае политическое равновесие не удержится ни на один час. Двуединая монархия держалась лишь армией...

Болгария захватила уже все, что она хотела удержать за собой после войны. Поскольку добыча представлялась ей обеспеченной, никто больше не интересовался войной, а думали лишь о том, как можно будет наслаждаться этими приобретениями в мирные времена. Народ и армия устали от войны...

Я всегда расценивал болгар так: они останутся нам верными лишь до тех пор, пока у нас все будет благополучно. Если же наши шансы на победу умалятся или мы потерпим неудачу, то надо было рассчитывать на то, что в действительности имело место...

Турция была верной союзницей, но ее силы подходили к концу. Была ли она в этом виновата или нет, не играло роли. Запас людского материала был сильно исчерпан, и армия часто существовала лишь на бумаге. Палестина должна была стать легкой добычей Англии, если войска там не будут усилены. Разгром турецких сил в Палестине мог бы вызвать значительные политические последствия, ввиду чего его надо избежать, хотя исход войны решался и не там». (Людендорф, Мои воспоминания о войне, т. II, русск. пер., изд. ВВРС, 1924 г., стр. 116—117).

Внутреннее положение Германии было также неудовлетворительно. Голод, усталость от войны, недовольство правительством охватывают все более и более широкие массы. Хотя армия еще держится, но и ее организм начинает разъедать пропаганда Антанты и революционных элементов внутри страны. Так что, по мнению Людендорфа, и это обстоятельство — шаткость внутреннего положения — должно толкать к быстрым активным действиям, пока армия сохранила боеспособность.

Единственным шансом в неравной борьбе могла быть только военная победа, и Людендорф решил использовать этот шанс, который, конечно, был сопряжен с огромным риском. Однако, уже после войны в Германии появилась большая литература, доказывающая, что только обороной, при крайней экономии сил и средств, Германия в 1918 г. могла еще держаться, искренне добиваясь всеми мерами компромиссного мира.

Стратегическая обстановка

Путем отвлечения от более широкой политической обстановки и перенесения центра тяжести на все суживавшуюся стратегическую, а затем оперативную базу германское главное командование пыталось доказать, что Германии обеспечены все условия для благоприятного исхода наступления на западе. Стратегия была поставлена на-голову. Людендорф

сам констатирует, что политическое положение совсем плохо, стратегическое — лучше, оперативная обстановка — хорошая, тактика — прекрасная, и отсюда делает вывод, что все великолепно.

Этот ход мыслей в корне неправилен и свидетельствует о безграмотности Людендорфа. В операции такого масштаба, какой был задуман немцами в 1918 г., неправильный вывод из политической обстановки был чреват тяжелыми последствиями.

Стало быть, по ходу мыслей Людендорфа, стратегическая обстановка ему рисовалась благоприятной. Он даже указывает, что никогда еще с возникновения войны Германия не имела такого благоприятного положения на фронтах, как в начале 1918 г.

Россия разгромлена. «Западный фронт удержался, итальянская армия была разбита, а австро-венгерская армия вдохнула в Италии свежего духа. Македонский фронт стоял крепко. На востоке закончились переговоры о перемирии, и для дипломатии был открыт путь к миру. Мирные переговоры должны были начаться в Брест-Литовске на рождестве. У нас были надежды победоносно закончить войну.

Только в Малой Азии не все было благополучно, но перед размахом событий в Европе это совершенно отходило на второй план».

По существу и эта оценка преследовала ту же цель — доказать необходимость перейти на западном театре в наступление теперь или никогда. Но эта установка впоследствии также получила достойную оценку в самой Германии. Дельбрюк в «Автопортрете Людендорфа» с исключительной злобой и сарказмом нарисовал яркий портрет этого хорошего военного техника, но круглого невежды в вопросах политики и большой стратегии.

В результате переоценки стратегического положения германское главное командование пришло к заключению, что оно может одновременно не только добиться решительных результатов на западном театре, но и значительно расширить свои достижения на востоке.

Здесь ученики Шлиффена резко отошли от учения своего учителя. Шлиффен поучал, что в борьбе на два фронта необходимо раньше покончить с одним противником, а затем обра-

титься против другого. Но германское главное командование решило иначе. Оно задалось сразу двумя крупнейшими стратегическими целями: на западе добиться разгрома армий Антанты, на востоке завоевать Украину, Финляндию и свергнуть советскую власть.

Поэтому еще до начала наступления на западе германские и австро-венгерские войска начали решительное продвижение в глубь советской территории. Помимо перечисленных целей, поход на Украину имел задачей добиться расширения продовольственной базы Германии и завоевания путей к кавказской нефти.

Под какими же лозунгами выступила Германия против РСФСР, с которой она только что заключила Брестский мир?

За лозунгами дело не стало. В арсенале империалистов — арсенале лжи, провокаций и одурачивания народных масс — их сколько угодно. Германия выступила потому, что об этом ее просили «широкие массы» Украины в лице Скоропадского, опереточного украинского гетмана и адъютанта Вильгельма II. Кроме того, германское правительство заявило, что пролетарская власть, якобы в союзе с Антантой, восстанавливает противогерманский восточный фронт.

Характерно, что под этим же флагом восстановления фронта против Германии, заключившей якобы союз с Советской Россией, и Антанта организовывала восстания (чехословаков, восстание в Ярославле и т. п.), посылала свои стотысячные армии во Владивосток, Архангельск и Одессу, организовывала обширную систему активного саботажа, не останавливаясь перед индивидуальным террором против представителей коммунистической партии и советского государства. Теперь уже документально известно, что рукой эсерки Каплан, стрелявшей в 1918 г. в Ленина, руководили представители английской миссии.

Все эти реакционные комбинации имели единственной целью свержение советского правительства. В этом переплете кровавой борьбы империалистических государств против СССР особенно ярко выявилась алчная, беспринципная продажность русской буржуазии. Она бросалась от Антанты к Германии, готовая продать Россию хоть «чорту», лишь бы найти где-нибудь помощь в контрреволюционной борьбе против советского государства.

Близорукость германской политики по отношению к Советской России сыграла для Германии роковую роль. С точки зрения интересов буржуазной Германии нельзя себе представить большей ошибки, чем поход на Украину.

Оккупация Украины потребовала почти полуторамиллионной армии. В марте 1918 г. Германия вынуждена была оставить на восточном театре 53 пехотных и 11 кавалерийских дивизий, Австрия — до 40 дивизий. Этих сил явно нехватало на западном театре. Кроме того, германские и австрийские части, находясь долгое время в соприкосновении с великой революцией, быстро проникались ее стихийным влиянием и уносили революционную «заразу» на запад. Только такие солдафоны, как Людендорф и Гофман, могли думать, что возможно одновременно победить на западе и удержать награбленные территории на востоке. Германия лопнула под давлением своих безудержных империалистических устремлений.

Но и на других театрах стратегическая обстановка оценивалась Людендорфом неправильно. Нельзя найти логику в констатировании большого разложения внутри Австро-Венгрии и Болгарии и в одновременном утверждении, что итальянский и македонский фронты держатся крепко. Они держались «крепко» потому, что их никто не трогал. Но лишь только крепкие подпорки в лице германских дивизий были убраны с этих фронтов и они получили по солидному удару от противника, как тотчас же эти «крепкие» фронты развалились.

Переходя от стратегической к оперативной оценке обстановки, Людендорф все более повышает тон. Людендорф уверовал, что он нашел секрет победы на западном театре. Как Нивель в начале 1917 г., так и Людендорф в начале 1918 г. хотел добиться победы путем фронтального прорыва на широком участке [1].

---

[1] Термин «широкий фронт» имеет условное содержание. На восточном театре удар на фронте 25—30 км уже считался «широким» и часто приводил к успеху. На западном театре удар в Пикардии на участке в 80 км по своим результатам оказался слишком узким. Требуемая ширина фронта удара является производной от задачи, степени сопротивления противника и наличных сил и средств наступающего. Удовлетворительной будет такая ширина удара которая лишит противника возможности маневрировать резервами и потрясет весь фронт последнего.

В этом секрете заключалась основная концепция германского главного командования, а остальное — и стратегия и политика — лишь пристраивалось к нему.

Оперативная концепция

Как известно, при назначении участка для прорыва перед германским главным командованием стоял выбор между тремя участками: 1) во Фландрии — от Ипра до Ленса, 2) между Аррасом и Сен-Кантеном или Ля-Фером и 3) по обеим сторонам Вердена. Людендорф выбрал средний участок. Но одновременно с прорывом на участке Круазиль—Ля-Фер Людендорф в начале предполагал нанести дополнительный удар между Аррасом и Перон, с целью расшатать весь английский фронт.

В этой комбинации двух последовательных ударов по фронту уже кроется зародыш тех правильных оперативных идей, которые предварительным условием успеха на западном театре ставили истощение резервов противника. В докладных записках Ветцеля (начальника оперативного отделения германской главной квартиры), разработанных в ноябре и декабре 1917 г., эта идея выступает довольно ярко. Так, например, Ветцель пишет:

«Мы можем добиться крупного успеха только посредством удачного комбинирования многих атак, попеременно действующих и тесно связанных между собой».

Но эти идеи были, повидимому, чужды Людендорфу. Вместо этих «тонкостей» Людендорф в конце концов стал на точку зрения прямого прорыва на широком фронте, выбрав для главного удара участок Круазиль — Ля-Фер. Но свой совершенно правильный с оперативной точки зрения выбор участка Круазиль — Ля-Фер Людендорф мотивировал почему-то тактическими соображениями:

«Я остановился на среднем направлении наступления. Главнейшими основаниями для меня явились условия времени и тактические соображения, причем первое место среди них занимала слабость сил неприятеля на этом участке. Но останется ли противник здесь в слабых силах и в дальнейшем, я, конечно, не мог знать. Тактические требования надо ставить выше чисто стратегических, так как без тактического успеха заниматься стратегией не приходится. Стратегия, которая не задумывается над тактическими условиями,

заранее обречена на безуспешность. Наступления Антанты в первые три года войны представляют к тому многочисленные примеры». (Людендорф, Мои воспоминания о войне, т. II, русск. пер., стр. 161).

С тех пор приведенные соображения Людендорфа стали предметом самой жестокой критики. Нет почти ни одного военного произведения, разбирающего события 1918 г., которое бы в том или ином виде не отметило отсутствия у Людендорфа яркого стратегического замысла. Так, например, Капустин указывает:

«Людендорф приносит стратегию в жертву тактической целесообразности, даже такой, в которой сам сознается, — слабость сил неприятеля, и, разбивая операцию на два этапа, он основанием для второго — важнейшего и труднейшего — берет результаты первого, для него совершенно не могущие стать заранее известными, т. е. заранее строит здание без фундамента. Несмотря на успех первого удара, обстановка, сложившаяся к концу операции, показала всю шаткость его оперативных соображений: вытолкнув противника в пространство, германская армия остановилась без возможности сразу же приступить к новой операции, так как эта последняя была связана с сложным переустройством тыла, с потерей времени, которое работало в пользу противника. Тактический успех налицо, а стратегический результат—отрицательный». (Капустин, Оперативное искусство в позиционной войне, Гиз, 1927 г., стр. 31).

Нужно признать, что Капустин (как и многие другие) не понял характера операций на западном театре. Во-первых, превосходство тактических соображений при разработке плана операций в позиционной войне являлось безусловно обязательным. Об этом свидетельствует и самый труд Капустина, который больше, чем на 90%, излагает не оперативное, а тактическое учение позиционной войны. Во-вторых, перемещение ударов по фронту и во времени на западном театре было, повидимому, объективным условием успеха. И в-третьих, что самое главное, — участок, избранный Людендорфом, отвечал не только всем тактическим требованиям, но и таил в себе грандиозный оперативный замысел. В самом деле:

1. Удар намечался в стык между английской и французской армиями, т. е. в самую чувствительную точку всего запад-

ного театра. Разъединения англичан и французов можно было добиться наиболее успешно именно на этом участке.

2. Удар намечался по правому флангу английской армии, т. е. по такому противнику, чьи боевые, тактические и оперативные способности могли быть подвергнуты серьезному сомнению.

3. Удар намечался в таком направлении, которое кратчайшим путем выводило к основным коммуникациям Антанты. В то же время к фронту Камбре — Сен-Кантен подходили мощные железнодорожные магистрали немцев, обеспечивавшие им устройство прекрасного тыла и внезапность.

4. Обход правого крыла англичан должен был прикрываться не только заслоном в лице 2-й и 18-й армий, но к р. Соммой.

5. Удар в Пикардии дополнялся ударом на р. Лис, т. е. охват сопровождался фронтальным ударом. Практическую осуществимость этих операций лучше всех слов доказывает факт, что англичане серьезно намеревались оторваться от французов и уйти на побережье для прикрытия своих морских коммуникаций. Впрочем, будет справедливым указать, что паническая декларация Хэга об отходе к морю, повидимому, являлась дипломатическим маневром, имевшим целью усилить и ускорить помощь французов.

Таким образом, необходимо констатировать, что не в недостатке стратегических и оперативных идей нужно искать причины неуспеха Людендорфа.

Более серьезна и тонка критика французов. Так, например, Дебене справедливо отмечает несоответствие между замыслами Людендорфа и их исполнением. Затем Дебене констатирует несоответствие между оперативной и тактической доктриной немцев:

«Нам потребовалось долгое время, чтобы приспособить наши стратегические концепции к возможностям тактики; в этом могут признаться многие командующие, но Людендорф и Фалькенгайн совершили обратную ошибку: они не сумели создать стратегические концепции, основываясь на возможностях тактики, которые им были вполне ясны. Германский командующий придерживался правил, обычно верных в тактике; эти правила германские генералы унаследовали

от победителей 1870 г.; их они взяли за основу, и во имя этих правил Людендорф пожертвовал без колебания направлениями, не учитывая того, что в XX столетии нельзя было менять направлений так свободно, как в XIX веке. Уже в 1914 г. Большой генеральный штаб не настаивал на удержании командующих армий на тех направлениях, которые были им указаны. Свобода, с которой командующие армиями, особенно Клук, меняли направления, благоприятствовала французскому маневру на Марне. Людендорф пошел дальше этого: он сам лично пренебрег направлениями, самим им же намеченными, и отклонял направления своих атак в 1918 г. в пользу местных успехов, и результат был неудачный». (Дебеней, Главнокомандующий).

Действительно, Людендорф в своих инструкциях неоднократно указывал, что при использовании резервов не следует упорствовать в достижении успеха на намеченных по плану направлениях, если противник оказывает на этих направлениях серьезное сопротивление, а следует продвигать резервы там, где успех уже наметился и где сопротивление противника уже сломлено. В результате подобных директив получилось, что вместо упорной борьбы к северу от р. Соммы, где по плану Людендорф должен был искать решения поставленных себе задач, резервы были направлены к югу от Соммы на участок 2-й и 18-й армий. То же получилось и в операции на Шмен-де-Дам, когда резервы были направлены в выступ Шато-Тьерри, в то время как они должны были вновь ударить по англичанам. Перемена направления крупных масс при недостатке подвижности этих масс неизбежно должна была вызвать заминки и трения — организационные и во времени.

Еще более серьезна критика Паке, когда он противопоставляет идею Людендорфа об осуществлении прямого прорыва идее операции на истощение резервов.

Действительно, основной вопрос стратегии Людендорфа на западном театре в 1918 г. заключается в том, являлась ли его идея прорыва достаточным и реальным средством для преодоления позиционного фронта и для превращения позиционной войны в войну маневренную.

Что прорыв являлся основой всех соображений Людендорфа,

не подлежит никакому сомнению. В своем труде «Ведение войны» Людендорф выразил эту идею следующим образом:

«Путем сосредоточения подавляющих сил обрушиться на меньшие силы обороны, разгромить их и прорвать фронт. Затем обрушиться всей атакующей массой на резервы противника, в то время когда они еще рассеяны. Цель — все время увеличивать мешок, который образован на фронте противника. Добраться в какой-нибудь точке так глубоко в тыл противника, чтобы фронт его был расколот и чтобы оба крыла бреши все время отодвигались в стороны. Затем эти крылья надо охватить, и тогда атака из прорыва переходит к маневру».

Гинденбург также подтверждает, что —

«Главное командование хотело тесно следовавшими один за другим частичными ударами настолько потрясти неприятельское здание, чтобы оно при первом случае все-таки рухнуло».

Сама по себе идея прорыва на западном театре не является новой. В течение долгого времени эта идея господствовала во Франции. Мы уже видели, что в операции на р. Эн эта идея была четко выражена Нивелем. Но Людендорф эту идею принес с собой с восточного театра. Крупнейшие результаты прорывов на русском фронте должны были подсказать мысль добиться таких же результатов и на западе. Людендорф, конечно, понимал, что прорыв на западе несравненно более тяжелая задача, но он глубоко верил в ее достижимость.

Остановимся на этой проблеме подробнее.

Фланг и выступ в позиционной войне

Не подлежит никакому сомнению, что военная мысль до сих пор находится под известным гипнозом опасности фланговых угроз. В современных условиях возросшей роли коммуникаций решающее значение флангов даже увеличивается. Фуллер считает, что сплошные фронты и самая позиционная война явились результатом стремления прочно прикрыть коммуникации путем закрытия флангов. Между тем в «природе» флангов заключается двустороннее содержание, которое было открыто уже давно, но которое в военной теории

не было в достаточной мере оценено. Клаузевиц, оценивая фланги, пишет:

«Фланги (крылья) армии вовсе не слабейшие ее части, хотя бы по той причине, что у противника тоже есть фланги и он не может угрожать нашему, не подвергая в то же время опасности свой собственный. Только неравенство условий обеих сторон может действительно вызвать другое отношение. Фланги будут слабой частью, если неприятель значительно сильнее или же пользуется превосходством в своих сообщениях...

Но если фланги не следует считать частями особо слабыми, то они тем не менее очень важны, потому что сопротивление в случае обхода не может быть так просто; всякие мероприятия более сложные для подготовки и исполнения требуют времени» (Клаузевиц, О войне, т. I).

Отсюда Клаузевиц делает ряд чрезвычайно интересных выводов:

«Каждая позиция, на которой можно держаться, когда неприятель ее минует, есть фланговая, потому что с момента прохода противника позиция имеет только то значение, что представляет возможность действовать на стратегический фланг наступающего...

Из этого следует, что всякая крепкая позиция есть вместе с тем и фланговая: так как атаковать ее нельзя, то наступающему остается только пройти мимо нее, после чего позиция приобретает значение единственно влиянием на стратегический фланг наступающего» (Клаузевиц, О войне, т. II).

Весь этот замечательный анализ Клаузевица, невзирая на его абстрактную форму, неоспоримо доказывает, что опасность фланга является фактором не только объективным, но и субъективным. Фланг более опасен, когда его считают опасным. На восточном театре русская и австро-венгерская армии были чрезвычайно чувствительны к фланговым угрозам. Под влиянием фланговых угроз Россия очистила в 1915 г. весь польский театр. В некоторых частях русской армии крика «нас обходят» было достаточно для паники и бегства; эта боязнь за фланги была результатом косности и плохого качества русского командования. Но на западе были совершенно другие условия. Там часто бывали случаи,

когда войска держались в самых невозможных положениях с точки зрения учения о флангах. Не угроза охвата, а реальное осуществление его и избиение или захват гарнизона были единственным средством заставить противника уйти из опасных фланговых участков.

В 1918 г. германское главное командование почти во всех своих операциях искало открытого фланга противника. Но, вместо образования фланга, германская армия каждый раз попадала в мешок. Позиционная стена оказывалась стеной не только из стали и бетона, но вдобавок еще и из гуттаперчи. Под влиянием удара стена не рушилась, а поддавалась назад, растягивалась, образуя углубления, куда неизбежно втягивался противник. Образовывался клин большей или меньшей ширины по фронту, большей или меньшей глубины. Такой результат прорыва Людендорф предусматривал. Но он полагал, что путем повторных атак в глубине мешка, путем все большего углубления выступа ему удастся добраться до такого пункта, который откроет ему сразу доступ в тыл глубоко охваченного противника.

Это могло бы иметь место, если бы у Антанты нехватило резервов для отражения беспрерывных атак наступающего или же если бы ее армии были чувствительны к опасности фланговых угроз. Но этих условий не было. В 2—3 км от участка горячего боя позиционный фронт сохранял все свои обыденные черты. К гулу артиллерийской стрельбы, к трескотне пулеметов бойцы давно уже привыкли. Ломаный фронт уже давно создал такие условия, что на позиционном фронте казалось, будто противник стреляет со всех сторон. Попасть в свое расположение рядовой боец мог только по прямым ходам сообщения. Бывали случаи, что при малейшем уклонении бойцы не только добровольно, но часто и невольно попадали в расположение противника.

Так как прорыв немцам не удавался, то каждый образованный ими выступ превращался в опасный мешок. Угроза успешного удара по флангу переходила к противнику.

Ко всему этому нужно прибавить, что условия борьбы внутри мешка (выступа) были неравны. Внутри выступа наступающий получал разрушенное пространство, недостаточное для маневра, затрудненные условия для подвоза и т. д. В то же время обороняющийся сохранял все возможности

своего благоустроенного тыла. Уже 5 апреля 1918 г. Людендорф понял, что его концепция сражения провалилась. Перенос центра тяжести операции на р. Лис, а затем удар на Шмен-де-Дам, на Компьен и Реймс подтвердили, что от системы прямого прорыва Людендорф перешел также к системе последовательных операций. Но эта система у немцев была недостаточно разработана и при осуществлении сопровождалась шатанием оперативной мысли. В соединении с прочими причинами неуспеха это шатание играло определенную отрицательную роль.

Оперативно-тактическая доктрина

Если в области политики и стратегии Людендорфа были различные сомнения, если в оперативных планах операций он колебался между своими «шлиффеновскими» симпатиями и противоречивыми условиями западного театра, то в области оперативной техники и тактики никаких сомнений и колебаний не было. Германское главное командование было твердо убеждено, что германская армия в тактическом отношении выше антантовских и что германская тактическая мысль глубже проникала в «тайники» позиционной войны, чем антантовская. В указаниях Людендорфа неоднократно встречается совет: «не надо поступать так, как поступали французы или англичане». Нельзя отрицать, что кое-какие основания для подобного мнения были налицо. Коллективная работа германского офицерского корпуса сумела поддержать тактическую выучку германской армии на высоком уровне в продолжение почти всей мировой войны. В тактических инструкциях германской армии система совместной боевой работы соединенных родов войск разработана более продуманно и четко, чем в инструкциях армий Антанты.

Для наступления 1918 г. германское главное командование сочло нужным издать особую инструкцию под названием «Наступательное сражение в позиционной войне» (утв. 1 января 1918 г.). В пояснение и развитие этой инструкции разновременно (25 января, 2 февраля, 17 апреля, 27 июля) последовали дополнительные указания. Содержание всех этих документов может быть сведено к следующим пунктам.

Лейтмотивом инструкции является прорыв позиционного

фронта противника. Прорыв осуществляется сосредоточением на широком фронте мощных сил и средств, строгой методичностью и планомерностью подготовки, быстротой и непрерывностью выполнения атаки и питанием из глубины. Необходимым условием успеха является внезапность.

Бой за овладение укрепленной полосой противника слагается из двух периодов: первый период начинается непосредственно после артиллерийской подготовки, когда артиллерия образует подвижный огневой вал, под прикрытием которого пехота движется вперед; второй период начинается тогда, когда подвижный огневой вал отрывается от пехоты или когда пехота выходит за пределы артиллерийского огня.

Инструкции с особой настойчивостью указывают, что в противовес механическому проталкиванию пехоты по заранее разработанному плану необходимо, чтобы командование всех степеней управляло и руководило войсками в ходе самого боя. Низшим войсковым начальникам должна быть предоставлена полная инициатива. Людендорф неоднократно указывает, что в период переобучения войск необходимо добиться умения продвинуться в течение первого дня боя на глубину не менее 8 км, т. е. преодолеть всю первую укрепленную полосу противника.

«Чтобы добиться успеха, недостаточно собрать и ввести в бой войска на основе методически подготовленной атаки. В настоящее время атака требует как от высшего, так и от низшего начальников разумного руководства и умения приме-няться к переменчивой тактической обстановке.

В этом отношении наша атака должна сильно отличаться от атак англичан, которые придают чрезмерное значение огневой завесе. Эта завеса задерживает продвижение пехоты, кроме того, влияние начальников на ход боя совершенно прекращается.

В различных английских наступлениях—на Сомме, у Арраса, Камбре и во Франции—первоначальные успехи, которые часто были значительны, не были в достаточной мере использованы.

В прорыве, как только прекращается действие огневой завесы, необходимо дать полную свободу низшим начальникам, начиная с командиров рот и батальонов. Исход сражения будет часто зависеть от действий этих начальников».

Пехотная часть должна безостановочно двигаться вперед, сколько может, и должна усиливаться из тыла только тогда, когда это совершенно необходимо.

Не следует упорствовать в борьбе с опорными пунктами; наоборот, надо проникать возможно глубже в направлениях наименьшего сопротивления, преодолевая опорные пункты действиями во фланг и тыл.

«Необходимо постоянно помнить, что заградительный огонь никогда не создает густой огневой завесы и не может освободить пехоту от необходимости вести ближний бой при помощи своих пулеметов, своих винтовок, штыков, гранат, легких траншейных мортир, а также своих орудий сопровождения».

«Успех всякого наступления будет зависеть от своевременного перемещения полевой и тяжелой артиллерии, боеприпасов и достаточного количества минометов на лафетах».

«Артиллерия своим огнем должна подготовить дорогу пехоте и действовать в полном согласии с ней».

«Раз позиции и артиллерия противника захвачены, бой в дальнейшем принимает характер маневренной войны. Методическая подготовка прекращается, дух личной предприимчивости и энергичная деятельность приобретают огромное значение... Быстро, неразрывно преследовать противника, не давать ему передышки даже ночью. Не поджидать друг друга, однако, всегда иметь наготове надежные огневые средства против непредвиденного сопротивления.... Если противник смог зацепиться за позицию, снимать его единым порывом, продвигаясь непрерывно вперед, при постоянной поддержке огня; часто будет достаточно короткого сосредоточения огня пулеметов, минометов или артиллерии сопровождения. Отсрочка в захвате таких позиций потребует в большинстве случаев более значительных жертв».

Особое внимание инструкции уделяют управлению резервами. Людендорф неоднократно напоминает, что дивизии первой линии не должны сменяться после одного дня боя [1].

---

[1] В этом также сказывалась грубая прямота Людендорфа. В армиях Антанты требовали возможно более частой смены атакующих частей, исходя из соображений сохранения моральной устойчивости войск. В германской армии в 1918 г. смену производили тогда, когда части оказывались полностью истощенными. Восстановление боеспособности этих частей удавалось с большим трудом.

«Пехотные дивизии должны быть способны вести наступательные бои в течение нескольких дней и выполнять значительные продвижения... Не следует бросать резервы в те места, где атака будет остановлена крепкими позициями или центрами сопротивления; такая мера привела бы только к бесполезным жертвам. Наоборот, следует употреблять резервы там, где атака продвигается. Это позволит сломить сопротивление противника и на соседних участках... Необходимо постоянно создавать себе новые резервы, собирая все свободные части и прочно удерживая их в руках».

Во всех операциях 1918 г. боевой порядок немцев строился на следующих основаниях: дивизия получала участок до 2 км, имея два полка в первом и третий полк во втором эшелоне; дивизии второй линии размещались в 2—3 км позади дивизий первой линии; дивизии третьей линии — в 15—18 км в тылу.

В общем, характер атаки многими своими чертами напоминает картину «прогрызания» укрепленной полосы, зафиксированную потом в полевых уставах некоторых армий.

Особое внимание было обращено на осуществление внезапности. В этом отношении немцы добились огромных результатов. Основными были следующие приемы:

1. Всемерное сохранение подготавливаемой операции в тайне. Даже высшие начальники (командиры корпусов) до последнего момента не знали о своих предстоящих задачах.

2. Подготовка плацдармов, понимаемая в смысле широкого оборудования систем позиций и тыла, велась на большом числе участков фронта, отвлекая внимание противника. Каждый участок имел свое условное наименование. Были подготовлены следующие участки:

а) Дуга в районе Ипр — условное название «С.-Жорж».

б) Участок севернее Арраса — условное название «Марс».

в) Участок в Пикардии, фактически ставший плацдармом атаки 21 марта — условное название «Михаэль».

г) Участок в районе Аргонн — условное название «Гектор».

д) Участок в районе Шампани — условное название «Ахилл».

в) Участок в районе Люневиль — условное название «Страсбург».

3. Сосредоточение резервов (стратегического порядка) вдали от линии фронта. Большая часть этих резервов была сосредоточена на рокадной железнодорожной линии Мезьер — Гирсон — Лиль, откуда они могли быть с одинаковым успехом направлены в любой пункт от моря до Вердена.

Ударные дивизии были сняты с позиций еще в январе и в начале февраля и также отведены в тыл.

Расположение дивизий в тылу обеспечивало возможность их наилучшей моральной обработки, обучения, пополнения, снабжения и предоставления им отдыха.

4. Сосредоточение всех сил на участке прорыва лишь накануне атаки. Перед началом наступления 21 марта сосредоточение производилось следующим образом:

«С 11 по 19 марта вперед выдвигалась артиллерия с соблюдением маскировки в полной тишине; 20 марта утром все батареи стояли на заблаговременно и точно намеченных и подготовленных позициях, которых раньше никакая артиллерия не занимала, совершенно готовые к открытию огня без предварительной пристрелки, по системе капитана Пулковского; батареям пришлось самим только замаскироваться.

16 марта начала выдвижение к боевой линии пехота. Шла она со своими огнеприпасами и продовольственными обозами по ночам, частью колонными путями, а днем отдыхала в лесах. В ночь с 18 на 19 марта ей был предоставлен отдых в непосредственной близости от позиции, а в последующие две ночи она выдвинулась в исходное для наступления положение» (Базаревский, Кампания 1918 г. во Франции и Бельгии, т. I, Гиз, 1927 г., стр. 143).

Для скрытия резервов от воздушной разведки в тылу были построены особые тщательно замаскированные лагери.

5. Краткая артиллерийская подготовка. В инструкции от 1 января 1918 г. указан основной принцип, что артиллерия отказывается от разрушения неприятельской укрепленной полосы, а переходит к ее нейтрализации. Краткая артиллерийская подготовка обеспечивается: во-первых, сосредоточением чрезвычайно мощной артиллерии свыше 100 орудий на 1 км фронта; во-вторых, комбинацией артиллерийского и минометного огня; в-третьих, массовым обстрелом химическими

снарядами, нейтрализующими артиллерию противника; в-четвертых, применением методов уточненной стрельбы, без предварительной пристрелки; в-пятых, мощным подвижным огневым валом.

Привлечение к руководству артиллерией талантливого организатора Брухмюллера и изобретателя методов уточненной стрельбы капитана Пулковского позволило немцам добиться отличных результатов.

6. Привлечение к атаке большой массы штурмовой авиации для борьбы против пехоты и резервов противника.

7. Ряд других мероприятий, как, например, строгая цензура, контроль корреспонденции, прекращение пассажирского движения, усиление охраны и т. д.

Войска, предназначенные для атаки, были переобучены. Вначале специальные инструкторы произвели ряд опытов и переобучили одну из дивизий резерва. Потом был вызван весь высший и старший командный состав; он был проинструктирован о своих действиях показом этой дивизии в специально устроенном лагере, в котором был воссоздан участок укрепленной полосы. И только после этого каждый из начальников переобучал вверенную ему часть. Для ускорения на восточный театр были посланы специальные лица, которые переобучили дивизии, предназначенные для переброски на запад.

2. Некоторые цифровые данные об операциях немцев в первой половине 1918 г.

Наступление немцев в первой половине 1918 г. слагается из пяти наступательных операций, объединенных в три группы:

Первая группа: 1. Операция в Пикардии — 21 марта — 5 апреля;

2. Операция на р. Лис — 9 — 27 апреля.

Вторая группа: 3. Операция на р. Эн—27 мая—5 июня;

4. Атака на Компьен — 9—14 июня.

Третья группа: 5. Операция у Реймса — 15—18 июля.

Оперативной формой во всех поименованных операциях был фронтальный прорыв. Только 15 июля оперативная форма вылилась в удар по сходящимся направлениям.

В нижеследующих таблицах показаны силы и средства наступающего, принимавшие участие в перечисленных операциях:

а) Построение боевого порядка

Наименование операций	Ширина участка атаки в км	Колич. пехотных дивизий к началу атаки			Приходилось км на 1 див. 1-й линии
		в 1-й линии	во 2-й линии	в 3-й линии	
1. Операция в Пикардии (17-я, 2-я и 18-я армии) . .	80	43	21	11	2
2. Операция на р. Лис (6-я армия)	16	12	6	3	1,8
3. Операция на р. Эн (7-я армия)	53	18	6	7	4
4. Атака на Компьен (18-я армия)	35	8	4	1	4,2
5. Операция у Реймса (7-я, 1-я и 3-я армии)	80	35	10	8	2,3

Примечание. В этой таблице указан лишь первоначальный фронт атаки.

б) Артиллерия

Наименование операций	Ширина участка	Артиллерия			Средняя плотность
		легкая	тяжелая	всего	
1. Операция в Пикардии	80	3 755	2 508	6 263	78,2
2. На р. Лис	18	920	952	1 872	104
3. Операция на р. Эн . .	40	2 472	1 184	3 656	91,1
4. Атака на Компьен . .	35	1 804	1 074	1 878	69,8
5. Операция у Реймса .	80	Точных данных нет		8 040	100,5

Примечания: 1. Кроме артиллерии, в подготовке атаки участвовало много минометов. В Пикардии было сосредоточено 3 530 минометов, в операции на р. Эн — 2 300.

2. Артиллерийская подготовка продолжалась в Пикардии 5 часов, а в остальных операциях последовательно сокращалась до $2^1/_2$ часов.

в) Авиация

Наименование операций	Количество эскадрилий				Всего самолетов
	разведыват	истребительн.	штурмовых	бомбовозных	
1. Операция в Пикардии . .	49	35	27	12	2 110
2. „ на р. Лис . . .	Точных данных нет				
3. „ „ р. Эн . . .	23	18	14	3	1 160
4. Атака на Компьен . . .	Точных данных нет				
5. Операция у Реймса . . .	26	15	16	6	1 600

Анализ операций, проведенных немцами, позволяет сделать следующие выводы:

1. Эти операции доказали прежде всего осуществимость прорыва в позиционной войне. Но, чтобы обеспечить эту возможность, понадобилось 3½ года грандиозной борьбы и упорнейших трудов по развитию необходимых средств и искусства их использования. Немцы доказали возможность преодоления в течение 1—2 дней всей укрепленной позиции насквозь. Тем не менее ни одна из этих операций не привела к потрясению всего фронта Антанты. В этом заключается основное противоречие произведенных прорывов. Почти все они привели к крупным успехам, но тактического порядка. Добиться оперативных достижений немцы не могли.

2. Ширина фронта атаки достигает 80 км. Какую большую эволюцию нужно было проделать, чтобы от атаки на узких участках — 10—20 км — перейти к атаке на сплошной фронт в 80 км! Это стало возможным благодаря накоплению огромных материальных средств.

Пораженный грандиозностью сосредоточиваемых средств, Герман Грон приводит следующую таблицу сравнения сил артиллерии в трех прифланговых армиях немцев в 1914 г и в трех армиях, атаковавших в Пикардии:

Наименование армий	Батарей артиллерии		Всего батарей
	легких	тяжелых	
В 1914 г.			
1-я армия	96	12	108
2-я „	146	34	180
3-я „	91	14	105
Всего . . .	333	60	393
В 1918 г.			
17-я армия	215	185	400
2-я „	225	190	415
18-я „	359	258	617
Всего . . .	799	633	1 432

Герман Грон указывает, что, помимо огромного увеличения артиллерии, резко изменилось соотношение между легкой и тяжелой артиллерией. В 1914 г. это соотношение было 11 : 2, в 1918 г. — 9 : 7.

Фронт развертывания правофланговых армий немцев в 1914 г. и армий, атаковавших в Пикардии, был, примерно, одинаковым—70 и 80 км, но количество дивизий удвоилось: 37 дивизий в 1914 г., 75 дивизий в 1918 г. Такой прыжок был сделан за период в 3½ г.

Тем не менее необходимо констатировать, что ширина фронта атаки оказалась недостаточной. Немцы могли при тех же силах и средствах развернуть атаку на большем участке — 120—150 км, оставляя пассивные участки между участками ударными.

3. Операции 1918 г., как и другие операции мировой войны, доказали, что глубина продвижения равна, примерно, ширине фронта атаки. Это интересное явление требует специального изучения. Взяв его как факт, можно найти одну из причин неудач немцев. При ширине фронта атаки в 40—80 км немцы образовывали выступ глубиной также в 40—

80 км. Такой глубины было явно недостаточно для того, чтобы потрясти весь фронт Антанты путем образования открытого фланга.

4. Образованные выступы, вследствие малой ширины и глубины, не создавали условий для дальнейших фланговых ударов наступающего. Закончив операцию в одном направлении, германское главное командование было вынуждено переносить удар на другой фронтальный участок. Истощение наступающего и уплотнение сил обороны в борьбе внутри каждого выступа были столь велики, что фланговый удар внутри выступа не мог иметь успеха. Атаки на р. Лис и на Компьен демонстрировали провал оперативной концепции Людендорфа.

5. Но, перенося удары на другие участки фронта, германское главное командование почему-то продолжало удерживать выступы, оставляя там крупные силы. Казалось бы, было выгоднее после выяснения, что успех в глубине выступа дальше развивать невозможно, преднамеренно их оставлять, с тем чтобы освободить силы и преднамеренным отходом создать условия для мощных контратак во фланг наступавшему противнику. Тяжелые условия пространства, разрушенного в выступах, можно было добровольно передать противнику.

6. Не во всех операциях немцам удавалась внезапность. Атака у Реймса была провалена потому, что французы были своевременно осведомлены о готовящемся ударе. Французы успели до такой степени уплотнить участок своего фронта по обеим сторонам Реймса, что смогли отразить атаки немцев, не прибегая к отходу. Достаточно указать, что дивизии обороны 1-й линии имели фронт каждая не более 3 км, артиллерии было сосредоточено свыше 60 орудий на 1 км фронта. Для обороны — это очень крупные цифры.

Кроме того, французы применили метод гибкой обороны, заключавшийся в том, что первая линия была занята слабо, а главные силы заняли вторую линию. Немцы, подойдя ко второй линии, оказались под внезапным убийственным огневым ударом организованных сил обороны и были отброшены.

7. После мировой войны многие критики, особенно французы, указывают, что недочетом германского управления почти во всех операциях было то, что они не выдерживали первоначального направления, а шли по линии наименьшего сопротивления, неоднократно меняя оперативный план в ходе

операции. Для позиционной войны эту критику можно считать обоснованной.

8. В операции в Пикардии большие трения создались вследствие неправильного решения проблемы управления в целом. Атаки вели армии, принадлежавшие двум фронтовым группировкам (левый фланг кронпринца Рупрехта и правый фланг германского кронпринца). Людендорф объясняет, что ему хотелось сохранить руководство операцией в своих руках, и, кроме того, он хотел предоставить честь успеха германскому кронпринцу. Но такая политика привела к ряду трений. В самом деле, оказалось слишком много инстанций: полки, дивизии, корпуса, армии, две фронтовых группы, главное командование. Безусловно нужно было создать особую фронтовую группу.

9. Операции 1918 г. доказали, что задача уничтожения живых сил противника может быть разрешена не только окружением, но и чисто фронтальным ударом. Во время атаки немцев армии Антанты имели в первой линии: в Пикардии — 19 дивизий, на р. Лис — 9 дивизий, на р. Эн — 11 дивизий. Эти дивизии во время атаки были почти полностью уничтожены или во всяком случае настолько обессилены и деморализованы, что для их восстановления потребовалось много времени. Этот вывод сохраняет существенное значение для современной эпохи.

10. Одной из слабых сторон германских атак были большие промежутки времени между отдельными атаками. Сравним сроки атак немцев и Антанты. Немцы атаковали: 21 марта, 9 апреля, 27 мая, 9 июня, 15 июля. Антанта атаковала: 18 июля, 8 августа, 20 августа, 12 сентября, 25 сентября. Вследствие меньшего масштаба ударов Антанте удавалось тратить на подготовку меньше времени.

11. Операции немцев в 1918 г. являются операциями «упущенных возможностей».

В Пикардии и на р. Эн Антанте удавалось лишь с огромным трудом восстанавливать разорванные фронты. В Пикардии англичане стремились прикрыть Амьен, а французы Париж. При малейшем толчке армии, естественно, отходили в разных направлениях, образуя и расширяя прорыв. Чтобы как-нибудь примирить противоречия и трения между главно-

командующими армиями, Антанта пошла на такой шаг, как единство командования, возложив его на Фоша.

Но немцы не сумели использовать своих прорывов не только по недостатку сил, но и потому, что подвижность их наступающих масс была недостаточной. Последний вопрос ниже мы рассмотрим подробнее.

12. Людендорф, видимо, был слабо знаком с законом «взаимного проникновения противоположностей». Его ставкой в игре была ставка только на полный разгром противника. Что делать в том случае, если наступление все-таки не будет иметь успеха или, еще хуже, если противник, отбив немецкие атаки, перейдет в контрнаступление? Эти возможности не были в достаточной мере разработаны. Людендорф, повидимому, не отдавал себе отчета в том, что неполный успех в тот период по существу означал полное поражение. В результате Людендорф, этот блестящий представитель шлиффеновской школы, в октябре 1918 г. растерялся и, вместо организации обороны, ударился в паникерство, оставив армию почти без руководства.

3. Маневр резервами

Общие итоги

Уже в операциях 1915—1917 гг. маневрирование резервами достигло больших размеров. Но соответствующие цифры за эти годы тускнеют перед масштабами использования резервов в 1918 г.

Грандиозный размах борьбы привел к совершенно небывалым количественным передвижениям войсковых соединений на всем театре войны у обоих противников. Эти массовые перевозки, с одной стороны, определили характер операций 1918 г., а с другой — сами явились следствием характера операций. Такое широкое использование резервов стало возможным благодаря исключительно мощным сообщениям — железным дорогам и автотранспорту, которые к концу войны получили огромное развитие. Огромные силы и средства, привлекавшиеся к операциям, и маневрирование резервов обнаружили тенденцию к превращению линейной стратегии в стратегию глубокую.

Нижеследующие причины вызвали необходимость для наступающей немецкой стороны широкого маневрирования резервами:

1. Быстрое истощение ударных дивизий первой линии вследствие больших потерь. Эти дивизии становились небоеспособными, и для развития успеха их необходимо было сменять свежими дивизиями. Немцы с начала сражения в Пикардии стали так широко применять систему смен, что их резервы катастрофически истощались. Эту систему Паке удачно назвал «игра сменой».

2. По мере продвижения вперед сопротивление противника возрастало. Англо-французы успевали подвозить все новые резервы, усиливавшие оборону, а силы наступающего, наносившие первоначальный удар, преодолеть это сопротивление не могли. Необходимо было втягивать, кроме смены износившихся частей, еще и дополнительные силы для сохранения превосходства.

Откуда же брались свежие дивизии для осуществления подобного питания сражения? Эту функцию раньше всего выполняли дивизии второй и третьей линий (резервы армий и групп армий) и резервы главного командования в собственном смысле этого слова; кроме того, производилась смена дивизий на спокойных участках. Паке указывает, что с самого начала наступления возникло беспрерывное движение дивизий с наиболее спокойных секторов общего фронта к полю сражения. После того как та или иная дивизия затрачивала значительные усилия на поле боя в течение одного или нескольких дней, ее снимали с фронта и перебрасывали на спокойный сектор, где она сменяла дивизию, считавшуюся боеспособной. Последняя, в свою очередь, направлялась в бой. Лучшие дивизии отводились в тыл для пополнения и отдыха и через некоторое время возвращались обратно. Некоторые дивизии отводились в ближайший тыл и в продолжение одной операции возвращались в бой несколько раз.

Таким образом, в течение операции происходило беспрерывное передвижение дивизий в разных направлениях: 1) втягивание резервов в бой (движение вторых и третьих эшелонов корпусов и армий); 2) смена разбитых дивизий; 3) вывод дивизий из боя и перевозка их на спокойные секторы или в тыл; 4) изъятие дивизий со спокойных секто-

ров и перевозка их в бой или в резерв; 5) возвращение в бой пополненных и отдохнувших дивизий.

Подобная «игра сменой» позволяла не только беспрерывно питать и поддерживать напряжение операций, но и беспрерывно сохранять и накоплять резервы. Только в тот момент, когда наступательные операции немцев превзошли все их реальные возможности, когда сражение раскинулось почти на весь фронт и когда внутри Германии иссякли людские контингенты пополнения, эта система дала трещину, и резервы начали быстро истощаться.

Обратимся к цифрам. Следующая таблица иллюстрирует движение резервов и втягивание дивизий в бой в наступательных операциях немцев:

Наименование операций	Число дивизий				
	в 1-й линии	в резерве корпусов (2-я линия)	в резерве армий фронта (3-я линия)	Прибыло на усиление	Всего в операции
1. Сражение в Пикардии 21 марта—5 апреля	43	21	11	16	91
2. Сражение на р. Лис 9 апреля—4 мая . . .	12	6	3	28	49
3. Сражение на р. Эн 27 мая—5 июня . . .	18	6	7	18	49
4. Наступление у Реймса 15—18 июля .	35	10	8	10	63

Таким образом, за все время германских наступлений до 18 июля в дело было втянуто 264 дивизии. Учтем, что численность германских дивизий на западном театре в июле достигла цифры 206. Из них 40—45 дивизий являлись «позиционными» и все время оставались на спокойных секторах. Стало быть, активных было только 150—160 дивизий. Отсюда вывод, что уже до 18 июля активная часть германской армии обернулась в бою больше, чем полтора раза. Но если учесть и те дивизии, которые возвращались в бой после смены, то цифры, характеризующие фактическое втягивание дивизий, будут гораздо внушительнее. Они возрастали

следующим образом: 21 марта втянуто в бой 45 дивизий, 15 апреля — 122, 15 мая — 218, 1 июня — 276, 15 июня — 317, 14 июля — 364, 1 августа — 439.

Необычайный размах маневрирования резервами свидетельствует не только о могуществе германских сообщений, но и о высоком оперативном искусстве. Для облегчения перевозок осуществлялся ряд мер. Обычно дивизии перебрасывались с минимальной артиллерией, которая дополнительно им придавалась на поле боя. Часто применялись комбинированные перевозки: пехота — на автомобилях, материальная часть и обозы — по железным дорогам и т. д.

Охарактеризованная выше «игра сменой» имела место не только у немцев, но и у обороняющихся англо-французов, но у последних она носила несколько иной характер. Дивизии первой линии обороны обычно бывали до такой степени разгромлены, что убирать их в тыл не представляло никаких затруднений. По существу их не надо было сменять. Подвозимые резервы производили не смену, а занимали для обороны новые тыловые участки. Так как армии Антанты отходили на свои сообщения, то перевозки можно было осуществлять с меньшими затруднениями. Англо-французы имели гораздо больший и лучше организованный автомобильный транспорт. На нижеследующей таблице показано движение резервов Антанты во время немецких наступлений.

Наименование операций	Число дивизий				
	в 1-й линии обороны	во 2-й линии	в рез. армии и фронта	прибыло на усиление	Всего
1. Операция в Пикардии	19	13	18	43	93
2. „ на р. Лис	9	4	13	11	37
3. „ „ р. Эн	11	4	5	23	43

Механизм эксплоатации прорыва и ввода резервов в наступательной операции

Даже в плацпарадных условиях маневров и учений мирного времени ввод вторых эшелонов тактического порядка

(батальонов в полках, полков в дивизиях) представляет известные трудности. Вторые эшелоны запаздывают, при прохождении через первые эшелоны теряется порядок, связи часто нет, взаимодействие с артиллерией и другими техническими средствами не налажено, районы развертывания вторых эшелонов случайны и т. д.

Трудности использования вторых эшелонов в оперативном масштабе, естественно, возрастают.

Красная армия усвоила, что решающим фактором развития успеха при прорыве является быстрота. Бросить в прорыв конницу, танки, моторизованные, механизированные части, авиацию и пр. считается правилом.

Но в 1918 г. положение еще было иным. «Проклятием» почти всех операций на западном театре было несоответствие между быстротой в развитии первоначального успеха наступающим и быстротой подтягивания резервов к угрожающему району обороняющимся. Обычно успех развивался чрезвычайно медленно, а резервы обороны появлялись чрезвычайно быстро. Недостаток подвижности наступающего являлся основной причиной срыва почти всех операций. В 1917 г. обе враждующие стороны поняли необходимость завоевания подвижности в новых условиях. Но они пошли по разным путям.

Немцы поставили ставку на основные качества своей армии — на тактическую мобильность. Германская армия, используя богатый опыт восточного театра, не разучилась действовать в маневренных условиях. Искусство походных движений и втянутость в них были высоки. Младшим начальникам в бою была предоставлена полная инициатива действий. Армии Антанты не могли развить мобильности. Французская армия никогда и до мировой войны не отличалась этим качеством. Вновь сформированные английская и американская армии не могли в позиционной войне получить опыта, навыков и традиций мобильности. Поэтому Антанта, используя свои промышленные ресурсы, пошла по другому пути, по пути развития соответствующих механических средств транспорта и боя (автомобильный транспорт, танки, самоходная артиллерия, штурмовая и бомбовозная авиация и т. д.). Наоборот, немцы не могли в достаточной

мере развить свои механические средства вследствие слабости своей металлургической и топливной (бензин) базы.

1918 г. не дает еще опыта действий армий, овладевших в полной мере подвижностью, основанною на моторизации и механизации. Этот год показывает лишь недостатки и достоинства различных путей увеличения подвижности армий. Обратимся к конкретным фактам.

В операции в Пикардии немцы в период 21—31 марта по линии наибольшего продвижения прошли свыше 70 км или в среднем до 7 км в сутки.

В операции на р. Эн немцы в период 27 мая — 5 июня прошли свыше 60 км или в среднем 6,5 км в сутки.

В обеих операциях неоднократно осуществлялся полный прорыв неприятельского фронта.

В операции в Пикардии 26 марта в расположении англичан образовались две бреши. Первая брешь зияла на участке 3-й английской армии между Гервиллер и Ля-Барк на стыке между V и IV английскими корпусами. Ширина бреши — до 10 км. Вторая брешь — на участке 5-й английской армии между Нель и Ротенвиллер. Ширина бреши, вначале до 8 км, постепенно расширялась.

В операции на р. Эн 28 мая в расположении 6-й французской армии образовался прорыв шириной до 15 км.

Но использовать эти прорывы в оперативном масштабе немцы не сумели. В тактическом отношении войска делали все, что можно. Они смело входили в прорыв, охватывали, обходили открытые фланги противника, захватывали местность, пленных и трофеи и т. д., но тактический успех не перерастал в оперативный.

Чтобы добиться возможности использовать прорыв в оперативном масштабе в условиях, когда противник имел большие резервы и полную свободу маневрирования на железнодорожных и шоссейных путях сообщения, нужны были экстраординарные меры.

Нормальным походным движением пехоты использовать прорывы было трудно. Причина затруднений: полное разрушение путей при отходе; необходимость прохождения через разрушенные укрепленные зоны; трудности подвоза; запаздывание артиллерии; запаздывание резервов; крупные потери передовых дивизий, выводящие их из строя; усталость,

неизвестность; недостаток оперативной инициативы у тактических начальников.

Невзирая на большое искусство втягивания резервов, немцы не могли преодолеть своего основного недостатка — медленности. В операции в Пикардии движение резервов на поле боя представляется в следующем виде:

День сражения	Число дивизий		
	сменено	введено в 1-ю линию	оставлено в 1-й линии
—	11	9	40
1	5	2	37
2	6	7	38
3	1	7	44
4	6	7	45
5—14	5	24	34—42

Для выполнения такой колоссальной работы германские дивизии должны были: 1) произвести перевозки к конечным станциям; 2) двигаться походным порядком, вслед за наступающими войсками, по разрушенной местности; 3) входить в бой, сменяя потрепанные части первой линии.

Совершенно очевидно, что на сравнительно небольшом пространстве германских атак процедура ввода резервов должна была вызвать величайшие затруднения. Ни о какой планомерной смене не могло быть и речи. Сменяемые дивизии первой линии просто оставались на месте, а дивизии резерва перекатывались через них. Дивизии резерва часто шли по колонным путям, испытывая большие затруднения в подвозе. При этом надо учесть, что, кроме дивизий резерва, вперед двигались: артиллерия, инженерные части, части связи, части по ремонту путей и дорог, автомобильные и конные парки и обозы, тылы авиации и т. д. Только благодаря исключительно строгому, чисто немецкому порядку и организованности удавалось справиться с этой сложной задачей. Но все же резервы не всегда были под рукой, маневрировать резервами пешим порядком на поле боя было почти невозможно,

большей частью их можно было использовать только прямо перед собой, в то время когда успех обозначался в совершенно других местах.

Действительными мерами эксплоатации прорыва в тех условиях могли быть:

а) Крупные конные массы. Не 1—2 кавалерийские дивизии, а десяток таких дивизий, усиленных мощными подвижными техническими средствами: самоходной артиллерией, танками, крупной авиацией и т. д. Нужна была кавалерия, способная вести пеший бой и самостоятельно пробивать себе дорогу.

б) Моторизованные части—дивизии, посаженные на вездеходные гусеничные автомобили. Не 1—2 моторизованные дивизии, а десяток таких дивизий, сопровождаемых самоходной артиллерией, танками и авиацией.

в) Крупные механизированные соединения.

Как паллиатив можно было допустить наличие крупных танковых частей, крупной механизированной артиллерии и перевозки пехотных частей до линии огня на автомобилях.

Но кроме ног бойцов, обученных, но уже разлагающихся, немцы почти ничего не имели.

Свою конницу (все 11 кавалерийских дивизий) немцы оставили на восточном театре. Танков у них не было, если не считать отдельных единиц. Их артиллерия, кроме тракторной артиллерии крупных калибров и железнодорожной артиллерии, которая не могла быть использована, была на конной тяге. Часто бывали случаи, когда пехота оставалась без достаточного артиллерийского обеспечения. Автотранспорт немцев был недостаточен, и они не могли использовать это средство в оперативном масштабе нового наступательного сражения.

При таких условиях немцы могли достичь только ординарных успехов, но они не могли помешать своевременному прибытию резервов противника, который успевал, жертвуя сравнительно небольшой территорией, заткнуть прорыв и восстановить непрерывный фронт.

Глава XVII

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ АНТАНТЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1918 г.

1. Характер последовательных операций на западном театре войны

По поводу способов, приемов и форм оперативных действий Антанты после перехода ее в контрнаступление в 1918 г. также имеется огромная и чрезвычайно противоречивая литература.

Большинство французских военных писателей, выполняя определенный социальный заказ, без зазрения совести бьют в ликующие реакционные, шовинистические литавры. Они беспощадно критикуют германскую стратегию и всеми средствами пытаются доказать гениальность своих вождей и превосходство своей стратегической доктрины.

Немецкая военная критика с своей стороны утверждает, что поражение германской армии на западе является результатом «измены из тыла», т. е. революции, и что Антанте не удалось в 1918 г. прорвать германский фронт. Этим путем германская военная критика хочет скрыть факт военного поражения.

Среди советских военных писателей также нет единства. Зайончковский в своем «Стратегическом очерке мировой войны» упрекает главное командование Антанты (Фоша) в излишней осторожности, в отсутствии смелого маневра, в неспособности окружить и уничтожить германскую армию, когда якобы для этого были все условия. Ни к селу, ни к городу Зайончковский вспоминает Полтаву и Седан и ни одной строчкой не показывает, где, как и какими средствами можно было окружить германскую армию, имевшую в день перемирия свыше 4 000 000 чел. Оперативная оценка Базаревского, примерно, такого же порядка.

Мы готовы согласиться, что главное командование Антанты действовало излишне осторожно, что оно до последнего момента боялось своего могущественного противника и т. д. Но в то же время нужно понять, что главное командование Антанты сумело в 1918 г. разработать оперативную доктрину,

соответствовавшую обстановке. Это — новая своеобразная система последовательных операций. Во избежание всяких кривотолков и недоразумений автор настоящего труда считает нужным указать, что отнюдь не эта система сама по себе явилась решающим фактором разгрома Германии. Гораздо большую роль сыграла совокупность основных политических и экономических причин: все возрастающее превосходство сил и средств Антанты, обеспеченное присоединением Америки; политический развал «Срединного» союза; экономический кризис в Германии; отказ германских трудящихся масс продолжать империалистическую войну; разложение и истощение германской армии и т. д. Но на этом фоне стратегическая доктрина Антанты способствовала победе.

С понятием последовательных операций у нас в Красной армии связано определенное конкретное содержание.

Сущность последовательных операций состоит в следующем:

«1) исходная операция выводит таран на голый (оголенный) фланг противника;

2) с началом ускользания неприятеля обход меняется на параллельное преследование;

3) энергичное преследование стремится не допустить перегруппировки противника и остановки его на избранном рубеже, выбирая удобный момент для атаки его в положении не восстановленной оперативной группировки;

4) рядом промежуточных операций главным силам противника наносится ряд частных поражений, не позволяющих противнику восстановить нарушенное равновесие;

5) в процессе наступления необходимо использовать всякую значительную водную преграду и припереть к ней отходящего противника;

6) в итоге длительного преследования противник отбрасывается на «жизненный» для него рубеж в положении, явно невыгодном для ведения им последнего «уничтожающего» сражения.

В общем: теория ряда последовательных операций есть теория использования успеха, теория энергичного преследования и окончательного уничтожения противника. Своевременная подготовка каждой последующей операции должна

обеспечить непрерывность ведения операций так, чтобы не было никаких перебоев, никаких разрывов одной операции от другой». (Варфоломеев).

Стройность этой системы заманчива. Но все же нужно указать, что это только один тип последовательных операций в глубину. Другой тип осуществила Антанта на западном театре в 1918 г., а именно — последовательные операции по фронту.

2. Стратегическая и оперативная системы главного командования Антанты

На совещании главнокомандующих союзными армиями 24 июля 1918 г. Фош зачитал «записку», определявшую план военных действий Антанты. Эта «записка» Фоша является одним из основных оперативных документов мировой войны и не оставляет сомнений в характере оперативной доктрины главного командования Антанты.

Фош уловил момент для перехода в контрнаступление. Три условия подсказывают ему правильное решение: кризис немцев на Марне, очевидное истощение германских сил и их активности и возрастающее превосходство сил Антанты. «Записка» гласит:

«1. Пятое наступление немцев, задержанное в самом его начале, было с первых же дней неудачным. Наступление 10-й и 6-й французских армий обратило его в разгром. Этот разгром должен быть использован до конца на самом поле сражения. Это—цель, которую мы преследуем, производя наши атаки без остановки и с начатой энергией. Но последствия простираются дальше самого сражения как такового.

2. Поражение противника предписывает нам ту общую линию поведения, которую следует принять. Хотя у нас еще и нет превосходства в числе дивизий, но мы уже достигли равенства в отношении числа батальонов и в общем числе бойцов. Вследствие того количества дивизий, которое германцы были вынуждены втянуть в бой, мы сейчас достигли превосходства в числе наших резервов. Если принять во внимание то значительное количество изношенных дивизий, которые немцы будут вынуждены снять с фронта сражения для восстановления, то мы в ближайшем будущем будем иметь несомненное превосходство в числе свежих резервов. Все раз-

ведывательные данные единогласно указывают на то, что противник вынужден иметь две армии: одну оккупационную с соединениями слабой численности и обреченными долго находиться на одних и тех же участках фронта; вторая часть армии — маневренная, позади первой армии, т. е. ударная, которая является объектом всех забот германского главного командования, но и она уже сильно затронута.

Помимо этого, на стороне союзников несомненное превосходство в отношении авиации и танков. В области артиллерии это превосходство еще минимальное, но оно должно возрастать по мере поступления американской артиллерии. Наконец, в тылу наших армий — мощный резерв, так как Америка ежемесячно выбрасывает на французскую землю 250 000 бойцов. Нам одновременно известны те исключительные мероприятия, которые вынуждены принять немцы с мая месяца, дабы парировать кризис численного состава армии. Мы ясно видим те трудности, которые немцы испытывают в деле сохранения численного состава своих войсковых соединений, и нам доподлинно известно, что там надвигается новый кризис.

Наконец, надо еще добавить тот моральный подъем, который нам удалось сохранить с самого начала сражения и которого не мог добиться противник. Наш моральный подъем сильно увеличился благодаря одержанным победам. Итак, союзнические армии подошли к поворотному этапу. В разгаре сражения они захватывают инициативу в свои руки, и их сила позволяет им удержать эту инициативу и впредь. Принципы ведения войны предписывают нам эту линию поведения. Настал момент покинуть общее оборонительное положение, вызванное тем, что до сих пор мы были численно слабее, и перейти в решительное наступление».

Мы не будем вдаваться в оценку «лирики» Фоша. Прекрасно известно, что Антанта на западном театре никогда не была «численно слабее» немцев; что никакого разгрома немцев в контратаке у Виллер-Котере не было; что никакого морального подъема во французской армии, кроме как у французских генералов, не было и т. д. Важно другое. Разведывательная деятельность Антанты дает точные данные о движении германских сил. Германские подводные лодки не мешают сосредоточению американцев.

«Записка» дает основную директиву об операциях, которые должны быть осуществлены в ближайшее время. Какие цели лежат в основе этих операций?

Во-первых, очевидное стремление отбросить немцев от их угрожающей близости к Парижу и Амьену. Ликвидация выступов у Шато-Тьерри и Амьена успокоит взбудораженное буржуазное общественное мнение Франции; прекратит паническое бегство из Парижа; успокоит английское главное командование, которое дрожит за свои сообщения к побережью; восстановит маневренную способность армии путем возврата двух утерянных рокадных железнодорожных линий.

Во-вторых, стремление вернуть основные промышленные области Франции — область Бриэ, северные департаменты — и ликвидировать базу германских подводных лодок в Остенде. Эти задачи «записка» излагает следующим образом:

«3. Не добиваясь решительного исхода, это наступление целым рядом действий, которые надлежит теперь же осуществить, должно иметь в виду следующие полезные результаты: а) последующее развитие операций, б) учет интересов страны. Оно должно сохранить инициативу действий на стороне союзников. Эти наступательные операции должны быть выполнены с максимальной быстротой, которая позволила бы наносить все время повторные удары. Это обстоятельство, естественно, ограничивает протяжение фронта операций. Это протяжение равным образом ограничено и фактом уменьшения численного состава наших соединений. В силу этого наметка характера ближайших наступательных действий должна выявить следующее:

I. Операции должны иметь целью освободить железные дороги, необходимые для свободы дальнейшего маневрирования союзных армий, а именно:

а) железнодорожную магистраль Париж—Аврикур в районе Марны; минимальным результатом происходящего в настоящий момент наступления должно быть освобождение этой магистрали;

б) железнодорожную магистраль Париж—Амьен в результате согласованных действий английской и французской армий;

в) железнодорожную магистраль Париж — Аврикур в районе Коммерси путем срезания выступа Сен-Миель; операцию надлежит подготовить незамедлительно и предпринять ее с

помощью американской армии, как только она будет располагать для этого достаточными средствами.

II. Операции должны иметь целью освободить угольный северный район Франции и выбить окончательно противника из района Дюнкерк и Кале. Для этого необходимо предпринять две атаки, могущие быть выполненными каждая отдельно или в согласовании одна с другой.

Как было указано выше, все эти наступления надлежит производить с короткими паузами, так, чтобы мешать маневрированию резервов противника и не дать ему необходимого времени для восстановления боеспособности своих войск. Все эти операции надлежит мощно снабдить всеми необходимыми средствами, дабы обеспечить нанесение верных ударов. Они должны осуществить во что бы то ни стало полную внезапность. Последние операции нам показали, что внезапность есть необходимое условие победы».

Относительно прогноза на будущее Фош исключительно осторожен. Он отделывается лишь следующими общими фразами.

«4. До каких пределов довести в смысле пространства и времени рассматриваемые выше операции, предугадать в настоящее время трудно. Есть полное основание, однако, предвидеть, что те результаты, которых мы добиваемся, заставят нас предвидеть теперь же значительное наступление к концу лета и осени. Это наступление по своему характеру должно увеличить наше преимущество и не дать противнику возможности производить перегруппировки. Но сюда еще рано вносить более точное определение.

5. Наконец, надо предвидеть, что в процессе этих операций противник вынужден будет совершить последовательные отходы на заранее подготовленные и более короткие линии. Такого рода маневр противника не должен нас поразить.

Таким образом, для каждой армии важно определить этот возможный отход противника путем изучения начертания его тыла; неустанно наблюдать за противником, чтобы во-время уловить все признаки отхода; подготовить все необходимое, чтобы не дать ему возможности произвести отход спокойно».

Таким образом, оперативная система Фоша схематически может быть сведена к следующим положениям:

Первое. Внешним выражением действий армий Антанты будет система последовательных операций с ограниченной

целью, разбросанных по фронту, но следующих быстро одна за другой.

Второе. Внутренним содержанием этих операций является стремление к истощению резервов противника. Чтобы не дать противнику возможности свободно маневрировать резервами, необходимо одновременно атаковать в нескольких направлениях. Удар, наносимый в одном направлении, притягивает к себе резервы противника. Лишь только наступление в данном направлении захлебнется, необходимо его немедленно возобновлять в другом направлении, не давая противнику опомниться.

Третье. Чтобы заставить противника принять сражение, необходимо выбирать для атаки важные объекты. Такими объектами являются система сообщений противника и те отдельные районы и пункты, удержание которых имеет для противника существенное значение.

Четвертое. Операции должны быть обеспечены во всех отношениях. Успех должен быть гарантирован сосредоточением мощных сил и средств, количество которых определяет ширину фронта отдельных атак.

Пятое. Атаке необходимо подвергать такие выпуклые участки неприятельского фронта, которые дают возможность осуществлять удары по сходящимся направлениям. Германские выступы, образованные в последнее время, представляют для таких операций наиболее удачную конфигурацию фронта.

Шестое. Необходимым условием успеха является внезапность. Она обеспечивается отказом от длительных, многодневных артиллерийских подготовок и широким использованием танков, предварительной инженерной подготовкой всего театра, быстрым сосредоточением сил и средств к участку атаки с использованием автомобильного транспорта и т. д.

Седьмое. Армии должны строго придерживаться указанных им направлений, создавая для противника беспрерывную угрозу охвата.

Восьмое. При тактическом успехе прорыва необходимо расширять прорыв на флангах. Упорствовать прямо перед собой нет нужды. Расширением фронта атаки необходимо раздроблять усилия противника и вынуждать его к отходу.

3. Оперативно-тактическая доктрина французов

В прямом противоречии с системой стратегических взглядов, высказанных Фошем, была оперативно-тактическая доктрина армий Антанты. Вообще цепь элементов, образующих военную обстановку, была у Антанты выражена в обратном порядке по сравнению с немцами. Немцы имели удачно разработанную тактику, воспринятую армией, но их общее положение ухудшалось по мере ухудшения оперативной, стратегической и политической обстановки. У Антанты обстановка сложилась наоборот. В 1918 г. Антанта имела тяжелую, неповоротливую армию и тактику; Фош высказал правильную систему оперативных взглядов; стратегическая обстановка в июле 1918 г. сложилась вполне благоприятно, а политическое положение Антанты можно было назвать даже блестящим.

Основной недочет тактической доктрины армий Антанты заключался в том, что в то время, когда обстановка требовала уже решительных действий, армия целиком прониклась идеями и приемами тактики операций с ограниченной целью. К началу 1918 г. Антанта не успела переработать своих инструкций, составленных на основе опыта операций 1917 г. В инструкции от 31 декабря 1917 г. выражены те взгляды, с которыми армии Антанты перешли в контрнаступление в июле 1918 г. Остановимся на ней подробнее.

В своей оперативной части инструкция указывает, что наступательная операция должна носить характер ряда последовательных атак, имеющих строго ограниченные цели. Непрерывность и быстрота проведения операции опровергаются. Наоборот, строгий методизм господствует на всех этапах подготовки и проведения сражения. Люка в своем труде «Эволюция тактических идей» следующим образом определяет сущность инструкции:

«Методичность в подготовке, где все регламентируется планами, число которых непрерывно растет;

методичность в исполнении, расчлененном на ряд последовательных атак с ограниченной целью, подготовленных во всех деталях, и

методичность даже в развитии успеха, подчиненном решениям армейского командования».

Инструкция категорически отнимает у низших начальников инициативу и самодеятельность. Продвижение должно носить характер величайшей осторожности и предусмотрительности. Ширина фронта атаки зависит всецело от количества артиллерийских и других технических средств. Подготовка атаки преследует цель полного предварительного разрушения всей укрепленной полосы противника до начала атаки. Хотя инструкция и указывает на необходимость достижения стратегической и тактической внезапности, но, кроме указания на подготовку возможно большего числа инженерных плацдармов и применения танков, в инструкции почти ничего нет. Артиллерийская подготовка остается по существу многодневной (3—5 дней).

Наиболее ярко тяжеловесный характер инструкции выражен в указаниях о характере действий крупных войсковых соединений. Армейский корпус, состоящий из 2—4 дивизий, строится в виде карре, имея 1—2 дивизии в первой линии и столько же во второй. Для действий дивизии даются следующие указания:

«Опыт показывает, что при штурме укрепленной позиции его (батальона — А. В.) полезный фронт колеблется от 300 до 400 м, его способность продвинуться вперед измеряется 800—1 200 м. Дивизия, развернутая в виде карре (3 полка пехоты по фронту при 3 батальонах в первой линии и 3 линии батальонов в глубину), будет, таким образом, иметь возможность вести наступление по фронту в 1 200 м и на глубину 2 000—3 000 м».

Инструкция заполнена большим количеством указаний по наблюдению, разведке, связи, исправлению дорог, подвозу и т. д.

Люка сетует, что эта инструкция неизбежно должна была привести к вредным умонастроениям в рядах армии, к сознанию невозможности произвести прорыв, к убеждению пехоты в том, что она ровно ничего не может достичь без помощи мощной артиллерии, к понижению наступательного духа и боевой ценности пехоты и т. д.

Действительно, в операциях 1918 г. высшее командование узрело, что посеянная им тактика дала отрицательные плоды.

Один из виднейших начальников французской армии должен был заняться нижеследующей «самокритикой»:

«Командование уже не может освободиться от гнета формул позиционной войны и предучесть детали и те многочисленные расчеты, для которых эта война дает почву. Перед неожиданностью оно остается растерянным; его действия полны медлительности и колебаний; оно, таким образом, дает ускользнуть самым благоприятным для действий условиям. Оно не умеет больше действовать быстро.

Пехота знает лишь застывшие построения в линиях или волнами; она потеряла понятие о маневре. Наоборот, она приобрела привычку получать от артиллерии, как тяжелой, так и легкой, помощь, которую артиллерия оказать ей в условиях полевой войны не может; пехота как будто уже не может или не хочет лишиться этой поддержки. Ей чуждо понимание той высшей силы, на которую она способна путем маневра.

Артиллерия также потеряла всякое понятие о маневре; с некоторого времени она проявляет лишь особого рода активность, выражающуюся в стремлении к точности стрельбы, для достижения которой она упорствует в применении приемов, совершенно неосуществимых в маневренной войне. И многие случаи действительной боевой обстановки застигают ее врасплох. Она не умеет пользоваться местностью. Если у нее нет своего телефона, она не умеет связаться. Она больше не рискует и слишком часто для точности в работе ждет благоприятных условий и упускает, таким образом, подходящие случаи.

В итоге командование и войска, слишком долго лишенные своей инициативы, уже неспособны больше ясно разбираться в непредвиденной обстановке и принимать решения, основанные на потребностях данного момента. Между тем ход событий у Вердена и на р. Сомме показал, что после первых атак приходится вести бой, если и не вполне полевой, то во всяком случае на позициях и против позиций, созданных наспех».

При таком положении дел главное командование Антанты было вынуждено произвести изменение тактических взглядов уже в самом ходе операций 1918 г. Оно издает ряд директив, в которых пытается произвести крутой поворот в так-

тической подготовке своих армий. Остановимся на директиве № 5 от 12 июля 1918 г.

Вместо принципа ограниченных целей, который господствовал в 1917 г., директива указывает, что цели атаки должны ставиться так, чтобы захватить всю массу артиллерийских позиций противника уже в течение первого дня боя.

Нужно обеспечить непрерывность усилий и воспрепятствовать противнику восстановить свои силы. В моменты успеха каждый должен помнить, что хороший глазомер и решимость довлеют над всем; надо видеть, хотеть и действовать быстро.

От пехоты требуется инициатива, решительность и маневренная гибкость при движении вперед, в связи с соседями, но без заботы о выравнивании.

«Пехота должна быть проникнута убеждением, что ей дано оружие, позволяющее использовать первые успехи собственными средствами без поддержки артиллерии».

«Возможно короткая и мощная, она (артиллерийская подготовка — А. В.) должна длиться возможно меньше времени, тем более что ныне имеется значительное количество тяжелой скорострельной артиллерии и что применение дымовых и отравляющих снарядов позволяет добиться, вместо разрушения средств противника (артиллерии и пехоты), их нейтрализации».

Артиллерия должна перемещаться так, «чтобы обеспечить пехоте постоянную и насколько возможно мощную поддержку во все время ее продвижения вперед».

Директива № 5, а затем и директива № 6 делают ставку на переход к маневренной войне, но... было уже поздно. Можно написать самые хорошие инструкции и пожелания, но если армия не восприняла этих новых указаний и не переобучена, то эти инструкции превращаются в набор красивых, но бесполезных фраз.

Напрасно французские генералы пытаются внушить своим бойцам начала инициативы и смелости. Напрасно Манжен дает такие «директивы» своим комкорам: «Дайте шпоры своим комдивам» или он же декламирует: «Пора отрясти грязь траншей». Напрасно Дебеней 8 августа заявляет: «Я наперед одобряю всякое проявление инициативы, каковы бы ни были ее последствия».

Пехота Антанты не привыкла реагировать на такие торжественные декларации. Она знает свое дело — дождаться, пока артиллерия полностью выполнит свои задачи, пока танки выйдут вперед, пока небо будет покрыто тучей штурмующих самолетов, и только после этого она пойдет вперед. А при малейшей задержке пехота остановится, окопается, выставит свои пулеметы и будет ждать, пока технические средства подтянутся и вновь откроют ей дорогу. Пехота Антанты в 1918 г. своей пассивностью демонстрировала свое разложение.

4. Факторы победы

Формы оперативного маневра, взятые сами по себе, абстрактно, изолированно от всех прочих конкретных условий войны, играют весьма скромную роль. Во время мировой войны терпели провал гениальные оперативные планы, в основе которых лежали оперативные формы грандиозного размаха, но которые были недостаточно увязаны с политическим и экономическим базисом войны. Судьба плана Шлиффена общеизвестна. Правильная идея Фалькенгайна, нашедшая свое выражение в операции на истощение (Верден), была правильна для Антанты, но не для Германии. Прорывы большого масштаба, осуществленные Людендорфом, имеют лишь ту ценность, что они опровергли мираж позиционной войны, но дать победу Германии эти прорывы не могли. Роль военной науки и военного искусства и, в частности, роль различных форм маневрирования в полной мере выступает тогда, когда они соответствуют тем сложным условиям, которые создаются в процессе войны. Антанта победила не потому, что ее военное искусство было выше военного искусства Германии. Наоборот, оперативная и тактическая школа Германии служила источником подражания для всех воевавших стран. Антанта с более слабым оперативным искусством и более слабой тактикой победила потому, что она оказалась сильнее во всех основных звеньях, образующих соотношение сил. Рассмотрим нижеследующие элементы войны.

Абсолютное и относительное превосходство в силах

Количественное превосходство в силах еще не является достаточным основанием для победы. История войн знает

много примеров, когда побеждали не только численно слабейшие армии, но и численно слабейшие государства. Но при прочих равных условиях превосходство в силах является решающим фактором. Этот фактор выступает еще более резко, когда противник не в состоянии поддержать численность своей армии на определенном уровне и когда «прочие условия» складываются не в его пользу. Рассмотрим таблицу, иллюстрирующую динамику численности армий обеих сторон на западном театре в течение 1918 г.

	Дивизий пех. и кав.	Орудий		Самолетов	Танков	Едоков	Бойцов
		легких	тяжелых				
В марте 1918 г.							
Антанта . .	181	9 378	6 373	3 784	893	4 940 500	2 158 000
Германия .	193	9 700	6 100	2 890	10	3 940 000	2 037 000
В мае 1918 г.							
Антанта . .	185	10 100	8 600	4 300	1 400	5 322 000	2 322 190
Германия . .	200	9 800	8 200	2 900	30	4 203 000	2 200 000
В июле 1918 г.							
Антанта . .	197	—	—	4 955	1 700	5 786 000	2 400 000
Германия . .	205	9 200	7 800	2 500	45	3 937 000	—
В сентябре 1918 г.							
Антанта . .	211	11 340	8 900	5 400	1 900	6 300 000	2 800 000
Германия . .	189	—	7 300	2 200	0	3 800 000	1 900 000
В ноябре 1918 г.							
Антанта . .	215	12 755	9 171	6 268	2 100	6 815 000	3 200 000
Германия . .	179	10 322	5 859	1 700	0	3 527 000	1 700 000

Основную причину такого резкого изменения соотношения сил нужно искать не только в истощении германской армии. Истощение Франции и Англии было не меньшим. Решающую роль сыграли два обстоятельства. Во-первых, Германии

не удалось привлечь силы своих союзников для действий на западном театре. В 1918 г. на запад были отправлены только 3 австро-венгерских дивизии. Болгария не предоставила ни одного бойца. Турецкий корпус, отправленный на запад, почему-то был возвращен и расквартирован в Батуме. В то же время со стороны Антанты на западном театре действовали соединенные силы Франции, Англии, Америки и Бельгии. Даже Португалия имела на западном театре «армию» в две дивизии. Во-вторых, развертывание вооруженных сил Америки шло с огромной быстротой. До вступления Америки в войну за исход ее нельзя было ручаться. Во всяком случае война могла затянуться на неопределенное время. Присоединение Америки к Антанте открыло такой источник неиссякаемых ресурсов, что Германия ни при каких условиях не могла с ними выдержать длительного соревнования. В ноябре 1918 г. Америка успела перебросить на материк 2 070 000 чел., развернув армию в 42 дивизии. Уже в августе американская армия занимала участок в 126 км (в октябре — 162 км), в то время как английская армия занимала в августе 150 км и в октябре — 133 км. Хотя первые американские соединения, переброшенные на материк, получали на вооружение французскую артиллерию, но уже к осени 1918 г. американская промышленность сумела наладить у себя широкое производство орудий. Что касается винтовок, пулеметов, самолетов, моторов, автомобилей, танков, снарядов, различного рода амуниции, обмундировочных и хлопчатобумажных тканей и продовольствия, то Америка в 1918 г. в значительной мере снабжала ими всех союзников, причем процентная доля американской техники быстро росла изо дня в день. Основная ставка французской политики на силы и мощь Америки, провозглашенная в 1917 г., полностью себя оправдала. Фош имел материальные основания для того, чтобы перейти в решительное контрнаступление.

Истощение германской армии

Истощение германской армии наиболее полно обнаружилось в истощении людских ресурсов. Движение количества германских дивизий на западном театре иллюстрирует картину «величия и падения» Германии. Недаром некоторые

исследователи считают, что истощение людских ресурсов явилось главной причиной поражения Германии. Перекрестное сопоставление имеющихся французских, германских и русских источников дает следующую картину.

Движение германских сил на западном театре в 1918 г.:

а) По данным Бюа, начальника 2-го бюро французской главной квартиры (см. его труд «Германская армия в мировой войне», перевод на русском языке опубликован в журнале «Армия и революция» № 6, Харьков 1921 г.).

Дата	Общее количество дивизий	Из них	
		в резерве	свежих
21 марта	193	84	84
9 апреля	202	41	82
27 мая	208	81	53
15 июля	206	81	65
18 июля	206	65	34
8 августа	199	68	28
12 сентября	193	68	14
1 октября	186	31	14
1 ноября	183	31	5
11 ноября	—	17	2

б) По данным Паке (см. его труд «Военное поражение Германии в 1918 г.», Париж 1926 г.).

Дата	Общее число дивизий	Число дивизий резерва	Из них			Расформировано
			свежих	восстановленных	истощенных	
21 марта	192	82	81	—	—	—
27 мая	206	81	53	12	16	—
15 июля	206	81	43	22	16	—
1 августа	205	60	30	6	24	—
26 сентября	189	68	21	10	7	16
2 октября	184	31	14	12	5	5
15 октября	179	24	5	2	17	5

в) По данным Гере (см. его труд «Распределение боевых сил Германии во время мировой войны», Берлин 1928 г.).[1]

Дата	Общее число дивизий	Активных наступающих	Активных обороняющихся	Пассивных	В резерве
1 апреля	195	88	—	83	24
15 апреля	197	124	—	58	15
1 мая	199	50	—	114	35
15 мая	199	—	—	142	57
1 июня	200	53	—	122	25
15 июня	200	69	—	101	30
1 июля	199	—	—	138	61
15 июля	199	60	—	110	29
1 августа	194	—	89	74	31
15 августа	190	—	65	87	38
1 сентября	187	—	89	79	19
15 сентября	179	—	91	56	32
1 октября	180	—	152	16	11
15 октября	179	—	145	26	8
1 ноября	182	—	147	27	8
15 ноября	182	—	150	27	5[1]

В приведенных таблицах много неясностей. Поражает утверждение и французских и германских источников, что в начале ноября 1918 г. германская армия больше не имела резервов. Если не было резервов, то, стало быть, все дивизии были в линии. Трудно представить себе, что на главном фронте обороны — от моря до Вердена, протяжением 400—450 км — в первой линии обороны находились 150—160 дивизий с плотностью около 3 км на дивизию. Но вопрос станет яснее, если мы учтем, что численность батальона в октябре—ноябре снизилась до 200 чел., при этом батальоны перешли на 3-ротный состав, а роты имели по 2 взвода. Нет ничего удивительного, что Германия была вынуждена приступить к расформированию большого количества дивизий.

2 октября майор Буше доложил лидерам партий рейхстага, что армия больше не имеет средств пополнить потери

[1] В расчетах Гере не указаны 3 австрийских дивизии. В графе «В резерве» указаны лишь резервы главного командования. Увеличение числа дивизий в ноябре объясняется дополнительной переброской с востока. Фактически в ноябре было переброшено даже 7 дивизий (207-я, 215-я, 5-я зап., 35-я рез., 4-я ландв., 18-я ландв. и 85-я).

своих частей. В самом деле, если обратиться к живым ресурсам, которыми располагала Германия в 1918 г., то заявление Буше можно будет считать внешне обоснованным:

Данные Паке		Данные Базаревского	
1. Находились во фронтовых депо к 1 марта	650 000 чел.	1. Емкость депо	не учтена
2. Возвращено раненых и больных в период ноябрь—декабрь 1917 г. .	200 000 „	2. Возвращено раненых и больных в период ноябрь 1917 г. — февраль 1918 г.	450 000 чел.
3. Контингент призыва 1919 г. .	400 000 „	3. Контингент призыва 1919 г. . .	430 000 „
4. Призванных по отсрочкам	100 000 „	4. Призванных по отсрочкам	100 000 „
5. Изъятие из частей восточного фронта	100 000 „	5. Изъятие из частей восточного фронта	100 000 „
6. Пленные немцы, прибывшие из России	не учтены	6. Пленные немцы, прибывшие из России	60 000 „
7. Контингент призыва 1920 г.	не учтен	7. Контингент призыва 1920 г. . .	430 000 „
Всего	1 450 000 чел.	Всего	1 510 000 чел.

Потерь же германская армия понесла в 1918 г. свыше 1 800 000 чел. Очевидно, что баланс можно было свести с большим дефицитом.

На этом фоне людского изнурения ярко выступает империалистическое безумие германского главного командования, которое еще в июле — августе 1918 г. держало на восточном театре 32 дивизии численностью около 500 000 чел.

Разложение германской армии

Наряду с истощением одной из основных причин конечного поражения является моральное разложение германской армии. В распоряжении германского главного командования в 1918 г. уже больше не оказалось средств для поддержания моральной устойчивости армий. Старые инструменты подавления и увлечения масс переставали действовать. Еще в 1917 г. президиум германской социал-демократической партии и фракции рейхстага в своем послании канцлеру констатиро-

вал, что массы уходят из-под их влияния. Экономическое положение внутри Германии было столь тяжелым, что голод и болезнь, нищета и безнадежность оказались сильнее революционной фразы германских императорских социалистов. Влияние русской Октябрьской социалистической революции было колоссально. Массы увидели прямые пути добиться мира путем свержения господства юнкеров и капиталистов. Революционная борьба рабочих масс принимала все более и более широкий характер. Союз спартаковцев, невзирая на беспощадный террор, вел героическую революционную работу. Революционные настроения внутри страны перебрасывались в армию через всю систему связи фронта с тылом. Эту революционную волну Людендорф и все прочие германские реакционные, фашистские военные писатели называют «изменой из тыла». Этим путем Людендорф хочет замаскировать военное поражение германской армии, за которое он несет всю ответственность.

Укажем на некоторые конкретные факты и формы разложения германского военного организма.

1. 28 января 1918 г. в военной промышленности Берлина вспыхнула всеобщая стачка, охватившая около 500 000 рабочих. Союз «Спартак», возглавлявший стачку, выставил требования отмены осадного положения, восстановления конституционных свобод — печати, собраний, стачек и т. д., освобождения политических заключенных, заключения мира и установления республики. Центральный комитет германской социал-демократической партии, чтобы вырвать стачку из рук коммунистического руководства, поручил Эберту, Шейдеману, Брауну и Лансбергу стать во главе стачки. Эту же предательскую цель преследовали и вожди так называемых «независимых» Дитман и Гаазе, которые также вошли в стачечный комитет. Под их благосклонным прикрытием германская военщина начала расправляться со стачкой. 2 февраля было объявлено усиленное осадное положение и открыты военные суды. Помимо расстрелов и многолетних каторжных приговоров, свыше 50 000 рабочих были отправлены на фронт. Стачка была разгромлена. Но эти 50 000 революционных рабочих, влившиеся в действующую армию, явились уже не бойцами империалистической армии, а бойцами-агитаторами против войны.

2. Германская армия буквально голодала, получая всего лишь около 2 000 калорий на бойца. Совершенно естественно, что бойцы искали пищи при всякой возможности. Людендорф в своих воспоминаниях указывает:

«Такие факты, как задержка войск у найденных запасов и отставание одиночных людей для поисков продовольствия в домах и дворах, приводили к тяжелым сомнениям. Эти явления понижали успех и указывали на недостаток дисциплины».

Как будто Людендорф не знал, что армию нужно кормить, для того чтобы она не выходила из строя в поисках пищи. Но падение дисциплины Людендорф объясняет, главным образом, тем, что командный состав был лишен права «подвешивания». Русские генералы в 1917 г. объясняли падение дисциплины в армии тем, что военные суды были лишены права выносить смертные приговоры. Но когда смертная казнь была восстановлена, дисциплина все же нисколько не укрепилась. Нельзя думать, что Людендорф был настолько глуп, чтобы не понимать, что дисциплина армии в современных условиях не может быть построена на «подвешиваниях». Мозер и Риттер [1] указывают, что германская армия уже к началу наступления 1918 г. утеряла свою боеспособность. Резкое падение дисциплины обнаружилось уже в 1917 г.

3. В 1918 г. с восточного театра было переброшено около 40 дивизий. Эти дивизии, находясь в течение длительного времени под непосредственным влиянием социалистической революции в России, ни в какой мере не могли считаться надежными войсками германского империализма.

Но, кроме перевозки целых частей с восточного театра, было произведено изъятие свыше 100 000 чел. для пополнения частей западного театра. Оценивая это мероприятие, Гофман пишет:

«...Из дивизий восточного фронта отправлены на запад все солдаты более молодых призывов. Особенно тяжело при этом пострадала артиллерия. Из каждой батареи забрали всех более или менее боеспособных солдат. Я убежден, что именно вкрапливание отдельных людей с восточного фронта в западные войска вызвало такие печальные последствия. Больше-

[1] Мозер, Краткий стратегический очерк мировой войны; Риттер, Критика мировой войны.

вистская пропаганда, несомненно, оказывала свое действие. Если старая дисциплина еще поддерживала наши части в целом и на каждый отдельный отряд еще можно было положиться, то уж никак нельзя было предотвратить, чтобы отдельные люди, озлобленные тем, что их вырвали из войсковых частей и со спокойного фронта отправили на новые бои, разносили по всему западному фронту большевистскую заразу» (Макс Гофман, Записки и дневники, изд. Красной газеты, Л. 1929 г.).

4. Не последнее место среди факторов, разлагавших германскую армию, занимала пропаганда Антанты, получившая в 1918 г. огромное развитие. Изо дня в день всеми средствами — путем разбрасывания перед каждой операцией массы листовок с самолетов, путем посылки специальных воздушных шаров, перебрасыванием в расположение противника специальных снарядов, начиненных литературой, путем использования всех связей через нейтральные органы и т. д. — Антанта разлагала германскую армию. Гинденбург в одном из своих приказов отмечает:

«Армия буквально наводнялась неприятельской агитационной литературой, исключительно серьезная опасность которой была ясно осознана. Верховное командование назначило премию за сдачу этой литературы, но мы не могли помешать тому, чтобы она предварительно не отравляла сердца наших солдат» (К. Стюарт, Тайны дома Крью, русск. пер., Гиз, 1928 г.).

Премия давала результаты. Германские солдаты начали сдавать листовки: в мае было сдано 84 000 экземпляров, в июне — 120 000, в июле — свыше 300 000. Листовки Антанты попадали на хорошую почву.

5. Результатом разложения германской армии было все возрастающее количество дезертиров. Людендорф указывает:

«Убыль дезертирами была велика, и число их в нейтральных странах, как, например, в Голландии, насчитывалось десятками тысяч. Еще больше дезертиров беззаботно жило на родине».

6. В этих условиях неудачные наступления, стоившие огромных жертв, привели к такому положению, что армия начала стихийно разваливаться и разбегаться. Как этот процесс происходит, мы очень хорошо знаем по опыту русской царской армии в 1917 г.

Развал «Срединного» союза

Империалистическая военная коалиция обычно держится до тех пор, пока все обстоит благополучно, пока фронт держится, пока есть надежда на победу, пока члены коалиции могут с большими или меньшими трениями делить «шкуру неубитого медведя». Но лишь только опасность поражения стучится серьезно в дверь, лишь только они теряют возможность примирять свои противоречия, как коалиция разваливается под лозунгом «спасайся, кто может». Чернин в своих мемуарах (О. Чернин, В годы мировой войны, Гиз, 1923 г.) дает яркую картину развала Австро-Венгрии. Наиболее трезвые австро-венгерские политические руководители понимали всю трагедию этого государства. С одной стороны, единство Австро-Венгрии прогрессивно разрушалось национальными устремлениями ее многочисленных народностей, стремившихся вырваться из оков габсбургской монархии; с другой — распад Австро-Венгрии был предрешен независимо от того, будет ли она продолжать войну или заключит сепаратный мир. Продолжать войну Австро-Венгрия также не могла вследствие полного развала ее армии.

Болгария в это время стучалась во все двери Антанты, делая все большие уступки в цене своего предательства. Турция, хотя и держалась, но ей наносили удар за ударом в Палестине, Аравии, Месопотамии и Сирии.

Германия была изолирована и самостоятельно продолжать борьбу не могла. В сентябре—октябре 1918 г. один за другим рушились македонский, палестинский, месопотамский и итальянский фронты, доказывая Германии безнадежность дальнейшей борьбы.

Уже после мировой войны германское правительство назначило комиссию для расследования причин поражения германской армии. Материалы этого расследования, частично опубликованные (Фон Куль и Г. Дельбрюк, Крушение германских наступательных операций 1918 г., ГВИЗ, Москва 1936 г.), представляют большой интерес. Ганс Куль, следуя по стопам германского генералитета, трафаретно пытается доказать, что германская армия в 1918 г. понесла поражение только вследствие измены германского народа, не пожелавшего больше воевать. По его мнению, основной винов-

ник — это «революция, вырвавшая у полководца меч из рук». Мозги генерала никак не могут усвоить простую истину, что германская революция победила именно потому, что она была поддержана армией и флотом, что когда народы совместно с армиями восстают против господствующих клик, то генералы легко отбрасываются в сторону.

Ганс Дельбрюк исходит из другой концепции. Всю вину он сваливает на германское главное командование, особенно на Людендорфа, который, будучи увлечен своим честолюбием, продолжал безуспешные наступления до полного истощения германской армии.

По мнению Дельбрюка, Германия не должна была в 1918 г. вести решающие наступления, а продолжать оборону, добиваясь почетного мира.

Но Дельбрюк также забыл, что Людендорфа поддерживали влиятельные круги германского империализма, которые вовсе не хотели отказаться от цели добиться господства на земном шаре.

Война есть неизбежный спутник капитализма. Война приняла особый широкий размах в эпоху империализма. Всякая война кончается победой или поражением.

Война 1914—1918 гг. кончилась поражением империалистической Германии.

Всем этим можно объяснить оперативную концепцию Фоша. В июле 1918 г. он был твердо уверен в победе. Но, не желая давать противнику никаких контршансов, главное командование Антанты не решалось на обширные рискованные маневры, предпочитая медленно, но верно душить противника, вместо того чтобы пытаться нанести ему «молниеносный» удар, которым можно промахнуться.

5. Тактические и цифровые данные об операциях Антанты в период контрнаступления

Контрнаступление Антанты во второй половине 1918 г. охватывает собой три группы последовательных операций.

Первая группа — период с 18 июля до середины сентября, период ликвидации успехов немцев, достигнутых ими в первой половине года (директива Фоша от 24 июля 1918 г.).

Вторая группа — овладение позицией Вотан—Зигфрид (линия Гинденбурга), период с 25 сентября до середины октября (директива Фоша от 3 сентября 1918 г.).

Третья группа — овладение позицией Лис—Герман—Гундинг—Кримгильда—Брунгильда—Михель, период с 20 октября до перемирия.

Следующие таблицы дают основные показатели операций второй половины 1918 г.

1. Силы и средства Антанты в операциях первого периода

Наименование операции	Ширина фронта в *км*	Количество дивизий		Количество артиллерии		Количество танков	Количество самолетов
		в 1-й линии	во 2-й и 3-й линиях	легкой	тяжелой		
I. Ликвидация выступа у Шато-Тьерри 18 июля							
10-я французская армия (главный удар)	26	10	6—2 кав.	864	709	339	1 200
6-я французская армия (расширение удара)	25	7	2	448	482	170	380
II. Ликвидация Амьенского выступа 8 августа							
4-я английская армия (главный удар)	24	11	3—3 кав.	1 200	800	628	640
1-я французская армия (расширение удара)	35	12	3—3 кав.	780	836	270	320
10-я французская армия (дополнительный удар 20 августа)	15	11	10	828	742	480	570
III. Ликвидация Сен-Миельского выступа							
1-я американская армия (южный фланг)	18	7	3	1 240	870	273	1 100
Южный фланг . .	—	—	—	—	—	—	—
V американский корпус	7	3	1	400	330	—	—

2. Силы и средства Антанты в операциях второго периода

Наименование операций	Ширина фронта в *км*	Количество дивизий		Количество артиллерии		Количество танков	Количество самолетов
		в 1-й линии	во 2-й и 3-й линиях	легкой	тяжелой		
I. Операции в Шампани и Аргонах 12 сентября							
1-я американская армия	30	9	6—1 кав.	1 400	1 100	450	840
4-я французская армия	25	17	7	1 332	1 146	340	430
Всего . .	55	26	13—1 кав.	2 732	2 246	790	1 270
II. Операция у Сен-Кантен — Камбре 27 сентября							
1-я, 3-я и 4-я английские армии .	21	13	8—3 кав.	1 200	800	1 100	720
1-я французская армия	15	10	12	798	480	—	340
Всего . .	36	23	20—3 кав.	1 998	1 280	1 100	1 060
III. Операции во Фландрии 28 сент.							
2-я английская, 6-я французская и бельгийская армии	35	17	7—3 кав.	680	432	—	—

3. Маневрирование резервами Антанты в первый период операции

Наименование операции	Количество дивизий в распоряжении армии к началу операции	Количество дивизий, дополнительно втянутых во время операции
Ликвидация выступа у Шато-Тьерри		
10-я и 6-я французские армии	27	До 24 июля — 13
Амьенская операция		
4-я английская и 1-я французская армии . . .	35	До середины сентября — 16
10-я французская армия	21	До середины сентября — 12
Всего	83	41

4. Маневрирование резервами Антанты во второй период операции

Наименование операции	Количество дивизий в распоряжении армии к началу операции	Количество дивизий, дополнительно втянутых во время операции
Операция в Шампани и Аргоннах		
1-я американская и 4-я французская армии . . .	40	До 12 октября — 21
Операция у Сен-Кантен—Камбре		
1-я, 3-я и 4-я английские и 1-я французская армии	46	До 12 октября — 24
Операция во Фландрии		
2-я английская, 6-я французская и бельгийская армии	27	До 12 октября — 6
Всего	113	До 12 октября — 51

5. Маневрирование германскими резервами во время оборонительных сражений 2-й половины 1918 г.

Наименование операции	Количество дивизий			Всего
	в 1-й линии	в резерве армии и группы армий	прибыло на усиление из других секторов	
Оборона выступа у Шато-Тьерри	13	17	5	35
Амьенская операция . .	21	13	8	42
Удар 10-й франц. армии и отход на позицию Гинденбурга	15	17	34	66
Оборона позиции Гинденбурга и отход на позицию Германии:				
а) операции в Шампани и Аргоннах	10	15	19	44
б) операция у Сен-Кантен—Камбре	23	29	27	79
в) операция во Фландрии	8	5	15	28

Из операций Антанты можно сделать следующие выводы:

1. Главное командование Антанты упорно выдерживает принципы своей оперативной системы. В первый период операции расшатывание германского фронта производится с методичностью механизма. Удар, расширение удара на флангах и новый удар следуют один за другим. Во второй период операции три мощных удара следуют почти одновременно на флангах и в центре фронтовой дуги между Маасом и морем. 26—28 сентября в атаку идут 66 дивизий, поддержанных 5 130 легкими орудиями, 3 858 тяжелыми орудиями, около 2 000 танков и 2 500 самолетов. Очевидно, что только огромные материальные и технические средства, накопленные Антантой, позволили ей провести операции подобного масштаба после шести месяцев беспрерывных сражений.

2. Боевые участки наступающих дивизий первой линии по сравнению с 1916—1917 гг. становятся шире. Дивизия первой линии получает участок в 3—3½ км шириной. Но в то же

время значительно увеличивается количество дивизий резерва. Сражение обнаруживает все большую тенденцию питания из глубины.

3. Относительно сокращается тактическая плотность артиллерии, особенно по сравнению с операциями 1917 г. После начала отхода немцев на позицию Антверпен — Маас, когда война приняла все черты маневренности, армии Антанты преследовали лишь в сопровождении войсковой артиллерии и незначительной части тяжелых самоходных батарей. Хотя Антанта имела большое количество тяжелой тракторной артиллерии (одна Франция имела: 324 орудия 220-мм, 117 орудий 280-мм, 480 орудий 155-мм), тем не менее эта артиллерия могла проявить подвижность в полной мере лишь до тех пор, пока она двигалась по оборудованным шоссе. Пока главные операции Антанты базировались на своем старом благоустроенном тыле, эта тракторная артиллерия обеспечивала возможность быстрых перемещений артиллерийских масс, способствуя достижению внезапности.

4. Чрезвычайно возрастает привлечение авиации и танков. Прогресс авиационной техники достиг уже таких размеров, что Антанта имела возможность выпустить большое количество штурмовой и бомбовозной авиации. Уже 27 мая и 15 июля штурмовая авиация доказала, что она способна успешно сражаться с наступающей пехотой противника. Бомбовозная же авиация превратилась в доподлинную воздушную артиллерию.

Мощная авиационная промышленность Антанты, многочисленные кадры летного состава обеспечили Антанте возможность поддерживать свои воздушные силы на высоком уровне, невзирая на крупные потери. Таких возможностей Германия не имела. После большого напряжения 21 марта воздушные силы Германии прогрессивно тают. С июля 1918 г. Антанта безраздельно господствует в воздухе почти на всем западном фронте.

Участие танков почти во всех операциях не только обеспечило возможность достижения полной внезапности атак, но и позволило значительно увеличить глубину первого скачка. Средние нормы продвижения в первый день атаки на глубину до 10—12 км стали в 1918 г. обычными. Если учесть, что в подавляющем большинстве атак «предполье» захватывалось

в период сближения, то станет ясным, что задача преодоления всей глубины первой укрепленной полосы была решена. Этим объясняется, почему армиям Антанты удалось в первые дни операции захватывать не только большое количество пленных, но и сотни орудий. Тем не менее нужно признать, что техническое совершенство танков еще не стояло на должной высоте. Малая подвижность танков, их неповоротливость и господствующая тактика, привязывавшая танки к пехоте, приводили к тому, что танки несли огромные потери. После сентябрьских операций корпус танков Антанты был совершенно истощен и в дальнейших операциях участия почти не принимал. Но решающая роль танков, как средства преодоления позиционного фронта, должна быть хорошо осознана, ибо она была полностью доказана боевым опытом.

5. В течение первых двух серий операций наблюдалось колоссальное маневрирование резервами с обеих сторон. С середины июля и до конца сентября Антанта произвела 300—350 дивизионных боевых «втягиваний», Германия — примерно столько же. Если сюда прибавить и боевые усилия армий в первой половине года, то станет ясным, что все дивизии обеих сторон обернулись в операциях 3—4 раза. Таким образом, заявления французских военных писателей, утверждающих, что Антанта в ноябре 1918 г. имела в резерве свыше 100 свежих дивизий, не соответствуют действительности. Сотня дивизий в резерве имелась, но они все были потрепаны. Истощение армий Франции и Англии было не меньше истощения армий Германии. Численность французской дивизии сократилась до 8 000—9 000 чел. Пополнений Франция больше не имела. Испытывала кризис пополнения и английская армия. Только одна Америка, естественно, имела неисчерпаемый резервуар живой силы.

Во всех этих операциях характерно то обстоятельство, что, невзирая на втягивание обороняющейся германской армией почти равного количества дивизий с наступающим, немцы не могли удержать своего фронта. Когда моральная боеспособность армии значительно понижается, даже равные силы обороны не могут создать устойчивой преграды.

6. В операциях второго периода оперативные цели главного командования Антанты значительно возрастают. В директивах от 3 сентября и 10 октября Фош уже ставит себе

цель — отрезать всю германскую армию от путей, связывающих ее с тылом страны. Но германская армия не упорствует в обороне и тем путает все намерения противника. В сущности говоря, с момента оставления позиции Гинденбурга немцы производят преднамеренный отход большого масштаба, задерживаясь на промежуточных позициях лишь для того, чтобы успеть эвакуировать огромную материальную часть, сосредоточенную в Бельгии и северной Франции. Конечной целью отхода немцев будет линия Антверпен — Маас, которая сокращает фронт до 600 км и дает надежду удержаться в связи с наступлением зимнего периода.

7. Поскольку Антанта, в соответствии со своей оперативной системой, в каждой операции не упорствует в данном направлении, постольку ей была облегчена возможность переноса центра тяжести операции на другие участки фронта. Главное командование Антанты не испытывало тех затруднений с вводом на фронт атаки свежих сил, какие испытывала германская армия в первой половине года.

Но в оперативной обстановке на западном театре войны в середине октября 1918 г. наступил такой момент, когда для главного командования Антанты должно было стать очевидным, что в ходе войны наступил коренной перелом. Правильная оценка обстановки должна была привести к выводу, что принятая оперативная система удушения противника начинает уже служить тормозом для перехода к более широкому и энергичному размаху операций. Фош, повидимому, понимал этот перелом. 19 октября он отдает такую директиву:

«Для использования достигнутого успеха операции союзнических армий должны выполняться следующим образом:

1) Армейская группа Фландрии будет двигаться в общем направлении на Брюссель, имея правое крыло у Галь и подходя к Шельде у Пек и к Дендеру у Лессинь.

В процессе этого марша форсирование значительных водных течений Шельды и Дендера должно быть согласовано, в случае надобности, с выполняемыми английской армией фланговыми действиями в обход этих водных пространств.

2) Британские армии (5-я, 1-я, 3-я и 4-я) продвигаются к югу от линии Пек, Лессинь, Галь; их правое крыло направлено через Фруа-Шапель и Филиппвилль на Ажимон (севернее Живэ). Задача британских армий будет состоять в том,

чтобы отбросить силы противника на трудно проходимый Ардепский массив и отрезать их от главного рокадного пути. Они (британские силы) будут поддержаны 1-й французской армией.

3) Французские армии (1-я, 10-я, 5-я, 4-я) и 1-я американская армия будут действовать к югу от вышеупомянутой линии.

Их задача заключается в следующем: для 1-й французской армии — поддерживать атаку британских армий, двигаясь в направлении Капель, Шиме, Живэ, и маневрировать правым флангом с целью парализовать сопротивление противника по линии Серр—Сиссон; для 5-й и 4-й французских армий и 1-й американской — достигнуть района Мезьер, Седан, обойдя линию Эн, маневрируя обоими флангами: левый фланг (5-я армия) — в направлении Шиме, Перьсен; правый фланг (4-я армия и 1-я американская) — в направлении Брюзанси, Ля-Шен».

Но Фошу было легче отдать подобного рода директиву, чем перестроить все армии Антанты. Для их переобучения уже нехватало времени. Четыре года позиционной войны дают себя чувствовать. Армейские командиры оказались способными действовать только фронтально. Даже фланговые операции производятся фронтальными ударами.

8. К более быстрому и решительному продвижению армии Антанты не могли перейти и по причинам отрыва от баз снабжения. Немцы на пути отхода капитально разрушали железные и шоссейные дороги, восстановление которых шло очень медленно.

В конце октября и в начале ноября отрыв от конечных железнодорожных станций достиг 75—100 км. Тыл армий Антанты не был приспособлен для преодоления такого расстояния. Войска начали испытывать затруднения в подвозе. К моменту перемирия армии Антанты были накануне естественной остановки. Этот факт подтверждается не только Норманом, но и ген. Луазо (см. «Германская стратегия в 1918 г.», ГВИЗ, 1935 г., стр. 124).

6. Пример фронтальной операции с целью обхода (удар 1-й французской армии 17 октября — 11 ноября 1918 г.)

Ярким примером нового своеобразно-маневренного характера фронтальных операций может служить наступление

1-й французский армии (17 октября — 11 ноября 1918 г.) в направлении Гиз — Ля-Капель (схема 9). Эта операция

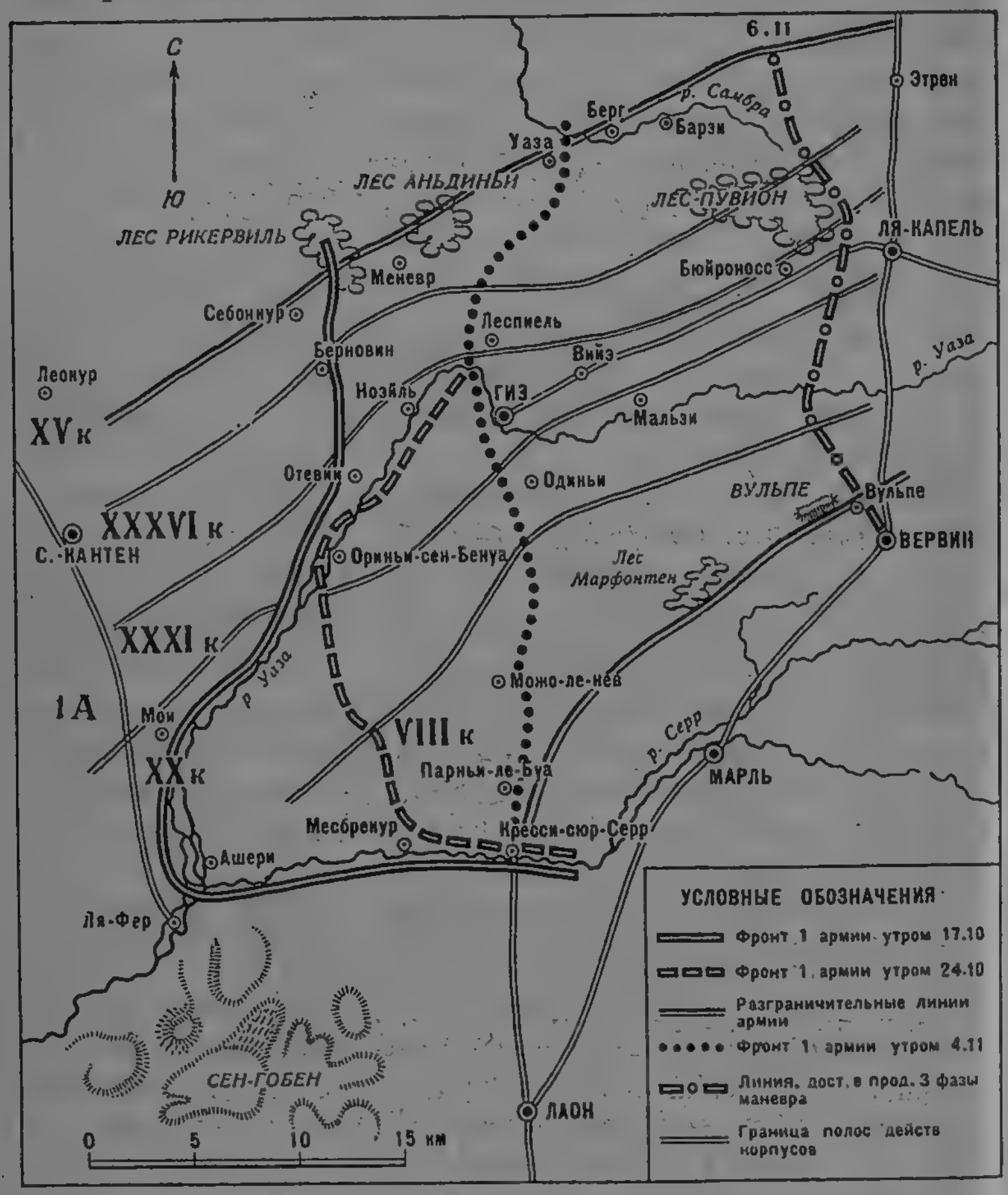

Схема 9. Удар 1-й французской армии 17 октября — 11 ноября 1918 г.

в высшей степени типична для последнего периода войны на западном театре. Армия резко выступает как тактическое соединение. Армии даже и не ставится задача прорвать расположение германцев. Она продвигается методически, строго

по рубежам, осуществляя в полной мере идею, что «маневр есть огонь, который перемещается». Этим путем противник выталкивается из занимаемого им расположения. Управление—исключительно централизованное. Командующий армией согласует работу артиллерии и пехоты по часам и направляет атаки корпусов по местным предметам. В своем плане командование армии намечает дальнейший ход лишь в общих чертах. Фактически оно озабочено только успешной подготовкой первоначальной атаки. Корпуса придерживаются определенного направления и не выходят за пределы данных им узких разграничительных линий. С началом атаки армейское командование сохраняет в своих руках все нити операции, ставя корпусам и артиллерии последовательные частные задачи. Протяжение армейского фронта по мере продвижения вперед не только не увеличивается, как это обычно бывает при осуществлении широких маневренных операций, но, наоборот, резко сокращается: с 50 км в начале операции до 35 км в конце. Боевые усилия нарастают в ходе операции путем ввода новых сил и материальных средств. Глубина операции не превышает 50 км. Командование стремится выпрямлять ломаный фронт. Операция протекает медленно. Усилия пехоты строго соразмеряются с артиллерийскими возможностями.

Но все же в операции обнаруживается и ряд новых моментов. В течение 24 дней производятся три основных перегруппировки, т. е. гораздо быстрее, чем раньше. Главный удар армии перемещается с фланга на фланг. Отдельные пассивные корпуса получают широкие участки. Общая плотность артиллерии сравнительно незначительна, операция успешно питается из глубины и т. д.

Обратимся к краткому описанию этой интересной армейской операции.

К 10 октября 1-я французская армия подошла с рр. Серр и Уаза на участке Кресси-сюр-Серр, Травеси, остановившись перед упорным сопротивлением германцев на позиции Германа. Справа перед сильно укрепленной позицией на р. Серр остановилась 10-я французская армия, слева—4-я английская армия.

10 октября 1-я армия получает задачу наступать на Гиз—Ля-Капель в связи с 4-й английской армией. Задача 1-й ар-

мии — обойти сопротивление противника на р. Серр с целью облегчить фронтальное продвижение 10-й французской армии. Под задачей «обойти» противника не следует понимать обходного маневра. Армия будет двигаться прямо перед собой, и по мере растяжки фронта немцы будут вынуждены очистить соседние участки из-за отсутствия резервов, необходимых для занятия удлиненного фронта.

Состав 1-й армии: на фронте справа налево—4 корпуса (VIII, XXXI, XXXVI и XV)—13 дивизий, подвозится XX корпус — 3 дивизии, в резерве армии—3 дивизии, итого—19 дивизий. Но в течение операции на участке армии было еще 7 дивизий, которые сменяли потрепанные дивизии после боев. Продвижение армии вперед происходит так медленно, что новые подвозимые на автомобилях дивизии успевают походным порядком догонять наступающие войска и производить смену.

Артиллерия—65 дивизионов 75-мм, 25 дивизионов тяжелых корпусных гаубиц, 25 дивизионов тяжелых длинных пушек 155-мм, итого—1 300 орудий. Кроме того, несколько сот траншейных орудий. В общем, материальные средства нельзя назвать обильными.

Командование 1-й армией не задается широкими целями. Оно раньше всего будет стремиться форсировать р. Уаза и развернуть армию севернее р. Серр, ликвидировав выступ у впадения р. Серр в Уазу; потом наступать на Гиз—Ля-Капель в зависимости от обстановки. Этим определяется первый этап операции. Во исполнение задачи фронта наступать в связи с 4-й армией, а также ввиду того, что центр и правый фланг армии застряли перед рр. Серр и Уаза, основную группировку нужно образовать на левом фланге, чтобы создать угрозу противнику с севера.

В приказах армии 11—15 октября указано:

XV и XXXVI корпуса с мощными артиллерийскими средствами (56 дивизионов) атакуют на фронте 7½—8 км с задачей овладеть Нуарье; в центре — XXXI корпус на фронте 12 км форсирует Уазу; на правом фланге VIII корпус обороняется на фронте 35 км, выполняя лишь местные атаки, обеспечивающие фланг армии.

17 октября в 5 час. 30 мин. начинается атака, и в течение 3 дней армия форсирует р. Уаза лишь на крайнем левом

фланге. 19 октября продвижение армии задерживается. Наступает второй этап операции.

Командование 1-й армии решает раньше всего добиться окончательного падения обороны противника на рр. Уаза и Серр и выпрямить фронт армии в направлении Гиз. Усилия переносятся на правый фланг армии. В течение 19—23 октября производится перегруппировка. Между XIII и XXXI корпусами вводится новый XX корпус (3 дивизии) с полком танков. Усилия артиллерии переносятся также на правый фланг. Между Люки и Неррон сосредоточивается огонь 66 артиллерийских дивизионов. В течение 24—26 октября сопротивление немцев ломается, они отходят в район Гиза. 1-я армия преследует, но вечером 27-го останавливается перед новым фронтом у Гиза. Командование пытается атаковать противника с налета; на 30 октября назначается общая атака. Подготовка занимает всего лишь 2 дня, и фронтальная атака на всем фронте не удается. 30-го вечером отдается приказ о переходе к обороне. Нужна новая методическая подготовка.

Начинается новая перегруппировка. 4 ноября 4-я английская армия готовится наносить главный удар правым флангом. Поэтому командование 1-й армии решает наносить главный удар вновь левым флангом. Приказ армии указывает: XV и XXXVI корпуса под прикрытием мощной артиллерии (80 артиллерийских дивизионов) захватывают канал Самбра — Уаза и продвигаются на 3 км. Потом через канал переправляется артиллерия, и пехота атакует следующий рубеж до 6 км от канала. Указания о подготовке к атаке даны этим корпусам еще 18 октября. XXXVI корпус форсирует Уазу в районе Гиза, когда командующий армией найдет это своевременным; по особому приказу продвигаются также XX и VIII корпуса.

Приказы армии даются с большой детальностью. Так, например, указывается:

«XXXVI корпус получит поддержку от XXXI корпуса... артиллерией и пулеметами... до своего выхода у Красного дома»... «XX корпус поддержит огнем XXXI в момент его выхода к долине Уазы» и т. д.

Атака начинается 4 ноября и протекает успешно. К вечеру фронт армии проходит через Берг-сюр-Самбр, Доренг, Сен-Жермен, Курсель. В ночь с 4-го на 5-е немцы начинают

общий отход, и 7 ноября кавалерия французов входит в Гирсон.

Полковник Мойранд следующим образом определяет задачи армейского командования в операциях 1918 г.

«Командование армии:

перед каждой операцией разрабатывает план — общую ориентировку направлений действий и намечает основные этапы, которые будут реализованы последовательными решениями в ходе операции;

строго придерживается назначенного направления;

выбирает участки атаки пропорционально наличию сил и предварительно накопляет на них достаточные огневые средства;

комбинирует удары и огонь для поддержки продвижения на всем фронте;

решения принимает достаточно заблаговременно во избежание потери времени;

централизует и децентрализует деятельность подчиненных начальников в зависимости от обстоятельств; тесно объединяет бразды правления перед мощным сопротивлением для использования достаточных сил на участке главного удара; освобождает части от излишней централизованной опеки при слабом сопротивлении противника и быстроте действий».

В несравненно более широком масштабе была задумана Фошем фронтально-фланговая операция в Лотарингии. Директива Фоша от 20 октября 1918 г. гласит:

«Операции, протекающие в настоящий момент, имеют целью отбросить противника к Маасу у Стенэй и ниже этого пункта. Чтобы сломить сопротивление на реке, надо подготовить атаки с запада и востока от Мозеля в общем направлении Лонгви, Люксембург, с одной стороны, и в общем направлении Саар, с другой стороны. Атаки эти будут более успешны, если будут начаты возможно раньше, так как противник к настоящему моменту располагает 127 дивизиями на западе и только 32 на востоке от Мааса.

Они будут иметь больше шансов на успех, если противник окажется лишенным своего главного рокадного пути Мезьер—Седан.

Следовательно, было бы выгодно использовать на Лотарингском фронте к западу и востоку от Мозеля, где оборудование и характер местности позволяют немедленные действия, те

части, которые освободились бы вследствие сокращения нашего фронта. Было бы также выгодно предусмотреть участие американских сил в этих операциях».

Согласно этой директиве в Лотарингии на фронте в 30 км должны были развернуться справа налево: 8-я французская армия в составе 8 дивизий, 10-я французская армия во главе с «самим» Манженом в составе 14 дивизий и 2-я американская армия в составе 6 дивизий, всего — 28 дивизий. Против этой группировки стояла 19-я германская армия в составе всего лишь 6 дивизий. Удар должен был состояться 14 ноября. О его результатах гадать не приходится, так как 11 ноября война окончилась.

Глава XVIII

КОМБИНИРОВАННЫЙ ФРОНТАЛЬНЫЙ УДАР С РЕШИТЕЛЬНОЙ ЦЕЛЬЮ

Предложения французского главного командования о переходе к маневренной войне 1919 г.

1. Предпосылки операций 1919 г.

7 ноября 1918 г. в 21 час 20 мин. в районе Ля-Капель германские парламентеры во главе с Эрцербергером перешли французский фронт. 11 ноября было объявлено перемирие. Предложение германского правительства о мире и принятие исключительно тяжелых условий перемирия (отход германских армий за Рейн) оказались для союзного главного командования совершенно неожиданными. Фош и его сподвижники не были подготовлены к этому факту. Наоборот, они считали, что разгром германской армии может быть достигнут только в 1919 г. Это обстоятельство мы должны подчеркнуть, ибо французы в течение ряда лет пытаются создать ультра-шовинистическую легенду о Фоше. Они изображают Фоша, как «военного пророка», который с точностью до 6 дней определил момент, когда немцы будут окончательно разбиты. Так как французский генеральный штаб до сих пор не издавал

ни одного документа, подтверждающего, что пророчество Фоша действительно имело место, то мы вправе отнести эту версию к области стратегических сказок.

В противовес этим махровым измышлениям имеется ряд документов, указывающих, что наступательные операции союзников в 1918 г., по мнению Фоша, Петэна и Хэга, носили лишь предварительный и ограниченный характер. Эти операции должны были лишь подготовить благоприятную стратегическую и оперативную обстановку для решительного наступления в 1919 г.

Решительная операция 1919 г. была задумана еще в июле 1918 г.; с этого времени началась и ее подготовка. Для ее выполнения предполагалось использовать такие огромные силы и технические средства, что промышленность союзников должна была сделать еще одно колоссальное усилие для выполнения предъявленных ей новых военных заказов.

Плановые предположения о формах и характере проведения операций 1919 г. представляют исключительный интерес. Весь опыт четырехлетней войны, вся эволюция оперативных форм нашли в этих планах свое законченное выражение. Главное командование союзников решительно ставит вопрос о переходе к маневренной войне, а в отношении оперативных форм оно предполагает достичь цели путем комбинированного фронтального сражения на широком фронте. Для такой постановки вопроса имелись все предпосылки в связи с быстро прогрессирующим истощением и ослаблением германских армий при одновременно возрастающем усилении союзников как в отношении людской силы, так и в отношении материальных средств. Основная ставка делается на развитие мощных средств подавления — тяжелая артиллерия больших калибров, воздушная артиллерия (бомбардировщики) дневного и ночного действия—и на подвижность этих средств: танки, тяжелая артиллерия танкового типа, гусеничные тракторы для снабжения (катерпиллеры) и пр. Тенденции, которые уже ярко обнаружились в 1918 г., получают дальнейшее развитие и углубление.

Среди этих планов наибольший интерес имеет записка Петэна от 8 сентября 1918 г. Ниже даются изложение и оценка этого исключительного документа.

2. Общий характер сражения 1919 г.

Петэн пишет:

«В 1919 г., как и в прошлые годы, после зимнего перерыва обе армии окажутся переформированными, с многочисленными резервами, хорошо втянутыми и обученными и вполне подготовленными для нового сражения.

Нам придется иметь дело с противником, насторожившимся и обладающим всеми необходимыми средствами. Одного удара, против которого он последовательно подтянет все свои силы, будет недостаточно для его уничтожения.

Решительный и окончательный результат войны будет достигнут лишь тогда, когда противник почувствует в действительности, что он бессилен восстановить свой фронт после наших ударов на его минимальной линии обороны, которая проходит на границе Льеж — Мец — Вогезы (450 км). Такой результат может быть достигнут с нашей стороны целым рядом последовательных действий, а быть может, даже и несколькими сериями сражений».

Уже одни эти слова в корне опровергают легенду о «пророчестве» Фоша. Ведь разработка плана операций 1919 г. велась по прямому заданию Фоша. Союзное главное командование совершенно игнорирует всю внутригерманскую политическую обстановку. В то время, когда там уже бурлили революционные волны, союзное главное командование не было способно учесть, в какой мере эти обстоятельства могут и должны отразиться на ходе военных действий. Союзное главное командование не верит в свои силы и способность закончить войну в 1918 г. План Петэна полностью отражает этот узкий, военно-технический, эмпирический подход к решению предстоящих оперативных задач.

Петэн пишет:

«Сражение в 1918 г. доказало: 1) что прорыв укрепленного фронта возможен; 2) что использование этого прорыва прекращается с того момента, как только противник, благодаря подтягиванию резервов, получает возможность организовать беспрерывную линию огня».

Петэн критикует концепцию германского сражения 1918 г. Он справедливо указывает, что германские наступления не могли помешать англо-французам свободно маневрировать ре-

зервами, и поэтому успешные германские прорывы могли привести лишь к образованию мешков, «которые стали затем для неприятельских армий источником величайшей слабости». В этих мешках на необорудованной местности с тяжелыми коммуникациями в пространствах, совершенно разрушенных противником, германцам было трудно держаться, и они без большого сопротивления оставили свои выступы на Марне и у Амьена. Вместо победы германская армия после каждого наступления оказывалась перед новым фронтом и должна была заново приступать к кропотливым и изнурительным работам по оборудованию укрепленных зон. Сознание бойцов подтачивала мысль, что все колоссальные жертвы приносились напрасно. Моральные и физические силы армии падали. Людей для пополнения потерь не стало хватать.

На театре войны оперативное решение не может быть достигнуто, пока противник имеет достаточные боеспособные резервы и пока железнодорожный и автомобильный транспорт позволяет свободно маневрировать этими резервами. Поэтому Петэн выдвигает в противовес прямому прорыву, который был положен в основание оперативной концепции немцев в 1918 г., следующую оперативную систему.

Операции 1919 г. должны включить в себя: а) предварительные действия, имеющие целью сковать и истощить главную массу резервов противника; б) главное сражение, имеющее целью добиться решающего успеха путем прорыва. Эти идеи Петэна удивительным образом совпадают с идеями подполковника Ветцеля, отвергнутыми Людендорфом.

И для предварительных действий и для главной операции нужно выбрать такие районы, которые имели бы для противника жизненную важность, чтобы заставить его принять сражение во что бы то ни стало, и в то же время были бы удобны для развертывания и действий наступающих. Обе серии операций должны быть увязаны во времени и пространстве. Главный удар должен быть нанесен на наиболее выгодном операционном направлении.

3. Ширина фронта атаки

Петэн прямо указывает, что ширина фронта атаки «зависит от наших артиллерийских средств». Исходя из того (по опыту операций и союзников и немцев в 1917—1918 гг.),

что для обеспечения атаки на 1 км фронта нужно в среднем 53 орудия полевой легкой и 56 орудий тяжелой артиллерии, Петэн приводит следующие расчеты, вытекающие из предполагаемого наличия артиллерии у союзников к 1 апреля 1919 г.

	Полев. арт. (число орудий)	Ширина фронта атаки в *км*	Тяжелая арт. (число орудий)	Ширина фронта атаки в *км*	Общая ширина фронта атаки в *км*
Французы	5 300	100	4 500	82	90
Американцы . . .	2 500	47	3 000	53	50
Англичане	4 200	79	2 160	40	59
Всего . .	12 000	226	9 660	175	199

Примечание. При расчете не принята во внимание тяжелая дальнобойная, позиционная неподвижная и траншейная артиллерия.

Но, исходя из необходимости обеспечить артиллерией пассивные участки и учитывая, что танки дают возможность уменьшить основную массу артиллерии, Петэн указывает, что в конечном итоге удар может быть развернут на следующем фронте: французы—80 км, англичане—40 км, американцы—40 км, итого—160 км.

Этот фронт распределяется так, что французская и американская армии могут нанести предварительный удар на фронте 90 км, англичане — вспомогательный удар на фронте—40 км. Всего—130 км, а затем французская и американская армии наносят решительный удар на фронте 30 км.

Но, кроме этого расчета, вытекающего из наличных артиллерийских средств подавления, Петэн указывает, что необходимая ширина фронта предварительной атаки должна быть рассчитана так, «чтобы проглотить все резервы противника».

Для этого нужно учесть все силы противника и их распределение на линии фронта и в резерве. Когда разрабатывался план, силы сторон определялись Петэном как равные — по 200 дивизий, из которых по 25 дивизий «не могут претендовать на другую роль, кроме как на удержание пассивных участков фронта».

К апрелю 1919 г. союзники могут обеспечить себе крупное превосходство в силах. Но Петэна беспокоят неудовлетворительные качественные показатели. Он мягко, но отрицательно расценивает американцев, указывая, что «первые опыты показали, что продуктивность американской дивизии мало отличалась от французской, хотя численность последней в два раза меньше» (американская дивизия в 1918 г.— 28 000 чел., французская — 14 000 чел. — А. В.). Поэтому Петэн приравнивает одну американскую дивизию к одной французской. В общем к 1 апреля 1919 г. союзники будут располагать 232 дивизиями.

Петэн допускает, что к этому времени немцы будут иметь 200 дивизий меньшей численности при возрастающем процессе истощения. Это превосходство Антанты, если учесть большую численность артиллерии и общее возрастание средств (прогрессивные перевозки американцев), позволит осуществить наступление.

Характерна оценка Петэном роли обстановки в Советской России. Он указывает:

«Обстановка на русском фронте может ускорить или задержать уменьшение количества немецких дивизий во Франции. В зависимости от того, придется ли немцам изъять с восточного фронта еще некоторые части или, наоборот, увеличить там численность своих оккупационных частей, обстановка на западном фронте в этом смысле может измениться».

Петэн забыл лишь, что немецкие дивизии, оккупировавшие Украину в сентябре 1918 г., уже настолько были подвергнуты влиянию революции, что меньше всего годились для активных действий на западе. Эти 30 дивизий Гинденбург и Людендорф могли использовать разве только против себя. В этих частях уже были советы солдатских депутатов.

В отношении количества дивизий в резерве, которыми сможет располагать Германия весной 1919 г., Петэн приводит такие данные. На основании опыта 1916—1917 гг. он утверждает, что фронт удерживался обеими сторонами при наличии в передовой зоне по 100 дивизий. Остальные силы оставались в резерве. Отсюда Петэн делает вывод, что Германия сможет иметь в резерве около 100 дивизий; союзники в то же время будут иметь в резерве 130—135 дивизий. Поэтому Петэн видит основную задачу перво-

начального удара в том, чтобы вывести из строя во время предварительной операции 100 немецких дивизий резерва, при этом задача должна быть выполнена возможно быстрее. Быстрота же втягивания резервов в бой зависит от ширины фронта и мощи предварительного удара. Последнее замечание имеет существенное значение. Оно дает совершенно новую оценку необходимой ширине фронта наступления. Условия западного театра создали определенную закономерность в отношениях между шириной фронта атаки и временем для втягивания резервов. Основываясь на опыте 1917 г., Петэн приводит следующую таблицу втягивания в первые 12 дней операции:

	Ширина фронта в *км*	В 1-й линии	Поддержки	Резервы	Всего	Число англо-французских дивизий
Эн, 16—27 апреля 1917 г. . . .	40	16	12	16	44	40
Камбре, 20—30 ноября 1917 г. . .	15	4	1	12	17	12
Между Эном и Уазой, 18—24 июля 1917 г.	22	7	4	17	28	20

Отсюда Петэн приходит к заключению, что число дивизий, втянутых для обороны в первые 10—15 дней атаки, приблизительно равно числу километров фронта атаки. Этот вывод подтверждается также в операциях 1918 г., и для западного театра может быть выведено нормативное положение, что сражение через 10—15 дней требует с обеих сторон по столько дивизий, сколько километров имеет ширина участка сражения. Эта норма в одинаковой мере касается и наступающего и обороняющегося [1].

[1] Для сравнения этих норм с нормами восточного театра войны укажем, что во время успешного наступления русского юго-западного фронта в июне 1916 г. немцы подали через 4 дня около 1 дивизии в виде отдельных батальонов, переброшенных с разных участков фронта Линзингена, к 10-му дню—$1^1/_2$ дивизии, к 15-му дню—$2^1/_2$, к 20-му дню — 6, к 25-му дню—9, к 30-му дню—$12^1/_2$, к 1 августа—20 дивизий; при этом никаких закономерных соотношений резервов с шириной фронта сражения вывести вообще невозможно, ибо весь театр, его сообщения, силы и характер операции были совершенно другими, чем на западе.

Считая, что операции должны развиваться с максимальной быстротой, Петэн определяет время, в течение которого резервы германцев должны быть полностью втянуты в сражение: 10—15 дней. Для достижения этой цели ширина фронта предварительного удара должна быть не менее 130 км. На фронте в первой линии обороняющийся будет иметь 30 дивизий, и в течение первых двух недель будут втянуты все 100 дивизий резервов, что соответствует норме—1 дивизия на 1 км фронта в продолжение 10—15 дней сражения.

Наступающий также должен будет втянуть в сражение при выполнении предварительной операции такие же силы, т. е. союзникам придется втянуть из резервов в дополнение к тем силам, которые будут уже на фронте, 100 дивизий. Тогда у союзников останется еще в резерве 30—35 дивизий, или всего, вместе с силами 1-й линии, 37—38 дивизий. Эти силы и должны быть предназначены для нанесения главного, решительного удара.

Петэн выражает эту идею следующим образом:

«Опыт показал, что если мы обозначим день атаки условной буквой *H*, то накопление сил с обеих сторон на поле сражения достигнет своего максимума между днями *H + 10* и *H + 15*. К этому моменту накопление сил с обеих сторон соответствует 1 дивизии на километр фронта. Таким образом, необходимо, чтобы решающее сражение началось в день *H + 16*, т. е. тогда, когда все резервы противника будут втянуты на фронте предварительных атак».

4. Формы сражения и технические средства

Петэн подробно останавливается на всех технических элементах подготовки и проведения предстоящих операций.

Он пишет: «Когда сражение возобновится в 1919 г., противник к тому времени, без сомнения, расположится позади фронта, сильно укрепленного, обильно снабженного противотанковыми средствами, замаскированного или прикрытого глубокой зоной аванпостов или даже водными преградами...

Наши тактические способы действий должны учитывать формы неприятельского сопротивления...

Необходимо добиться скорейшего прорыва и захвата дальних целей. Это обязательно даже в период предварительного наступления, ибо противник тем скорее втянет свои резервы

и использует их с меньшей методичностью, чем скорее его система обороны будет расшатана нашими глубокими и быстрыми действиями...

Необходимо, чтобы противник на всем фронте наших атак чувствовал, что ему приходится иметь дело с нашими действиями, преследующими цель — добиться глубокого прорыва».

Так прорыв, пройдя через многообразную эволюцию, вернулся к своему исходному пункту с совершенно новыми целями и средствами достижения. Для предварительной операции прорыв необязателен. Фронтальным сражением на широком фронте, не просто широком, а в 100 и более километров, нужно сковать все свободные силы и добиться полного истощения резервов противника, а потом немедленным мощным дополнительным ударом открыть себе дорогу через обессиленный неприятельский фронт.

Чтобы добиться таких результатов, нужны колоссальные средства, позволяющие обеспечить общее превосходство в силах и средствах не только на фронте предварительного удара, но и на фронте решающего удара, особенно для развития успеха после решающего удара.

«Сражение 1919 г. будет сражением танков и авиации», — пишет Петэн.

На расчете технических средств остановимся подробнее. Но здесь же обратим внимание, что в отношении подвижных средств подавления Петэн производит расчет лишь для фронта решительной атаки — там, где предполагается открыть себе дорогу для глубоких действий в тыл противника. На фронте предварительной атаки особых дополнительных подвижных машин, за исключением танков, не нужно, ибо задача предварительного удара заключается не в разгроме путем маневра, а в сковывании противника.

Авиация. Петэн останавливается, главным образом, на бомбардировочной авиации. По его мнению, эта авиация должна: а) продлить глубину действий артиллерии, перенося средства разрушения за пределы досягаемости артиллерийского огня; б) дополнить артиллерию, когда ее средства окажутся недостаточными (особенно полезно применять бомбардировочную авиацию против дальнобойной артиллерии противника); в) заменить артиллерию в случае решения атаковать противника с полной неожиданностью.

Петэн настаивает, что все действия авиации должны быть так же дисциплинированы, как и действия артиллерии. Авиация должна быть применена для бомбардирования и подвижных и неподвижных целей. Необходимо осуществить непрерывность действий авиации путем развития ночных действий бомбардировщиков.

В отношении цифр приводится лишь расчет для фронта решительной атаки. Здесь можно допустить наличие 1 самолета на 300 м фронта. Одновременно в воздухе нужно иметь 100 самолетов. При 3 часах работы надо иметь 400 самолетов дневной бомбардировки. Учитывая потери, отдых летчиков и материальной части, эту цифру нужно удвоить, назначить 800 действующих самолетов. Для ночной бомбардировки требуется назначить 600 самолетов.

Назначение такой массы бомбардировочной авиации вполне допустимо, учитывая, что производственными программами на 1 апреля 1919 г. намечалось иметь 2 500 действующих самолетов для ночной бомбардировки.

Танки. Для танков Петэн дает такие нормы: на каждый атакующий корпус в составе 4 дивизий нужно иметь или 5 батальонов легких танков или 1 группу тяжелых и 3 батальона легких танков, всего 80—100 танков. Общая численность танков, которые должны быть подготовлены к операциям 1919 г., такова:

Франция и Америка	танков тяжелых	1 200
	„ легких	4 000
Англия	„ тяжелых	600
	„ легких	2 700
Итого	танков тяжелых	1 800
	„ легких	6 700

Такое количество танков позволит обеспечить фронт не только решающего, но и предварительного удара. С середины 1918 г. танки превратились в неотъемлемое оружие пехоты. Рост количества танков отражает роль этого нового средства войны.

Пушечные танки и катерпиллеры

Петэн указывает:

«В процессе продвижения наших войск во время атаки крайне важно, чтобы возможно скорее продвигалась вперед

мощная артиллерия, необходимая для атаки последовательных позиций сопротивления противника. Перемещение артиллерии вперед упирается в трудность прохождения зоны воронок. Необходимо использовать новые способы и приемы, чтобы иметь возможность беспрерывно наступать». Мы здесь подходим к тем условиям, посредством которых союзники хотели обеспечить себе возможность перехода к маневренной войне. Для этого перехода раньше всего требовалось найти средства быстрого перемещения артиллерии. Решением является не моторизация вообще, не механическое средство тяги вообще, а вездеходный пушечный танк, гусеничная, механизированная и притом бронированная артиллерия и гусеничные, механические повозки-катерпиллеры для подвоза снарядов.

Характерно утверждение Петэна, что для дивизионной артиллерии «конская тяга отвечает всем нуждам». Вопрос касается лишь добавочной артиллерии мощностью свыше 150 мм. Эта добавочная артиллерия не может быть изъята из дивизий 2-й линии, которые имеют самостоятельные задачи; эта добавочная самоходная артиллерия должна быть изготовлена сверх штатного числа обычной артиллерии. Самоходная артиллерия будет иметь целью сопровождать войска, после того как они произведут прорыв. Для подготовки атаки можно использовать артиллерию менее подвижную.

Изготовление пушечных танков и катерпиллеров также должно быть ограничено лишь фронтом решительного удара.

Расчет средств таков:

1. Для поддержки 15 дивизий 1-й линии на фронте решительной атаки нужно придать к штатному артиллерийскому полку конной тяги еще 1 полк 75-мм пушечных танков, исходя из норм: 1 артиллерийский дивизион на 1 км фронта, $15 \times 36 = 540$ пушечных танков, плюс 20% запас, итого 650 пушечных танков.

2. 155-мм гаубичная короткоствольная артиллерия не нуждается в реорганизации при условии, если она будет целиком обеспечена конной тягой.

3. 155-мм длинная пушка недостаточно подвижна. Принимая во внимание наличие большого числа 105-мм пушек, достаточно иметь 1 дивизион (8 орудий) 155-мм длинных пушек на 2 км фронта или 1 дивизион на дивизию 1-й линии.

Всего нужно подготовить 8×15=120 тяжелых пушечных танков. Вместе с запасом—150 пушечных танков. Среди этих танков 4 дивизиона должны быть вооружены 194—291-мм пушками.

4. Тяжелые мортиры. Нужно иметь 1 батарею 220-мм на 1 км фронта, 1 орудие 280-мм на 1 км фронта, 75 мортирных танков калибра 220—280 мм. Всего на фронте главной атаки 875 пушечных танков.

«Снабжение всей массы подвижной артиллерии должно быть возложено на катерпиллеры». Так как ежедневно придется подавать до 2 000 т артиллерийского снабжения (25% пормы), то нужно построить вместе с запасом 500 катерпиллеров. Если подсчитать количество всей артиллерии, конной и механизированной, которая должна была сопровождать маневр пехоты в главной решительной атаке, то получим:

38 дивизий × 36 75-*мм* и 105-*мм* пушек	1 368 орудий
38 „ × 36 155-*мм* гаубиц	1 368 „
Пушечных танков	875 „
Итого	3 611 орудий

Считая фронт в 30—35 км, получим оперативную плотность около 100—120 орудий всех калибров на 1 км фронта. Конечно, с выходом в открытое поле фронт наступления станет значительно шире и плотность уменьшится.

Тяжелая тракторная артиллерия не может быть использована при развитии решительного сражения. Нельзя использовать и имеющиеся 500 катерпиллеров (гусеничных тракторов), обслуживающих тяжелую тракторную артиллерию. Эти средства должны быть использованы на фронте предварительного наступления, т. е. в сражении на стабилизованном фронте.

5. Подготовка сражения

Петэн настаивает, что, в первую очередь, должно быть сделано все для осуществления внезапности. Помимо маскировки и полного молчания исполнителей, необходимо оборудование всех фронтов даже там, где атака и не предполагается.

Петэн пишет: «Проблема оборудования фронта ставит сейчас перед нами вопрос совершенно иначе, нежели это было в 1918 г.

Стремление к внезапности вынуждает: а) сократить до минимума видимость подготовки, б) для всего того, что не может быть укрыто (железные дороги, аэродромы и пр.), подготовку вести на таких широких пространствах, чтобы противник не мог разгадать действительный фронт» (по существу это значит — весь фронт).

Фронт должен быть оборудован задолго до начала наступления. «Краткость подготовки самой атаки должна стать правилом».

В 1918 г. французы уже отказались от многодневных артиллерийских стрельб.

«Пехота, танки и главная масса артиллерии атаки должны быть сосредоточены в кратчайший срок».

Французы отказываются и от подготовки таких мощных плацдармов, какие имели место в предыдущих атаках. Работа в передовых линиях значительно сокращается. Возрастают до больших размеров маскировка и работы по устройству тыла.

«Отныне оборудование фронта атаки должно включать в себя прежде всего развитие путей сообщения между тылом и передовой линией».

Затем необходимо переобучение войск на маневренный лад, особенно тех частей, которые будут назначены в направлении решающего удара. Эти части должны быть обучены форсированию водных преград и действиям в тесных лесных и горных массивах; в них должна быть также развита способность к маршам. Опыт операций 1917—1918 гг., когда выяснилось, что союзные войска уже неспособны к маневренным действиям, здесь целиком принят во внимание. Неподвижный позиционный фронт в течение 4 лет создал нового бойца и командира, которые сумели забыть все методы и приемы маневренной войны. Армию надлежало вновь переобучить.

6. Устройство тыла

Необходимо оборудовать две зоны: а) зону сближения, простирающуюся на 3—4 этапа в глубину позади передового этапа, и б) исходную зону, простирающуюся от главного этапа до передних линий фронта.

Зона сближения. Необходимо оборудование простых дорог и тропинок, обеспечивающих одновременный подход к исходной линии всех дивизий 1-й линии.

Затем необходимы специальные дороги для переброски артиллерии тракторной тяги, танков на грузовиках, автомобильного подвоза и пр. В зоне сближения строятся различные склады материальной части и продовольствия, войсковые городки, госпитали, аэродромы и пр., и все это тщательно маскируется.

Исходная зона. Продолжается вперед вся система дорог, которые дополняются рядом походных путей для автомобилей и танков. Железные дороги нормальной и узкой колеи подводятся к передним линиям с оборудованием системы путей и платформ.

Для войск устраиваются укрытия; устраивается также достаточное количество передовых складов для огнеприпасов и пр.

Петэн приводит такие расчеты материалов и людей для работ на фронте 60 км:

«На фронте количество рабочих для постройки дорог и обслуживания — 4 000, для связи — 7 000, для снабжения — 19 000, для складов — 37 000, для санитарии — 4 000, для биваков — 17 000, всего — 88 000 чел.

В тылу для складов—6 000, для узкоколеек —10 000, для госпиталей—500, для дорог—7 000, для воды—800, всего—24 300 чел.

Для железнодорожной нормальной колеи—280 км—7 700 чел. Всего—120 000 чел.

Материалы: бревен — 3 650 000 шт., сетей — 1 000 000 м, толстых досок—330 000 шт., рам—300 000 шт., досок—около 2 000 000 шт., бараков—5 300, конюшен—6 650, баласта — 80 000 т, кабеля—9 000 км».

Если учесть всю сумму работ по плану Петэна, то эти цифры нужно увеличить в 5—6 раз.

Такой масштаб работ далеко превосходит наши привычные представления об этом предмете. Но вместе с тем этот неосуществленный план как бы завершает процесс мировой войны, ярко вскрывая тенденции дальнейшего развития военного дела.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЭВОЛЮЦИЯ ФРОНТАЛЬНОГО УДАРА НА ВОСТОЧНОМ ТЕАТРЕ ВОЙНЫ

Глава XIX

ОСОБЕННОСТИ ПОЗИЦИОННОЙ ВОЙНЫ И ФРОНТАЛЬНОГО УДАРА НА ЗАПАДНОМ И ВОСТОЧНОМ ТЕАТРАХ ВОЙНЫ

Следует надлежащим образом усвоить, что позиционная война на западном и восточном театрах—это были два отличавшихся друг от друга типа позиционной войны. На западном фронте позиционная война возникла независимо от воли противников. Наоборот, главное командование обеих сторон, особенно Антанты, систематически стремилось разорвать позиционные оковы фронта. Один, два раза в году ценой колоссальных усилий и жертв они пытались прорывать фронт, но безуспешно. Ни материальные, истощающие, многомесячные сражения у Вердена и на Сомме, ни могучие удары под Арасом и на Эне не могли преодолеть позиционного чудовища. Только в 1918 г., когда Антанте удалось добиться достаточного количественного и качественного превосходства в силах над Германией и когда моральные, физические и материальные силы Германии настолько истощились, что она уже больше не могла противостоять врагу, позиционная война перешла в маневренную. При той обстановке, какая сложилась на западном театре, при известном равенстве сил, при тех миллионных армиях и технических средствах, которые были двинуты на театр войны, при недостатке пространства для маневрирования этих миллионных армий, при упорстве про-

тивников и мощности военных сообщений—позиционная война в период 1915—1917 гг. явилась неизбежным результатом.

Совершенно иной характер носила позиционная война на восточном театре. Хотя здесь также участвовали огромные силы и средства; хотя крайние фланги также упирались в моря; хотя полевые фортификационные сооружения на сплошных фронтах также имели большое развитие; хотя маневрирование по внутренним линиям также достигло больших размеров,—тем не менее в целом здесь была совершенно другая обстановка. На восточном театре была своеобразная позиционно-маневренная война. Это была какая-то недоразвитая позиционная война, которая все время подтягивалась к образцам западного театра, но все же значительно отставала от последнего, создавая свой особый характер и свою динамику.

Главнейшая причина этого своеобразия заключалась в том, что по всем основным элементам, определившим характер войны на восточном театре, сложилась другая обстановка.

Экономика большинства враждующих стран восточного театра была слабее экономики противников, боровшихся на западном театре. Россия, Австро-Венгрия, Турция и Румыния являлись отсталыми монархиями с большим количеством феодальных пережитков. Господствующие классы в этих странах имели меньше возможностей для сглаживания классовых и национальных противоречий, резко обострившихся во время войны. Внимание могущественной Германии было приковано к западному театру.

Хотя масштаб войны вызвал и здесь необходимость развертывания многомиллионных армий, но эти армии не имели достаточного технического оснащения. Внутренние экономические возможности этих стран даже при перенапряжении не могли обеспечить всех потребностей войны. Поэтому почти все страны восточного театра все время находились в большой зависимости от своих союзников (на одной стороне—от Германии, на другой — от Франции и Англии), которые осуществляли во всех отношениях гегемонию в коалициях.

Армии в боевом отношении были гораздо слабее армий западного театра. Театры войны, при гораздо больших, чем на западе, пространствах, в культурном отношении были гораздо меньше развиты, особенно в отношении сообщений (железнодорожных, автомобильных и др.). Общая плотность сил, дей-

ствовавших на восточном театре, была в 3—4 раза меньше, чем на западном.

Все эти обстоятельства привели к тому, что восточный фронт носил позиционный характер лишь условно, до тех пор, пока противники молчаливо соглашались считать его позиционным. В 1914 г. фронт вообще не мог установиться. В 1915 г. армии выполняли стокилометровые переходы. Остановка осенью 1915 г. явилась следствием естественного истощения германского наступления, с одной стороны, и большого наступления англо-французов в Шампани — Артуа, с другой. Летом и осенью 1916 г. восточный фронт на своей южной половине вновь пришел в движение. Стабильность на германском участке была результатом того, что перед мощно вооруженной германской армией русская армия чувствовала себя слабее. Но если русская армия не могла прорвать сильную оборону германского расположения, то это отнюдь не значит, что германцы не могли прорвать слабо оборудованного и плохо вооруженного русского фронта. Будучи связанными на западе, немцы просто к этому не стремились. В 1917 г. фронт снова пришел в движение. На русском театре были неизбежные длительные остановки между периодами операций, но война никогда не принимала таких форм, какие она имела на западном театре. Только на отдельных участках позиционная война принимала законченные формы.

Вот почему автор настоящего труда счел необходимым исследовать эволюцию форм фронтального удара на западном и восточном театрах отдельно, ибо по существу имели место не одна, а две эволюции. Мы найдем большое количество сходных черт, элементов и явлений. Но еще больше будет отличий и контрастов.

И на восточном фронте образовались сплошные и стабилизованные фронты. В течение долгого времени соотношение сил не давало ни одному из противников решающего преимущества. При таких условиях фронтальные операции стали неизбежными и на восточном фронте. Но и они имели ряд кардинальных отличий от фронтальной операции на западном фронте. Особенно резко эти отличия сказывались в фронтальных операциях на прорыв.

На западном театре прорыв в конце концов представлял собой некий идеал, к достижению которого безуспешно стре-

мились обе воевавшие стороны. Большинство сражений на прорыв неизбежно выливалось в длительные фронтальные сражения на истощение. Если смотреть на сражение оперативного масштаба только как на средство уничтожения живых сил противника, то каждое из этих сражений на западе достигало своей цели с той лишь разницей, что потрясающие потери в людях и материальных средствах несли обе стороны. Но в то же время обе стороны, сохраняя в нерасстроенном виде весь военно-производственный и военно-организационный аппараты, могли беспрерывно воссоздавать мощь своих армий на основе своевременного «расширенного воспроизводства». Тем самым результаты сражения уравнивались и не могли иметь непосредственных оперативных последствий. Но если смотреть на операцию не только как на средство уничтожения живой силы, но как на средство для захвата неприятельской территории и неприятельских жизненных центров, как на средство дезорганизации противника, то следует признать, что большинство операций на западном театре совершенно не удавалось. Неудача приносила наступающему горькое разочарование и большой ущерб как в отношении моральной устойчивости армии, так и в настроениях масс внутри страны. Неудачные результаты неизбежно приводили к сознанию, что колоссальные жертвы были принесены напрасно. Даже благоприятный для той или иной стороны подсчет потерь не мог искупить подавленного настроения вследствие неудачи. Обороняющийся же, неся зачастую не меньшие, а даже большие потери, поднимал свою боеспособность «громом победы» — сознанием, что неприятель отражен.

Операция под Верденом дала повод германской главной квартире говорить о победе. Действительно, французы здесь понесли огромные потери, не менее 300 000 человек.

В этой кровавой мельнице перемололись 71 французская дивизия против 43 германских. Французы потеряли свыше 1 500 орудий, истратили около 28 000 000 снарядов. Но тем не менее германская буржуазия не могла простить главному командованию, что эта бойня не дала необходимых результатов. Фалькенгайн с его штабом должен был уйти.

То же повторилось во Франции на Сомме. Жоффр после этого сражения, несмотря на свой ореол победителя на Марне и под Верденом, должен был оставить свой пост.

Отвлеченно рассуждая, можно представить себе такое положение, при котором сражением на людское и материальное истощение противника можно довести его до сознания бесполезности дальнейшей борьбы. Достаточно найти в расположении противника такую точку на фронте, ради которой он готов бороться до последнего человека, атаковать эту точку могущественными техническими средствами и повторными атаками превратить этот географический пункт в могилу для неприятельской армии. Так мыслил Фалькенгайн под Верденом. Он пытался здесь решить проблему уничтожения живых сил неприятеля не маневром, а могуществом современных средств разрушения. Он пытался, но из этого ничего не вышло. Для терпения народных масс, которые во время войны в общем поддавались на грандиозную систему обмана, был определенный предел. Объяснить народным массам и армии необходимость борьбы путем колоссальной мясорубки было невозможно. Озлобление в германской армии после Вердена не имело пределов. А во французской армии, когда Нивель в 1917 г. пытался на Эне повторить «Сомму» еще в больших размерах,—дело кончилось восстанием, которое хотя и было свирепо подавлено, но показало французским правящим кругам, что нельзя шутить с огнем. Нивель ушел, ушло правительство, и положение было кое-как восстановлено. Французский парламент декларировал, что отныне задача армии заключается в том, чтобы выждать, пока придут дополнительные силы американцев, а до тех пор будут воевать пушки.

Можно также допустить, что ударом подавляющих сил на широком фронте—150 км и более — можно вывести из строя такое количество дивизий противника, что последний не сумеет заткнуть прорыв без глубокого отхода. Но мировая война ни разу не показала опыта организации прорыва на таком широком фронте. Наиболее широкий фронт атаки 21 марта 1918 г. не превышал 80 км. Германцам удалось уничтожить 10 дивизий англичан, но прорыв через несколько дней удалось закрыть подвезенными резервами.

Основные причины неудач прорыва на западном театре могут быть представлены в следующем виде:

1. Мощная укрепленная система обороны создавала перед фронтом атаки ряд преград; каждой из них можно было овла-

деть только после длительной подготовки. Каждая операция требовала огромных сил и средств, которые нужно было накоплять.

2. Каждая операция требовала длительной в несколько месяцев подготовки. Такая подготовка не могла ускользнуть от внимания противника, и в большинстве случаев он имел возможность своевременно принять меры для парирования удара. Внезапность не достигалась.

3. Своеобразные условия окопной войны быстро приводили оперативные группировки к длительным тактическим кровопролитным состязаниям за отдельные местные предметы. Тщательно разработанные планы обороны на отдельных участках давали обороняющемуся преимущества борьбы в условиях знакомой обстановки, в то время как наступающий, проникший в расположение противника, делал прыжок в неизвестность.

4. Наступающий быстро приходил к истощению в связи с неизбежными потерями от уничтожающего огня обороны. Прорыв первой линии обычно всегда удавался, но перед второй и каждой из последующих линий наступающий неизбежно останавливался и должен был вновь приступать к длительной подготовке новой атаки. Но эта подготовка осуществлялась уже не в спокойной обстановке, а в условиях непрерывного сражения вследствие контратак противника.

5. В распоряжении наступающего еще не было таких подвижных средств, которые позволили бы ему после первого удара так глубоко и широко вклиниться в расположение противника, чтобы не дать ему возможности восстановить сплошной фронт.

6. В то же время мощные железнодорожные и автомобильные сообщения позволяли обороняющемуся быстро противопоставлять наступающему равные и даже большие силы. Сражение превращалось в некое железнодорожное и автомобильное состязание, быстро сводившее на-нет все превосходство наступающего в первый период сражения.

Превращение сражения на прорыв в сражение на истощение не ускользнуло от внимания военного руководства французской и германской армий, но каждое из них сделало из этого факта совершенно различные выводы.

Если Фалькенгайн под Верденом еще безуспешно пытался решить войну таким истощающим сражением, то его пре-

емник Людендорф отверг эту новую форму сражения и пытался в 1918 г. добиться победы открытой силой.

Во Франции же после операции на р. Эн 1917 г. уже редко употребляется термин «прорыв», он редко фигурирует в оперативных документах. А в 1918 г. французское главное командование и не стремится уже осуществить прорыв. Главное командование Антанты, даже после перехода их армий в решительное наступление, не столько фиксирует их территориальные достижения, сколько внимательно учитывает постепенное иссякание живых сил в Германии, получившее наиболее яркое выражение в истощении резервов.

«Сражение на истощение» являлось основной оперативной формой позиционной войны, стратегия которой была стратегией последовательного истощения противника.

Рассмотрим нижеследующую таблицу, сравнивающую отдельные операции мировой войны на западном и восточном театрах.

Наименование операций	Количество ударных корпусов	Ширина фронта атаки в км	Количество орудий	Арт. плотность на 1 км	Длительность арт. подготовки	Результаты операции
1915 г.						
Горлице-Тарнов (германцы)	4	35	626	18	4 часа	Катастрофический прорыв русского фронта
Артуа (французы)	5	12	400	40	3 дня	Неуспех
Вторая галицийская операция (русские)	4	48	498	8,9	3 час.	Неуспех
Шампань (французы)	8	30	2 271	75	3 дня	Неуспех
1916 г.						
Оз. Нарочь (русские)	10	18	1 083	36	5 час.	Неуспех
Верден (германцы)	3	12	1 960	163	10 „	Неуспех
Луцк (русские) .	4	20	670	34	29 „	Полный прорыв австрийского фронта

Наименование операций	Количество ударных корпусов	Ширина фронта атаки в км	Количество орудий	Артиллерийская плотность на 1 км	Длительность артиллерийской подготовки	Результаты операции
Сомма (англо-французы) . . . . 1917 г.	9	40	3 600	90	8 дней	Неуспех
Бржезаны (русские)	4	16	520	33	2 дня	Полный прорыв австрийского фронта, но неиспользованный
Р. Серет (австро-германцы)	2	7	520	73	7 час.	Полный прорыв русского фронта
Икскюль (германцы)	3	10	600	60	5 „	Полный прорыв русского фронта
Эн (французы) .	15	40	5 280	132	10 дней	Неуспех
Мальмезон (французы)	3	10	1 600	160	6 „	Мелкий тактический успех

Из этой таблицы можно сделать следующие выводы:

1. Если на западном театре войны даже исключительно огромные средства почти никогда не давали успеха, то на восточном театре с гораздо меньшими средствами почти всегда удавалось прорвать фронт неприятеля.

2. Прорыв на востоке быстро приводил к превращению позиционной войны в маневренную с большими пространственными колебаниями.

3. Прорыв на востоке почти никогда не перерастал в сражение на истощение. Обороняющийся не успевал своевременно подвезти по куцым железным дорогам достаточные силы, и ему удавалось остановиться лишь после большого отскока назад.

4. Прорыв на востоке почти всегда был средством к осуществлению другого оперативного маневра (обхода, охвата) и никогда — самоцелью, как это было на западе.

5. Неудачи русской армии объясняются недостатком артиллерии и малой боеспособностью солдат, вынужденных воевать за чуждые им цели.

6. Ширина фронта атаки на западном театре все время возрастала, достигнув в 1918 г. 70—80 км. На востоке ширина фронта с годами даже уменьшалась: в 1915 г.— 35—40 км, в 1916 г.— 18—20 км, в 1917 г.— 10—15 км. Сокращение фронта позволяло сосредоточить большие средства.

7. Артиллерия возрастала на обоих фронтах, но в несоизмеримых пропорциях: на западе к удару привлекались тысячи орудий, на востоке — сотни.

Начиная с 1916 г., укрепленная позиция на западном театре представляла собой полосу глубиной в 6—8 км, в 6—8 км позади первой полосы обычно устраивалась другая полоса такой же глубины. В совокупности две укрепленные полосы создавали укрепленную зону глубиной 20—25 км.

Прорыв не мог считаться осуществленным до тех пор, пока не была пройдена вся оборонительная зона. Но до 1918 г. это ни разу не удавалось. Чтобы пройти всю зону, нужно было не менее 3—4 раз менять все артиллерийские позиции. Взять тыловую укрепленную полосу с наскока было совершенно безнадежной попыткой. Но организация нового последовательного удара внутри укрепленной зоны противника требовала большого времени, и противник успевал подвести резервы и вновь организовать оборону. Сражение затягивалось.

На восточном театре войны укрепленные позиции сохраняли свой линейный характер до конца войны. Это наблюдалось и у русских и у немцев, хотя и по разным причинам. Глубина укрепленной полосы не превышала 1—2 км, а вместе со второй тыловой полосой вся глубина укрепленной зоны не превышала 6—8 км. Такой позицией всегда можно было овладеть с одного удара. В 1916 г. немцы, сбитые с р. Стырь, неизбежно должны были отскочить на р. Стоход; австрийцы, сбитые на Стрыпе, должны были отскочить за р. Коропец, а потом на Золотую Липу. Германцы прорывали русскую позицию неоднократно и с неизменным успехом.

Тем не менее и на восточном театре применялись формы фронтального удара, но опять-таки со своими особенностями.

Позиционная война на восточном театре установилась только в конце 1915 г. Вернее, это была не позиционная война в доподлинном смысле этого слова, а стабилизация сплошного фронта. До этого времени война на востоке носила безусловно маневренный характер. Причина столь поздней стабилизации фронта на востоке, помимо огромных пространств театра, заключалась в том, что процесс «приспособления» русской экономики к войне чрезмерно затянулся. В то время как мощная экономика крупных западноевропейских государств (Франция, Германия) в основном сумела преодолеть кризис приспособления еще в начале 1915 г., мобилизация промышленности в России началась только в конце 1915 г. Кризис приспособления русской экономики нашел свое наиболее яркое выражение в недостатке снарядов на фронте, который с исключительной силой обнаружился летом 1915 г. Острый кризис коснулся не только снарядов, но и всех предметов боевого снабжения: патронов, винтовок, орудий, пулеметов и пр. Чтобы выиграть время для мобилизации промышленности, Россия была вынуждена путем всеобщего отхода армий уступить противнику огромное пространство. Колоссальная территория России позволила без ущерба прибегнуть к такому маневру. Немцы последовательными ударами учили русское правительство пониманию роли экономики в войне.

Прорыв у Горлице—Тарнов в 1915 г. не является типичным для позиционной войны; это классический прорыв в условиях маневренной войны, и в этом заключаются его интерес и поучительность. С точки зрения всех показателей — ширины фронта прорыва, плотности пехоты, сосредоточения артиллерийских масс и пр.— этот прорыв не дает ничего особенного. Успех был куплен недорогой ценой.

Не является показательным и фронтальное сражение, разыгравшееся в декабре 1914 г.— январе 1915 г. на Бзуре и Равке. Фалькенгайн и Людендорф оценивают это сражение весьма низко, но все же и это двухмесячное сражение доказало, что без ударной группировки на восточном театре добиться прорыва невозможно.

Первой операцией позиционного типа является наступление юго-западного фронта в декабре 1915 г.—январе 1916 г. С этой операции мы начнем исследование форм оперативного маневра на восточном театре.

Глава XX

ВТОРАЯ ГАЛИЦИЙСКАЯ ОПЕРАЦИЯ (29 ДЕКАБРЯ 1915 г.—9 ЯНВАРЯ 1916 г.)

Первоначальная школа прорыва, попытки произвести прорыв без подготовки

1. Предварительные замечания

Причины поражения русской армии летом и осенью 1915 г. своевременно не были изучены в достаточной мере. Русский командный корпус, начиная со ставки, генерального штаба и кончая войсковым командованием, еще в конце 1915 г. не понял тех огромных сдвигов, которые произошли в характере операций и тактики. Оказавшись перед стабилизованным фронтом, русское командование не знало, что с ним делать. Сознание русского командования было приплюснуто недавними грандиозными неудачами. Наиболее умные представители русского генералитета понимали, что немедленный сепаратный мир является для царизма единственным исходом, чтобы отсрочить надвигающуюся революционную бурю, но пойти на этот шаг царизм не был в силах. Нужно было продолжать войну. Союзники категорически требовали продолжения активных операций.

Эта общая обстановка и отражается в наступательной операции русской армии в конце 1915 г.

Неуверенность, шатание оперативной мысли, неумение совладать с фронтовой стихией, недостаток технических средств, особенно артиллерии, и недочеты тактической подготовки войск ярко сказываются в этой короткой, но очень поучительной операции.

Но сплошной стабилизованный фронт требовал особых оперативных форм для использования сосредоточенных воору-

женных сил. Первой такой формой является прорыв, как естественная реакция, созданная стабилизованным фронтом.

Особые условия восточного театра, дававшие часто успех прорыву, привели к тому, что вся эволюция форм оперативного маневра здесь прошла, главным образом, под знаком развития прорыва.

2. Политические и стратегические предпосылки операции

Корни операции уходят вглубь основных политических проблем мировой войны. Царская Россия в мировой войне раздиралась противоречиями между собственными грабительскими интересами и той ролью, которую она фактически вынуждена была играть под давлением своих могущественных союзников, олицетворявших политическую и военную гегемонию коалиции.

В то время как интересы русской буржуазии и помещиков были направлены на Ближний восток, в Галицию, на Балканы, к Дарданеллам, русская стратегия вынуждена была нацеливать свои операционные направления на запад — на Вену, на Берлин. Мы редко найдем такие операции русской армии, стратегические и оперативные предпосылки которых полностью совпадали бы с политическими интересами царизма. Большинство операций русской армии было продиктовано политикой Франции и Англии.

Наступление юго-западного фронта в период с 29 декабря 1915 г. по 9 января 1916 г., известное под названием второй Галицийской операции, представляет собой в этом отношении некоторое исключение. Оно было задумано и проведено русским главным командованием почти самостоятельно. Тем не менее и здесь обнаруживается закулисное влияние политики союзников.

Дарданеллы были заветной мечтой русского империализма. Но на пути к захвату проливов стояли не только вооруженные силы пока победоносных «срединных» держав, но и союзная Англия, которая с неменьшим упорством, чем враждебная Германия, стремилась не допустить Россию к Дарданеллам.

В первый период войны был такой момент, когда казалось, что вместо войны с Турцией в качестве противника России

придется воевать вместе с Турцией в качестве ее союзника. Только то обстоятельство, что Англия в разделе Турции видела для себя больше выгоды (захват Месопотамии, Палестины, Аравии, полное обеспечение своих мировых торговых путей, идущих через Суэцкий канал и обеспечение своих империалистических интересов в Иране (Персии) и в Афганистане), склонило ее (Англию) к согласию спровоцировать Турцию на присоединение к Германии. После того как Германия, учуяв опасность двойственного положения Турции, поспешила послать свои корабли «Гебен» и «Бреслау» в Черное море, конфликт с Турцией был вызван почти насильственным путем.

В марте 1915 г. царская Россия добилась официального согласия своих союзников на передачу ей Дарданелл.

Но одновременно Англия устремилась к двум целям.

Во-первых, она попыталась овладеть проливами самостоятельно. Решение Англии овладеть самостоятельно проливами было принято, когда выяснилось, что Россия весной 1915 г. готовит, в свою очередь, десант на турецкое побережье.

Для этой цели Англия 19 февраля начала атаку Дарданелл с моря и 25 апреля высадила десант на Галиполийский полуостров. Операция стоила больших жертв и успеха не имела [1]. Некоторые исследователи, в частности Зайончковский, наивно полагают, что Дарданельская операция преследовала цель открыть союзникам ближайшую дорогу в Россию. По справедливому замечанию М. Н. Покровского, эта операция скорее имела целью закрыть России дорогу к Дарданеллам.

Во-вторых, чтобы найти какое-нибудь противодействие против жадного устремления России к Дарданеллам, нужно было вовлечь в войну еще какое-нибудь государство, чьи интересы также были связаны с турецким наследством и Дарданеллами. Такими государствами были Болгария и Румыния.

Антанта, особенно Англия, проявляла бешеные усилия, чтобы заставить эти государства примкнуть к Антанте. Правящие круги царской России, понимавшие эту интригу своих союзников, с первого дня войны заняли по отношению к Болгарии чисто провокационную позицию.

---

[1] По официальным английским статистическим данным, англичане в Дарданельской операции потеряли: 34 072 убитых, 78 520 раненых из состава сухопутной армии и около 30 000 из состава флота.

Не желала Россия и присоединения Румынии, которая претендовала на Буковину и Бессарабию.

Летом 1915 г., когда германские армии победоносным маршем вытесняли русские войска из Галиции, Польши, Литвы и Латвии, царское правительство стало очень уступчивым, обещая Болгарии за военное содействие возвращение Македонии, Фракии и ряд других компенсаций. Россия стала тогда очень уступчивой и в отношении Румынии. Но успехи германского оружия и дипломатии решили иначе, и 8 октября Болгария примкнула к Тройственному союзу. Под руководством Макензена соединенные силы германцев, австро-венгерцев и болгар (свыше 500 000 чел.) атаковали полуокруженную сербскую армию. Участь Сербии была решена. Остатки ее армии с величайшими лишениями и с огромными потерями в конце ноября пробились к Дураццо и Сен-Жан-де-Медуа, откуда были перевезены на о. Корфу для отдыха и реорганизации. На образовавшемся македонском (салоникском) фронте встали соединенные силы Франции, Англии и Италии.

При таких условиях перед царским правительством и главным командованием встал вопрос о «помощи» Сербии. Успехи «Серединного» союза в сербском походе наносили царскому престижу на Балканах непоправимый удар. Дарданеллы уходили все дальше в туманную даль.

Румыния стала колебаться. Международные акции царского правительства сильно упали. Нужно было спешить принять какие-нибудь меры.

Внутреннее положение страны также требовало достижения какого-нибудь успеха на фронте. Нужно было доказать общественному мнению страны, что период развала армии кончился, что армия вновь восстанавливает свои силы и способна к самостоятельным активным действиям. В политико-моральном отношении русская армия к концу 1915 г. представляла собой еще достаточно послушный инструмент, и главное командование могло рассчитывать, что его приказы не встретят противодействия со стороны вооруженных масс.

Царская ставка разрабатывала ряд вариантов «помощи» Сербии.

1. Вторжение в Болгарию через Румынию. Но в ту пору Румыния не только не высказывала желания пропустить рус-

скую армию через свою территорию, но, наоборот, ее симпатии склонялись на сторону Германии. Этот план отвергался Алексеевым еще и потому, что главная тяжесть операции легла бы на русскую армию, которая не имела для этого достаточно сил.

Без прямой помощи союзников рассчитывать на успех не приходилось.

2. Произволство десанта на болгарское побережье Черного моря. Этот план детально разрабатывался командующим Черноморским флотом адм. Эбергардтом. Но из его доклада выяснилось, что без ближайшей морской базы в Констанце в осеннее, ненастное время года при активно действующих неприятельских подводных лодках десантная операция может привести к катастрофе.

К этим соображениям прибавлялось еще опасение, что в случае враждебного выступления Румынии десант потеряет сухопутные пути отхода и может погибнуть.

3. Совместное наступление крупных русских сил (10 корпусов) через Карпаты и соединенных англо-французских, итальянских и сербских сил (10 корпусов) из Салоник в Венгрию на Будапешт.

Этот план приковал к себе внимание Алексеева. Он неоднократно предлагал Франции и Англии провести такую операцию, но последние систематически и резко отклоняли этот план. Они вовсе не хотели помогать завоевательным устремлениям царизма. Особенно категорически отвергала этот вариант Англия. Она вовсе не стремилась таскать из огня каштаны для царской России. Больших трудов стоило удержать Англию даже в Салониках, ибо она вообще хотела увести свои войска с Балкан.

Все попытки Алексеева добиться на конференции в Шантильи 6 декабря 1915 г. единства и одновременности действий всех союзных армий успеха не имели. Жоффр всегда был за такое «единство» действий, которое полностью соответствовало интересам французского империализма, и всегда был против «единства», отражавшего интересы союзников. Жоффр с раздражением настаивал на атаке русской армии с отвлекающей целью — ослабить нажим противника на Салоники.

Отсюда и родился последний план — произвести энергичное наступление на левом фланге юго-западного фронта

с целью оттянуть австро-германские силы с сербского фронта и привлечь на свою сторону Румынию.

Но как реальная помощь уже разгромленной Сербии эта операция, вследствие запоздания, потеряла всякое значение. По существу операция являлась не чем иным, как «пробой сил».

Для нанесения главного удара была предназначена 7-я армия, которая с неясными целями начала формироваться в районе Одессы еще в октябре 1915 г.

Вначале 7-я армия была прямо предназначена для десанта с целью захвата Константинополя. Затем, когда этот вариант отпал, 7-я армия должна была образовать основу ударной группы для похода на Будапешт. Кроме того, она должна была прикрыть левый фланг юго-западного фронта на случай враждебного выступления Румынии и т. д.

30 октября 1915 г. с западного фронта начались переброски частей, предназначенных для 7-й армии:

XVI корпус	— в район	Одесса	— Тирасполь
II корпус	— „ „	Одесса	— ст. Раздельная
V кавказский корпус	— „ „	Херсон	— Николаев
3-я Туркестанская стрелковая бригада	— „ „	Рени	

Одновременно в район ст. Жмеринка — Знаменка были перевезены 3½ гвардейские дивизии и из них образован особый гвардейский корпус.

Командующим армией был назначен ген. Щербачев, начальником штаба — ген. Головин, ген.-квартирмейстером — ген. Романовский.

Первые два — бывшие профессора военной академии — считались одними из самых способных представителей русского генерального штаба. Сосредоточенная армия была полностью укомплектована людьми и обильно снабжена материальной частью, за исключением тяжелой артиллерии.

Но варианты использования 7-й армии один за другим отпадали. Опасность со стороны Румынии миновала, и когда выяснилось, что время для оказания действительной помощи Сербии уже упущено и последняя была отдана в жертву врагу из-за многочисленных неразрешенных противоречий

стратегии и политики союзников, 7-я армия оказалась свободной.

Сосредоточение столь крупных сил против юго-западного фронта само собой предопределило, что удар будет нанесен на этом фронте.

Перевозка войск на север отняла бы слишком много времени.

В общем можно отметить, что, в то время как в сентябре—октябре было много оснований для активности русской стратегии на юго-западном фронте, в декабре обстановка изменилась радикально. По своим целям операция висела в воздухе.

Эта бесцельность многих операций русской армии проходит красной нитью через всю стратегическую деятельность русского главного командования.

Русская стратегия в мировой войне почти не знала оборонительных периодов. Русская армия или наступала или готовилась к наступлению. В результате она несла чудовищные потери, не имела времени для подготовки пополнений, не могла переобучивать свою армию, испытывала беспрерывный кризис в материальной части.

Активность русской стратегии объясняется многими причинами. Главнейшие из них заключались в подчиненной роли России в союзе с Англией и Францией, с одной стороны, и в углубляющемся внутреннем кризисе — с другой.

Благодаря своей безудержной активности русское главное командование разваливало армию собственными руками.

3. План операции

Директивой Алексеева (17/XI 1915 г., № 5712) главнокомандующему юго-западным фронтом ставится задача выбить противника из подготовленного им на зимний период района, нанеся решительное поражение его живой силе. Решение вопроса, где нанести первоначальный удар противнику, предоставлялось главнокомандующему фронтом ген. Иванову.

Командование фронта при выборе операционного направления разработало два варианта:

1) Произвести прорыв неприятельского расположения на крайнем левом фланге фронта, между Днестром и Прутом, на участке Коломыя — Черновицы в направлении на Сегедин — Темешвар.

2) Произвести прорыв неприятельского расположения на участке Волочиск—Гусятин в направлении Красне—Львов, стремясь создать угрозу сообщениям противника на всем фронте. На левом фланге фронта в этом случае нанести лишь обеспечивающий (вспомогательный) удар.

Иванов остановился на последнем варианте и получил утверждение Алексеева.

По этому плану 7-я армия должна занять участок между 11-й и 9-й армиями в районе Бенява — Бучач. Ширина участка 7-й армии—48 км.

Для развития успеха должен быть сформирован сводный кавалерийский корпус в составе 4 дивизий.

Для осуществления прорыва устанавливались следующие календарные сроки.

К вечеру 14 декабря 7-я армия должна сосредоточиться на линии Волочиск — Гусятин.

К вечеру 15 декабря гвардейский корпус (резерв главнокомандующего фронтом) сосредоточивается в районе Черный остров, Волочиск.

С утра 16 декабря 9-я армия начинает атаку на фронте между Снятынь — Черновицы.

Одновременно 7-я армия начинает подход к боевым линиям и к вечеру 16 декабря выходит на фронт Микулинце — Чертков.

В ночь с 16 на 17 декабря 7-я армия занимает исходное (участок Бенява — Бучач) для атаки положение, сменив части XXII корпуса и 82-й дивизии 11-й армии и 23-й дивизии 9-й армии.

С утра 18 декабря 7-я армия переходит в наступление.

Характерной особенностью участка, избранного для нанесения главного удара, являлось то, что главные позиции обоих противников находились друг от друга на расстоянии около 10 км. Главные силы левофланговых частей 11-й армии стояли на р. Серете, австрийцы на р. Стрыпе. Перед позицией австрийцев были выдвинуты лишь авангарды XXII корпуса и конница. Но атаку было решено произвести без предварительного сближения.

Нужно, впрочем, отметить, что главнокомандующий фронтом с самого начала не верил в успех операции и стремился всячески от нее уклониться.

Алексееву стоило больших трудов заставить Иванова выполнить операцию. Но глухое противодействие Иванова не могло не сказаться самым отрицательным образом на подготовке и ходе операции. Пассивность, неверие в свои способности и силы, а отсюда неорганизованность, недостатки в устройстве тыла, отсутствие детально разработанного плана по обеспечению операции во всех отношениях наносили армиям поражение раньше, чем наступление начиналось. Но наряду с этой фактической пассивностью в подготовке операции, в планах и директивах—потоки громких фраз, выражающих фантастические неосуществимые замыслы командования фронтом.

План операции, представленный штабом юго-западного фронта 14 ноября 1915 г. в ставку, 24 ноября вылился в директиву, основные пункты которой гласят:

«Для выполнения цели, поставленной вверенному мне фронту, первоначальной задачей армиям фронта ставлю: разбить живую силу врага, сосредоточенного на фронте между Полесьем и рекой Прутом.

Достигнуть этого намечаю энергичным наступлением и боем по следующему плану операции.

Удерживая первоначально смелыми и настойчивыми наскоками силы противника на фронте 8-й армии и привлекши его внимание энергичной атакой 9-й армии в пространстве между Днестром и Прутом, главный удар нанести 7-й армией на фронте Бенява — Бучач в целях прорыва расположения противника на р. Стрыпа и, отбросив его энергичным преследованием за р. Нараювку, резервами 7-й армии совместно с 9-й армией быстро развить прорыв в северном и северо-западном направлениях, стремясь нанести врагу возможно большее поражение.

Развитие прорыва 7-й и 9-й армиями позволит и 8-й армии перейти в энергичное наступление, ведя таковое уступами справа и отбрасывая противника от сообщений его с Ковелем и Владимиром-Волынским, но не упуская из внимания связи с соседним фронтом и обеспечения своего правого фланга».

Задачи главным атакующим армиям были сформулированы следующим образом.

7-я армия: «Прорвать расположение противника на р. Стрыпе на участке Бенява — Бучач, энергичным преследованием не дать ему устроиться и задержаться на Золотой Липе».

9-я армия: «Разбить войска генерала Пфланцера, расположенные между Днестром и Прутом, стремясь отбросить противника на юг в горы, содействовать наступлению 7-й армии».

В этой директиве сразу бросается в глаза то обстоятельство, что она задается очень широкими планами по развитию операции и очень мало внимания уделяет основному первоначальному акту операции — прорыву.

В записке, предшествовавшей этой директиве, командование юго-западного фронта ставит себе целью уничтожить живые силы противника путем глубокого обхода его прорванного правого флапга с отбрасыванием его главной массы на север. Этим путем предполагалось выйти на сообщения противника и, в случае успеха, прижать часть его сил к Полесью и даже создать угрозу германским силам, расположенным севернее Полесья.

Для обеспечения операции со стороны Буковины признавалось необходимым овладеть южной частью Карпатского хребта, выдвинувшись на линию перевалов Корсмезо, Буркут, Кирлибаба, Дорна-Ватра, обеспечивая себе благоприятный плацдарм для дальнейшего вторжения в Трансильванию.

Успех операции в то же время должен был способствовать выступлению Румынии, которая вторжением в Трансильванию должна была облегчить фронту преодоление Карпат в целом.

Но каким же образом командование фронта хотело осуществить эти свои грандиозные намерения?

Главная надежда возлагалась на внезапность.

«Успех всей предстоящей операции, — пишет Иванов в своей докладной записке, — главным образом, зависит от сохранения в строгой тайне переброски и сосредоточения 7-й армии и гвардейского корпуса и выбранного района прорыва. Для достижения скрытности переброски принят ряд мер: демонстрация на Черном море, закрыта румынская граница, прекращено частное пассажирское и товарное движение поездов, прекращена передача частных телеграмм и пересылка почтовой корреспонденции.

В дальнейшем необходимо принять все меры, чтобы до последней возможности войска, находящиеся на позициях, не знали о предстоящем наступлении; необходимо внушить лицам, посвященным хотя бы отчасти в ныне подготовляемую

операцию, важность сохранения тайны. С той же целью наступление 7-й армии начнется тотчас по ее сосредоточении.

Авангарды и передовые части 23-й пехотной дивизии, XXII армейского корпуса и 82-й пехотной дивизии и кавалерии 11-й и 9-й армий должны оставаться на своих местах до тех пор, пока наступающие части 7-й армии не пройдут их расположения.

7-я армия, приняв во внимание особенность расположения главных сил 23-й пехотной дивизии, XXII армейского корпуса и 82-й пехотной дивизии, займет позицию этих сил за сутки до начала своего наступления, но непременно вечером».

В числе этих мер достижения внезапности мы видим ряд ценных приемов, но в целом все они не могут покрыть основного дефекта командования, которое забывало, что войскам придется прорывать укрепленную позицию противника.

Внезапности приписывается большая роль, чем она может сыграть. Это — не реальный, а абстрактный подход к внезапности, ибо 7-я армия не получила достаточных средств для достижения успеха прорыва и достаточного времени для подготовки целесообразного использования тех средств, которые были ей предоставлены. По свидетельству начальника разведывательного бюро штаба австрийского главнокомандования Макса Ронге (см. «Разведка и контрразведка», РУ, М. 1936 г., стр. 94), подготовка операции была раскрыта австрийцами путем дешифровки перехваченных радиограмм.

Внезапность не заменяет, а лишь усиливает и облегчает использование средств, необходимых для прорыва. Внезапность не может заменить всей системы необходимых мероприятий, связанных с подготовкой прорыва укрепленной полосы. Искусство заключается в том, чтобы добиться внезапности при наиболее полной предварительной подготовке операции.

Вся разница в германской и русской подготовке внезапности станет ясной, если вспомнить, что подготовка внезапности в операции Горлице — Тарнов потребовала больше месяца усиленных работ со стороны войск и штабов, а подготовка внезапности сербского похода продолжалась несколько месяцев. По поводу подготовки сербской операции Фалькенгайн пишет:

«Еще с весны немецкие офицеры генерального штаба произвели на местах точнейшие рекогносцировки и наметили

тогда же все нужные предварительные мероприятия. Были намечены позиции для каждой батареи, всякая возможность для наводки моста, места расположения войск в период сосредоточения, подвоз; были подготовлены материалы для постройки мостов и вообще для перехода реки, снаряды, продовольствие» и т. д. (Фалькенгайн, Верховное командование, стр. 154).

Только совокупность предварительных мероприятий позволяет в целях достижения внезапности подвести войска к боевой линии в последний момент перед атакой.

Без такой подготовки внезапность превращается в собственное отрицание; и действительно, 7-й армии пришлось драться вслепую.

Вся подготовка и ход операции свидетельствуют о том, что русское командование к этому времени еще ничему не научилось. Оно было весьма мало осведомлено о методах и способах прорыва укрепленных позиций и вообще не знало тех новых приемов борьбы, которые выявились в течение войны, особенно на западном театре.

Только на собственном тяжелом опыте и главным образом на информации многих лиц, командированных на западный театр, русская армия постепенно знакомилась с новыми условиями борьбы.

4. Тактическая подготовка 7-й армии

Перед началом операции 3 декабря 1915 г. ген. Щербачев преподал своим войскам: 1) «Указания по некоторым вопросам применения артиллерии в бою» и 2) «Указания по атаке укрепленных позиций».

В этих указаниях мы находим ряд правильных мыслей. Так, например, в указаниях говорится:

«Общая задача (прорыв на фронте данного протяжения) должна быть расчленена на ряд последовательных задач, и для решения каждой из последних должен быть сосредоточен максимум имеющихся сил и средств».

По мнению Щербачева, для успеха прорыва требуется:

«1) умение сосредоточить огонь возможно большего числа артиллерийских единиц на определенном участке расположения противника и

2) уменье установить полное взаимодействие между артиллерией и пехотой».

Среди других пунктов этих инструкций отметим еще следующие:

а) Требование централизации артиллерии в корпусе.

б) Указания на необходимость тщательной предварительной разведки расположения противника и точного распределения задач по уничтожению проволоки, фланкирующих построек и пулеметов противника. В указаниях прямо говорится, что «вести огонь на поражение, не подготовив всех данных, значит напрасно терять патроны».

в) «Батареи... должны иметь постоянную и надежную связь с начальниками пехотных частей, коим они получили указание содействовать в разрешении тех или иных задач». Для артиллерии необходимо организовать особую собственную линию связи.

«Наблюдатели-артиллеристы в передовых пехотных частях обязательны».

В инструкциях требовалось, наконец, сближение с окопами противника перед началом атаки на самые короткие дистанции и т. д.

Тем не менее эти указания не сыграли никакой положительной роли в ходе самой операции.

Во-первых, абстрактный характер превращает эти указания в ряд добрых, но невыполнимых положений.

Разведка признана необходимой, но ее не производили в интересах внезапности. Нужно много тяжелой артиллерии; но ее вообще в русской армии было очень мало.

Так, в указаниях имеется пункт, что «организация непрерывного питания тяжелой артиллерии должна быть предметом особого внимания руководящих ее действиями». На деле с самого начала остро чувствовался недостаток огнеприпасов. В таблице на стр. 286 приведены данные о расходе снарядов по дням операции [1].

Это — мизерные цифры. С таким количеством огнеприпасов нельзя было начинать операцию.

В указаниях нет и намека на расчетное нормирование. Сколько же нужно артиллерии и огнеприпасов для успешного

---

[1] Дело военно-исторического архива № 442.

	6-дюйм.		48-лин.		42-лин.		3-дюйм.	
	бомбы	шрапнели	бомбы	шрапнели	гранаты	шрапнели	гранаты	шрапнели
29 декабря . .	313	—	325	—	125	—	56	—
30 „ . .	500	50	440	160	120	80	2 600	900
31 „ . .	556	156	697	184	198	179	1 356	2 068
1 января . .		Расхода почти нет						
2 „ . .				То же				
3 „ . .	687	241	1 352	245	199	151	1 281	7 462
4 „ . .		Расхода почти нет						
5 „ . .				То же				
6 „ . .	35	15	41	76	37	—	21	246
7 „ . .	672	353	1 524	505	262	361	—	8 100
Итого . .	2 763	815	4 379	1 170	941	771	5 314	18 776

выполнения армией своей оперативной задачи?.. Отсутствие норм усугубляет нежизненный характер этих указаний.

Во-вторых, войска не имели времени ни изучить, ни усвоить указаний армейского командования. Но даже если бы войска и получили это время, они не могли бы его целесообразно использовать, ибо в указаниях нет ни слова о новых тактических приемах пехоты, нет даже ни слова о новых построениях боевых порядков пехоты. В итоге войска строились по-старинке — густые цепи и поддержки. Оценивая построение II армейского корпуса, Н. Капустин указывает, что первоначально принятые формы построения пехоты во II корпусе во время атак как 26-й дивизии, так и 43-й дивизии совершенно не соответствовали идее прорыва. Для достижения успеха надо было обеспечить самой формой построения атакующих частей продолжительность усилий и автоматическое подпирание атаки, а отнюдь не процесса питания.

В конце 1915 г. русская армия еще не восприняла сущности «волнообразного» построения пехоты. Словом, и в тактическом отношении войска не были подготовлены для успешного осуществления прорыва.

Мировая война с первого же дня поставила остро проблему боевых порядков пехоты. Было ясно, что старые порядки не отвечают новым условиям. Волнообразное построение пехоты

было найдено в боях 1915 г. на западном театре. Это был такой боевой порядок, который отвечал требованиям единовременного удара крупных пехотных сил. По сравнению с «цепями и поддержками», которые неизбежно влекли за собой запаздывание резервов, волнообразное построение являлось уже шагом вперед, хотя и имело свои крупные недостатки (крупные потери, затрудненное управление вследствие перемешивания частей и пр.).

В отношении взаимодействия пехоты с артиллерией волнообразный боевой порядок давал возможность обеспечить лишь механическое, а не органическое взаимодействие. Формула «артиллерия стреляет, а пехота наступает» была в 1915 г. господствующей. Эта механическая формула взаимодействия была изменена в 1916 г. в том смысле, что «артиллерия разрушает, а пехота занимает», т. е. принцип механического взаимодействия еще оставался.

Но русская армия в декабре 1915 г. в отношении овладения новыми оперативными и тактическими формами не сумела подняться хотя бы на одну ступень выше первоначального своего положения, выраженного в Полевом уставе 1912 г. Но и на базе довоенной тактической доктрины русская армия в конце 1915 г. была совершенно недостаточно обучена. Ее отличные кадры мирного времени в течение года войны были потеряны. Новые укомплектования проходили всего лишь месяц-полтора боевой подготовки в запасных частях и были явно не обучены.

5. Занятие исходного положения

Перевозки 7-й армии начались 2 декабря. Они производились следующим образом.

II и XVI корпуса перевозились по направлению Одесса — Жмеринка — Проскуров, 40 поездов в сутки.

3-я Туркестанская стрелковая бригада перевозилась от ст. Слободка по Новоселицкой линии до ст. Ларга.

V Кавказский корпус перевозился кружным путем по направлению Николаев — Бобринская — Фастов — Казатин — Шепетовка — Проскуров, 16 поездов в сутки.

Две гвардейские дивизии, расположенные в районе Жмеринка, должны были следовать в район Волочиск походным порядком. Остальные части гвардии и корпусные учреждения

из района Знаменки перевозились вслед за V Кавказским корпусом до ст. Черный остров.

16 декабря 7-я армия (за исключением гвардейского корпуса) сосредоточилась на фронте Волочиск — Гусятин и походным порядком стала выдвигаться для занятия исходного положения в боевой линии.

18 декабря ген. Щербачев отдал по 7-й армии основной приказ о наступлении. Корпусам были поставлены следующие задачи:

1) II армейскому корпусу (с 11-м и 13-м отд. дивизионами и 2 дивизионами 5-й Туркестанской бригады)—атаковать и прорвать расположение противника на фронте Вишнювчик (на Стрыпе) вкл., Белавенец искл., имея в виду в дальнейшем энергичное продвижение в общем направлении на Голгоче.

2) XVI армейскому корпусу со 2-й отд. Донской казачьей бригадой—атаковать противника на фронте Бенява вкл., Вишнювчик искл., направляя главный удар на своем левом фланге с целью овладения высотами правого берега Стрыпы у Гайворонка, Вишнювчик, содействовать II корпусу в его прорыве.

3) V Кавказскому корпусу с 82-й пех. дивизией и сводной казачьей бригадой: а) атаковать противника на фронте Белавенец вкл., Бучач, развивая свои главные усилия у Белавенец и Петликовце — Старе, имея в виду овладение высотами правого берега Стрыпы у названных пунктов и содействие II корпусу в его прорыве; б) прочно обеспечивать маневр 7-й армии на фронте Бучач, Язловец; в) 3-я Туркестанская отдельная бригада составляет резерв армии и распоряжением командира V Кавказского корпуса располагается за правым флангом корпуса.

4) Кавалерийскому корпусу ген. Драгомирова (9-я, 12-я сводная кавалерийская и Кавказская кавалерийская дивизии)— по особому приказанию сосредоточиться, имея Кавказскую кавалерийскую дивизию в дд. Будзанов и Звиняч, остальные — в районе Бяла и Чортков.

5) Ко времени начала операции по особому моему приказанию II, XVI и V Кавказскому корпусам подтянуться на линию расположения главных сил XXII корпуса и 82-й пехотной дивизии на р. Серет.

Передвижение это должно быть исполнено скрытно (с темнотой) и с расчетом, чтобы последний переход за-

кончить сменою главных сил XXII корпуса не позднее 2 часов ночи.

На Серете части армии останутся весь следующий день, в течение которого закончить разведки и организацию подготовительных мер по выдвижению авангардов и артиллерии.

Авангарды XXII корпуса и ныне стоящая на фронте конница остаются на своих местах до прохождения их частями 7-й армии при дальнейшем наступлении (приказ № 186).

Однако, когда 19 декабря части 7-й армии подошли к р. Серет и приступили к занятию предназначенного для армии участка фронта, выявился ряд обстоятельств, который заставил внести в группировку сил существенные изменения.

Во-первых, обнаружилось, что 7-я армия, вследствие полного незнакомства с местностью и расположением противника, встретит в ходе атаки большие затруднения. По настоянию Алексеева, который в ряде телеграмм давал штабу юго-западного фронта элементарные уроки по задачам и приемам разведки, было решено дать 7-й армии время для сбора сведений о противнике. Атака вначале была отложена на 23 декабря, а потом перенесена и фактически состоялась 29 декабря. Уже одно это обстоятельство опрокидывало весь хитроумный план по достижению внезапности. И действительно, австрийцы были своевременно осведомлены о готовящемся ударе.

Во-вторых, выявилось, что без наличия крупных пехотных резервов развить даже успешный прорыв не удастся. Поэтому Иванов решил передать XXII корпус в 7-ю армию, оставив его в первой линии. Тем самым 7-й армии была предоставлена возможность поставить один корпус во вторую линию.

В соответствии с новым приказом командования фронта Щербачев издал приказ (№ 204 от 23 декабря 1915 г.), который ставил корпусам такие задачи:

II корпусу с 3-й Туркестанской стрелковой бригадой «решительно атаковать и прорвать расположение противника на фронте Маюва-Гора, 1 вер. с.-в. Вишнювчика вкл. и до Белавенец, имея в виду развить успех на Голгоче».

II корпус 25 декабря должен достичь р. Серет, где сменяет левофланговые части XXII армейского корпуса и 82-й дивизии.

XXII корпусу — «наступать на фронте Бенява вкл., Макова-Гора искл., с целью сковать противника на этом фронте и отвлечь его внимание от II корпуса».

V Кавказскому корпусу с 82-й дивизией и Сводной казачьей бригадой — «наступать на фронте Белавенец вкл.—Бучач вкл., развивая свои главные усилия у Белавенец и Петликовце—Старе с целью овладеть высотами западного берега р. Стрыпа у названных пунктов и тем содействовать прорыву II корпуса».

XVI корпусу с 2-й отдельной Донской казачьей бригадой — «сосредоточиться в районе Грижиманов—Ивановка—Товсте в арм. резерве».

Конному корпусу (Кавказская кавалерийская, 12-я, 9-я кавалерийская и Сводная казачья дивизии) — «сосредоточиться в районе Чортков, Бяла, Вышанка».

Но на этом дело не закончилось. В штаб юго-западного фронта беспрерывно поступали сведения, что австро-германцы сосредоточивают в Галиции и Трансильвании крупные силы. Имелись фантастические донесения агентуры, что армия Линзингена сосредоточивается в Галиче, а армия Макензена — в Коломыи и Трансильвании. Эти сведения вызывают беспокойство Иванова, и он 24 декабря отдает приказ о выводе 82-й пехотной дивизии во фронтовой резерв.

Такова официальная сторона дела. Фактически оно обстояло несколько иначе. Командование 7-й армией (Щербачев и его штаб) вело против Иванова глухую борьбу. Щербачев через голову Иванова беспрерывно жаловался в ставку, что командование юго-западного фронта срывает операцию.

Чтобы как-нибудь ущемить Щербачева, Иванов и решил в последний момент изъять 82-ю дивизию [1].

---

[1] Что это было именно так, показывает приводимый ниже разговор по прямому проводу начальника штаба 7-й армии Головина и генерал-квартирмейстера юго-западного фронта Дидерихса 26 декабря 1916 г., ярко вскрывающий нравы русского генералитета во время мировой войны:

Головин. Командующий армией приказал мне переговорить с тобой относительно увода 82-й дивизии. Этим ослабляется наш удар, так как тогда на V Кавказский корпус придется возложить пассивные задачи. Ввиду того, что главный удар возложен на нас, всякое ослабление идет во вред операции и ведет к меньшей ее обеспеченности. Уход же 82-й дивизии несколько нарушает наши расчеты. Что ты скажешь на это?..

Дидерихс. Много не могу говорить. Главнокомандующий хочет иметь в своем распоряжении часть сил для двух целей: чтобы предотвратить более надежно возможность прорыва, во-вторых, чтобы иметь средства продолжить это питание прорыва, когда ваши войска уже приостановятся. Резервы 9-й армии слишком далеки.

Изъятие этой дивизии вызывает дополнительный приказ Щербачева следующего содержания:

«Согласно приказанию главнокомандующего, 82-я дивизия в ближайшие дни будет сосредоточена в районе Езерна — Ушаковце в распоряжение главнокомандующего; о времени выступления будет сообщено дополнительно.

Ввиду ослабления V Кавказского корпуса и необходимости прочного обеспечения операции слева, во изменение пункта 4 приказа моего № 0204, приказываю:

V Кавказскому корпусу прочно обеспечивать на восточном берегу Стрыпа маневр армии против попыток неприятеля со стороны Днестра, наступлением своего правого фланга, отвлекая внимание и силы противника, дабы обеспечить II корпусу атаку главной неприятельской позиции» (25 декабря 1915 г. № 0263).

Таким образом, после всех изменений в группировке сил из 4 сосредоточенных корпусов главный удар должен был наносить лишь один II корпус. Но если учесть, что по приказу ген. Флуга (командира II корпуса) главный удар на участке корпуса должна была наносить 26-я дивизия, то получается, что юго-западный фронт хотел разгромить всю австрийскую армию ударом одной пехотной дивизии. Гвардейский корпус остался в районе Волочиска, где должен был состояться смотр его царем. Этой причины было достаточно, чтобы

Дивизия от вас не исключается, но послужит как более глубокий резерв. Больше ничего.

Головин. У нас 82-я дивизия была намечена на пассивный участок, сообразуясь с ее свойствами, а мы питали свой прорыв лучшими войсками, оттяжкой же 82-й дивизии наши расчеты нарушаются.

Дидерихс. На последнее не могу ничего ответить, так как главнокомандующий не изменит своего решения, которое поддерживается и продиктовано ставкой.

Скажу одно, что *как вы боретесь с нами, так нам придется тоже бороться* (курсив наш—*А. В.*).

Головин. Последнего я не понимаю. С нашей стороны никакой борьбы нет, а только желание сделать лучшее для нашего общего дела (дело В. И. А. № 383—503).

Вторым свидетельством возмутительного отношения Иванова к операции может служить заявление того же Дидерихса, который в разговоре по прямому проводу с Алексеевым 6 января 1916 г. доносил: «Мы имели возможность сосредоточить в 7-й армии более значительную тяжелую артиллерию за счет 11-й, но по причинам личным этого не сделали».

3½ лучших пехотных дивизии были изъяты из участия в операции. Так несоответствие между замыслом и исполнением приводит к тому, что стратегическая гора родит оперативную мышь.

И помимо этого, 7-я армия сразу попала в очень тяжелое положение. Особенно неблагоприятно сказывалось тяжелое состояние тыла, который совершенно не был подготовлен. 7-я армия базировалась на станцию Волочиск, удаленную от боевой линии армии на 80 км. На эту же станцию базировалась и соседняя 11-я армия. Хотя от Ярмолинцев до Гусятина и имелась вновь построенная узкоколейка с конной тягой, но ее провозоспособность была невелика: 5 000—10 000 пудов (82—164 т). Не было и надежных грунтовых путей. Построенное во время войны шоссе Ярмолинцы — Гусятин, проходившее по сильно пересеченной местности, вследствие отсутствия ремонта было разбито и стало непроезжим.

Наступила оттепель, дороги и окопы покрылись глубокой непроходимой вязкой грязью. В этой грязи застревали не только повозки и орудия, но даже солдатские сапоги. Подвоз был нарушен, и вся армия была обречена на недоедание.

В исходное положение 7-я армия стала в следующем порядке (схема 10):

Как видим, здесь очень простое построение. На фронте около 50 км в первой линии стоят 15 пехотных полков со средней плотностью 3½ км на 1 полк; в направлении главного удара плотность возрастает до 1 полка на 1 км. Во второй линии стоят 7 полков. В третьей линии — XVI корпус (армейский резерв) и 3-я Туркестанская стрелковая бригада (резерв II корпуса). Кроме того, в районе Чорткова—Бяла—кавалерийский корпус, западнее Чорткова — 82-я пехотная дивизия (резерв фронта).

Артиллерия:

В пехотных дивизиях	3″	(76-*мм*)	288 орудий
„ 3-й Туркестанской бригаде . . .	3″	(76-*мм*)	24 орудия
„ конноце	3″	(76-*мм*)	32 „
„ корпусах	48″	(122-*мм*)	48 орудий
Армии придано	42″	(107-*мм*)	12 „
„ „	6″	(152-*мм*)	24 орудия
Всего . . .			428 орудий

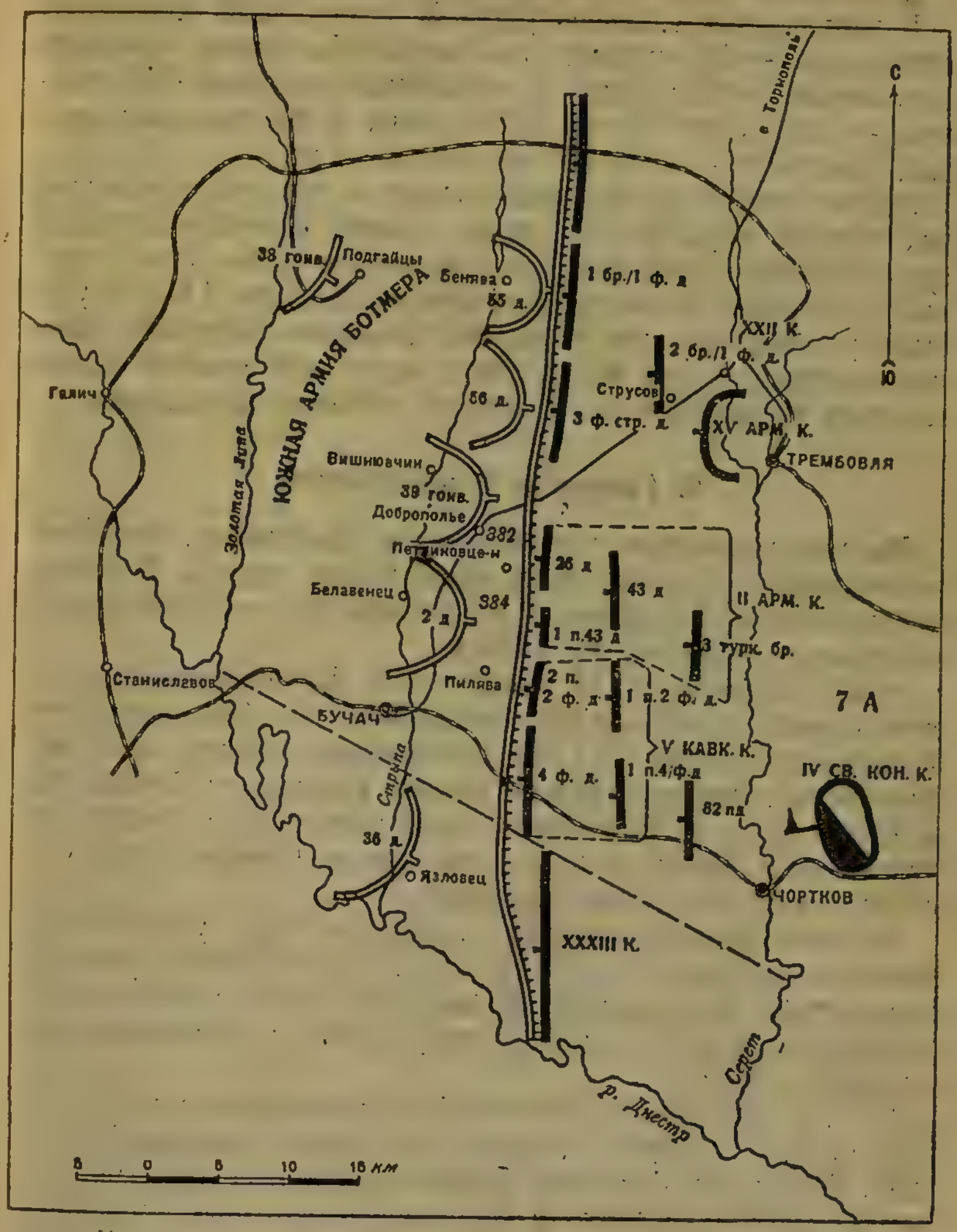

Схема 10. Операция 7-й армии юго-западного фронта 29 декабря — 7 января 1916 г.

Средняя плотность — 8—9 орудий на 1 км.

В направлении главного удара II корпус имел корпусную артиллерию — 84 орудия, всю приданную армии тяжелую артиллерию — 36 орудий и гаубичный дивизион XVI корпуса — 12 орудий. Итого — 72 легких и 60 тяжелых орудий. Плотность — около 25 орудий на 1 км.

Все эти цифры убедительно говорят о том, что среди прочих причин неудачи 7-й армии общий недостаток сил и средств должен быть поставлен на первое место. Это — первый и основной вывод из операции. Для конца 1915 г. уже было установлено, что операция подобного масштаба даже на восточном театре могла иметь успех при условии значительного увеличения сил и средств, особенно артиллерии.

6. Сведения о противнике

Мы уже указывали, что сведения о противнике, которыми располагала 7-я армия, были чрезвычайно скудны. В ориентировке штаба 7-й армии от 15 декабря 1915 г., разосланной командирам корпусов, мы читаем:

«Силы противника (к ноябрю — А. В.) определялись на всем фронте от 445 до 510 батальонов и до 186 эскадронов. Распределение этих сил по занимаемому фронту было неравномерно: наиболее сильно заняты участки от Ваража (на р. Стыри близ ст. Чарторийск) до Млынова (на р. Икве) и от верховьев р. Иквы до Семиковце (на р. Стрыпе); наиболее слабо — участок Дубно—Поповцы.

На всем фронте противник занимал сильно укрепленные позиции, имеющие 2—3 ряда окопов с широкими полосами проволочных заграждений. Позиции все время совершенствовались противником в смысле их усиления и приспособления на зимнее время.

В тылу занимаемых позиций была подготовлена противником вторая сплошная позиция по линии Владимир-Волынский, Сокаль, рр. Буг, Буск, Дунаев, р. Золотая Липа, усиленная на участке от устья р. Рабы еще одной почти сплошной позицией через Каменку, Глиняны, Перемышляны, р. Гнилая Липа, Галич. Имелись сведения, что укрепляется линия Рава Русская, р. Вереница и линия р. Сана, возобновляются укрепления у Миколаева, Галича и Стрыя; в Перемышле работы

ведутся интенсивно. Кроме того, для обеспечения тыла севернее Полесья интенсивно укрепляется Ковель, Владимир-Волынский, линия Сокаль — Рава Русская, а для обеспечения своего правого фланга и прикрытия направлений через Буковину очень сильно укреплены рр. Прут и Серет с узлами у Коломыи, Снятыня, Верхолета и Черновиц—в первой линии и Куты, Сухи, Сторожинец, Черенков, Сегет—во второй линии. Имеются сведения об укреплении проходов: 1) Куты—Селетин, 2) Сухи—Селетин, 3) Черенков—Селетин, 4) Серет—Кимполунг и 5) Якобени — Дорна-Ватра.

К противнику все время подходят укомплектования из маршевых батальонов, состоящие преимущественно из 18- и 19-летних новобранцев, слабых физически и плохо подготовленных. Настроение войск, несмотря на успехи на сербском фронте, далеко не бодрое; люди кормятся плохо и плохо снабжены до сих пор теплой одеждой».

Сведения о позиции и вообще о расположении противника носили слишком общий характер. Для атаки укрепленной полосы были нужны совершенно другие сведения о состоянии позиции противника, которую хотели прорвать. Нужно было совершенно конкретно знать все детали устройства укрепленной полосы противника. Но, как видно из приведенного документа, 7-я армия ничего не знала. Впоследствии (летом 1916 г.), когда юго-западный фронт захватил у противника большую территорию, выяснилось, что большинство данных об инженерных укреплениях противника не соответствовало действительности. Войсковая разведка, при удалении главных сил от позиций противника в 8—10 км, не могла иметь успеха. В штабах 11-й и 9-й армий не было даже фотографических снимков участка позиции противника, который был избран для атаки. В конце 1915 г. русская авиация вообще еще находилась в зачаточном состоянии и не давала достаточных разведывательных данных.

Сама же 7-я армия добыть этих сведений не могла, отчасти вследствие недостаточности времени и средств (воздушных), а главное потому, что в целях сохранения ее сосредоточения в тайне частям армии было указано не вести своей войсковой разведки, чтобы не обнаруживать прибытия на фронт ударных частей.

Как выяснилось в ходе операции, австрийцы (армия Бот-

мера) занимали укрепленную позицию на высотах по обоим берегам Стрыпы, имея в первой линии на участке от Бинява до Бучач 5 дивизий (55-я — район Бинява, 5-я — район Сокольники, 39-я гонведная — район Вишнювчик, 12-я — район Бучач, 36-я — район Язловец). В ближайшем тылу — 1—2 дивизии. В районе Рогатин — 38-я гонведная дивизия.

Характерно, что ни штаб юго-западного фронта, ни штаб 11-й армии, занимавшей этот участок в течение долгого времени, ни тем более штаб 7-й армии не знали, где проходит главная позиция противника и где ее передний край. Они полагали, что основной укрепленный рубеж австрийцев проходит по западному берегу р. Стрыпа. Это заключение вызвало большие сомнения у Алексеева. На третий день атаки, 2 января, он телеграфирует ген. Клембовскому (начальнику штаба юго-западного фронта):

«Ознакомившись с директивой ген. Щербачева, задаюсь прежде всего существенной важности вопросом: достаточно ли тщательно произведены рекогносцировки, чтобы с таким убеждением говорить, что новая позиция противника совпадает с долинными берегами Стрыпы, а не возведена на водоразделе Стрыпы и Коропца, примерно по линии: отм. 370 Могилки, 377 Шкиндерувка, 389 Долина, 390 Мухаловка, 374 Койданов, 373 Курдановка, 386 Езержаны, 408 Круги, что более соответствует духу и составу австрийской армии».

Алексеев оказался прав лишь отчасти. Главная позиция противника была выдвинута на линию высот восточного берега Стрыпы. Но юго-западный фронт мог не знать об истинном положении дел, ибо нужных детальных рекогносцировок своевременно произведено не было. Позиция противника не была даже заснята.

Русская армия сразу получила ощутительный урок, что без тщательной, всесторонней разведки противника и его позиций с земли и с воздуха осуществить прорыв стабилизованного фронта невозможно.

7. Краткий очерк развития операции

Передовые части XXII, II и V Кавказского корпусов с утра 28 декабря начали с линии р. Серет выдвигаться с боем вперед, производя одновременно дополнительную разведку.

В ночь с 29 на 30 декабря исходное положение заняли и главные силы этих корпусов.

Характерной особенностью этого «исходного положения» было то, что оно находилось от окопов противника на расстоянии до километра и больше. Войска шли в атаку без предварительного сближения и несли огромные потери, раньше чем доходили до проволоки противника; так, V Кавказский корпус потерял при сближении свыше 5 000 человек.

9-я армия, невзирая на огромные потери, даже не могла дойти до проволоки противника, хотя в донесениях этой армии мы часто находим новое информационное выражение: «Части режут проволоку».

В ту же ночь заняла свои позиции и артиллерия II корпуса (36 тяжелых орудий и 2 дивизиона 48 гаубиц). Командир II корпуса ген. Флуг выбрал для атаки участок между высотами 382—384 (4 км) и назначил для нанесения главного удара 26-ю пехотную дивизию и один полк 43-й пехотной дивизии. Атака должна была начаться с утра 30 декабря.

Но артиллерия, вследствие полной слепоты (отсутствие разведывательных данных) и трудностей организации подвоза и связи, могла открыть огонь только в 15 час. Артиллерийская подготовка продолжалась 1½ часа, после чего 26-я дивизия пошла в атаку.

Проволока перед окопами противника оказалась целой, и 26-я дивизия была встречена убийственным пулеметным и артиллерийским огнем. Атака успеха не имела, и дивизия в беспорядке отошла в исходное положение.

31 декабря ген. Флуг решает продолжать атаку, но сокращает участок атаки до 2 км, считая, что на таком узком участке артиллерия даст больший эффект. В атаку пошла та же 26-я дивизия с таким же безуспешным результатом.

За два дня 26-я дивизия потеряла 3 552 чел. и вышла из строя.

Но командование 7-й армии не унывает.

31 декабря Щербачев, повидимому, считает, что прорыв осуществлен, и издает приказ о развитии успеха. Приказ гласит:

«Ближайшей задачей армии после прорыва позиций противника на р. Стрыпе ставлю: решительным наступлением

правого фланга армии в северо-западном направлении нанести удар в тыл неприятеля, обороняющегося против 11-й армии. Приказываю: XXII и XVI корпусам энергичным наступлением развить прорыв в общих направлениях — XXII корпусу на Козова, XVI корпусу на Рыбники... имея целью выйти во фланг и тыл частям неприятеля, противостоящим 11-й армии... Не допустить их отхода на Золотую Липу и совместно с частями 11-й армии разбить эти силы. II корпусу продолжать теснить противника на фронте Подгайцы—Монастержиско с целью не дать ему устроиться на Коропце. V кав. корпусу развивать прорыв в юго-западном направлении с задачей обеспечить маневр армии со стороны Днестра» (№ 333, 31 декабря 1916 г.).

1 января Флуг решает сменить 26-ю дивизию и продолжать 2 января атаку 43-й дивизией. Атака состоялась, но дивизия, потеряв 2 728 чел., вынуждена была отхлынуть от проволоки противника назад. Несколько рот, ворвавшихся в неприятельские окопы, были выброшены контратакой.

Тогда ген. Флуг решает ввести в дело свой последний резерв — 3-ю Туркестанскую стрелковую бригаду.

В ночь с 6 на 7 января бригада заняла участок против высоты 384. Не веря артиллерии, бригада ночью 7 января решила перерезать проволоку противника ручным способом. Саперами и охотниками эта задача была выполнена довольно успешно.

На рассвете 8 января бригада пошла в атаку, ворвалась в окопы противника и захватила свыше 1 000 пленных. Продвигаясь вперед, она дошла до артиллерийских позиций [1]. Но, оказавшись без поддержки, бригада подверглась контратаке на оба фланга и была опрокинута назад. Успех ее свелся к нулю. Бригада потеряла 3 696 чел.

На этом атаки II корпуса кончились.

В эти дни активно действовал и XXII корпус, который, сбив противника, подошел к р. Стрыпа, но форсировать последнюю не мог. V Кавказский корпус лишь демонстрировал на своем правом фланге.

---

[1] Некоторые участники операции утверждают, что продвижение 3-й Туркестанской бригады вглубь расположения противника было не чем иным, как движением колонн пленных, попавших в руки противника еще в первых линиях.

Большие потери II корпуса приводят Щербачева к решению произвести перегруппировку. Он отдает приказ о смене II корпуса резервом армии — XVI корпусом — и назначает одновременную общую атаку всех трех корпусов, XXII, XVI и V Кавказского, на 10 января.

Армия усиливается 6-й тяжелой артиллерийской бригадой (орудия 1877 г.) и одним дивизионом 1-й тяжелой артиллерийской бригады (всего 48 орудий). Артиллерия эта прибыла на ст. Волочиск 8 января.

Но перегруппировка затянулась. Под разными предлогами атака затягивается; мешают и тяжелые атмосферные условия, и сложность установки на позиции устарелых орудий, а, главное, — появившееся сознание, что с такими средствами атака не может иметь успеха. 15 января атака отменяется совсем.

Операция юго-западного фронта обошлась достаточно дорого.

Потери выражаются в следующих цифрах: 9-я армия — 21 975 чел., 7-я армия — 24 828 чел., итого — 46 803 чел.

Надо отдать справедливость русскому главному командованию: оно не упорствовало. Если на западном театре большинство сражений затягивалось на ряд месяцев, то на русском фронте они были очень кратковременны — несколько дней. Ткнувшись туда-сюда и получив ощутительный контрудар, русское командование успокаивалось.

8. Выводы из операции

Неудача операции, на которую возлагалось столько надежд, привела в смятение командование и штабы. В войска посылались многочисленные приказы, директивы, указания и инструкции, подводящие итоги недавним боям. Но все эти документы не являются результатом серьезного, вдумчивого стремления всесторонне осознать свои ошибки и разобраться в конкретных условиях обстановки.

Разноголосица и противоречия указаний различных инстанций резко бросаются в глаза. В общем эти указания в большинстве случаев носят характер сваливания вины «на стрелочника». Характерной особенностью всех этих документов является то, что они не ставят вопроса о необходимости

переобучить войска и офицерский состав и не дают методики этого переобучения. Но рав войска практически не переобучались, то естественно, что все эти указания превращались в канцелярские, бюрократические документы и в большинстве случаев пришивались «к делу». В конечном итоге в каждой последующей операции старые ошибки не только повторялись, но и приумножались рядом новых ошибок.

Второй особенностью этих указаний является их неоригинальный характер. В большинстве случаев они представляли собой подправленные переводы с иностранных материалов. Войска именно потому и не доверяли и не считались с этими инструкциями, что они были нежизненными, абстрактными и не отвечали потребностям конкретной обстановки.

Приведем некоторые выводы из второй галицийской операции.

Первым откликнулся ген. Щербачев. Он издал свои указания, когда сражение еще не закончилось, — 12 января 1916 г. В них он констатирует следующие недочеты:

1) Недостатки взаимодействия пехоты с артиллерией. В передовых наступающих частях не было артиллерийских наблюдателей, вследствие чего пехота не только не могла иметь артиллерийской поддержки при контратаках противника, но часто артиллерия расстреливала свою пехоту. Артиллерия, особенно тяжелая, была поставлена слишком далеко, и ее стрельба не была достаточно тщательно подготовлена.

2) Недостатки управления. Пехота часто врывалась в расположение противника, захватывая пленных и трофеи, но во всех случаях она не могла удержать захваченных пунктов и с большими потерями отбрасывалась назад.

Основная причина неустойчивости пехоты — запаздывание резервов и неумение закреплять за собой захваченные участки местности.

Ген. Щербачев указывает:

«1) что головным полкам была дана недостаточно определенная задача; 2) что с первыми ворвавшимися не было на месте начальствующих лиц, которые... установили бы порядок; 3) не было связи в тыл и 4) не было передовых наблюдателей артиллеристов».

И далее следует ряд элементарных указаний, повторять которые здесь совершенно неуместно. Но об основных причинах неуспеха — недочеты в подготовке операции, недостаток артиллерии и огнеприпасов, разрозненность усилий вместо единого общего удара, неверие в успех операции и пр.,— ген. Щербачев умалчивает.

Одной из основных причин неудачи было то, что наступающие части 7-й и 9-й армий были вынуждены до атаки сближаться с противником с большого расстояния. Позиции же противника не были в достаточной мере разведаны, и его огневая система не была разрушена. Наступающий понес огромные потери раньше, чем подошел к проволоке основного укрепленного рубежа противника, и еще большие потери, когда местами ворвался в укрепленную полосу.

Отсюда прямой вывод: при атаке укрепленной полосы необходимо предварительно сблизиться с позицией противника вплотную.

Такой вывод и делает командование 9-й армии:

«В большинстве случаев сравнительно легко можно будет подойти к укрепленной позиции противника на дистанцию 1—2 версты и там закрепиться, но дальнейшее сближение потребует много усилий, времени (в зависимости от обстановки — несколько дней, а иногда даже недель) и содействия, главным образом, тяжелой артиллерии. Сближение должно итти непрерывно на широком фронте и продолжаться до тех пор, пока части не приблизятся к окопам противника настолько (примерно 40—50 шагов), чтобы при атаке они могли без остановки достигнуть этих укреплений.

Во время сближения при каждой новой остановке части должны основательно закрепляться.

Дойдя, таким образом, почти вплотную к противнику и заняв исходное для атаки положение, надо немедленно приступить к оборудованию его в фортификационном отношении с целью устроить плацдарм, который допустил бы расположение как боевой части, так и резервов возможно ближе к противнику» (Указания 9-й армии от 14 февраля 1916 г.).

Несколько иные мотивы мы находим в указаниях ген. Иванова от 8 февраля 1916 г.

Командование юго-западного фронта делает резкий поворот в оценке внезапности:

«При настоящих условиях ведения операции едва ли можно будет часто рассчитывать на элемент внезапности атаки. Поэтому в целях необходимого сближения с противником и облегчения производства штурма необходимо практиковать на всем фронте постепенное продвижение вперед небольшими частями, прибегая к ночным выдвижениям, сапам и даже минной войне с непременным, постоянным, основательным укреплением за собой пройденного пространства. Постепенное развитие окопов выдвигающимися вперед небольшими частями и установление связи их с основными линиями будут создавать новые приближенные к противнику позиции, дадут возможность с меньшими потерями добраться до его проволочных заграждений и приступить к порче их, уничтожению и проделыванию проходов».

Таким образом, методизм не только противопоставляется внезапности, но в представлении штаба юго-западного фронта якобы совершенно исключает возможность ее достижения. Найти равнодействующую между методизмом и внезапностью ген. Иванов и его штаб не могли.

Ген. Иванов указывает, что развивать успех возможно лишь при следующих условиях:

«1) когда противник тоже истощен или расстроен; 2) когда у него нет больше свежих резервов или он лишен возможности их подвести; 3) когда прорвана уже вся его система укрепленной позиции, и 4) наконец, когда наши резервы подведены ближе и успевают во-время поддержать передовые части».

Сознание невозможности осуществить быстрый прорыв приводит сразу к ограничению целей операции. В противовес старым директивам, которые говорили об огромных оперативных устремлениях, новые указания с неменьшей резкостью переходят к постановке узких, ограниченных целей.

«Трудно и не следует рассчитывать, чтобы артиллерии в один период огневой подготовки удалось пробить достаточную по фронту брешь во всю толщу или глубину системы укрепленной полосы. А потому в большинстве случаев прорыв таких полос будет требовать от нас последовательных атак укрепленных линий в глубину и с постепенным расширением занятой части позиции в сторону с более или менее значительными промежутками по времени между атаками,

в течение которых необходимо закреплять за собой взятое с боя пространство и подготовлять новые и исходные положения «атаки».

Мотивы французских инструкций в выводах Иванова выступают с большой прямолинейностью.

Более правдивую и серьезную оценку этой операции дал Алексеев в частном письме к Жилинскому 31 января 1916 г.

Основными причинами неуспеха Алексеев считал:

«а) Отсутствие веры в операцию у ген. Иванова и индиферентное отношение его к разработке; много в отношениях хитрил; в самый важный период подготовки менял начальника штаба; оттянул без нужды начало операции на четыре дня, утратив всякое подобие внезапности; не давал руководящих оснований для объединения работы армий, ограничиваясь писанием критического обзора после совершившихся фактов. Но это лишь оправдательные документы для личной репутации, к каковой он ревнив.

б) Отсутствие вдумчивой надлежащей разработки плана боя в 9-й и 7-й армиях.

в) Неправильные приемы атаки, в особенности в 9-й армии.

г) Отсутствие единовременности атаки на фронте 7-й армии.

д) Сильные позиции, отлично укрепленные, большое количество артиллерии и пулеметов у противника. Всему этому не дали надлежащей оценки; повторили те способы, которые удавались ранее при несколько иных условиях.

е) Недостаточное количество тяжелой артиллерии, особенно снарядов, и не вполне умелое применение ее.

Таким образом, в результате операции получилось большое количество противоречивых выводов и указаний. Но эти указания не были собраны в едином месте, не были изучены и сведены в единый документ. Армия в целом на всех фронтах не знала об этих выводах. Наоборот, каждый командующий армией, каждый командир корпуса предпочитал прятать свой «конфуз» от широкой гласности. Отсутствие централизованного изучения результатов предыдущих операций и недостаточная информация всей армии об уроках операции приводили к тому, что в последующих операциях все вновь и вновь «открывались Америки».

Нужно помнить, что в современных условиях оперативное искусство и тактика развиваются крайне быстро и что на войне учатся, главным образом, на ошибках... Но русский офицерский корпус был вынужден прятать свои ошибки, иначе «ошибающиеся» были бы обойдены в наградах — Станиславах, Аннах, Владимирах, Георгиях и пр. с бантами, мечами и без оных.

Глава XXI

МАРТОВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ У ОЗ. НАРОЧЬ (18—28 МАРТА 1916 г.)

Попытка прорыва путем массирования

1. Общий характер операции

Результат декабрьской операции юго-западного фронта должен был вызвать некоторую реакцию в сознании командования русскими армиями. Оно убедилось, что с такими сравнительно небольшими силами и средствами, какими была проведена предыдущая операция, нельзя рассчитывать на успех. К этому времени из Франции вернулись многочисленные представители русских штабов, командированные для изучения опыта борьбы на западном театре. Эти представители привезли обильный материал о зарубежных военных «чудесах». Русский генералитет увидел, какие огромные средства и силы привлекают французы для проведения операций, как тщательно и всесторонне производится подготовка операции и пр. Неспособное к самостоятельному творчеству, русское командование неизбежно должно было обратиться к подражанию. И если декабрьская операция в своей оперативно-идейной части имеет много сходства с прорывом у Горлице—Тарнов, то мартовская операция у оз. Нарочь многим напоминает операцию в Шампани и Артуа осенью 1915 г. Массированный, открытый удар живой силой — вот основа, на которой предполагалось осуществить тактический прорыв фронта противника в обеих операциях. Использование охватывающей конфигурации фронта для создания серьезных угроз сообщениям противника (Якобштадт и Нарочь, Шам-

пань—Артуа) — основа оперативного маневра. Но дальше начинаются различия. Их очень много.

Если бы русская армия могла сосредоточить у оз. Нарочь такие же технические средства, какие имели французы в Шампани, и осуществить такой же единовременный удар всеми силами, то она, повидимому, могла бы обеспечить себе серьезный успех. Недаром Людендорф в своих «Воспоминаниях» пишет, что положение германцев в период 18—21 марта 1916 г. было критическим. Их растянутый фронт лишь с трудом отбивал ожесточенные атаки русских. Положение армейской группы Шольца и 10-й германской армии, оборонявших фронт от Якобштадта до р. Вилии, было чрезвычайно тяжелым.

Но плохо обученная русская армия с исключительно плохим командным руководством, с малым количеством артиллерии и огнеприпасов не сумела осуществить прорыва и залила поле боя потоками крови. Являясь этапом на пути к овладению техникой борьбы за укрепленные полосы, мартовская операция 1916 г. была подготовлена и осуществлена так, что неуспех ее был заложен в самом процессе подготовки и был отчетливо выявлен лишь при проведении операции — сопротивлением противника.

2. Политические предпосылки операции

Исходным политическим моментом операции следует считать конференцию в Шантильи 6—8 декабря 1915 г. Эта конференция, как известно, постановила, что:

1) решение войны может быть достигнуто только на главных театрах (русском, англо-французском и итальянском), на театры же второстепенные следует выделять наименьшее количество сил;

2) решения следует искать в согласованных наступлениях на главных фронтах, чтобы этим не позволить противнику перебрасывать свои резервы с одного фронта на другой;

3) на каждом из главных фронтов надо вести, до перехода в общее наступление, действия, истощающие живую силу противника;

4) при этом каждая из союзных держав должна быть готова остановить на своем фронте собственными силами наступление противника, а в случае его наступления против

одной из держав другие державы должны оказать ей поддержку в полных пределах возможного.

Общее наступление всех союзников было назначено на весну 1916 г.

На этой конференции Алексеев и предлагал свой основной план совместного наступления крупных русских и англо-французских армий на Будапешт, но конференция решила, что главный удар должен быть направлен против Германии. Союзники начали усиленно готовиться к общей операции путем выделения резервов и подготовки материальных средств.

Но в этот план Антанты властно вмешался противник, который вместо пассивного ожидания весеннего удара сам перешел в наступление под Верденом. Об общем ударе уже не приходилось думать. Французские резервы быстро втянулись в «Верденскую мясорубку», а немецкие атаки не прекращались. Вместо наступления Жоффру пришлось вести оборонительное сражение в довольно тяжелых условиях. С тем большей настойчивостью он начал добиваться русской помощи с целью отвлечь от Вердена германские силы или хотя бы не допустить переброски германских дивизий с восточного театра. 5 марта 1916 г. ген. По (французский военный представитель в русской ставке) передал Алексееву полученную им следующую телеграмму Жоффра:

«1) Наступление на Верден, где противником уже введено в дело 10 из имеющихся в его распоряжении дивизий, сверх тех корпусов, которые уже находились на фронте атаки, является, согласно имеющимся у нас сведениям, повидимому, началом решительного усилия противника на нашем фронте.

2) Противник может развить это усилие при условии переброски войск с других фронтов (не французского). Две дивизии, повидимому, взяты с русского фронта (1-я и 3-я гвардейские дивизии).

3) Я прошу наших союзников принять меры, необходимые чтобы: а) произвести на противника сильное давление с целью не дать ему возможности увести с фронта какие-либо части и лишить его свободы маневрирования; б) сообщать нам безотлагательно исчезновение с фронта всякой войсковой части, если бы это было установлено.

4) В предвидении развития, вполне в настоящее время вероятного, германских операций на нашем фронте и на основании постановлений совещания в Шантильи я прошу, чтобы русская армия безотлагательно приступила к подготовке наступления, предусмотренного этим совещанием.

5) Передавая генералу Алексееву настоящую мою просьбу, вы подчеркните, что я отнюдь не желаю побуждать русскую армию к немедленному предпринятию общей атаки, если она недостаточно к ней подготовлена. Вы будете настаивать на тщательной и всесторонней подготовке, что необходимо при атаке сильной укрепленной позиции, а также на необходимости применения обширных материальных средств и крупных сил, чего требуют выполнение и развитие атаки.

6) Однако, именно ввиду того, что сосредоточение этих средств и этих сил, а также подготовительные к производству атаки мероприятия требуют неизбежно много времени, безусловно необходимо начать эту подготовку в самый кратчайший срок, с тем чтобы не дать противнику возможности исчерпать свободные силы французской армии...» (Дело В. И. А. № 442).

В это же время обострились переговоры, которые вела ставка с румынским генеральным штабом по вопросу о заключении военной конвенции.

Антанта давно добивалась присоединения Румынии.

Политически как будто были достигнуты некоторые успехи в том отношении, что колеблющаяся Румыния, готовая продать свое участие в войне тому из противников, кто больше даст, начала более решительно склоняться на сторону Антанты. Но цена, запрашиваемая Румынией, была непомерно велика.

Сущность румынских военных требований сводилась к тому, чтобы Россия приняла на себя обязательство сосредоточить в Добрудже армию не менее 250 000 чел. и обеспечила бы полностью тыл румынской армии не только со стороны Болгарии, но и со стороны Карпат, румынская же армия направит главные усилия на Трансильванию и Буковину, являющиеся основными объектами румынских политических вожделений. Алексеев категорически отказывался выполнить это требование Румынии. Теперь уже роли переменились. Если раньше Антанта упорно не желала принять план Алексеева

о совместном наступлении на Балканы из Буковины и Салоник, то теперь Жоффр настойчиво уговаривал Алексеева принять румынские условия.

Были нажаты все политические и дипломатические педали.

Французское министерство иностранных дел, по жалобе румын, подняло шум.

Сазонов забеспокоился. 20 февраля он телеграфирует Алексееву:

«...Не было ли чего-нибудь в ваших инструкциях Татаринову (русскому военному атташе в Румынии.—А. В.), что могло бы подать повод к предположениям французского правительства о возникших недоразумениях» (№ 283).

В тот же день следует другая телеграмма Сазонова:

«Посол в Париже телеграфирует...

По сведениям, полученным из Бухареста, при переговорах между нашим и румынским генеральными штабами возникли серьезные разногласия: румыны будто бы настаивают на том, чтобы им предоставлено было действовать главным образом в пределах Буковины и Трансильвании, тогда как мы стремимся направить их силы против Болгарии. Французское правительство очень озабочено этим известием и крайне опасается последствий возможного разрыва указанных переговоров.

Президент республики телеграфирует об этом непосредственно государю императору, а генерал Жоффр генералу Алексееву. Палеологу также поручено переговорить с вами об этом вопросе» (№ 892).

Одновременно ген. По представил Алексееву обширный меморандум, пытаясь убедить его в необходимости согласиться с румынскими требованиями. Отказ от удовлетворения румынских условий, по мнению ген. По, неизбежно бросит последнюю в объятия Германии. Этого допустить нельзя. По указывает, что нет той цены, за которую они не должны были бы купить содействие Румынии. Ген. По ссылается даже на такое соображение, что посылка русской армии в 250 000 чел. в Добруджу «не противоречит собственно ни одному из основных принципов военного искусства». Ген. По напоминает, что теперь становится возможным осуществить прежнее намерение Алексеева о совместном наступлении

англо-французского экспедиционного корпуса от Салоник на Софию и т. д. Видно, Верденская операция немцев сильно встревожила англо-французов, и они начали нажимать на все клапаны, чтобы найти средство ослабить германский удар.

На все эти требования Алексеев упорно отвечал, что Россия не может снять 7—8 корпусов с главных операционных направлений, не может ослабить себя на самых существенных участках и без того растянутого на 1 300 км фронта, удлинить фронт еще на 600 км и направить эти силы на второстепенный театр и т. д.

Это упорство Алексеева не совсем понятно. Оно свидетельствует о политической узости русского верховного начальника штаба. Через несколько месяцев события привели к тому, что Россия была вынуждена направить в Румынию более крупные силы в гораздо менее благоприятных стратегических и оперативных условиях.

Но, понимая что требование Жоффра об оказании оперативной помощи выполнить нужно, Алексеев отвечает Жоффру:

«1) В настоящее время совершаются широкие перевозки наших войск для выполнения атаки германцев сообразно с намеченным планом.

2) Русская армия не будет выжидать пополнения до полных штатов ружей и выполнит атаку теми средствами, которые она будет иметь в своем распоряжении в момент начала операции.

3) Операцию возможно начать 23 марта.

4) Главный удар последует на фронт Двинск—река Вилия против германцев.

5) Сильная распутица может нарушить эти предположения, ибо лишит возможности наши войска, артиллерию и обозы двигаться». (Дело В. И. А. № 442.)

Таким образом, мы должны констатировать, что выбор германского фронта как объекта для атаки русских армий явился следствием политики Антанты, а в дальнейшем мы покажем, что оперативная форма удара северным и западным фронтами по сходящимся направлениям вытекала из условий внутренней политики, требовавшей прикрытия путей на Москву и Петроград.

3. Оперативные предпосылки и план операции

Удар по сходящимся направлениям на восточном театре войны

Основной оперативный замысел мартовской операции был изложен в докладе Алексеева, подготовленном им к совещанию в ставке 24—25 февраля 1916 г. Главнейшим мотивом доклада, помимо ссылки на обязательства, принятые на межсоюзной конференции, являлось предположение, что с весны 1916 г. противник может перейти в наступление, и поэтому основной задачей русских армий является предупредить противника в этом его намерении. Так как главнейшими операционными направлениями являются пути на Петроград и Москву, то отсюда вытекает, что русская предупреждающая атака должна вестись именно на этих направлениях, т. е. наступать должны северный и западный фронты. Если бы русская ставка сумела своевременно оценить размах операций под Верденом, то она могла бы понять, что ожидаемое наступление немцев уже началось, но не на русском, а на французском фронте.

Соотношение сил также сложилось более благоприятно на фронте севернее Припяти. В докладе Алексеева приводится следующая таблица:

Фронты	Русские				Австро-германцы				Сравнение			
	батальонов	штыков	эскадронов	сабель	батальонов	штыков	эскадронов	сабель	батальонов	штыков	эскадронов	сабель
Северный фронт . .	368	266 432	263	32 629	181	159 280	128	19 200	+187	+107 152	+135	+ 3 429
Западный фронт . .	917	642 745	526	65 137	382	336 160	144	21 600	+535	+306 585	+382	+43 537
Юго-западный фронт и гвардейский отряд	684	495 447	494	60 975	592	520 960	239	35 850	+ 92	— 25 513	+255	+25 125

В условиях восточного театра наличие сил на фронтах к определенному моменту предопределяло до известной сте-

пени и направление главных ударов, учитывая пространственные условия, состояние железнодорожной сети и время, необходимое для подготовки атаки. По опыту было известно, что для переброски одного корпуса с северного на юго-западный фронт требовалось 21—24 дня, с западного на юго-западный фронт—12—14 дней, т. е. время не давало возможности заняться крупными перебросками на юго-западный фронт, ибо наступление предполагалось осуществить возможно быстрее. Общая численность сил и средств к весне 1916 г., по мнению Алексеева, открывала радужные перспективы. По данным ставки, состояние русской армии определялось следующим образом.

1. Состав армии

Число вооруженных строевых пехотинцев	1 500 000
Недостаток винтовок для вооружения штатного состава строевых пехотинцев	300 000
Численность конницы (сабель)	142 000

2. Запасы людей

При полках безоружных пехотинцев	260 000
В запасных батальонах, принадлежащих армиям	525 000
В запасных батальонах внутри империи	1 020 000
Итого	1 805 000
Призвано, но не распределено по запасным батальонам	400 000
Будет призвано 10 марта ратников	400 000
Будет призвано 15 апреля новобранцев	800 000
Итого	1 600 000
Всего до осени в распоряжении главного командования будет укомплектований	3 405 000

т. е. «пушечного мяса» сколько угодно.

3. Винтовки

В пехоте и инженерных частях	1 700 000
» запасных частях, принадлежащих армиям	180 000
» запасных частях в империи	290 000
» коннице, в ополчении, в тыловых войсках	440 000
Собственные заводы в феврале, марте, апреле дадут	275 000
Ожидается иностранных образцов до 1 апреля	100 000

Время и последовательность получения винтовок Ватерли, Гра, Гра-Краначек установить трудно.

В общем в марте состав армии будет вооружен до штата, и будет сформировано вновь 7 дивизий.

4. Пулеметы

Общее число пулеметов различных систем .	6 000
До 15 апреля русские заводы дадут . . .	1 375
Заказы из-за границы	50

В общем, пулеметов мало и недостаточно для того, чтобы довести до 16 в каждом полку. В марте 1916 г. станковых пулеметов в каждом полку было всего лишь 8—12.

5. Орудия

Состоит орудий:

легких и горных	5 000
гаубиц	585
тяжелых современного типа	440
тяжелых из крепостей	516

К 15 апреля ожидается:

легких . . . 800 и японских	20
гаубиц . . . . 125 и английских	102
тяжелых . . . . 30 и из-за границы . . .	46

В капитальном ремонте:

легких	210
гаубиц	40
тяжелых	108

Отсюда видно, насколько русская армия была бедна тяжелыми орудиями, и Алексеев, препровождая эти цифры Жоффру, пишет: «Отсюда понятны те трудности, с которыми приходится иметь дело нашей пехоте при атаке укрепленных позиций противника».

6. Огнестрельные припасы

Наличие на единицу оружия:

на легкую и горную пушку	1 270	снарядов
„ гаубицу	540	„
„ тяжелое орудие	685	„
„ винтовку	255	патронов

Готовится в день вновь:

на легкую пушку	12	снарядов
„ гаубицу	5	„
„ тяжелую пушку	15	„
„ тяжелую гаубицу	4	„
„ винтовку	2,1	патрона

Кроме того, ожидается поступление до 1 апреля заказанных за границей:

легких орудийных выстрелов	1 200 000
ружейных патронов	34 000 000

(Дело В. И. А. № 442).

Если мы сравним цифры, определяющие численное состояние русской армии к февралю 1916 г., с цифрами, характеризующими силы, с которыми Россия выступила на войну в 1914 г., то мы увидим, что Россия сумела залечить поражения 1915 г. Количество дивизий достигло 123.

Но эти цифры также показывают, что весной 1916 г. русской армии пришлось вести позиционную войну с технической базой, которая в своих количественных и качественных показателях не соответствовала новым условиям. Малое количество пулеметов не обеспечивало обороны, малое количество тяжелой артиллерии не давало возможности вести успешно наступление.

Но главное, на чем заострял Алексеев внимание ставки, были стратегические соображения.

Русское наступление на северном и западном фронтах, как уже указывалось, не только активно прикрывало пути на Ревель, Петроград, Бологое, Москву, Гомель, Чернигов, но в случае успеха могло иметь громадное влияние на исход войны. Этот момент, по мнению Алексеева, покрывает то, что на северном театре русской армии противостояли крепкие германские войска на великолепно укрепленных позициях с превосходством в тяжелой артиллерии и технических средствах. Хотя на южном театре также имеются важные объекты для наступления противника — Николаев, Севастополь, Черноморское побережье, Криворожский железный и Донецкий каменноугольный районы, но здесь все же наступление противника менее вероятно и, кроме того, ав-

стрийцев легче будет отразить. Что Румыния может выступить на стороне противника,—мало вероятно.

Совещание согласилось с этими соображениями.

Относительно выбора направлений для главных ударов Алексеев указал на левый фланг северного и правый фланг

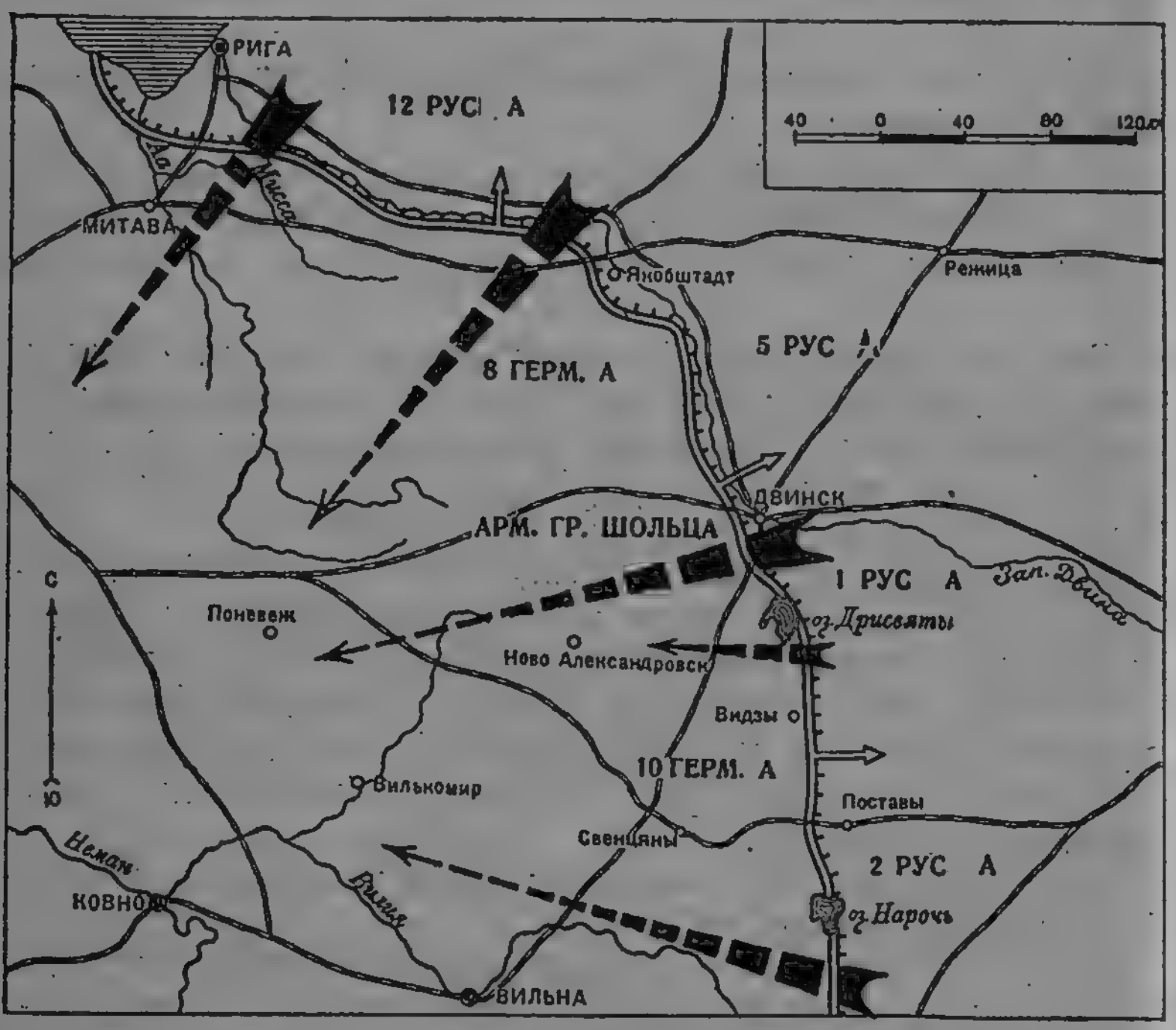

Схема 11. Идея ген. Алексеева в мартовскую операцию 1916 г.

западного фронтов. Достаточно посмотреть на нижеследующую схему (схема 11), чтобы убедиться, что в общей конфигурации фронта действительно таились большие оперативные возможности. Концентрическим ударом (ударом по сходящимся направлениям) на Поневеж—Свенцяны—Вилькомир мог быть поколеблен весь северный участок германского фронта.

Людендорф так и расценивал русский замысел. Он пишет: «План русских заключался в том, чтобы отрезать в напра-

влении на Ковну наше северное крыло и одновременно поколебать его атаками в других пунктах. Последующими ударами оно должно было быть отброшено к берегу моря севернее Немана» (Людендорф, Воспоминания, т. I, стр. 169).

Отвлеченно рассуждая, трудно что-нибудь возразить против этого плана. Но обязательным условием успешности операций является соответствие между планом и исполнением. В проработке и исполнении плана было такое количество дефектов, что они должны были опрокинуть даже самый лучший план.

В итоге совещание приняло следующие решения:

1) Как только перегруппировка закончится и состояние дорог позволит — перейти в решительное наступление, собрав в точке удара возможно большие силы.

2) Удар наносить левым флангом северного и правым флангом западного фронта; силы, примерно, 400 000 чел. С юго-западного фронта перемещаются на север гвардейский отряд и XXIV корпус; подготавливается к переброске еще I корпус.

3) Юго-западный фронт удерживает свои позиции, выделяя в резерв 3 корпуса. В случае удачи на севере он переходит в наступление от Ровно на Луцк и Ковель.

4) В случае осложнений или союза с Румынией части юго-западного фронта, которые будут выделены для обороны. Добруджи, составят особую армию (XI, XXXII и вновь формируемый корпус) под командой ген. Щербачева.

5) В случае осложнений со Швецией формируется отдельная 6-я армия.

После совещания фронты приступили к конкретизации общих заданий.

Северный фронт (ген. Куропаткин) избрал систему комбинированного удара. По его плану главный удар должна была наносить 5-я армия тремя корпусами из района Якобштадтского предмостного плацдарма в направлении на Бушгоф и далее на Поневеж.

Одновременно 12-я армия, удерживая Рижский район, поддерживает наступление 5-й армии с Икскюльского предмостного плацдарма в направлении на Нейгут. С Двинского

района 1-я армия наносит частный удар в направлении на Ново-Александровск.

Этот план по существу уже наносил серьезный ущерб Алексеевскому замыслу. По состоянию укреплений противника, по условиям местности и по наличию сил и средств в распоряжении Северного фронта рассредоточенный по всему фронту удар не мог рассчитывать на успех. В этом плане сказывается чрезмерная осторожность главнокомандующего Северным фронтом Куропаткина, который не столько думал о поражении противника, сколько о том, чтобы сильными группировками своих войск прикрыть все свои опасные направления. Наступательный план Куропаткина по существу имел оборонительные цели. Достаточно указать, что когда Куропаткин получил усиление в 4 дивизии (V Сибирский корпус, 78-я и 124-я дивизии), то он поставил их в районе Валк с прямой целью прикрыть свой тыл на случай десантной операции противника в Рижском заливе.

Но система управления в русской армии была такова, что Алексеев не мог властной рукой заставить Куропаткина изменить этот план.

В первых числах марта Куропаткин донес, что 12-я армия вообще не может принять участия в операции, так как ее два корпуса не успевают закончить перевооружение японскими винтовками. Пришлось дать на это разрешение.

Западный фронт (ген. Эверт) избрал для нанесения главного удара десятью корпусами участок 2-й армии — Медзяны, оз. Вишнев. Остальные армии фронта должны были сковать противника и подготовиться к переходу в общее наступление при успехе 2-й армии.

Учитывая, что штабу 2-й армии будет трудно справиться с управлением таким большим числом корпусов, была избрана система организации импровизированных групп. Как и следовало ожидать, групповая организация в армейском масштабе без наличия особых органов управления и устройства тыла явилась одной из причин провала всей операции. Нельзя утверждать, что импровизированная организация групп на войне принципиально недопустима. Такое утверждение опровергается жизнью, доказывающей, что в современных условиях организация групп часто бывает необходима.

Немцы и французы часто прибегали к образованию временных тактических соединений из большого числа подразделений, надерганных из состава различных частей. Особенно это практиковалось в острые моменты операции, когда требовалось быстро затыкать дыры, возникавшие при прорывах. При этом немцы в большинстве случаев по миновании надобности не расформировывали этих групп, а закрепляли их организацию в штатных рамках. Группы, называвшиеся по фамилиям возглавлявших их начальников, превращались в номерные бригады и дивизии. Теоретически для успеха организации групп необходим некоторый минимум сознательности, культурности, единства и сплоченности бойцов и командного состава, обеспечивающий боеспособность нового, наспех сведенного формирования.

Не останавливались французы и немцы и перед организацией новых армейских соединений. В операциях осеннего периода 1914 г. французы в течение месяца создали три новые армии; немцы на восточном театре при выполнении Ивангородской операции создали новую армию. Тогда и русское командование правильно разрешило организационную проблему армейского управления, образовав в течение короткого времени 9-ю и 10-ю армии.

В последующие годы на западном театре стало правилом — во всех случаях, когда было необходимо обеспечить управление большим числом соединений, создавать армии со всеми органами управления и обеспечения операции (устройство тыла).

В оперативном масштабе следует избегать кустарничества. В данном случае у Эверта не было никаких причин, действительно вынуждавших к подобной импровизации. Если один армейский аппарат не мог справиться с десятью корпусами, можно было образовать две армии. От этого управление, наверное, не стало бы хуже.

Начало атаки было назначено на 18 марта. Реальная подготовка атаки началась в первых числах марта. Так как сосредоточение сил и средств к участкам главных ударов требовало больших железнодорожных перевозок, то фактически для самой подготовки атаки осталось очень мало времени. Та серия необходимых мероприятий, которая обычно должна была предшествовать прорыву укрепленной позиции, не была

полностью осуществлена. Так как в этой операции приняло участие гораздо больше сил и средств, то старые ошибки возросли до больших пределов. Мы не будем о них снова говорить. Нужно возвести в квадратную степень промахи и ошибки 7-й армии в декабре 1915 г., и картина действий 2-й армии западного фронта в марте 1916 г. не будет далека от действительности.

Вся беда в том, что командование всех степеней спешило начать операцию раньше наступления весны, иначе оттепель отодвигала начало операции на 1½—2 месяца.

Высшие начальники знали, что избранные для нанесения главных ударов районы Якобштадта и оз. Нарочь представляют собой лесистые, болотистые низменности с большим количеством рек и озер. Пока все это пространство было сковано зимой, оно допускало действие крупных сил, но в весенний период становилось непроходимым. Эти факты были известны, об этом доносили не только все войсковые начальники, но и командующие армиями. Командующий 5-й армией 3 марта доносил Куропаткину:

«Район предстоящего сосредоточения наших сил, предназначенных для главного удара на левом берегу Двины, является сплошным лесным болотом, по которому движение войск, а тем более артиллерии и обозов, возможно только, пока мороз сковывает болота; с другой стороны, наступление частей, сосредоточиваемых на правом берегу Двины на участке Ливенгоф — Звонки, возможно только, пока лед на Двине не тронулся... Я должен считаться с возможностью начала ледохода в первых числах марта (старого стиля); еще до этого с началом оттепели можно ожидать серьезных затруднений для переправ по льду, поверх которого вода даже и среди зимы в дни оттепели выступала иногда на аршин и более; к тому же времени дороги в лесах левого берега станут непроходимыми» (Дело В. И. А. № 443).

Эверт писал Алексееву 13 марта:

«Из сообщенных уже вам предположений обсерватории, а также по статистическим климатическим данным за прошлые годы видно, что в середине марта, а может быть, и несколько раньше, надо ожидать начала весенней распутицы. Полученные же мною сведения о районе, намеченном для наступления, показывают, что в весеннюю распутицу он

или крайне тяжел или вовсе непригоден для военных действий: большие болотистые пространства становятся непроходимыми, многие озера, выходя из берегов, сливаются вместе в непрерывную цепь, почва растворяется настолько, что передвижение становится почти невозможным» (Дело В. И. А. № 382).

Тем не менее операцию решили не откладывать. Почему? Ведь для отсрочки были важные причины: неготовность 12-й армии; недостаток времени для тщательной подготовки в 5-й и 2-й армиях; дефекты в организации управления во 2-й армии, которые хорошо сознавал Алексеев, ибо он высказывал сомнения в целесообразности организации групп; дефекты в организации подвоза, которые потом сказались в том, что тяжелая артиллерия 2-й армии осталась без снарядов; наконец, угроза распутицы и т. д. Но... не было сил отказать Жоффру в немедленной помощи, а кроме того, русские высокие генералы-баре просто не отдавали себе полного отчета во всех последствиях. Ведь не они, а «нижние чины» тонули не только в крови, но в грязи и болотах. Надеялись на «авось» и на то, что «чудо-богатыри» все перенесут. Людендорф, оценивая местные условия, пишет:

«21 марта русские одержали в озерной теснине успех, который для нас был очень болезненным; западнее Постав их атака была лишь с трудом отражена. Земля размякла, в болотистых местах вода образовала пруды, а дороги стали буквально бездонными. Подкрепления, спешно подвозимые штабом 10-й армии и нами, шлепали в болоте, с трудом подвигаясь вперед от железной дороги Вильна—Двинск... Но русские, которым приходилось продвигаться по еще менее благоприятной местности, чем та, которая находилась позади наших позиций, сами выдохлись» (Людендорф, Воспоминания, том I, стр. 170).

Неслыханно тяжелые условия местности привели к тому, что и без того слабое моральное состояние русских войск было в корне надломлено, и они даже там, где имели успех, не могли закрепляться и с тяжелыми потерями отбрасывались назад или предпочитали сдаваться в плен. Последний момент вообще был очень характерен для русской армии. До тех пор, пока части находились в нерасстроенном виде в руках начальников, они двигались вперед, но лишь только

они попадали в расположение противника, где отражение контратак требует максимальной устойчивости со стороны бойцов и младших начальников, войска сдавались в плен. В этом сказывался политико-моральный надлом русской армии. Неустойчивости войск способствовало и то обстоятельство, что артиллерия не умела поддерживать огнем наступающие части при их продвижении вглубь расположения противника. Систематически наблюдалось и запаздывание резервов.

В марте 1916 г. русское командование еще не уяснило себе, что проблема резервов стала совершенно по-новому по сравнению с XIX столетием. Русское командование оставалось на старой точке зрения, что резервы служат только или для развития успеха, или для парирования случайностей. Между тем уже в тот период мировой войны значение резервов видоизменилось. Прежде всего они вошли органической составной частью в боевой порядок соответствующего масштаба, образовав так называемые вторые эшелоны.

Только вторые эшелоны — последующие волны стрелковых цепей, вторые линии полков, дивизий и корпусов, двигающиеся с вполне определенными боевыми задачами за атакующими частями, — могли обеспечить своевременное вхождение их в боевую линию для замены передних расстроенных частей или для развития успеха. Но о вторых эшелонах русская армия еще знать не могла.

Будет справедливым указать, что и на западном театре эта проблема лишь нащупывалась. Полное разрешение она получила только в 1917 г.

Появление вторых эшелонов не привело к полному отрицанию резервов, но лишь изменило их характер. Резервы стали принадлежностью армий и фронтов. В тактических же соединениях (дивизии, корпуса) резервы при наступлении превращались обычно во вторые эшелоны.

4. 2-я армия в исходном положении

В первых числах марта началась перегруппировка. Она свелась к следующим передвижениям:

а) С юго-западного фронта по железной дороге был перевезен в район ст. Столбцы, а потом направлен в район

Молодечно походным порядком XXIV корпус (резерв главкозапа).

б) Из 4-й армии в район Молодечно походным порядком направлен XXXV корпус. XV корпус в район ст. Сеславино перевезен по железной дороге. Оба корпуса — резерв главкозапа.

в) Из 3-й армии в район ст. Столбцы перевезен по железной дороге III Кавказский корпус (резерв главкозапа).

г) Из 4-й армии в Валк перевезен V Сибирский корпус в распоряжение главкосева. Туда же были направлены из 1-й армии 78-я и 124-я пехотные дивизии.

д) Во 2-ю армию из 1-й армии — I Сибирский и VII кавалерийские корпуса (походным порядком), из 4-й армии — III Сибирский корпус.

Вместе с наличными войсками 2-я армия имела I армейский, I Сибирский, III Сибирский, IV Сибирский, V Сибирский, XXVII, XXXIV и XXXVI пехотные корпуса, VII кавалерийский корпус и Уральскую казачью дивизию.

е) Еще раньше началась перевозка с юго-западного фронта в район Режица гвардейского отряда (3½ пехотных и 2 кавалерийских дивизии) — резерв главковерха.

В общем, войска 2-й армии могли занять исходное положение лишь 15 марта. Во 2-й армии они были расположены в следующей группировке:

На правом фланге армии на участке Медзяны — Дуки группа ген. Плешкова (I армейский, I Сибирский, XXVII и VII кавалерийские корпуса).

В центре на участке Дуки — оз. Нарочь — группа ген. Сирелиуса (IV Сибирский и XXXIV корпуса и Уральская казачья дивизия).

На левом фланге армии между озерами Нарочь и Вишнев — группа ген. Балуева (III Сибирский, V Сибирский и XXXVI корпуса).

Если бы русское главное командование вместо формального подхода к вопросу об оперативном маневре отказалось от идеи комбинированного прорыва на северном и западном фронтах и сосредоточило все силы на западном фронте, то оно могло бы иметь здесь на участке 40—50 км до 40 пехотных, 5—6 кавалерийских дивизий и 1 900 орудий. Это было бы почти пятикратное превосходство в живых силах

и четырехкратное превосходство в артиллерии. Такая масса при надлежащей подготовке и своевременном начале операции могла бы раздавить сопротивление противника. Есть же пределы для соотношения между количеством и качеством. Мартовская операция доказывает, что общего трехкратного превосходства в данных условиях оказалось недостаточно.

После мартовской операции Эверт понял необходимость сосредоточения к фронту атаки гораздо больших сил и средств, но ударился в другую крайность. Вместо реальных расчетов Эверт начал предъявлять фантастические требования. В своих соображениях по подготовке неосуществленной операции в направлении на Вильну он требовал сосредоточения на участке прорыва в 20 верст до 20 корпусов, исходя из расчета: в первой линии 7 корпусов, во второй линии 7 корпусов и в третьей линии для развития успеха 3—4 корпуса. Это уже нормы, которых мировая война ни на западном, ни на восточном фронтах не знала; не знали таких норм и другие войны. Даже для карре времен Наполеона потребовалось бы большее пространство. В отношении артиллерийских норм Эверт был несколько скромнее. Он требовал на 1 версту 100—120 орудий. Алексеев зло и иронически возражал, но, судя по всем данным, переубедить Эверта ему не удалось.

Группировка артиллерии.

Всего 2-я армия имела:

пушек	3″	(76-мм)	— 744
„	42′	(107-мм)	— 40
гаубиц	48′	(122-мм)	— 182
„	6″	(152-мм)	— 177
Всего			1 143

Бросается в глаза малое количество тяжелой артиллерии — всего 157 орудий. Против мощной укрепленной полосы противника эта слабая артиллерия была почти бессильна. Других же технических средств (минометов, химических частей, авиации и т. д.) не было.

Не менее характерно резкое несоответствие между количеством пехоты и количеством артиллерии. 10 пехотных кор-

пусов и около 1 000 легких орудий образовали отношение— 2½ орудия на 1 000 бойцов, т. е. пропорция была намного ниже установленной нормы, требовавшей при атаке укрепленной позиции 8—10 орудий на 1 000 бойцов.

Эта артиллерия по группам была распределена следующим образом:

Группа Плешкова I корпус, участок около 4 верст:

пушек	3″ (76-мм)	— 48
гаубиц	48″ (122-мм)	— 12
Итого		60

I Сибирский корпус, участок около 4½ верст:

пушек	3″	— 72

Артиллерийская группа, подчиненная непосредственно Плешкову:

пушек	3″ (76 мм)	— 72
„	42″ (107-мм)	— 12
гаубиц	48″ (114-мм)	— 60
„	6″ (152-мм)	— 44
Итого		188 орудий
Всего в группе Плешкова		320 орудий

Группа Сиреліуса дополнительной артиллерии почти не получила. Его артиллерия состояла из:

пушек	3″ (76 мм)	— 72
гаубиц	48″ (122-мм)	— 24
„	6″ (152-мм)	— 12
Итого		108 орудий

Эта артиллерия была поровну распределена между IV Сибирским и XXXIV корпусами, занимавшими участок до 12 верст.

Группа Балуева, V Сибирский корпус, участок 4 версты:

пушек	3″ (76-мм)	— 132
„	42″ (107 мм)	— 16
гаубиц	48″ (122-мм)	— 48
„	6″ (152-мм)	— 53
Итого		249 орудий

XXXVI корпус, участок 3½ версты:

пушек	3″ (76-*мм*)	— 158
»	42″ (107-*мм*)	— 8
гаубиц	48″ (122-*мм*)	— 48
»	6″ (152-*мм*)	— 12
	Итого	226 орудий

III Сибирский корпус, имевший пассивную задачу наблюдения за болотом между V и XXXVI корпусами:

пушек	3″ (76-*мм*)	— 12
»	42″ (107-*мм*)	— 4
	Итого	16 орудий
	Всего в группе Балуева	591 орудие

Для стрельбы по самолетам было назначено 38 легких орудий, в резерве — 36 легких орудий.

Таким образом, на участке 2-й армии в целом была достигнута следующая оперативная и тактическая плотность:

на 1 версту — ¾ пехотной дивизии — 12 батальонов;

на 1 версту — 30—36 орудий разных калибров.

При расчете огнеприпасов штаб западного фронта исходил из следующих норм:

на 3″ (76-*мм*)	пушку	200	выстрелов в день боя
» 48″ (122-*мм*)	гаубицу	100	» » »
» 42″ (107-*мм*)	пушку	50	» » »
» 6″ (152-*мм*)	гаубицу	50	» » »

Длительность исходной операции исчислялась в 10 дней боев. Расчет был произведен не в соответствии с теми задачами, которые артиллерия должна была разрешать, а наглазок. Для полного удовлетворения этих норм западный фронт потребовал у ставки дополнительно к тем запасам, которые на фронте были, 105 парков различных калибров, а для развития успеха еще 50 парков. Такие требования ставка не могла удовлетворить, и западный фронт получил всего до и во время операции лишь около 60 парков. Вместо требовавшихся 140 000 000 ружейных патронов было дано только 12 000 000. Больше не было.

Но независимо от недостатка снарядов наличные запасы были сосредоточены на железнодорожных станциях на рас-

Схема 12. Операция у оз. Нарочь 18—28 марта 1916 г.

стоянии 60—80 км от позиционных районов батарей. При батареях было сосредоточено снарядов только на 1—1½ дня. Когда началась распутица, отдаленное местонахождение артиллерийских запасов сказалось самым отрицательным образом.

Характерно, что в то время, когда западноевропейские армии уже твердо установили, что при подготовке наступательной операции материальную базу необходимо устраивать не далее 15—25 км, русская армия все еще «храбро» держала свои конечно-выгрузочные станции за 75—100 км.

Управление артиллерией носило очень разнообразный характер. В группе Плешкова были созданы дивизионные, корпусные и групповая артиллерийские группы. Последняя была подразделена на пять подгрупп. В группе Сирелиуса вообще не делалось попыток централизации артиллерии. В группе Балуева объединение действий артиллерии было возложено на инспектора артиллерии XXXVI корпуса, но так как V и XXXVI корпуса действовали в разных направлениях, то объединение было номинальным и никакого практического значения не имело. Подготовка данных для стрельбы (разведка, выбор артиллерийских позиций и наблюдательных пунктов и пр.) началась в первых числах марта. Но задачи артиллерии были поставлены только за несколько дней до начала операции. Сеть связи была закончена только утром 18 марта.

Расположение обеих сторон перед началом атаки показано на схеме 12.

5. Противник

По разведывательным данным ставки, сведения о противнике к середине марта представлялись в следующем виде:

1. Против крайнего правого фланга, от моря до р. Еголонь, на протяжении 235 верст, стоит 8-я германская армия в составе 11 пехотных (6 полевых и резервных, 2 ландверных и 3 ландштурмных) и 3½ кавалерийских дивизий. Итого 124 батальона, 80 эскадронов и 748 орудий. Одна дивизия обороняла участок в 21,4 версты.

2. От р. Еголонь до оз. Дрисвяты (65 верст)—армейская группа Шольца в составе 6½ пехотных (5 полевых,

1½ ландверных) и 1⅔ кавалерийских дивизий—69 батальонов и 40 эскадронов. На одну дивизию — 10 верст.

3. От оз. Дрисвяты до м. Крево (155 верст)—10-я германская армия в составе 14½ пехотных (9 полевых и резервных, 5½ ландверных) и 4 кавалерийских дивизий. Всего 148 батальонов и 96 эскадронов. На одну дивизию—10,7 верст.

4. От м. Крево до р. Неман (65 верст)—12-я германская армия в составе 5 ландверных дивизий. Всего—57 батальонов. На одну дивизию—13 верст.

5. От р. Неман до района южнее Припяти (180 верст)—9-я германская армия и группа Войрша в составе 11 пехотных (5 полевых, 4 ландверных, 2 австрийских) дивизий. На одну дивизию—16,4 версты.

Всего—47½ пехотных и 9—10 кавалерийских дивизий. В основном эти сведения о противнике соответствовали действительности. На стороне русских на всем фронте было почти двойное превосходство в силах. Соотношение 2 к 1 было той нормой, которая установилась на фронте севернее Припяти с осени 1915 г.

Силы противника против участка главного удара штабом западного фронта исчислялись так:

1. От Двинска на юг, против левого фланга 1-й армии расположены—2-я, 108-я, 30-я, 77-я резервная и 88-я дивизии. В резерве—107-я дивизия.

2. Против 2-й армии с севера на юг—87-я, 2-я кавалерийская, 3-я, 17-я ландверная, Баварская кавалерийская, 3-я кавалерийская, 42-я, 115-я, 31-я, 75-я резервная, 10-я ландверная и 3-я резервная дивизии. В резерве—9-я кавалерийская дивизия.

3. Против правого фланга 10-й армии—14-я ландверная, 79-я резервная, 16-я ландверная и 89-я дивизии.

На схеме 12 указано действительное положение германских сил. Разница хотя и небольшая, но все же довольно ощутительная. Так, вместо 37-й пехотной дивизии указана 30-я пехотная дивизия. Вместо 9-й пехотной дивизии указана 3-я пехотная дивизия. Не указаны 80-я, 119-я и 86-я пехотные дивизии, которые противник сосредоточил в резерве в предвидении русского наступления. Правда, обнаружить последнюю группировку было трудно, так как она была сосредоточена перед самым началом атаки.

Наиболее точно была разведана группировка против 2-й армии. Помимо выяснения наименований неприятельских дивизий и полков, в штабе 2-й армии был произведен следующий расчет.

Против группы Плешкова: на участке Медзяны — Дуки — 2 кавалерийских и 1 пехотная дивизии, 32 250 шаг.

На 1 шаг	0,3 стрелка
1 пулемет на	300 шаг.
1 легкое орудие на	335 „
1 тяжелое орудие на	1 344 „

Против группы Сирелиуса: на участке Занапочка — д. Спяглица — 1 пехотная, 2 ландверных бригады и 1 кавалерийская дивизия, 43 500 шаг.

На 1 шаг	0,4 стрелка
1 пулемет на	290 шаг.
1 легкое орудие на	363 „
1 тяжелое орудие на	1 209 „

(Дело В. И. А. № 112—720).

О предстоящем наступлении немцы в основном были осведомлены. Свои выводы они основывали на следующих данных:

а) Еще в начале марта их разведка обнаружила, что против фронта Гинденбурга производятся обширные перегруппировки, при этом основная масса русских резервов сосредоточивается против 10-й германской армии.

б) Еще раньше они обнаружили постройку железной дороги Глубокое—Поставы. Сеть узкоколейных железных дорог в районе оз. Нарочь и севернее Поставы значительно возросла.

в) В начале марта против 10-й армии деятельность русских разведчиков, которая в обычное время была ничтожной, значительно усилилась. Поиски разведывательных команд в белых халатах, нападения на полевые караулы и патрули наблюдались почти ежедневно.

г) С 5 марта на участке атаки от Видзы на юг наблюдалась планомерная пристрелка русских батарей.

д) В течение определенного периода времени в русском расположении были слышны какие-то работы: стук, лома-

ние и пр.; наблюдалось увеличение окопных работ; значительно усилилось движение обозов и колонн по дорогам.

е) 13 марта стало известно, что в командование 2-й армией вступил Рагоза, и его штаб перешел из Мяска в Будслав.

ж) Войсковая разведка к 15 марта довольно точно выяснила и группировку войск и районы, где предполагают наносить главный удар.

Германское командование стало спешно принимать контрмеры. Помимо тех 3 дивизий и 1 бригады, сосредоточенных в ближайшем резерве, о которых говорилось выше, была подготовлена переброска 107-й дивизии из Двинского района и других частей. Войска, занимавшие позиции, были усилены большим количеством пулеметов и бомбометов.

Фалькенгайн ни в коем случае не хотел сократить масштаб операции под Верденом, поэтому восточный фронт был предупрежден, что он обязан обойтись своими силами.

Но в общем немецкое командование переживало тревожные дни. В самом деле, лишь один усиленный XXI корпус должен был отразить атаку целой мощной армии. Правда, в этом усиленном корпусе было 6 дивизий, а всего на участке удара 2-й армии у немцев было 10 дивизий, но все же надо считать, что не только ошибки русского командования, но и доблесть обороняющейся пехоты помогли немцам отразить удар.

6. Исходные распоряжения

Большое количество различного рода распоряжений, отданных в период подготовки операций, не представляет интереса. Можно лишь констатировать, что этих документов было слишком много и они безусловно дешифрировали операцию. Ниже приводятся лишь основные директивы и приказы, отданные перед началом операции.

Директива Алексеева последовала 16 марта. Она гласила:

«Государь император повелел:

Первое. Армиям перейти в наступление для нанесения энергичного удара германским войскам, действующим против северного и правофланговых армий западного фронтов.

Второе. Общая цель действий — достижение линий Митава—Бауск—Вилькомир—Вильна—Делятичи.

Третье. Ближайшая цель действий—овладеть и прочно утвердиться на линии: река Лауце—озеро Сауке—Окинсты—Ново-Александровск—Дукшты—Довчелишки—Свенцяны—Михалишки—Гервяты.

Четвертое. Главные удары направить: северному фронту из Якобштадтского района, общем направлении на Поневеж; западному фронту войсками 2-й армии, общем направлении на Свенцяны—Вилькомир.

Пятое. Независимо сего северный фронт атакует частями 12-й армии от Пулькаола и м. Икскюля общем направлении Бауск—Шенберг. Западный фронт, сообразуясь развитием операции на главном направлении, наносит удар направлении Вильна.

Шестое. Интересах нанесения удара значительного и сильного, северному фронту оставить в районе Валка — Вольмара лишь строго необходимые силы для охраны побережья севернее Риги, если оставление там войск признается нужным.

Седьмое. Удар должен быть решительным и произведен полной энергией и напряжением, оказывая взаимное содействие во фронтах и армиях.

Восьмое. Левофланговые армии западного фронта и юго-западный фронт удерживают перед собой силы противника, а в случае его ослабления решительно атакуют.

Девятое. Начало наступления назначается на пятое (18-е—А. В.) марта. Северному фронту предоставляется начать шестого числа (19-го—А. В.).

Десятое. Необходимо широко использовать конницу для внесения возможно большего расстройства в организацию тыла противника после прорыва хотя бы в течение первых двух-трех дней. Особенно желателен набег направлении Муравьево—Шавли.

Одиннадцатое. Гвардейскому отряду продолжать сосредоточение указанном ему районе, откуда он будет направлен для развития операций сообразно обстановке.

Двенадцатое. Штабам фронтов озаботиться приближении укомплектований для пополнения потерь период операций».

15 час. 40 мин. 16 марта 1916 г. № 1290. (Дело В. И. А. № 443).

Директива Эверта была отдана 13 марта 1916 года. (№ 11778). Ее содержание таково:

«Войскам северного и западного фронтов указано перейти в решительное наступление, разбить и отбросить противника за линию Тукум. Вилькомир, Делятичи; в исполнение сего приказываю:

1. 2-й армии, сосредоточив главные свои силы на своих флангах, перейти ими в решительное наступление с целью разбить противника, находящегося против фронта армии, и затем наступать далее на фронт Свенцяны, Михалишки, Гервяты; задача эта должна быть достигнута армией во что бы то ни стало.

2. 1-й армии, удерживая противника на своем правом фланге, перейти в наступление на Видзы и, овладев этим районом, продолжать наступление на Довгелишки».

10-й, 3-й и 4-й армиям было указано лишь сковать противника на своем фронте и быть готовыми перейти в решительное наступление в случае успеха 2-й армии. (Дело В. И. А. № 382).

Приказ командующего 2-й армией ген. Рагоза был изложен следующим образом:

«Войска северного и западного фронтов переходят решительное наступление. На 2-ю армию возложена задача разбить противника, находящегося перед фронтом армии, и затем наступать далее на фронт Свенцяны, Михалишки, Гервяты. Задачу эту армии приказано выполнить во что бы то ни стало.

Полоса наступления армии... (и т. д.).

Во исполнение поставленной армии задачи приказываю:

1. Группе ген. Плешкова, прорвав расположение противника на фронте Медзяны—Дуки, дальнейшее наступление развивать в общем направлении на Лынтуны, направив часть сил для удара во фланг войск противника, расположенных перед группой Сирелиуса...

2. Группе ген. Сирелиуса атаковать противника на участке Черняты—Лотва с целью приковать его к своему фронту. С развитием успеха соседних групп войскам группы продвигаться в общем направлении на Лынтуны.

3. Группе ген. Балуева... прорвать расположение противника на фронте оз. Нарочь—оз. Вишневское и, обеспечивая себя слева, развить дальнейшее наступление в общем направлении на оз. Большая Швакита — Лынтуны, № 1280». (Дело В. И. А. № 112—719).

Помимо этих необходимых оперативных документов, Эверт счел нужным преподать войскам 16 марта, за два дня до атаки, обширные указания, являющиеся как бы последним тактическим напутствием. Такой прием управления свил себе в русской армии прочное гнездо. Но кому он нужен? Если войска задолго до наступления не были в достаточной мере подготовлены в тактическом отношении, то чем могут помочь даже лучшие инструкции, отданные накануне наступления? Несомненно, что указания Эверта в низах не были даже прочитаны; были другие заботы, обычные перед большим сражением. Но эти указания имеют тот интерес, что они вскрывают состояние тактической мысли русского командования. Оно не было на высоте. Вот отдельные пункты указаний Эверта:

«Атаку противника производить на всем активном участке, не намечая заранее определенной точки главного удара, но энергично развивая последний там, где окажется возможным, где противник скорее сдаст и где будет достигнут наибольший успех.

Резервы располагать так, чтобы возможно было своевременно поддержать и развить успех как непосредственной поддержкой продвигающегося вперед боевого участка, дабы стремление его вперед было неудержимо, так и атаками во фланг противнику, еще удерживающемуся на месте.

...Местность должна быть изучена по карте и по возможности на самой местности. Начальники резервов должны знать пути подхода к фронту позиции противника и пути следования для поддержки и развития успеха у соседей.

...Всякий начальник должен быть в самой тесной связи со всеми своими прямыми начальниками и соседями.

...Потребовать от войск, чтобы при продвижении вперед они были обязаны, невзирая ни на какие границы, развивать энергичные действия во фланг и тыл противника...

...Напомнить войскам о своевременном устройстве перед атакой проходов в наших заграждениях...

...Указать на необходимость устраивать в неприятельских заграждениях не одни широкие ворота, а ряд коридоров.

Пехотную атаку «вести волнами» (шеренга за шеренгой), сзади первой — гренадеры, которые должны очищать окопы от противника; «волны» же должны катиться безостановочно

вперед. Принять все меры для достижения связанности действий артиллерии, пехоты, бомбометов, пулеметов, сапер и т. д.» (№ 11855).

Таким образом, высшее командование могло быть спокойно. Казалось, что сделано было все. Но увы, все это было только бумажное творчество. Действительно жизненного, практического руководства, являющегося основой оперативной деятельности, было проявлено очень мало. По существу эти приказы и указания являлись предвестниками неудач. Указания, с одной стороны, демонстрировали недоверие командования к войскам, с другой — они являлись страховкой на случай неуспеха. Рассчитывали, что потом при изучении причин неудач можно будет сослаться на то, что войска не выполнили требований инструкции. Обычно так и делалось.

7. Ход операции 18 (5) марта

Группа Плешкова. Артиллерийская подготовка началась в 8 час. 15 м. Вследствие неправильной группировки артиллерии на участке главного удара группы, в I Сибирском корпусе работало лишь: 48-лин. гаубиц — 32 и 6-дм. гаубиц — 8, т. е. меньше половины тяжелой артиллерии группы.

Легкие полевые пушки не могли восполнить этого недочета, ввиду мощности позиций противника и промерзлости грунта. Но основным недочетом артиллерийской подготовки было то, что предварительная разведка имела более или менее точные данные лишь о первой линии противника, в глубину же позиция не была разведана. Воздушных фотографий не было. С утра 18 марта опустился туман, и наблюдение было затруднено. В результате, артиллерийская подготовка своей задачи не выполнила, и, когда в 13 час. пехота пошла в атаку, она застряла в неразрушенной проволоке. Атака успеха не имела.

Группа Сирелиуса. Так как группа Сирелиуса фактически имела пассивную задачу, то она и не делала попыток наступать. В течение всей операции эта группа не сделала активного шага. Два корпуса этой группы фактически нужно снять со счетов при исчислении сил 2-й армии. Пассивности группы Сирелиуса способствовало то, что

местность к северу от оз. Мадзиол была исключительно неблагоприятна для наступления. Вряд ли в этом направлении можно было добиться каких-нибудь положительных результатов.

Группа Балуева. Хотя в V Сибирском корпусе и была достигнута предварительная договоренность артиллерии с пехотой, но артиллерия в целом была использована неправильно. Тяжелая артиллерия била по проволоке, легкая — по окопам, и вследствие этого огневые средства пехоты не были разрушены. Вместо ряда узких проходов был пробит один на участке свыше 100 м. Таким образом, и здесь пехота вынуждена была остановиться перед проволокой. Из десяти корпусов в первый день в атаку пошли лишь части двух корпусов. Единовременности удара достигнуто не было.

Два последующих дня — 19 и 20 марта — на участке 2-й армии продолжалась артиллерийская канонада. В ночь на 21 марта атаковал I Сибирский корпус и ворвался в расположение противника, но утром, когда атаки стоящего справа I корпуса успеха не имели, правый фланг I Сибирского корпуса повис в воздухе. На этот фланг и обрушилась контратака немцев. С большими потерями I Сибирский корпус вынужден был отойти в исходное положение.

В группе Балуева атаковали V Сибирский и XXXVI корпуса. Последний успеха не имел. V корпус овладел всей первой линией противника, захватив около 1 500 пленных.

Контратаки противника были отбиты.

Частный успех 21 марта не получил развития, главным образом, потому, что резервы групп и армии, расположенные далеко сзади, не успели выдвинуться вперед. Маневрирование резервами — это большое искусство, которое не было по плечу русскому генералитету.

21—25 (8—12) марта. Этот период является кризисом операции. В группе Плешкова выяснились огромные потери: 22-я дивизия — 8 900 чел., 1-я Сибирская дивизия—7 612 чел., 2-я Сибирская дивизия — 5 152 чел., т. е. эти дивизии, потеряв более 50% состава, оказались небоеспособными. Поэтому Плешков решает ввести в дело резервный XXVII корпус, который получает участок между I и I Сибирским корпусами. Общая атака назначается в ночь с 23 на 24 марта, но потом отменяется вследствие неблагоприятной погоды.

В группу Балуева вводится резервный XXXV корпус, но атака 24 марта также не состоялась. Помешала погода, и, кроме того, тяжелая артиллерия осталась без снарядов. В течение 21 — 23 марта на участке группы Балуева велись беспрерывные контратаки противника. Шел горячий бой. Оттепель и снежная метель превратили окопы и дороги в непроходимую кашу. Войска, вследствие трудностей подвоза, начали терпеть большие лишения. Части, выдвинувшиеся вперед, просто голодали. На это обратил внимание даже Эверт, который телеграфировал командующим армиями:

«Считаю нужным обратить ваше внимание, что с людьми отдохнувшими и накормленными можно сделать многое, а с людьми голодными и утомленными до такой степени, что они падают от усталости и засыпают перед проволочными заграждениями... на успех рассчитывать нельзя. Примите меры, чтобы люди ежедневно были накормлены во что бы то ни стало и перед атакой имели необходимый отдых. Замечено, что немецкие части, которые вели бой несколько дней, сменяют и дают им передышку; желательно при первой возможности делать это и у нас» (№ 12233).

В эти дни произошел надлом и у Рагозы. Разуверившись в успехе атаки группы Плешкова, он начал настойчиво предлагать Эверту другой план, а именно — план переноса всей атаки на участок Черна—Лотва, т. е. на участок Сирелиуса, который прежде признавался совершенно неудобным для атаки. Для этой атаки он предлагал ввести в дело резерв фронта — XV и III Кавказский корпуса. Но Эверт не соглашался, и не без основания. Для подготовки нового удара Рагоза считал достаточным три дня. Не свидетельствует ли это о том, что Рагоза просто не отдавал себе ясного отчета в обстановке?

Переписка, происходившая в эти дни между Рагозой, Эвертом и Алексеевым, вскрывает странный порядок управления всей операцией. Никто не решался брать ответственности на себя.

Разговоры по телеграфу, приказы, распоряжения, советы, указания передавались не только вниз, но и вверх — до Алексеева. Ругали начальников групп, командиров корпусов и дивизий, требуя во что бы то ни стало добиться прорыва, но никто не указывал конкретно, как это сделать.

Надлом у Эверта выразился в переходе от трезвой оценки положения к мистицизму. В его документах часто появляются ссылки на бога. Так, например, один документ начинается словами: «Если бог благословит группу Плешкова...» и т. д. Однако, понимая, что подобное обеспечение операции недостаточно, Эверт бросается и в другую крайность, готовый израсходовать до конца небольшие фронтовые запасы снарядов. Он пишет Рагозе: «Норма расходов снарядов может быть в случае крайней необходимости и увеличена...» (№ 12132).

Алексеев и Эверт совместно потребовали от Рагозы ликвидации групп, с тем чтобы он лично принял на себя управление армией. Рагоза первно отвечал:

«Взглядом ген. Алексеева и вашим относительно групповых начальников, особенно там, где решается участь операции, согласиться не могу как принципиально, так равно по сложившейся обстановке. Нас учили: мастера военного дела более пяти единицами управлять не могут.

Я простой смертный и имею под своим началом таковых тринадцать...

...Чтобы взять на себя управление группой ген. Плешкова, я должен переехать в район его войск. Не на кого тогда будет оставить армию. Если, не дай господи, будет заминка у ген. Балуева, то должен буду тогда переехать к нему. На кого тогда оставлю армию и войска группы ген. Плешкова...

...Теперь при групповой организации через телеграф проходит до трех тысяч депеш ежедневно. Если мне только треть таковых читать, то при семнадцатичасовой непрерывной работе можно на каждую депешу уделить только по одной минуте» (№ 1543).

25—28 (12—15) марта. 25 марта войска вновь атаковали. Группа Плешкова овладела было двумя линиями окопов, но была отброшена контратаками. Группе Балуева продвинуться вперед так и не удалось. Бой продолжался до 28 (15) марта, когда последовала директива Алексеева о прекращении наступления. Это решение было единственно правильное. Ибо 2-я армия уже потеряла свыше 100 000 чел. без надежды какими-нибудь оперативными успехами искупить это массовое избиение людей.

8. Оперативно-тактические причины неудачи мартовской операции

В апреле 1916 г. ставка сделала первую серьезную попытку подвести итоги неудавшихся операций по прорыву и вообще выяснить причины неудач русской армии. Результатом явились два документа: 1) «Записка по поводу выполнений операций на юго-западном фронте в декабре 1915 г. и северном и западном в марте 1916 г.» и 2) «Записка по поводу действий нашей артиллерии во время операции на западном фронте 5—15 (18—28) марта 1916 г.», которые были разосланы в войска до штабов дивизий включительно.

Ставка установила следующие основные причины неуспеха:

1) Отсутствие тщательной, широко и всесторонне обдуманной подготовки операции. Войска не получали конкретных указаний о задачах и способах действительной, полевой, а не кабинетной подготовки. Войска не были знакомы с районом действий, так как прибывали туда часто перед самым началом операции. Армейское командование часто отказывалось взять на себя непосредственное руководство прорывом и передавало управление наспех импровизированным штабам групп, среди которых некоторые даже не произвели тактической оценки местности и личного ознакомления с ней.

2) Несогласованность действий артиллерии с пехотой. Пехота часто захватывала отдельные участки неприятельских позиций, но, оказываясь в дальнейшем без артиллерийской поддержки, отбрасывалась с большими потерями назад. Не поспевали и пехотные поддержки, которые вынуждались двигаться по открытым местам под убийственным артиллерийским огнем неприятеля из-за отсутствия заранее оборудованных инженерных плацдармов.

Артиллерия получала невыполнимые задачи, но старшие артиллерийские начальники не имели мужества заявить о «несоответственности условий». Задачи артиллерии ставились в высшей степени безграмотно. Вот образцы:

«Разрушить ночью многочисленные опорные пункты в тылу и по сторонам атакованного участка, держа в то же время под огнем дороги, ведущие по сторонам противника, долину реки и железную дорогу на 2 версты в глубину».

«Подготовить атаку на участок неприятельской позиции в 4 версты протяжением по фронту».

«Своевременной тщательной артиллерийской подготовкой огня мест прорыва расположения противника обеспечить успех атаки» и т. п.

Выбор участков для атаки.

Основной недочет в этой области ставка усматривала в том, что «без особой подготовки» пытались прорывать укрепления противника методами полевого боя, не производя даже необходимого сближения, подхода к укрепленной линии противника. Всем участникам мировой войны на русском фронте памятны неоднократные наступления русской армии на укрепленные линии противника с далекого расстояния (часто в несколько километров). Цепи и колонны наступающего в большинстве случаев расстреливались задолго до подхода к неприятельской «проволоке».

Ширина фронта прорыва оказывалась совершенно недостаточной. При узких участках прорыва успешно продвигающиеся войска оказывались под воздействием огня противника, насквозь простреливавшего участки прорыва с обоих флангов. Не имея возможности закрепиться, войска несли большие потери.

Ставка указывает, что фронт атаки должен быть не менее 20 верст, достигая по возможности до 30. Однако, это само по себе чрезвычайно абстрактное указание почему-то не обусловливается необходимостью сосредоточения достаточной артиллерии. Выводы ставки характерны своей боязнью «мешкообразного» положения. Это не была боязнь высоких чиновников из ставки. Здесь они только верно отразили мнение разложившихся армейских масс. Боязнь попасть в мешок господствовала над фронтовой психикой. Но как можно действительно добиться успеха при прорыве, если сознательно не двигаться, не создавать и не влезать в «мешки» неприятельского укрепленного фронта. Ставка с неодобрением отмечает, что в 5-й армии (северный фронт) избирались вогнутые участки неприятельской позиции, чем еще более облегчалось поражение наступающего огнем с обоих флангов.

Теоретически это указание правильно. При наступлении, конечно, выгодно избрать выгнутые к противнику участки

фронта. Такая конфигурация создает в случае успеха возможность осуществления различных фланговых угроз — обход, окружение и т. д. Но опыт доказал, что и «выгнутые» участки обычно быстро превращались в «вогнутые».

С местностью, с артиллерийской точки зрения, совершенно не считались. Анализируя группировку артиллерии у Плешкова, ставка указывает:

а) Наблюдение за артиллерийской стрельбой было невозможно, ибо позиция противника прикрывалась лесом.

б) Дороги не были оборудованы, поэтому подвозить снаряды приходилось по отвратительным проселочным дорогам, которые ввиду оттепели превратились в сплошную грязь. В итоге артиллерия осталась просто без снарядов. В самый разгар боев на северном и западном фронтах большая часть тяжелой артиллерии вынуждена была молчать.

в) Так как позиция противника была расположена в лесу, то ее не сумели разведать в глубину, и артиллерия в общем стреляла впустую.

г) Местность вблизи атакуемого участка представляла собой сплошное болото, которое не давало достаточно позиций для артиллерии. Она вынуждена была стать далеко позади, «а дальнейшее маневрирование, особенно тяжелой артиллерии, было значительно затруднено, вернее, почти невозможно».

Справедливость требует указать, что такая группировка артиллерии имела место не только в группе Плешкова, но всюду, о чем свидетельствуют приказы Щербачева, Брусилова и других. Артиллерию ставили подальше, чтобы в случае контратаки она не попала в руки противника. Для русской армии такая предусмотрительность была как будто разумна, но она оставляла пехоту без поддержки артиллерии.

д) Для русской армии оказался совершенно неожиданным применявшийся немцами метод преднамеренного оставления наиболее опасных участков местности и отхода на готовые позиции, оборудованные сзади. Войска часто не имели достаточно данных об укрепленной линии противника, ибо очень мало и плохо пользовались таким инструментом, как воздушное фотографирование. В штабах 11-й и 9-й армий (юго-западного фронта) фотографий намеченного для атаки участка фронта противника не было, сведения о позиции

и даже вообще о расположении противника были «скудны». В то же время войскам в целях маскировки было запрещено вести свою разведку. Результатом этого «незнания» могло быть лишь такое положение, при котором артиллерия работала не только «впустую», но и «вслепую». Вернее, одно дополняло другое.

Удивительно, что даже такое элементарное требование, как централизация артиллерии, не было проведено в достаточной мере целесообразно. В итоге часто целые корпуса оставались без артиллерийской поддержки, в то время когда вся артиллерия стреляла по участкам соседних корпусов.

Почти во всех операциях не было произведено точного расчета потребного количества артиллерии и снарядов в зависимости от того, сколько «единиц» искусственных препятствий и фортификационных построек надо было разрушить и сколько времени надо было держать противника под нейтрализующим артиллерийским огнем. Подсчет был произведен механически, наглаз — «столько-то снарядов в день на орудие».

Однако, ставка не объясняет этого факта, виновником которого являлось не только армейское, но и фронтовое и верховное командования, которые не обеспечивали операции достаточным количеством снарядов из-за отсутствия их. Есть целый ряд донесений командующих армиями, свидетельствующих о том, что все эти операции не были обеспечены в материальном отношении.

Не было правильного распределения тяжелой артиллерии. Там, где тяжелая артиллерия была, не было подвоза снарядов. В конечном итоге необеспеченные в материальном отношении операции выливались в сознательное массовое избиение бойцов.

Сближение и оборудование местности

Как уже указывалось, местность в районе атаки оборудована не была. «Поддержки боевой линии лежали открыто часами под неприятельским артиллерийским обстрелом, закоченевшие в снегу и в воде». В 7-й армии юго-западного фронта, невзирая на указания о необходимости укрыть пехоту атакующего в окопах, фактически это произведено не было. Понадобились две недели кровопролитных боев, чтобы

командование усвоило это требование и приступило к оборудованию траншей, ходов сообщений и пр.

На северном фронте укрыть пехоту в окопах при сближении нельзя было из-за грунта, промерзшего на 50—75 см в глубину. Продолбить своими средствами этот ледяной пласт земли войска не могли, но тем не менее сапер не привлекали, оберегая этот ценный и немногочисленный род войск.

Ставка торжественно поучает: «Там, где гибнут десятки тысяч пехотинцев, нужно бесповоротно итти на гибель сотен сапер». Нет ничего удивительного, что саперные и инженерные части русской армии за всю войну потеряли только 17 950 чел., из них убитыми — 1 441 чел.

Пехотная атака

1. В большинстве случаев пехота шла в атаку без достаточной артиллерийской подготовки. Хотя ставка видит в этом проявление «бессознательной храбрости», фактически это было сплошное невежество высшего командного состава, пытавшегося «пушечным мясом» восполнить недостатки понимания новых условий боя, основанного на взаимодействии родов войск, особенно пехоты с артиллерией.

2. Не получая артиллерийской поддержки, пехота двигалась в атаку в густых линейных строях и даже в колоннах. Даже в приказах таких передовых начальников, как Брусилов, значилось, что необходимо «наступать густыми цепями, чтобы держать людей в руках, а за ними двигать поддержки и резервы в еще более густых строях (даже в колоннах), не боясь потерь...»

Эверт густые строи обосновывал тем, что русская армия всегда «кровью своих сынов искупала недостаток технических средств». Что уплотнение живых сил, не прикрытых соответствующими огневыми средствами, ведет лишь к увеличению потерь, — этого понять высшие начальники русской армии в начале 1916 г. еще не могли.

3. Начальники часто оставляли свои части, стремясь укрыться в тылу. Бывали случаи, когда только вмешательством командиров корпусов можно было заставить командиров дивизий уйти из тыловых деревень или менять наблюда-

тельные пункты, откуда уже ничего не было видно. Впрочем, многие участники мировой войны констатируют, что этой болезнью, которая называлась «тыломанией», страдали не только генералы, но и рядовые офицеры. Щербачев (командующий 7-й армией) в своих указаниях констатирует, что «с первыми ворвавшимися не было на месте начальствующих лиц, которые бы не допустили людей в столь важную минуту до беспорядочного обшаривания окопов и установили бы порядок».

Это верно. Бойцы царской армии знали, что в ранцах немецких и австрийских солдат всегда можно было найти и продукты питания и новые ботинки, и чистое белье. Успешная атака для оставшихся в живых всегда сопровождалась облавой на захваченные неприятельские окопы в поисках «добычи». Это было массовым явлением [1].

4. Связи по фронту и в глубину между артиллерией и пехотой зачастую не было; потому нередко пехоту расстреливала собственная артиллерия. Но если связь кое-где и работала, то донесения немилосердно врали. Щербачев указывает: «Не раз имели место случаи, что поступали донесения об овладении пунктами, которыми на самом деле мы не владели; части отходили, но об этом не доносилось и т. п.».

9. Эпилог мартовской операции

Во время мировой войны в период стабилизации фронтов, в особенности на западном театре, установилась своеобразная традиция позиционной войны — не отдавать противнику занимаемых войсками передовых позиций. В случае же, когда противник захватывал незначительное пространство, контр-

---

[1] Погоня за добычей являлась в царской армии типичным феодальным пережитком. Еще Суворов в «Науке побеждать» поучал:

«Святая добычь. Возьми лагерь, все ваше. Возьми крепость, все ваше. В Измаиле, кроме иного, делили золото и серебро пригоршнями. Так и во многих местах...»

Или «Приказ: спускайся в город, режь неприятеля на улицах. Конница — рубп. В дома не ходи, бей на площадях, штурмуй, где неприятель засел... Неприятель сдался. Пощада. Стена занята. На добычь».

Воспитанная на таких началах царская армия на войне мародерствовала и грабила. Начальство смотрело на это сквозь пальцы и в грабежах часто само принимало деятельное участие.

атака с целью восстановления положения считалась обязательной. Эта контратака могла последовать не только немедленно, но и по истечении некоторого времени — недель, месяцев. Важно было вернуть утерянные пункты, которые в большинстве случаев не имели никакого не только оперативного, но и тактического значения. Но этого требовал престиж армии, вернее, престиж высоких генеральских чинов, которые полагали, что такие контратаки имеют воспитательное значение.

В течение мартовской операции 2-я армия захватила отдельные участки между оз. Нарочь и оз. Вишневское, 5-я армия в Якобштадтском районе захватила д. Екуки. Нужно было ожидать контратаки. И действительно, 28 апреля и 10 мая последовали атаки германцев, в результате которых положение было полностью восстановлено. При атаке немцев у оз. Нарочь русский V корпус потерял свыше 10 000 чел. убитыми и ранеными.

Характерны для этих немецких атак тщательная их подготовка и могущественность артиллерийских средств, вводимых германцами в дело. Артиллерийскую подготовку 28 апреля вел известный Брухмюллер.

Эти сравнительно легкие удары только увеличили общую подавленность, неизбежную после столь крупной неудачи. Моральное потрясение было огромным. Некоторые корпуса надолго потеряли боеспособность. I корпус разложился до такой степени, что, когда он через несколько месяцев попал на юго-западный фронт на р. Стоход, он сорвал весь удар гвардии.

Глава XXII

ТРЕТЬЯ ГАЛИЦИЙСКАЯ ОПЕРАЦИЯ (ЛУЦКИЙ ПРОРЫВ)

Переход к тщательной подготовке операции

1. Основные проблемы

Прорыв юго-западного фронта летом 1916 г. известен в литературе под названием Брусиловского или Луцкого прорыва. Нам кажется, что наиболее правильно будет назвать этот прорыв «Третьей галицийской операцией».

В развитии русского оперативного и тактического искусства во время мировой войны эта операция является важнейшим этапом, ибо это — первая операция, в которой осуществлена сравнительно полная подготовка. Эта операция дает достаточно материала для всестороннего изучения проблемы современной войны, но ограниченные цели настоящего труда вынуждают нас изучить лишь следующие вопросы:

1. Оригинальная форма операции, примененная юго-западным фронтом для прорыва укрепленной позиции, — форма комбинированного удара.
2. Неустойчивость позиционного фронта на восточном театре войны. Причины этой неустойчивости.
3. Непосредственное влияние политико-моральных факторов на характер и формы операции.
4. Своеобразный характер сражения на истощение на восточном театре войны (сражение на р. Стоход).
5. Фланговый контрудар как средство противодействия прорыву.
6. Уродливые формы взаимодействия армий и фронтов в русской армии.

2. Русская армия к лету 1916 г.

Еще задолго до мировой войны германский генеральный штаб констатировал, что со стороны царской армии нельзя ожидать смелых, быстро проводимых маневров; что царская армия малоподвижна и тяжеловесна. Эти качества во многом подтвердились уже в начале мировой войны и получили дальнейшее развитие и углубление по мере того как царская армия росла численно. Уже в начале 1915 г. выяснилось, что единственная форма операций, на которую эта армия еще более или менее способна, это — фронтальное сражение. Выравнивание фронта, оглядывание на соседей, боязнь изгибов фронта и оголенного фланга были столь сильными, что летом 1915 г. даже отдаленная угроза возможности попасть под охват вынуждала русскую армию к отходу, причем противнику уступалось большое пространство.

Причины, приведшие русскую армию к такому положению, разнообразны и уходят вглубь основных политических и экономических факторов царской России.

После того как осенью 1914 г. и особенно зимой 1914—1915 г. основные кадры русской армии были истреблены в бесполезных и безумно расточительных операциях, в армии остались мало обученные контингенты — ратники старших возрастов и новобранцы молодых возрастов. Достаточно упомянуть, что русская армия, развернувшая по мобилизации до 4 000 000 чел., имела, по официальным данным, в течение 1914—1915 гг. 3 403 013 чел. потерь. В феврале 1916 г. численность армии достигла 6 206 743 чел., т. е. армия не только переменила, но и удвоила весь свой состав. Необученная же массовая армия, не имевшая в войне никаких интересов, ни классовых, ни даже национальных, была неспособна к маневрированию, ибо последнее качество является обычно принадлежностью хорошо подготовленных войск. Сражение с перевернутым фронтом нельзя осуществить с плохими войсками, они могут сражаться лишь фалангой, линейным порядком, карре, словом — лишь тем боевым порядком, который обеспечивает чувство локтя, т. е. фронтальным построением. Русская царская армия до конца мировой войны так и не могла дойти до групповой тактики.

Не имела русская армия и достаточно подготовленного офицерского состава. Кадры мирного времени были перебиты. По мобилизационному развертыванию в 1914 г. армия имела 55 668 офицеров, врачей и чиновников. В течение 1914—1915 гг. она понесла потерь в этом составе 45 115 чел. В феврале 1916 г. в армии числилось 127 308 офицеров, врачей и чиновников. Эти цифры подтверждают, что уже в начале 1916 г. русская армия управлялась не кадровым офицерским составом, а армией неподготовленных прапорщиков, ибо Россия в мирное время широкого запаса офицерского состава не имела. Эти прапорщики с военношкольной подготовкой в 3—4 месяца не были таким командным костяком, с которым можно было бы осуществлять смелые маневры.

Русский генералитет, состоявший в подавляющем большинстве из представителей дворянско-помещичьей правящей клики, болел всеми болезнями своего умирающего класса. О единстве, стойкости и смелости его не могло быть и речи. Подсиживание, карьеризм, склока, подхалимство, интриганство и другие подобные качества, свидетельствующие о вырождении, свили себе в русском генералитете прочное

гнездо. В царской армии были нередки случаи, когда высшие начальники из-за шкурных, личных интересов оставляли соседа без поддержки. Без связи с широкими общественными, даже буржуазными кругами страны, ненавидимый солдатскими массами, без внутренней спайки и без достаточных знаний, — этот генералитет не мог осуществлять доподлинное руководство войсками. Этот генералитет был пассивен и под влиянием беспрерывных неудач с величайшей неохотой раскачивался на активные действия.

Помимо необученности армейская масса в целом охватывалась все возрастающим процессом разложения. Уже в 1915 г. было ясно, что русская армия больше воевать не хочет. Массовые сдачи в плен, дезертирство, мародерство, грабежи, «самострелы», массовое бегство с поля боя при малейшем крике «нас обходят», паника — стали обычным явлением. В начале 1916 г. на юго-западном фронте были даже случаи братания.

В «Истории гражданской войны» т. I дан блестящий анализ развала царской армии во время мировой войны. Там указывается: «Плохо вооруженная, руководимая бездарными генералами, обкрадываемая продажными интендантами, армия терпела поражение за поражением. Без веры в себя, без доверия к своим командирам, не зная, во имя чего гибнут миллионы, неподготовленная, голодная и разутая, она оставляла противнику города, целые области, десятки тысяч пленных.

Тяжелые поражения озлобляли солдат. В массах зрело недовольство, переходившее в глухое брожение, а потом и в активные выступления. Проклиная бестолковщину и неразбериху, солдаты отказывались выполнять приказы, не шли в наступление, избегая боя.

В 1916 г. русская армия насчитывала уже более полутора миллионов дезертиров».

Армия, не понимавшая, за что она сражается, ненавидевшая веками душивший ее царский строй, не могла быть инструментом победы. Однако, ни правящие политические круги, ни армейский генералитет не понимали этих настроений масс и делали все, что могли, чтобы еще больше увеличить пропасть между собой и солдатскими массами.

Царское правительство с тупым упорством отвергало даже самые скромные проекты разрешения земельного вопроса.

Мобилизация промышленности осуществлялась с величайшими трудностями. Разруха последовательно охватила транспорт, сельское хозяйство и промышленность. Царское правительство и созданные буржуазно-помещичьи организации: особые совещания по обороне, по транспорту, по топливу, военно-промышленные комитеты, союз городов, земский союз и др.—не могли справиться со стихийным развалом народного хозяйства. Но на фоне общего развала в 1916 г. удалось увеличить производство оружия и боеприпасов. Ниже следующие цифры иллюстрируют достижения в этой области:

	Произведено русскими заводами		Поступило из-за границы	
	винтовки	пулеметы	винтовки	пулеметы
Август 1914 г.	10 296	112		
Август 1915 г.	71 356	412		
Июнь 1916 г.	104 315	304		
Всего в 1915 г.	739 446	4 251	незначительное количество	
Всего в 1916 г.	1 111 393	11 420	425 125	10 565
патроны				
Август 1914 г.	78 561 000			
Август 1915 г.	93 149 000			
Июнь 1916 г.	129 522 000			
Всего в 1915 г.	1 032 152 000		незначительное количество	
Всего в 1916 г.	1 481 861 000		833 000 000 разных систем	
орудия в общих 76-мм единицах				
Всего в 1915 г.	3 359		822	
Всего в 1916 г.	7 411		1 853	
снаряды				
Всего в 1915 г.	12 224 364		1 188 004	
Всего в 1916 г.	48 328 564		8 104 753	

	ручные гранаты	
Всего в 1915 г. .	2 132 671	1 261 000
Всего в 1916 г. .	8 987 346	17 626 084

Рост военно-технической базы стимулировал активность русской стратегии в 1916 г.

3. Политические и стратегические предпосылки операции

Операция юго-западного фронта была решена на совещании в ставке 14 апреля 1916 г. В основу работ совещания была положена записка Алексеева от 4 апреля 1916 г. Алексеев в этой записке считал необходимым перейти к активным действиям, основываясь на нижеследующих данных:

а) Конференция в Шантильи, состоявшаяся 14 марта 1916 г., постановила, что общее наступление всех армий предложено в мае, причем начать его должна русская армия.

б) Соотношение сил на русском театре складывается в высшей степени благоприятно. В записке Алексеева приводятся нижеследующие данные о соотношении сил в штыках:

	Русские силы к февралю	Силы противника к февралю	Перевес в силах к февралю	Перевес в силах при полном укомплектовании
Северный фронт .	466 000	220 000	246 000	296 000
Западный фронт .	754 000	420 000	334 000	449 000
Всего против немцев . . .	1 220 000	640 000	580 000	745 000
Юго-западный фронт против австрийцев . .	512 000	441 000	71 000	132 000

Из этих данных Алексеев делает ряд прямых выводов:

1. К северу от Полесья немцы, связанные Верденской операцией, не могут сосредоточить достаточных сил для решительного наступления. Здесь они могут произвести лишь частичные удары. Наиболее угрожаемыми направлениями являются направления на Ригу, Двинск, Молодечно и Минск Эти направления надлежит обеспечить соответствующей группировкой сил. В рижском районе необходимо оставить не менее двойного превосходства в силах: 84 000—100 000 штыков против 42 000 штыков противника. Прикрытие путей на Петроград должно явиться основной задачей Северного фронта.

2. Наиболее опасным с точки зрения внезапного нападения противника является юго-западный фронт, где сосредоточение четырех германских корпусов уравнивает силы сторон. Для обеспечения юго-западного фронта необходимо оставить в руках верховного главнокомандующего резерв для быстрой переброски его на юг в случае необходимости. При этом записка указывает, что «удар на юго-западном фронте не может иметь решающего в общем ходе войны значения».

3. Это соотношение сил предопределяет и направления главного удара русской армии. В записке Алексеев указывает:

«Западный фронт производит главный удар из Молодечненского района в направлении Ошмяны—Вильна, может быть, начиная удар на участке Листопады—Вишнево, допускающем охват с обоих флангов, как на участке, вдающемся в нашу боевую линию».

К району главного удара западный фронт должен сосредоточить весь свой избыток сил, который позволит иметь 480 000 штыков против 82 000 штыков неприятеля.

Одновременно второстепенный удар наносит и северный фронт из Двинского района, где избыток сил позволяет сосредоточить 213 000 штыков против 43 000 штыков неприятеля. Основной задачей юго-западного фронта должна быть подготовка к отражению неприятеля в случае его наступления. Но одновременно этот фронт должен готовиться «к производству удара из района Ровно ко времени развития наступления севернее Полесья».

Таким образом мы должны констатировать, что все внимание ставки с начала 1916 г. было приковано к северу от

Полесья. В документах мировой войны мы не находим объяснения этой странной перемены взглядов. Еще совсем недавно в течение ряда месяцев ставка твердила о необходимости искать решения войны путем совместного с союзниками сокрушительного удара по Австро-Венгрии и Болгарии; ныне же производится переоценка всех стратегических ценностей. Нельзя же в самом деле считать достаточным основанием цифровые выкладки Алексеева о штыках и саблях без поправок за счет качественных коэфициентов, определяющих наряду с количественными данными степень боеспособности русской и германской армий севернее Полесья: наличие тяжелой артиллерии и снарядов; степень укрепленности германских и австрийских позиций; состояние железнодорожных сообщений, позволявших немцам производить быстрее переброски именно к северу от Полесья, и пр.

Перенос центра тяжести против немцев объясняется двумя обстоятельствами:

1. Нажимом со стороны союзников, особенно Франции.

Последняя на всех конференциях систематически добивалась, чтобы усилия русской армии направлялись против Германии, а не против Австрии. Зависимость же России от союзников была столь велика, что в основных моментах мировой войны последняя не смогла настоять на проведении собственной самостоятельной стратегии. План Алексеева по существу являлся планом не русской, а французской ставки.

2. Боязнью оголить свой фронт к северу от Полесья.

Это колоссальное превосходство в живых силах на стороне России было достаточным, чтобы держать свой фронт, но недостаточным для наступления. Никто из руководящих лиц русского главного командования не верил в успех против немцев. В этом духе на совещании 14 апреля 1916 г. прямо высказывались Куропаткин и Эверт.

Тем неожиданнее было выступление Брусилова, недавно назначенного главнокомандующим юго-западным фронтом вместо Иванова. Брусилов заявил, что юго-западный фронт не только готов к наступлению, но имеет все основания рассчитывать на успех. Брусилов, в течение долгого времени воевавший против австрийцев, имел основания считать, что прорыв австрийского фронта сулит больше успеха, чем действия против немцев.

Это выступление было подобно разорвавшейся бомбе. Куропаткин и Эверт с большим неудовольствием должны были изменить свои взгляды и заявить, что их фронты также готовы нанести неприятелю удар.

Характерно, что после совещания Куропаткин заявил Брусилову:

«Вы только что назначены главнокомандующим, и вам притом выпадает счастье в наступление не переходить, а, следовательно, и не рисковать вашей боевой репутацией, которая теперь стоит высоко. Что вам за охота подвергнуться неприятностям, вы можете быть смещены с должности и потерять тот военный ореол, который вам удалось заслужить в настоящее время. Я бы на вашем месте всеми силами открещивался от каких бы то ни было наступательных операций, которые при настоящем положении могут вам лишь сломать шею, а личной пользы вам не принесут» [1].

В результате совещания в ставке последовала директива Алексеева, которая в части постановки задач фронтам гласит:

«Главный удар будут наносить армии западного фронта.

Армии северного и юго-западного фронтов оказывают содействие, нанося удары с надлежащей энергией и настойчивостью как для производства частных прорывов в неприятельском расположении, так и для поражения находящихся против них сил противника.

Западный фронт атакует противника из Молодечненского района, развивая удар в направлении Ошмяны—Вильна.

Северный фронт наносит удар или из района Иллукст—оз. Дрисвяты в направлении на Ново-Александровск, или из района южнее оз. Дрисвяты в общем направлении на Видзы — Уцяны.

Юго-западный фронт, тревожа противника на всем протяжении своего расположения, главную атаку производит войсками 8-й армии в общем направлении на Луцк (директива от 24 апреля 1916 г. № 2017/806).

Эту директиву можно считать исходным распоряжением по операции юго-западного фронта. Фактически же подготовка операции началась гораздо раньше.

---

[1] «Война и революция», 1927 г., кн. 4. Эти слова Куропаткина подтверждает и Лемке (см. «250 дней в царской ставке»).

4 План операции

Комбинированный удар как форма оперативного маневра на восточном театре

По возвращении из ставки 15 апреля 1916 г. Брусилов собрал в Подволочиске командующих армиями на совещание. Хотя в своих мемуарах Брусилов характеризует себя как врага всяких военных советов, фактически и это совещание было не чем иным, как военным советом. Такой коллегиальный метод управления, которым прикрывались боявшиеся ответственности командующие, стал нормальным в русской армии.

Разница в данном случае заключалась в том, что Брусилов действительно сумел переубедить командующих армиями, которые поголовно высказывались против наступления, и настоять на необходимости подготовить операцию.

На этом совещании Брусилов изложил свои взгляды, которые должны быть положены в основание разработки плана предстоящей операции.

Сущность этих взглядов сводилась к нижеследующему: «Атака должна вестись по возможности на всем фронте армии, независимо от сил, располагаемых для сего.

Только настойчивая атака всеми силами на возможно более широком фронте способна действительно сковать противника, не дать ему возможности перебрасывать свои резервы.

Ведение атаки на всем фронте должно выразиться в том, чтобы в каждой армии, в каждом корпусе наметить, подготовить и организовать настойчивую атаку определенного участка неприятельской укрепленной полосы» (указания Брусилова, 19 апреля 1916 г., № 1039).

Таким образом, комбинированный удар Брусилова по его замыслу являлся не чем иным, как именно подготовкой фронтального сражения на широком фронте.

Причины, приведшие Брусилова к выбору такой оригинальной оперативной формы, изложены им самим подробно в его «Воспоминаниях». Два обстоятельства вызвали у него мысль о комбинированном ударе. Первое — это стремление достичь независимости от ставки и второе — стремление сковать весь фронт противника.

Излагая трудности, связанные с осуществлением удара в одном пункте, Брусилов пишет:

«Такая подготовка к прорыву фронта при воздушной разведке секретной быть не может: подвоз артиллерии, громадное количество огнестрельных припасов, значительное сосредоточение войск, интендантских складов и т. д. требуют много времени, и скрыть все это мудрено. Самая подготовка к атаке, т. е. расстановка артиллерии различных калибров, причем каждая артиллерийская группа получает свою особую задачу, а каждый род артиллерии — свое особое назначение, устройство телефонной связи с наблюдательных пунктов, устройство плацдарма, чтобы довести свои передовые окопы до окопов противника на 200—300 шагов, на что требуются громадные земляные работы,— для всего этого необходимо 6—8 недель времени. Следовательно, противник, безошибочно определив выбранный пункт удара, имеет полную возможность собрать к назначенному месту и свою артиллерию и свои резервы и принять все меры для того, чтобы отразить удар.

Во избежание вышеуказанного важного неудобства я приказал не в одной, а во всех армиях вверенного мне фронта подготовить по одному ударному участку, а кроме того, в некоторых корпусах выбрать каждому свой ударный участок и во всех них немедленно начать земляные работы для сближения с противником. Таким образом, на вверенном мне фронте противник увидит такие земляные работы в 20—30 местах, и даже перебежчики не будут в состоянии сообщить им ничего иного, как то, что на его участке подготовляется атака. Таким способом противник лишен возможности стягивать к одному месту все свои силы и не может знать, где будет ему наноситься главный удар. У меня было решено нанести главный удар в 8-й армии в направлении на г. Луцк, куда я и направлял мои главные резервы и артиллерию, но и остальные армии должны были наносить каждая, хотя и второстепенные, но сильные удары, и, наконец, каждый корпус на какой-либо части своего боевого участка сосредоточивал возможно большую часть своей артиллерии и резервов, дабы сильнейшим образом притягивать на себя внимание противостоящих ему войск и прикрепить их к своему участку фронта» («Война и революция», кн. 4, 1927 г.)

Успех операции говорит за то, что эта форма соответствовала конкретным условиям обстановки, сложившейся на юго-западном фронте весной 1916 г.

При слабой боеспособности австрийской армии и отсутствии у нее в ближайшем тылу резервов сравнительно подготовленный юго-западным фронтом комбинированный удар должен был дать успех. На основании этого опыта мы можем допустить, что комбинированный удар может дать положительные результаты в большинстве положений, подобных тем, которые были на юго-западном фронте. Разложение противника и его общая слабость искупают основной недостаток комбинированного удара, заключающийся в неизбежном разбрасывании сил и отсутствии резервов для развития успеха.

Через несколько дней после совещания в Подволочиске последовала директива Брусилова, в которой указывается:

«На случай перехода в наступление приказываю ныне же приступить к разработке и подготовке плана атаки противостоящего нам противника, согласно указаний, данных мной на совещании 18 сего апреля в Подволочиске, руководствуясь следующими основаниями:

1. Ближайшей целью предстоящих действий будет поставлено разбить живую силу противника и овладеть ныне занимаемыми позициями.

2. Атака будет произведена всем фронтом от р. Стыри до р. Прута, причем главный удар возлагается на 8-ю армию...

4. Армиям выбрать на своих фронтах неприятельские участки, разработать и подготовить план их атак в зависимости от сил и средств, которыми армии будут располагать...

7. К 11 мая подготовка предстоящей атаки должна быть закончена, а войска так сгруппированы, чтобы потребовалось не более недели поставить их окончательно на место для атаки. Заблаговременное окончательное сосредоточение их нежелательно, дабы не обнаружить противнику наших намерений... (№ 1048).

К выполнению этой задачи армии и приступили.

Между армейским командованием и штабом юго-западного фронта началась обширная переписка по вопросу о выборе участков для атаки. В конце концов остановились на нижеследующем.

8-я армия избрала участок Дубище—Корыто, исходя из оперативных соображений (возможность отрезать противника от переправ на р. Стырь при движении на Луцк) и тактических (участок более доступен для атаки, так как не имеет речных преград). Ширина участка —22 км. Для нанесения главного удара назначено 3 корпуса (XXXIX, XL и VIII).

11-я армия вначале избрала для атаки два участка на фронте Лопушно, Янковце, имея в виду концентрическим ударом с обоих флангов (VII корпус на правом фланге, район Лопушно, и VI корпус на левом, район Янковце) в общем направлении на Заложце отрезать противника от р. Серет. Но по настоянию Брусилова 11-я армия в целях сосредоточения сил отказалась от этого плана и избрала для главного удара Тарнопольское направление — участок Глядки — Воробьевка, 3½ км. Для нанесения удара назначен один корпус — VI.

7-я армия избрала участок Гипсарка — Язловец, 6 км. Для удара назначен один корпус — II.

9-я армия остановилась на участке Миткеу — Онут — Доброноуц, 14 км. Главный удар в районе Доброноуц двумя корпусами — XI и XII.

Характерным является то, что в выборе участков для прорыва не чувствуется общефронтовой оперативной идеи и цели. По сравнению с декабрем 1915 г. юго-западный фронт делает поворот на 180°. Все внимание сосредоточено на тактической стороне дела. В общем в операции на прорыв укрепленной полосы господство тактических элементов неизбежно. Но необходим и определенный оперативный единый замысел. Без него трудно направить усилия многих армий к единой цели. Но этой общей оперативной идеи командование фронта не имело, а потому и получилось, что, когда фронт получил большой тактический успех, он не смог его использовать. Зайончковский правильно указывает, что:

«Командование этого фронта обратило особое внимание на безотказное выполнение первой половины задачи, а именно совершение прорыва, недостаточно оценив важность второй ее половины, т. е. лучшего использования прорыва» «Стратегический очерк войны 1914—1918 г.», часть VI, ВВРС, 1923 г.).

Но винить в этом только командование юго-западного фронта не приходится. При тех силах, которыми располагал

этот фронт, нельзя было наносить одновременно несколько ударов и иметь крупные резервы для развития успеха.

Брусилов упорно добивался у ставки усиления фронта, но Алексеев ему в этом отказал. Но в части использования конницы юго-западный фронт не использовал всех возможностей. Имея большие конные массы, фронт не сумел надлежащим образом применить эти силы. Здесь ярко сказалось тогдашнее общее неуменье применять конницу как самостоятельный род войск.

Избранная фронтом форма операций не встретила сочувствия в ставке. Алексеев пытался отговорить Брусилова от его плана.

В телеграмме от 1 июня (19 мая) 1916 г. (№ 2730) Алексеев хочет переубедить Брусилова, обещая дать даже еще один корпус. Алексеев пишет Брусилову:

«Ваш фронт получает на усиление корпус. Прошу разрешения откровенно высказать свое мнение. Выигрыш операции требует успеха на главном направлении, успех достигается массою; сбор массы неизбежно связан риском на второстепенных направлениях. Прибывающий корпус доведет ваш фронт до 600 тысяч штыков, 58 тысяч шашек против 420 тысяч штыков, 30 тысяч шашек противника. Даже без особого риска нам можно собрать точке главного удара превосходство—сотню тысяч штыков, при некотором риске и более. Оставляя на прочем фронте силы, равные силам противника, рискуем немного, но сильно увеличиваем численность ударной группы, добиваясь здесь успеха во что бы то ни стало. Рассчитывать, что австрийцы, развивая крайние усилия против итальянцев и будучи атакованы подавляющей массою на фронте 8-й армии, будут способны контрудару на левом фланге или Тарнопольском направлении, трудно. Поэтому, по моему мнению, притянуть теперь же еще дивизии три, даже четыре состав 7-й армии, собственного ударного ее участка, необходимо для достижения и развития успеха, удерживая противника на остальном протяжении всех армий силами хотя бы одинаковой численности. При принятой форме сосредоточения на ударную дивизию приходится пятиверстный фронт атаки. Опыт Стрыпы указывает, что такой фронт непосилен для успеха или закрепления за собой захваченного...

Распоряжении верховного главнокомандующего теперь имеется еще корпус, который можно будет бросить так же ваш фронт, но последнему сначала нужно будет собрать из своих средств живой кулак, что вполне возможно. Если обстоятельства потребуют замедлить атаку дня на два, сообщите для доклада государю императору и соответствующего соглашения союзниками. Конечном выводе, мое глубокое убеждение сводится повелительной необходимости собрать на одном избранном пункте подавляющую живую силу и наши скромные боевые средства, не разбрасывая последние по всему фронту. Демонстрация будет достаточна для удержания противника; устранить окончательно переброску его резерва второстепенными ударами, бедно снабженными арт. средствами, все равно трудно. Прорыв и разгром одной армии решит дело полнее, чем несколько небольших успехов. Только горячее желание успеха и выводы из пережитого побудили меня изложить вам свое откровенное слово» (Дело В. И. А. № 444).

На это Брусилов отвечает:

«Еще до получения вашей телеграммы присоединил к ударной группе 2-ю Финляндскую и 126-ю дивизии. Таким образом, на фронте атаки 20 верст стянуто 9½ дивизий, т. е. 148 батальонов или 145 000 пехоты против 53 неприятельских батальонов. На ударную дивизию приходится две с третью версты. Стянул все, что мог, без риска компрометировать всю операцию неудачей в другом районе: на Тарнопольском направлении снял весь резерв, на левом фланге оставил только бригаду. Считаю существенно необходимым нанесение частных, хотя бы слабых ударов на фронтах всех армий, не ограничиваясь поисками, не могущими сковать резервы противника: противник теряется, не будучи состоянии определить направление главной атаки, достигается также моральный эффект, важный при действии против австрийцев. Изложенное подтверждается нашими отрицательными действиями на Стрыпе и положительными действиями австрийцев на всем итальянском фронте...» (20 мая 1916 г., № 1504).

В своих воспоминаниях Брусилов указывает, что в случае несогласия с его планом он просил его снять. Но очевидно, что ставка за три дня до атаки не могла пойти на последнюю меру в связи с событиями, которые назрели на итальянском фронте.

5. Оперативно-тактическая подготовка операции

В отличие от предыдущих операций войска юго-западного фронта своевременно получили большое количество указаний как в отношении мер по подготовке атаки укрепленных позиций противника, так и в отношении характера действий соединенных родов войск при прорыве. Но все эти указания, как и раньше, носят слишком обобщенный характер. Конкретных указаний о порядке взаимодействия родов войск, особенно пехоты и артиллерии, о методах и приемах действий мелких частей пехоты, о характере действий артиллерии и пр. давалось мало или указания были разрозненные. Каждая армия работала больше по системе: «Каждый молодец на свой образец». К системе единых, централизованных указаний (наставлений) русская армия перешла лишь во второй половине 1916 г. Но тем не менее юго-западный фронт проделал большую эволюцию. Эта эволюция сказалась раньше всего в том, что руководящие лица стали уделять гораздо больше внимания подготовке операции.

Уже после совещания в Подволочиске Брусилов разослал указания по подготовке атаки укрепленных позиций. Сущность этих указаний сводилась к требованию, чтобы каждая армия фронта приступила: а) к инженерной разведке участка атаки, б) к созданию прочного исходного положения на участке атаки путем сближения с противником и постройки плацдармов, в) к разработке плана действий артиллерии и г) к обучению войск техническим приемам борьбы.

19 апреля Брусилов разослал указания по производству самой атаки. Отдельные пункты этих указаний гласят:

«а) Атака должна вестись по возможности на всем фронте армии независимо от сил, располагаемых для сего. Только настойчивая атака всеми силами на возможно более широком фронте способна действительно сковать противника, не дать ему возможности перебрасывать свои резервы.

б) Ведение атаки на всем фронте должно выразиться в том, чтобы в каждой армии, в каждом корпусе наметить, подготовить и организовать настойчивую атаку определенного участка неприятельской укрепленной позиции.

в) Атака должна быть проведена по строго обдуманному и рассчитанному плану, причем намеченный план разрабаты-

вать в деталях не в кабинете по карте, а на месте показом совместно с исполнителями атаки от пехоты и артиллерии...

Общее управление артиллерийской атакой данного участка организовать при начальнике, руководящем пехотной атакой в сфере непосредственного и личного наблюдения за полем боя.

Если протяжение фронта атаки не допускает общего личного наблюдения за боем, то образовать группы артиллерии, по составу и силе соответствующие задачам, поставленным пехоте данного участка. Управление группами организовать при начальнике этого пехотного участка.

Дабы атакующая и ворвавшаяся на неприятельскую позицию передовая пехота имела постоянно своевременную артиллерийскую поддержку, часть легких батарей должна быть своевременно подчинена непосредственно командирам пехотных полков первой линии. Эти батареи располагать не далее 2 верст от позиции противника. Наблюдателей от этих батарей держать при командирах батальонов передовых линий, дабы помощь артиллерии подавалась своевременно. Общему руководителю огнем этих батарей быть при командире полка первой линии...

Как принцип, фронт главной атаки армии должен быть не менее 15—20 верст, дабы средние атакующие части не могли простреливаться с флангов. При наличии достаточных сил желательно фронт главной атаки доводить до 20—30 верст. Наименьший допустимый фронт атаки при недостатке войск может быть сокращен до 10 верст, но при этом необходимы особые меры предосторожности, чтобы не попасть в тиски.

Пехота должна атаковать волнами цепей, следующих одна за другой, не отставая, а подпирая передних. Таких волн для главной атаки образовывать не менее 3—4, а за ними иметь резервы для развития успеха или немедленного повторения атаки свежими частями.

При фронте атаки в 15 верст надо вести ее одновременно двумя корпусами, усиленными по возможности еще бригадой каждый. Тогда при этом соотношении и приняв полный штат дивизий в 15 000 винтовок получается 3,5 чел. на шаг, или, ведя атаку цепями и считая для уменьшения потерь цепи на человека два шага, мы можем располагать для атаки четырьмя последовательными волнами, и еще около половины всех сил останется в резервах дивизий и корпуса.

Атакующие волны должны следовать одна за другой на дистанциях в 150—200 шагов. Первая и вторая волны должны быть снабжены ручными гранатами и приспособлениями для прострела проволочных заграждений.

Кроме того, вторая и затем третья волны тянут с собой пулеметы для закрепления захваченных позиций противника. Вторая волна служит пополнением потерь первой волны; третья волна подпирает передние две и служит их дальнейшей поддержкой, а четвертая волна является резервом командиров передовых полков.

Резервы начальников дивизий и командиров корпусов не должны отставать от передних 4 волн и быть всегда готовыми продолжать атаку, поддержать передовые части и в случае нужды противодействовать контратакам во фланг и закрепить захваченное пространство...

Трудно указать точно, как общее правило, когда пехота должна начинать атаку. Но безусловно пехотная атака должна следовать непосредственно за артиллерийской подготовкой. Ни в коем случае не допускаю перерывов между артиллерийской атакой и атакой пехоты...

При удаче прорыва создается особо благоприятное поле действия для кавалерии, поддержанной своими пешими дивизионами и артиллерией. Приказываю широко использовать для этого нашу многочисленную кавалерию» (№ 1039).

В соответствии с полученными указаниями, войска юго-западного фронта приступили к сближению с противником и устройству плацдармов на участках, избранных армиями для нанесения главного удара.

Если сближение с противником на дистанцию пехотной атаки (100—150 м) является аксиомой, то в отношении плацдармов мы вновь имеем «гримасу» русского оперативного искусства в мировой войне. Откуда явилась идея о необходимости плацдармов? Она была перенесена с западного театра. В инструкции, изданной Алексеевым, прямо указывается на опыт французской армии. По мысли инструкции плацдармы должны были:

а) подвести атакующие части скрытно на ближайшие дистанции к противнику и скрытно же развернуть их перед целями, которые предположено атаковать;

б) дать им возможность из исходных прикрытий быстро и в порядке двинуться на штурм;

в) обеспечить скрытый подход свежих сил на усиление атакующих частей;

г) иметь батареи с пороховыми погребами и убежищами и обеспечить возможность пополнения боевых запасов.

Все это хорошо. Но когда мы конкретно рассмотрим соотношение плацдармов с теми силами, которые их занимали, мы увидим резкое несоответствие. На западном театре, где на участках главной атаки сосредоточивались колоссальные живые силы и материальные средства, такие плацдармы были необходимы. На русском фронте, где эти силы и средства были гораздо скромнее, специальные плацдармы себя не оправдали. Атакующие силы прекрасно размещались в пределах первой оборонительной полосы, а специальные плацдармы лишь раскрывали участки атаки и ложились на войска тяжелым бременем, ибо изматывали их физические силы. Для примера укажем, что в 7-й армии для оборудования плацдарма было вырыто 32 839 саженей (свыше 70 км) различных окопов и вынуто 17 492 кубические сажени земли. Такие работы потребовались только для одного корпуса. Не подлежит никакому сомнению, что здесь было выполнено много ненужных работ. Хотя после операции Незнамов (ген.-квартирмейстер 7-й армии) и Полянский (начальник инженеров 7-й армии) объясняли успех II корпуса наличием плацдарма, фактически дело обстояло иначе. Ведь австрийцы, зная прекрасно участок атаки 7-й армии хотя бы по резко выраженному по сравнению со всем остальным фронтом рельефу плацдарма, могли принять надлежащие меры для отражения атаки (правда, они этих мер не приняли). Но в Шампани колоссальный плацдарм французов не только не помог успеху, но породил полнейший беспорядок при движении по нему войск.

К счастью, не во всех армиях плацдармы были построены в таком же грандиозном масштабе, как в 7-й. В 9-й армии XI корпус плацдарма почти не имел и тем не менее достиг большого успеха.

Пункт о переподготовке войск был выполнен лишь частично. Только в 8-й армии были более или менее налажены занятия с войсками. В остальных армиях этого не было. Да

и занятия-то носили особый, «царский» характер. Больше всего занимались строем и отданием чести. Во все время мировой войны боевая подготовка войск была самым слабым местом русской армии.

Единообразных, детально разработанных методов артиллерийской подготовки не было. В 9-й армии артиллерийская подготовка была проведена талантливым артиллеристом Киреем. Свой опыт Кирей изложил в брошюре «Выводы из применения артиллерийских масс при атаке», которая получила широкое распространение в армиях юго-западного фронта, но ее идеи еще не были в достаточной мере усвоены.

Операции фронта на этот раз были более или менее обеспечены артиллерийскими снарядами. Точных цифр, к сожалению, достать не удалось, но все участники операций подтверждают, что снарядов было достаточно.

6. Состояние австрийской армии

Необходимо прежде всего определить ту роль, которую сыграло наступление австрийцев в Трентино в мае 1916 г. Это наступление, которое Фалькенгайн назвал австрийским «трюком» (Extratour), отвлекло туда большие австрийские силы. К 15 мая, когда началось австрийское наступление в Трентино, на итальянском фронте австрийцы имели 35 дивизий, в то же время на русском фронте—39 дивизий, т. е. против итальянцев была сосредоточена почти половина всех австро-венгерских сил. С русского фронта были переброшены лучшие дивизии, а именно: 3-я, 10-я, 34-я, 43-я, 59-я, 13-я и части 29-й и 21-й дивизий. Кроме того, с русского фронта была снята большая часть тяжелой артиллерии. Такое ослабление русского фронта объясняется тем, что австро-венгерское главное командование было уверено в прочности своего восточного фронта, полагая, что русская армия к наступлению не готова и не способна.

23 мая 1916 г. Конрад фон-Гетцендорф в личной беседе с Фалькенгайном в Берлине утверждал, что:

«в Галиции русское наступление с шансами на успех могло бы быть предпринято не ранее четырех-шести недель после того как нам стала бы известна его неизбежность. Такое время было бы нужно по крайней мере для перегруппировки русских сил, что являлось предварительным условием для

производства наступления» (Фалькенгайн, Верховное командование, стр. 223).

Это заявление Гетцендорфа свидетельствует о том, что наступление юго-западного фронта было для австрийцев неожиданностью, хотя подготовка наступления не укрылась от их войсковой и воздушной разведки. Достаточно указать, что строящиеся плацдармы систематически и детально заснимались, и их развитие было австрийцам известно не меньше, чем русским штабам.

Помимо количественного ослабления русского фронта, было произведено и качественное его ослабление, ибо, как указывает Фалькенгайн, помимо переброски лучших частей австрийской армии в Трентино, в остальных войсках на востоке значительная часть надежных элементов была обменена или качественно понижена придачей ненадежного пополнения. Австрийское главное командование (в частности Гетцендорф), видевшее в Италии своего векэвечного заклятого врага, хотело выступить против него во всеоружии и пошло на чрезмерный риск. Наступление в Трентино не оставило на востоке в стратегическом резерве ни одной дивизии, так что в первые дни наступления юго-западного фронта австрийская ставка не имела никаких свободных сил (стратегических резервов) для затыкания большого количества образовавшихся на фронте дыр.

Уверенность в прочности австрийского восточного фронта была столь велика, что весной 1916 г. были допущены из действующей армии на востоке массовые отпуска на полевые работы. Единовременно в отпуске находилось до 20% личного состава армии. Это создавало огромную текучесть и некомплект. Бойцы же, соприкасавшиеся с семьями в условиях тяжелого внутреннего положения Австро-Венгрии, разлагались еще больше.

Что касается политико-морального состояния австрийской армии, то национальные и классовые противоречия, которые разъедали ее в мирное время, получили большое развитие вглубь и вширь. Австрийская армия стоила русской. Это были равные противники. Разлагающаяся армия, как известно, еще способна пассивно отбивать удары или наступать, когда имеет успех или же когда она дерется бок о бок с устойчивыми войсками. Но когда разлагающаяся армия,

предоставленная самой себе, получает сильный удар, разложение сильно возрастает, и эта армия бежит. Так и случилось с австрийцами.

К началу наступления юго-западного фронта сильных подпорок в лице германских частей на австрийском участке русского фронта не было. Была лишь одна 48-я германская резервная дивизия в составе южной армии Ботмера. Среди частей австрийской армии некоторую боеспособность сохранили лишь перволинейные дивизии и части, укомплектованные немцами, венгерцами, поляками и словенцами. Чехи, русины, румыны, сербы и хорваты против русских войск сражались плохо и охотно сдавались в плен.

Особенно сильно разложение охватило второочередные ландверные и гонведные соединения, которые были укомплектованы указанными национальными меньшинствами.

Массовая сдача в плен чехов вынудила эрцгерцога Иосифа-Фердинанда издать приказ, который ярко вскрывает существо дела. Приказ гласит:

«Чешские полки в настоящей кампании, в особенности в последних боях, оказались неоднократно ненадежными или же не вполне стойкими, в особенности при обороне хорошо подготовленных и долговременно занимаемых позиций.

В настоящей позиционной войне неприятелю удается часто входить в сношения с зловредными элементами чешских полков. Почти всегда враг, поддержанный изменниками, направляет свой удар на участок фронта, занятый чешскими войсками.

Часто неприятелю удается внезапно и почти без сопротивления прорваться на таких участках, захватывая множество пленных. Проклятие, позор и презрение таким бессовестным и бесчестным солдатам, которые изменяют австрийскому императору и Австрии, которые грязнят знамена славных и храбрых австрийских армий и имя своего народа. Раньше или позже настигнет их пуля или их ждет веревка палача.

Обязанность каждого совестливого чеха — донести о каждом таком негодяе, агитаторе и изменнике. Кто не донесет, будет таким же преступником, как агитаторы и изменники.

Этот приказ повелеваю прочесть и разъяснить всем войскам и чешским солдатам в течение нескольких дней подряд» (Дело В. И. А. № 934).

К этой общей картине состояния австрийской обороны

нужно прибавить, что система ее укрепленных позиций далеко не стояла на должной высоте. Если первая укрепленная полоса была сравнительно оборудована, то тыловые позиции в большей части были лишь обозначены. В отчете начальника инженеров юго-западного фронта ген. Величко мы читаем следующие выводы об австрийских позициях:

«Хорошие стороны австрийских укреплений:

1. Правильность идей, положенных в основание укрепления позиций, а именно: сильные узлы сопротивления, как основание позиций, отсеки, извилистость линии огня, сильные препятствия, продольная оборона подступов к позиции и препятствий пулеметным и артиллерийским огнем.

2. Боевые позиции первой полосы, занимавшиеся войсками, много сильнее тыловых, видимо, благодаря непрестанной работе и самих войск.

3. Большая глубина окопов, вследствие чего они сами по себе давали хорошее закрытие.

4. Очень сильные препятствия перед первой линией.

5. Хорошо устроенные и сильные убежища и закрытия для пулеметов и наблюдателей.

6. Хорошо поставленное снабжение материалами.

7. Большая заботливость о надлежащей постановке санитарной части и улучшении быта войск.

8. Явное стремление к тому, чтобы закрыться как можно лучше, не пренебрегая деталями, масса трудолюбия, тщательность в работе, видимый интерес к делу низших войсковых начальников и в известной степени конкуренция между ротами и даже взводами.

9. Большая заботливость о путях сообщения, обилие полевых железных дорог и хорошо оборудованная служба связи.

Недостатки:

1. Пассивный характер схемы укреплений; в частности, не наблюдается даже простейших приспособлений для вскакивания на брустверы и проходов в препятствиях.

2. Шаблонное расположение пулеметов в исходящих углах, что вело к быстрому их уничтожению артиллерийским огнем при атаке.

3. Перенос всей обороны в первую линию; здесь и убежища, и противоштурмовая артиллерия, и самый сильный профиль окопов. Это ведет к тому, что при артиллерийской подготовке

штурма войска противника несли большие потери; если же они сидели в убежищах, то засыпались там и сдавались в плен или же попадали в плен, не успевая по ходам сообщения отойти во вторую линию при наличии перед ней тоже сильных препятствий; выбитые из первой линии войска уже не могли задержаться на сравнительно слабых следующих.

4. Пренебрежение маскировкой дало возможность нашей артиллерии, подготовляя атаку пехоты, уничтожить все, что опасно для нас и ценно для противника.

5. Что касается неудачных деталей, то обращают на себя внимание излишне высокие брустверы, особенно демаскирующие кавальеры за рвом окопов, с зубцами открытых бойниц, которые, являя нагромождения довольно бесформенных масс земли, едва ли могут принести пользу делу закрытия, а при стрельбе тяжелой артиллерии линия убежищ, прикрытая ими, страдает и разрушается одновременно с первой линией окопов; слабы закрытия над жилыми землянками; не всюду рационально расположены траверсы, нет совсем козырьков в первой линии, что делает противника беззащитным даже против шрапнелей, несмотря на глубину окопов.

6. Тыловые полосы вообще укреплены слабо и довольно небрежно, много слабее наших, и, видимо, на них не успели что-либо сделать ввиду нашего решительного и быстрого натиска» (Описание и критическая оценка позиций противника против юго-западного фронта, изд. начальника инженеров юго-западного фронта, 4 сентября 1916 г.).

7. Соотношение сил

Нижеследующие таблицы иллюстрируют соотношение сил, сложившееся на юго-западном фронте перед началом атаки.

Наступление юго-западного фронта было организовано так, что на каждом общем участке главного удара были свои частные участки с еще большим уплотнением сил. Поэтому общие цифры плотности на участках главных ударов требуют уточнения. Так, в 8-й армии на важнейшем участке Носовичи—Корыто было сосредоточено 48 батальонов, 90 легких орудий, 36 гаубиц и 8 тяжелых пушек. В 11-й армии (в VI корпусе) на участке 2 км — 12 батальонов, 44 легких и 10 тяжелых орудий. В 9-й армии на участке 3 км — 16 батальонов, 104 легких и 55 тяжелых орудий.

Соотношение сил:

1. В дивизиях, батальонах и эскадронах

Участок фронта	Пехотн. дивизий		Кав. дивизий		Батальонов		Эскадронов	
	русских	австрийских	русских	австрийских	русских	австрийских	русских	австрийских
8-я армия . .	17	12	6	4	224	175	171	98
11-я армия . .	8	9	1	2	134	164	49	48
7-я армия . .	7	7	3	1	112	101	99	24
9-я армия . .	12	9	3	3	160	130	128	95
Всего . .	44	37	13	10	630	570	447	265

2. В штыках и шашках

Участок фронта	Штыков		Шашек	
	русских	австрийских	русских	австрийских
8-я армия . . .	202 125	126 600	22 819	13 000
11-я армия . . .	124 707	128 000	5 914	5 000
7-я армия . . .	101 081	95 400	12 273	3 000
9-я армия . . .	145 394	101 000	19 030	10 000
Всего . .	573 307	451 000	60 036	31 000

3. В орудиях

Участок фронта	Орудий легких		Орудий тяжелых	
	русских	австрийских	русских	австрийских
8-я армия . . .	566	375	140	174
11-я армия . . .	313	312	69	159
7-я армия . . .	290	264	55	102
9-я армия . . .	424	348	71	148
Всего . .	1 593	1 299	335	583

4. Средняя плотность на всем юго-западном фронте

Участок фронта	Ширина участка	На 1 див. приходилось верст	На одну версту приходилось			
			штыков	шашек	орудий	
					легких	тяжелых
8-я армия . . .	156	9	1 604	181	4,5	1,1
11-я армия . .	126	15	989	46	2,4	0.5
7-я армия . . .	60	8,5	1 684	204	4,8	0,9
9-я армия . . .	95	8,5	1 710	224	4,9	0,8

5. Силы, предназначенные для нанесения главных ударов

Наименование армий	Корпусов пехотных	Дивизий пехотных	Корпусов кавалер.	Дивизий кавалер.	Батальонов	Эскадронов	Орудий	
							легких	тяжелых
8-я армия . .	4	10	—	2	160	48	286	118
11-я армия . .	1	3	—	1	48	24	80	20
7-я армия . .	1	3	1	2	48	48	116	45
9-я армия . .	2	6	1	2	96	48	264	75

6. Средняя плотность в направлениях главных ударов

Наименование армий	Ширина участка атаки	На 1 див. приходилось верст	На 1 версту приходилось орудий		
			легких	тяжелых	всего
8-я армия	22	2,2	13	5,8	18,8
11-я армия	6	2	15	3.3	18.3
7-я армия	6	2	19,3	7,2	26,5
9-я армия	12	2	22	6,3	28,3

Против этих сил фронта на участках главных ударов австрийцы имели:

участок Дубяще — Корыто	18 625 штыков,	186 орудий
участок Глядки — Воробьевка	6 000 „	64 „
участок Гибсарка — Новоселка	4 535 „	72 „
участок Миткеу — выс. 458	14 860 „	108 „

В общем, австрийцы имели на всем фронте на 1 версту до 900 штыков, 4—6 орудий и 3—4 пулемета.

Все эти таблицы показывают, что юго-западный фронт не имел обычного подавляющего превосходства в силах, необходимого для успеха при прорыве укрепленных полос. Успех фронта объясняется другими причинами, а именно — моральным разложением австрийцев. Эта операция четко подтверждает, что сосредоточение подавляющих сил и средств необходимо против устойчивого противника. Когда же войска противника разложены, его можно бить сравнительно слабыми силами.

8. Основные предварительные распоряжения

Между тем события на итальянском фронте приняли угрожающий для Италии характер. Австрийцы наносили итальянцам серьезные поражения. Кадорна (итальянский главнокомандующий) в ряде телеграмм умоляет о русской помощи. С такими же телеграммами обращается и итальянский король к Николаю II. Они требуют немедленной атаки. Но Жоффр вмешивается в это дело и 23 мая телеграфирует Алексееву, высказывая свое удовлетворение тем фактом, что Россия отложила свое наступление на конец мая и даже на начало июня в соответствии с пожеланиями штабов французской и английской армий. Для Жоффра было важно оттянуть начало русского наступления до такого срока, когда оно сможет оказать свое влияние на подготовленную операцию на Сомме. Жоффр указывает, что изменить срок наступления в связи с ходатайством Кадорны не следует. Он пишет:

«Я телеграфировал сегодня же главнокомандующему итальянской армией, что причины, по которым русская армия отсрочила свое наступление, слишком важны, чтобы установленный ранее срок для ее наступления мог быть изменен» (Дело В. И. А. № 444).

Русской армией распоряжался не Николай II и Алексеев, а Жоффр!

Но самый факт неудачи Италии сыграл большую роль. Он окончательно отвлек внимание Гетцендорфа от восточного фронта и, кроме того, придал наступлению юго-западного фронта «политическое» содержание.

Если в 1914 г. сотни тысяч русских бойцов сложили свои головы во славу «доблестных» союзников, то в 1916 г. пензенские, тамбовские, рязанские, сибирские и другие «мужички» должны были наступать, спасая итальянскую корону. Другого политического повода они, видите ли, не нашли.

Основная директива ставки последовала 31 мая 1916 г. В ней указывается:

«Продолжающаяся переброска австрийских войск на итальянский фронт, тяжелое положение, в котором находится итальянская армия, требуют сильного удара армиями юго-западного фронта противостоящим и ослабленным численно австрийским войскам.

Недостаточная обеспеченность наша артиллерийскими снарядами, особенно крупных калибров, не дает возможности развивать решительный удар всеми фронтами.

Посему государь император повелел:

1. Главный удар при предстоящем переходе в наступление производят армии западного фронта согласно разработанного плана.

2. Вспомогательный, но сильный удар наносит австрийцам юго-западный фронт, усиливаемый 1 Сибирским корпусом.

3. Северный фронт...» и т. д.

Таким образом, документально устанавливается, что юго-западный фронт осуществлял лишь вспомогательную операцию. Все свои надежды ставка возлагала на удар западного фронта, который впоследствии так позорно провалился под Барановичами.

Вслед за директивой ставки последовала директива Брусилова, отданная от его имени начальником штаба фронта Клембовским 25 мая 1916 г. (№ 1404).

Директива эта гласит:

«Главнокомандующий приказал перейти в наступление согласно разработанных в армиях планов и начать артиллерийскую подготовку 1 июня на рассвете.

Главный удар наносить 8-й армией на фронте Дубище — Корыто. Остальные армии фронта наносят частные удары.

11-я армия — на фронте Глядки — Цебров, что на шоссе Езерна — Тарнополь.

7-я армия — на фронте Гипсарка — Новоселка II корпусом, усиленным 3-й Туркестанской стрелковой дивизией.

9-я армия — на фронте Миткеу — Доброноуц XII—XI корпусами...».

Одновременно Брусилов отдал приказ, чтобы IV конный корпус, стоявший на крайнем правом фланге 8-й армии, прорвался к Ковелю с северо-востока.

Но, когда выяснилось, что юго-западный фронт усиливается еще одним корпусом, начало атаки было перенесено на 4 июня, дабы подтянуть подвозимый корпус к Ровно.

1—2 июня 1916 г. были отданы основные приказы по армиям. Формулировка этих приказов подтверждает, что командование армий до последнего момента не верило в успех операции. Нерешительность, осторожность и резкое ограничение задач корпусов являются характерными признаками этих приказов. Вот основные пункты приказов:

8-я армия (приказ № 112, 28 мая 1916 г.).

1) IV кавалерийскому корпусу охранять правый фланг армии на фронте Островск — Чарторийск.

2) Группе ген. Зайончковского (V кавалерийский корпус, XXX армейский корпус) обеспечить правый фланг корпусов, атакующих противника на фронте Дибиче—Корыто...

3) XXXIX армейскому корпусу, удерживая позиции на участке Боруславка — Луцкое шоссе, овладеть неприятельской позицией на участке Ставок — Дерно.

4) XL армейскому корпусу овладеть неприятельскими позициями на участке Дерно, Заболотцы (искл.).

5) VIII армейскому корпусу овладеть неприятельскими позициями на участке Заболотцы, кол. Клин, выс. 114.

6) XXXII армейскому корпусу, обеспечивая Дубно-Ровненское направление на участке Корыто — Детиничи, овла-

деть неприятельской позицией: выс. 114—кол. Корыто (вкл.) (Дело В. И. А. № 389).

11-я армия (приказ № 47, 30 мая 1916 г.).

XVII, VII и XVIII корпусам — формулировка задач тождественная.

«Энергичными частными наступлениями войск корпуса и поисками сильных разведывательных партий не допустить противника перебрасывать по фронту свои войска и резервы для сосредоточения их к угрожаемому пункту».

Только для XVII корпуса дополнительно указано:

«Атакою ударной группой корпуса притянуть к себе резервы неприятеля».

«VI корпусу атаковать противостоящего противника, прорвать его расположение и овладеть районом Чернехув, Исиновце, Цебрув, выс. 355, что у шоссе на Езерна; часть корпусного резерва иметь за правым флангом для обеспечения его на случай удара противника со стороны Мшанец» (Дело В. И. А. № 27219).

Приказ 7-й армии в делах архива найти не удалось. Содержание приказа сводилось к тому, что XXII и XVI корпуса получили пассивные задачи. II корпус получил задачу прорвать фронт противника на участке Гиспарка — Язловец, II конный корпус—подготовиться к развитию успеха с целью не дать противнику возможности задержаться на Золотой Липе.

9-я армия (приказ от 2 июня 1916 г., № 1475).

XI корпусу с приданной ему тяжелой артиллерией: 4 июня атаковать неприятеля, прорвать его укрепленную позицию на фронте выс. 266—выс. 218... и овладеть высотами на фронте Похорноуц, Доброноуц; развивать успех в общем направлении на Юркоуц; правым флангом содействовать атаке XLI корпуса; при успехе самым решительным образом использовать конницу (корпусу придана была 1-я Донская казачья дивизия — А. В.), выбросив ее в общем направлении на Доброноуц для захвата и разрушения там мостов через Днестр.

XII корпусу 4 июня атаковать неприятеля, прорвать его укрепленную позицию на фронте Миткеу — Онут и овладеть хребтом на линии выс. 231, развивать успех в общем направлении на Окна.

XXXIII сводному и III конному корпусам—задачи пассивные. Все эти приказы, помимо пассивности, отражают основной недочет операций — отсутствие единого оперативного плана. Каждая армия действует совершенно самостоятельно, на свой

Схема 13. Группировка сил на атаку юго-западного фронта в июне 1916 г.

страх и риск, вне связи с соседями. Задачи ограниченные, никто не уверен в том, что через несколько дней противник будет разгромлен.

Группировка сил сторон перед началом атаки показана на схеме 13.

9. Первый этап операций

Взаимодействие армий во фронтовой операции

В период с 4—5 по 14—17 июня была осуществлена исходная операция юго-западного фронта. На его долю выпал крупный тактический успех. Оба крайних фланга австро-венгерского фронта были полностью разгромлены, и для юго-западного фронта открылись широчайшие оперативные перспективы. Но фронт не сумел использовать благоприятную обстановку, и дело свелось к сравнительно незначительным оперативным достижениям и к захвату большого количества пленных (около 200 000 чел.).

Этот период дает возможность изучить характер взаимодействия армий в фронтовой операции. Сущность этого взаимодействия или, вернее, отсутствия взаимодействия свелась к тому, что фланговые 8-я и 9-я армии вместо концентрического движения с целью окружения австрийской армии были направлены в прямо противоположные стороны — на Ковель и Карпаты. Такое оперативное руководство, очевидно, не могло дать богатых плодов. Более подробно течение исходной операции юго-западного фронта рисуется в следующем виде.

8-я армия.

Атака корпусов 8-й армии началась с утра 5 июня. Уже в первые три дня сражения выяснился разгром противостоящей 4-й австрийской армии. 8-я армия не только овладела почти всей первой укрепленной полосой противника, но и захватила свыше 50 000 пленных. Наибольший успех обозначился на фронте центральных и левофланговых корпусов армии (XXXIX, XL, VIII). Стык между 4-й и 1-й австро-венгерскими армиями оказался прорванным, и, по мере выдвижения левого фланга 8-й армии вперед, прорыв быстро увеличивался. Командование юго-западного фронта неожиданно оказалось перед необходимостью принять крупное оператив-

ное решение. Что дальше делать? Прикрыться ли справа со стороны Ковеля и главный удар нанести на юго-запад, на Львов, чтобы потрясти весь австро-венгерский фронт, или же ограничиться ударом на северо-восток по флангу германского фронта и с неясными оперативными целями поддержать западный фронт, который должен был наносить главный удар.

Искусство оперативного руководства обычно наиболее отчетливо сказывается в такие переломные моменты. Уметь принять новое, смелое решение в соответствии с обстановкой — в этом заключается искусство вождя. Не подлежит никакому сомнению, что не на Ковельском, а на Львовском направлении находился основной решающий пункт операции. Был момент, когда Брусилов хотел повернуть 8-ю армию на юго-запад, но... не решился. Ставка в лице Алексеева также не сумела учесть изменившейся обстановки. Командование юго-западного фронта быстро переносит центр своего внимания на Ковельское направление. Пассивные действия IV конного корпуса Гилленшмидта вызывают раздражение Брусилова.

Следует ряд приказов.

6 июня командующему 8-й армией: «Приказываю во что бы то ни стало спешить действиями XL, V и IV кавалерийского корпусов. Если не будет решительных быстрых действий, то результата не будет».

В тот же день Брусилов телеграфирует Гилленшмидту: «Обстановка требует с вашей стороны самых решительных действий. Обращаю ваше внимание на необходимость проникновения в глубокий тыл противника и перехвата линий железных дорог Ковель—Сарны и в особенности Ковель—Луцк».

7 июня командующему 8-й армией: «Еще раз повторяю мое непреклонное требование IV кавалерийскому корпусу немедленно во что бы то ни стало пробиться и произвести набег, не выжидая результата действий XL корпуса. Если Гилленшмидт это выполнить не может, то сменить, назначить Володченко» (Дело В. И. А. № 389).

Брусилов, сам кавалерист, чувствует, что наступил момент для величайшей активности конницы, но, к сожалению, конница фронта не оказалась на высоте задач.

Представим себе на миг, что, вместо разбрасывания конницы по всему фронту и возложения на нее чисто фронталь-

ных задач по прорыву укрепленной позиции противника в районе Луцка, была бы создана конная армия (группа) в 8—10 кавалерийских дивизий и 7—9 июня пущена через открытый прорыв по тылам австрийского фронта... Но такой замысел нигде даже не возникал!

8-я армия, перед которой в направлении на Броды противника, способного оказать сопротивление, уже не было, останавливается и начинает свои безуспешные попытки прорваться к Ковелю конницей.

8 июня 8-я армия от Чарторийска подходит к р. Стырь и форсирует последнюю, в то время когда фланги армии остаются еще на исходных местах. Теперь уже явно обнаруживается прорыв противника на фронте не менее 25—35 км. Создается чрезвычайно благоприятная обстановка для удара по тылам 2-й австрийской армии. Но вместо решительного маневра следует один за другим ряд требований о выравнивании фронта армии, закреплении захваченного пространства и обеспечении себя справа. Время упускается, противник успевает подвести резервы, его сопротивление возрастает, и через несколько дней выясняется, что 8-я армия двигаться дальше неспособна.

11-я армия.

Атака VI корпуса 4 июня успеха не имела. Овладев с большими потерями некоторыми высотами противника, корпус был сброшен с них контратаками. Безуспешны были также попытки XVIII и VII корпусов. Главная причина неудачи — стойкость полевых австрийских дивизий, прикрывавших Львовское направление, и своевременное раскрытие ими предстоящего наступления 11-й армии.

Повторные атаки 11-й армии в этом направлении продолжались до 12 июня, когда операция замерла.

Неожиданный успех выпал на долю XVII корпуса, атаковавшего в направлении на Сопанов; 5 июня на его участке фронт австрийцев был прорван, но вместо энергичного продвижения корпусу было приказано остановиться и закрепиться. Противнику надоело ждать, когда его уничтожат, и он сам, без давления, в ночь с 10 на 11 июня оставил свои позиции на р. Икве. На его отход лишь отчасти повлиял охватывающий маневр соседнего справа XXXII корпуса 8-й армии. Но этот маневр не был доведен до конца. 11-я ар-

мия удовлетворилась захватом до 10 000 пленных и пространства.

Нерешительность, дряблость, излишняя осторожность, паническая боязнь за фланги наиболее ярко сказались в действиях 11-й армии. Командующий армией ген. Сахаров с прямотой, достойной лучшей участи, упорно удерживал свои части от энергичного движения вперед.

Вот некоторые примеры.

12 июня ген. Сахаров жалуется Брусилову, что 8-я армия слишком быстро продвигается вперед и тем ставит правый фланг 11-й армии в тяжелое положение (телеграмма № 5486, 12 мая 1916 г., Дело В. И. А. № 27219).

Почти во всех приказах Сахарова содержится категорическое требование не переходить указанного приказом рубежа.

«Подтверждаю к исполнению, что указанный приказом рубеж главными силами корпусов не переходить, а выслать лишь вперед авангарды, сторожевое охранение и вести деятельную разведку. Напоминаю о держании связи между корпусами, корпусов между собой и с соседними армиями» (приказ № 54).

«Корпусам выдвинуть вперед авангарды, охранение, разведку и держать прочную связь как с соседними армиями, так и между собой... На указанных участках корпусам оставаться до особого распоряжения, отнюдь не продвигаясь главными силами вперед, закрепляться спешно и возможно прочно и правильно, т. е. узлами и отсеками...» (приказ № 67) и т. д.

Подобные указания мы находим в каждом приказе. Нередки такие приказы, в которых указывается, что армии поставлена задача энергично атаковать, и что армия будет наступать, а всем корпусам дается чисто оборонительная, пассивная задача. Такие приказы часто имели место и в корпусах и в дивизиях всего фронта. Объясняется это явление тем, что перед неожиданным успехом командование всех степеней серьезно растерялось. Высшее командование все время ждало какого-то подвоха со стороны противника. Казалось, что противник где-нибудь нанесет сильный фланговый удар, отбросит наступающие войска назад, и вся операция будет скомпрометирована и вместе с ней будут скомпрометированы и военачальники.

7-я армия.

Атака началась в 2 часа 4 июня и протекала довольно успешно. К вечеру 8 июня южный участок основной позиции противника на р. Стрыпе протяжением 45 км был захвачен. Армия захватила 40 000 пленных. Но с 9 июня сопротивление противника нарастает, и наступление 7-й армии замирает. На правом фланге на всем протяжении р. Стрыпы до Осовца противник упорно держится. Здесь обороняется южная германская армия ген. Ботмера. Это противодействие неприятеля против центра и левого фланга 11-й армии и правого фланга 7-й армии, быстрое продвижение вперед 8-й армии и пассивность командования 11-й армии вынуждают ген. Брусилова 11 июня дать нижеследующую директиву:

«Ввиду прибытия на фронт новых частей приказываю произвести перегруппировку корпусов по армиям.

8-й армии передать в 11-ю XXXII корпус, 2-ю Финляндскую стрелковую и 126-ю дивизии; 11-й в 7-ю—XVIII и VI корпуса.

7-й армии в 11-ю, как только минует необходимость в ней,—сводную кавалерийскую дивизию и 9-й в 7-ю Кавказскую туземную конную дивизию» (приказ № 163, 4 июня 1916 г., Дело В. И. А. № 108009).

До 15 июня 7-я армия еще продолжала свои попытки сбить противника с р. Стрыпа, но безуспешно.

9-я армия.

9-я армия атаковала на рассвете 4 июня. В первые два дня она имела лишь тактические местные успехи. Главной причиной, обусловившей затяжный характер сражения, было то, что на левом фланге XI корпуса основной ключ австрийских позиций—выс. 458—не была атакована и не была захвачена [1]. Лечицкий предполагал эту высоту обойти с флангов, но это не удавалось. Лишь к вечеру 5 июня Лечицкий

[1] Эпизод с выс. 458 весьма показателен. Ген.-квартирмейстер 9-й армии Кельчевский недавно вернулся из командировки во Францию и привез с собой «секрет», что ширина участка атаки должна строго соответствовать артиллерийским возможностям. Так как атака выс. 458 расширяла участок главного удара на 4 км, а артиллерии и без того было мало, то было решено главный центр неприятельского сопротивления вообще оставить без внимания. Как будто нельзя было изыскать все-таки средства для своевременной атаки этой высоты и спасти десяток тысяч жизней!

усиливает XI корпус бригадой своего резерва и приказывает овладеть выс. 458. Но XI корпус не сразу мог справиться с этой задачей. В течение 4 и 5 июня он понес большие потери—1 739 убитых, 7 622 раненых и 1 390 пропавших без вести.

Только 9 июня XI корпусу удается сбить противника с выс. 458, и 10 июня противник опрокидывается на всем фронте армии. Но успех использован слабо. Вся конница или была отвлечена другими задачами (III конный корпус 9 июня получил задачу переправиться через Прут и захватить Черновицы), или выполняла боевые задачи в пешем строю (1-я Донская казачья дивизия получила задачу занять позицию на левом фланге XXXIII корпуса), или же оставалась в резерве (Туземная кавалерийская дивизия).

Это обстоятельство дало возможность противнику уйти сравнительно благополучно, оставив лишь около 40 000 пленных. Австрийцы отошли частью на северо-запад к Коломые, частью за Прут. Дорога для 9-й армии раскрылась, крайний правый фланг австро-венгерского фронта трещал по всем швам, как и левый. Напрашивается удар на северо-запад. Но здесь вмешивается Алексеев. 12 июня он телеграфирует Брусилову: «Близость румынской границы подсказывает хороший маневр отброса неприятеля не за Серет, а на румынскую территорию, для чего следовало бы собрать большую часть XI и XII корпусов в районе Ревокауц—Лужаны для развития удара в юго-восточном направлении, демонстрируя на остальном протяжении Прута».

Эта директива очень характерна. В то время когда правофланговая 8-я армия поворачивается на северо-запад, левофланговой 9-й армии предлагается повернуть на юго-восток. Такое нелепое взаимодействие армий противоречит самым элементарным требованиям оперативного искусства, и нет ничего удивительного, что крупный тактический успех юго-западного фронта не дал ощутительных оперативных результатов. Только 20 июня оперативное направление 9-й армии изменяется на Станиславов—Галич, но было уже поздно.

10. Контрманевр австро-германцев

Приостановкой наступления всех армий в период 15—17 июня, в сущности говоря, кончается исходная операция

юго-западного фронта по прорыву позиций противника. Теперь наступает период последовательных операций. Но если в исходной операции в условиях стабилизованного фронта командование обычно свободно в выборе формы операции, то после первого удара в это дело вмешивается противник, и формы операций становятся не односторонним, а двусторонним актом.

Маневр отражается контрманевром, и последний, как магнит, притягивает к себе маневренные операционные направления наступающего. Нужна большая сила воли и выдержка в таких случаях, чтобы не подпасть под влияние противника, сохранить инициативу и провести свой план действий. Сила воли и упорство являются высокими качествами истинного полководца.

Еще 15 июня командование юго-западного фронта определяет главное направление для 8-й армии на Рава-Русская, т. е. направление на юго-запад, угрожающее всем главным силам австрийской армии. На один миг блеснул гениальный маневр и затух, не разгоревшись в пламя.

На правом фланге фронта стоит грозный Ковельский железнодорожный узел. Сюда подходят три магистрали: Брест-Литовск—Ковель; Люблин—Холм—Ковель; Ярослав—Рава-Русская—Сокаль и далее по вновь отстроенной линии на Владимир-Волынский—Ковель; эти железные дороги позволяют неприятелю произвести не только любую рокировку, но выходят на самое угрожаемое для юго-западного фронта направление. Здесь—правый фланг германского фронта, выдвинутый вперед к Пинску. Немцы не могут позволить русским армиям овладеть Ковелем и тем поставить в тяжелое положение не только фронт Линзингена, но и фронт Леопольда Баварского. Ковель гипнотизирует и притягивает к себе внимание русской ставки и командования юго-западного фронта. Они научены горьким опытом. В сентябре 1915 г. юго-западный фронт, пытавшийся наступать в направлении на Сокаль, получил из Ковеля короткий и сильный фланговый удар, заставивший русскую 8-ю армию быстро откатиться за Стырь. Этой армией командовал Брусилов. Он запомнил урок, гласящий, что нельзя развивать операции на запад, не ликвидировав Ковеля.

На эту мысль властно наводит и противник, который все свои контрманевры производит как раз из Ковельского района.

В период до 5 июля, когда юго-западный фронт вновь перешел в общее наступление, таких контрударов было проведено два: 1) контрудар от Соколя по центру и левому флангу 8-й армии, 2) контрудар из излучины р. Стырь.

Оба эти маневра не имели решающего успеха. Но они задали тон всем последующим операциям юго-западного фронта. Последующее четырехмесячное сражение юго-западного фронта было не чем иным, как сражением за овладение Ковелем.

Фалькенгайн ярко вскрывает те мотивы, которые легли в основание австро-германских контрманевров летом 1916 г. Он пишет:

«Когда 7 июня стали известны потери союзников людьми и материалами, а также ближайшие данные о поведении частей в боях, нельзя было уже сомневаться в том, что без сильной немецкой поддержки в близком будущем всему фронту в Галиции грозит полный разгром» (Фалькенгайн, Верховное командование, стр. 225).

Фалькенгайн указывает, что Германия не могла допустить нового вторжения русских в Венгрию или создания новой угрозы Силезии, поэтому в условиях резко изменившейся обстановки нужно было принять какие-то решительные меры.

«Наиболее простым средством овладеть обстановкой,— пишет он,—казалось бы, является быстрое создание сильного немецкого фронта в Польше, Западной Галиции или Венгрии, чтобы приступить к контрудару, рассчитанному на далекий размах.

О таком решении настоятельно поэтому просило австро-венгерское командование. Но как ни соблазнительным рисовалось оно в теории, практически оно было мало осуществимо» (там же, стр. 225).

Последнее подтверждалось следующими обстоятельствами:

1. Под рукой не было достаточно сил для осуществления подобного маневра. На востоке на фронтах Гинденбурга и Леопольда Баварского 38 германских дивизий оборонялись против 75 русских дивизий. Разведка обнаруживала подготовку русского наступления в разных пунктах от Рижского залива до Припяти. Это связывало германские силы и не давало возможности сразу выделить 12—15 германских дивизий для удара по юго-западному фронту.

2. Не было достаточно пространства для осуществления маневра. Германская оборона на востоке строилась, главным образом, на крепости прекрасно оборудованной передовой укрепленной полосы. В тылу не было достаточно подготовленных рубежей, на которых войска могли бы задержаться при необходимости отхода в связи с ослаблением сил на фронтах Гинденбурга и Леопольда Баварского. Кроме того, престиж не позволял германскому главному командованию ставить вопрос об отходе с целью образования резервов путем сокращения фронта.

3. Обстановка не давала и достаточного времени для подготовки решающего контрманевра. Австрийский фронт быстро разваливался. Без немедленной немецкой поддержки не было никакой надежды, что австрийцы где-нибудь смогут сами задержаться. Хотя центр австрийского фронта (2-я и южная армии) успешно отражал русские атаки, но он находился в опасности двойного охвата и обхода с обоих флангов. Эту опасность нужно было устранить немедленно.

4. Фалькенгайн указывает, что в то время нельзя было извлечь крупные силы и с запада, даже если бы ради этого пришлось отойти за Маас. Фалькенгайн, повидимому, не хотел прекратить операции против Вердена; кроме того, к тому времени обнаружилась большая подготовка англо-французов на Сомме.

В мировой военной литературе единодушно признается, что упорство Фалькенгайна под Верденом является величайшей ошибкой. Поражение австрийского фронта и начало англо-французских атак на Сомме давали возможность Фалькенгайну прекратить Верденскую операцию без больших потрясений. Но он на этот шаг не пошел.

При таких условиях единственным выходом из положения было «применение системы частных поддержек», т. е. вместо организации крупного контрманевра, связанного с большим отскоком назад, было решено твердо отстаивать занимаемые войсками рубежи, переходя лишь в контратаки местного значения. Снимать с других фронтов отдельные дивизии для поддержки было легче, чем сразу выхватить полтора десятка дивизий.

К 17 июня в район северо-восточнее Сокаль были переброшены: X корпус (19-я и 20-я дивизии) и 43-я резервная ди-

визия с западного театра, 108-я пехотная дивизия из Двинского района и 22-я пехотная дивизия из Рижского района.

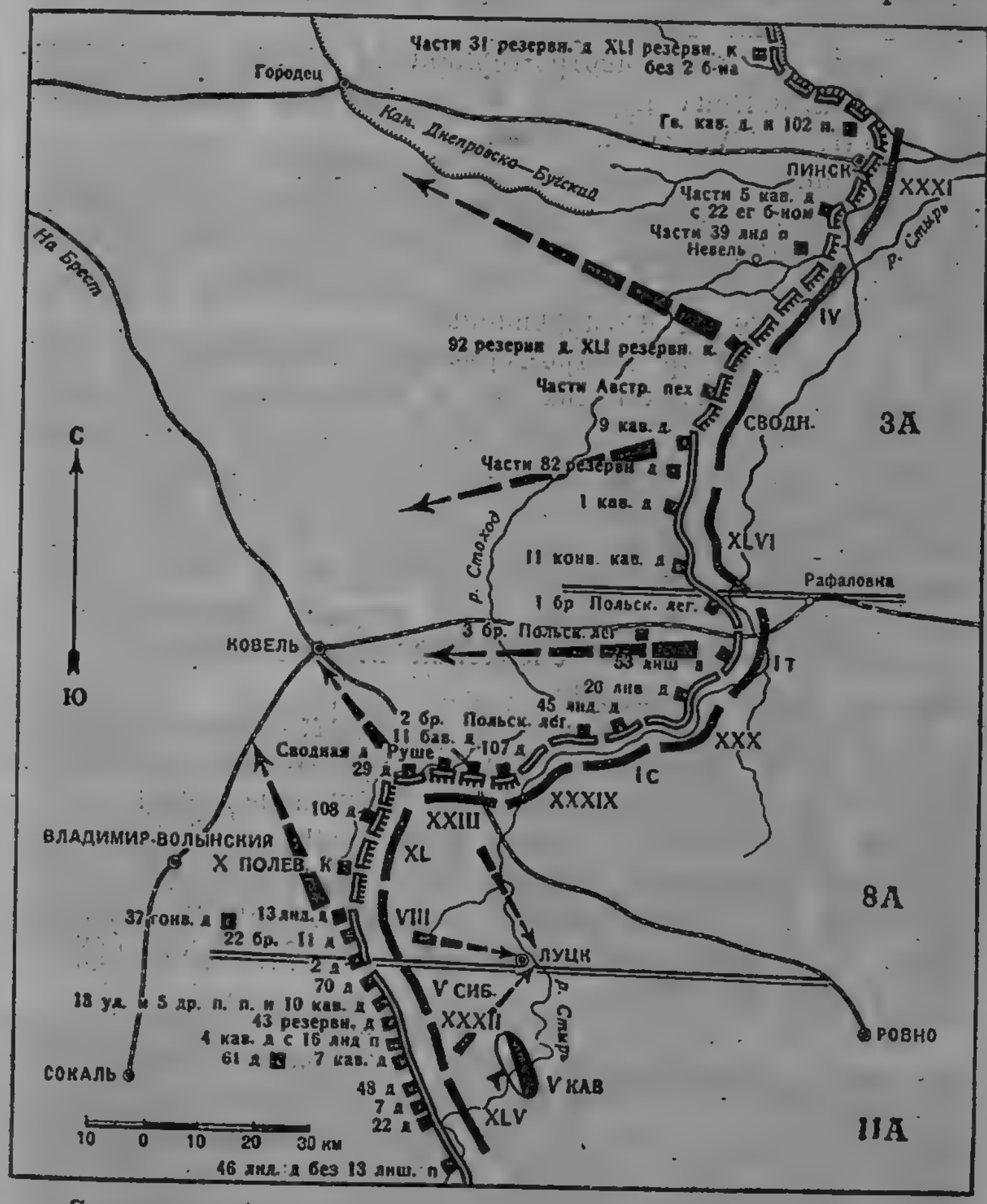

Схема 14. Контрудар австро-германцев на юго-западном фронте в июне 1916 г.

Одновременно с итальянского фронта австрийцы перевезли 48-ю и части 29-й дивизии. Больше сил с итальянского фронта австрийцы перебросить не успели. Некоторые дивизии

находились еще в пути. 25 июня Кадорна на Трентинском участке повел общую контратаку и вернул большую часть утерянной в мае территории.

17 июня эта новая австро-германская группа под командованием Линзингена перешла в наступление против XXXIX, XI и VIII корпусов 8-й армии.

Хотя решающего значения эта контратака и не имела, тем не менее она доказала командованию юго-западного фронта, что без дополнительных сил 8-я армия дальше двинуться не сможет. Поэтому и были отданы распоряжения о приостановке наступления и закреплении.

Второй контрудар австро-германцев последовал 30 июня. Группировка их атакующих сил и направление удара показаны на схеме 14. Но к этому времени 8-я армия настолько усилилась, что успешно отбила все атаки противника.

Однако, 2 июля был момент острого кризиса. XIV корпус (вернее, 126-я дивизия этого корпуса) 11-й армии не мог выдержать беспрерывных атак противника и начал откатываться назад. 126-я дивизия была недавно сформирована из «крестиков» — ратников ополчения второго разряда, и это было ее боевое крещение.

Но быстрым вводом резервов опасность была ликвидирована. 2 июля впервые на русском фронте были применены широкие автомобильные перевозки. Были перевезены 6-я Сибирская дивизия из 8-й армии и два полка из Луцка. Автомобильные перевозки резервов были скомбинированы с переброской 12-й кавалерийской дивизии походным порядком. Кроме того, были подброшены две артиллерийские бригады (72 орудия) из Дубно.

Содействие германцев было обнаружено не только на правом фланге юго-западного фронта. Подпирание наиболее слабых австрийских участков боеспособными германскими частями было обнаружено почти на всем фронте. Немцы не останавливались перед разрозненными перебросками даже отдельных батальонов и полков. Так, 48-я германская резервная дивизия была обнаружена почти на всем течении средней Стрыпы. Части 105-й дивизии, перевезенной из Сербии, были обнаружены на всем участке от Днестра до Прута.

Помимо прямой военной помощи, германское главное командование осуществило давнишнее свое желание сосредо-

точить в своих руках централизованное руководство всеми союзными вооруженными силами на восточном театре войны. Невзирая на сопротивление Гетцендорфа, 27 июня 1916 г. был образован восточный фронт во главе с Гинденбургом (начальник штаба — Людендорф). Ему были подчинены все войска до Броды включительно, т. е. не только все германские силы, действовавшие на востоке, но и 1-я и 2-я австро-венгерские армии. Последние вместе с группой Войрша образовали фронт Линзингена. На южном австрийском участке был образован фронт австрийского эрцгерцога (начальник штаба — германский генерал Сект) в составе южной, 7-й и вновь образованной 12-й армий.

Это мероприятие не только окончательно лишило австрийцев и тени былой самостоятельности, но одновременно нанесло большой ущерб Фалькенгайну. Фалькенгайн так и указывает, что эта мера имела целью, главным образом, выдвижение Гинденбурга. Фалькенгайну готовился преемник.

11. Взаимодействие фронтов летом 1916 г.

Причины, вызвавшие общую остановку юго-западного фронта с 15 июня по 5 июля, кроются не только в возросшем сопротивлении противника и в том якобы, что юго-западный фронт не имел больше сил для развития успеха. Хотя фронт понес большие потери (до 29 июня убитых 41 398, раненых 216 022, без вести пропавших 31 878, всего 289 298 чел.), но к нему начали прибывать большие подкрепления, и если учитывать общую деморализацию австрийцев, то следует признать, что фронт мог продолжать активные действия.

Причины остановки нужно искать в механизме взаимодействия русских фронтов летом 1916 г.

На заседании военно-исторической комиссии 27 августа 1920 г. Свечин следующим образом характеризовал некоторые причины остановки:

«Недостаток в живой силе не явился причиной остановки наших успехов на полпути. Мы не терпели недостатка живых сил. Начиная операцию с перевесом сил 570 тысяч против 440 тысяч, мы так и провели ее, доведя к концу до 860 тысяч против почти тех же сил противника (481 тысяча).

Западный и северный фронты оказывали юго-западному фронту большую помощь, угрожая переходом в наступление, но развязывали немцам руки неудачными атаками.

Юго-западный фронт должен был стремиться к самостоятельной операции уничтожения австро-германской живой силы к югу от Полесья, но главкоюз противился обращению этого театра войны из второстепенного в главный. Идея согласования наступления юго-западного и западного фронтов явилась могилой нашей полной победы.

Главная идея командования юго-западного фронта -- не быть главным фронтом — упорно проводилась, несмотря на колоссальный успех наступления. Штаб как бы искал возможности остаться в тени и настаивал на том, что главный успех ожидается от других фронтов...

Важнейшим направлением удара являлось направление от Луцка, левым берегом Стыри, на Львов. Наступление было остановлено здесь не неприятелем, а шестью последовательными приказами главкоюза от 5 до 20 июня.

Болезненное воспоминание о фланговом ударе германцев во время Луцкой операции 1915 г. делало командование юго-западным фронтом стратегически робким».

Брусилов, бывший на этом заседании, пытался свалить вину на командующих армиями и на ставку, но недостаточно убедительно. Правда состоит в том, что весь генералитет не хотел решительно развивать операции, а предпочитал почить на лаврах. Русские генералы просто боялись зарываться и получить контрудар от немцев.

Теория крупных поворотов, являющаяся в ведении войны, как и в политике, основой практической деятельности, была русскому главному командованию незнакома. Вернее, оно было неспособно так приспособлять свою стратегическую и оперативную мысль к обстановке, чтобы при резко изменившейся общей обстановке быстро отказаться от своих облюбованных, но уже устаревших идей.

Как известно, операция юго-западного фронта началась как частная (вспомогательная) операция. Главный удар должен был наносить западный фронт. Но Эверт всеми средствами увиливал от операции. Когда же наступление юго-западного фронта началось крупным успехом, Эверт прямо говорил, что он не намерен работать на Брусилова. Бес-

прерывные оттягивания Эвертом начала наступления дали даже повод упрекнуть его в измене.

Не менее ретиво и успешно уклонялся от навязываемой ему операции и Куропаткин. Ставка же в лице Алексеева не имела достаточных средств, чтобы заставить главнокомандующих фронтами начать активные действия.

Переписка, которая возникла между фронтами и ставкой, представляет столь выдающийся интерес, что полезно на ней остановиться подробнее. Она вскрывает, с каким искусством высокие бюрократы-генералы отписывались, ставя друг другу подножки.

По основной директиве Алексеева западный фронт должен был начать атаку 9 июня. Но 4 июня Эверт телеграфирует Алексееву, что вследствие неподготовленности плацдармов атака 3-й армии может состояться только 13 июня, а атака 10-й армии (главный удар)—17 июня (телеграмма № 14159). Алексеев соглашается.

9 июня Брусилов телеграфирует Эверту: «Немцы продолжают подвозить части. Взятые пленные 267-го, 269-го резервных полков, 81-й резервной дивизии, 39-го и 57-го ландверных полков (все эти части стояли против западного фронта — А. В.). Прошу содействия к прекращению немецкой перегруппировки» (телеграмма № 1604). Эверт отвечает, что в районе Пинска войска очень ослаблены, болота не подсохли, а потому немедленно начать наступление невозможно.

Брусилов нервничает и 12 июня (№ 1645), а затем 14 июня (№ 1649) отдает приказы о приостановке 8-й армии «ввиду бездействия западного фронта, выдвинутого положения центра 8-й армии и прибытия сильных подкреплений к противнику».

Но 13 июня наступление 3-й армии не состоялось. Леш (командующий 3-й армией) отложил его до 17 июня.

Брусилов телеграфирует Алексееву, указывая, что последовательные отсрочки нарушают все его расчеты и крайне затрудняют планомерное управление армиями. Поэтому он отдал 8-й армии приказ — в наступление не переходить. Алексеев на эту телеграмму не ответил.

Но причина, почему 3-я армия не перешла в наступление 13 июня, вскрывается телеграммой Алексееву от 17 июня (№ 14471), в которой Эверт делает новое откровение. Сооб-

щая, что в 10-й армии все готово к переходу в наступление 17 июня, Эверт указывает, что войскам придется встретиться с сильно укрепленной немецкой позицией. При условии же, что скоро ожидается овладение юго-западным фронтом Ковелем и Владимиром-Волынским, а 3-й армией — Пинском, Эверт считает, что наступление 10-й армии теряет свое значение. Он предполагает перенести наступление в направлении на Барановичи, чтобы угрозой неприятельскому фронту Лида — Гродно заставить его оставить позиции впереди Вильна.

Алексеев пытается переубедить Эверта, но 16 июня отдает директиву (№ 2980), сущность которой сводилась к тому, что западный фронт атакует в направлении не на Вильна, а на Барановичи.

Когда Брусилов узнал об этой новой директиве, он 18 июня разразился посланием исключительной резкости. В письме Алексееву он пишет:

«Отказ главкозапа атаковать противника 17 июня ставит вверенный мне фронт в чрезвычайно опасное положение, и, может статься, выигранное сражение окажется проигранным. Сделаем все возможное и даже невозможное; но силам человеческим есть предел, потери в войсках весьма значительны, и пополнение необстрелянных молодых солдат и убыль опытных боевых офицеров не может не отозваться на дальнейшем качестве войск. По натуре я скорее оптимист, чем пессимист, но не могу не признать, что положение более чем тяжелое. Войска никак не поймут, да им, конечно, и объяснить нельзя, почему другие фронты молчат; я уже получил два анонимных письма с предостережением, что ген.-адъютант Эверт якобы немец и изменник и что нас бросят для проигрыша войны. Не дай бог, чтобы такое убеждение укоренилось в войсках. Беда еще в том, что и в России это примут трагически и также начнут указывать на измену.

Огнестрельные припасы, скопленные для наступления, за две недели боев израсходовались; у меня на фронте кроме легких ничего больше нет, а армия бомбардирует меня просьбами, ссылаясь на то, что теперь борьба начинается еще более тяжелая. Великий князь Сергей Михайлович, прибывший сегодня сюда, доказал, что у него в запасе тоже почти ничего нет, а все поглощено западным фронтом; может быть,

окажется возможным поддержать нас запасами северного и отчасти западного фронта. Во всяком случае было бы жестоко остаться без ружейных патронов, и это грозило бы катастрофой. Пока припасы в изобилии, есть все-таки надежда, что отобьемся, а тогда о такой надежде и мечтать нельзя будет. Мортирные (48) также совершенно необходимы.

Теперь дело уже прошедшее, но если бы западный фронт своевременно атаковал, мы бы покончили здесь с противником и частью сил могли бы выйти во фланг противника ген. Эверта. Ныне же меня могут разбить. И тогда наступление Эверта, даже удачное, мало поможет. Мне горестно, что такими разрозненными усилиями компрометируется выигрыш войны, что весьма чревато последствиями, и жаль войск, которые с таким самоотвержением дерутся; да и жаль просто академически возможности проигрыша операции, которая была, как мне кажется, хорошо продумана, подготовлена и выполнена и не докончена по вине западного фронта ни за что, ни про что».

Но Алексеев нашел прекрасный выход из положения. 20 июня он подчиняет 3-ю армию Брусилову, стремясь таким образом удовлетворить и желание Эверта — не наступать, и отвести упреки Брусилова в том, что он предоставлен самому себе.

Как уже указывалось, с неменьшим успехом, чем Эверт, отписывался и Куропаткин. Ему было легче в том отношении, что с северного фронта Алексеев начал снимать корпус за корпусом, и это давало повод Куропаткину систематически отказываться от наступления, ссылаясь на ослабление фронта. По части пассивности у Куропаткина был большой исторический опыт. Куропаткинское «терпение» стало нарицательным. Пассивность Куропаткина привела к тому, что его сместили и заменили ген. Рузским.

Но Эверт понял, что больше оттягивать уже нельзя. Без необходимой предварительной подготовки 2-я армия западного фронта 2 июля атаковала немцев у Барановичи и, потеряв около 80 000 чел., не добилась никаких результатов. Помощь, которую так ожидал Брусилов, оказалась худшей формой помощи: она связала крупные силы западного фронта и развязала силы немцев, которые могли смело начать подбрасывание сил против юго-западного фронта.

12. Характер сражения на истощение на восточном театре войны

В задачи настоящего исследования не входит описание всех операций юго-западного фронта летом и осенью 1916 г. Длительное сражение на всем фронте затянулось до конца августа, а вместе с операциями, связанными с выступлением Румынии, — до конца года. С точки зрения оперативных форм все последующие операции фронта не представляют особого интереса. Основные этапы операций могут быть представлены в следующем виде.

Первый этап: 4—16 июня, прорыв и исходная операция юго-западного фронта.

Второй этап: 16 — 30 июня, остановка фронта и частные операции по выравниванию.

Третий этап: 30 июня — 5 июля, первый контрманевр противника со стороны Ковеля.

Четвертый этап: 5 — 14 июля, второе общее наступление юго-западного фронта и выход на р. Стоход.

Пятый этап: 14 — 28 июля, вторая общая остановка фронта и начало затяжного сражения на р. Стоход.

Шестой этап: 28 июля — 1 августа, третье общее наступление фронта, продолжение сражения на р. Стоход.

Седьмой этап: 8 августа — начало сентября, четвертое общее наступление фронта, окончание сражения на р. Стоход, окончание операций фронта.

Во всех операциях отчетливо выступают знакомые черты маневренной войны. Территориальные колебания на фронте были значительны. Юго-западный фронт продвинулся на флангах (8-я и 9-я армии) больше чем на 150 км и в центре — на 50—60 км. Возрастает роль фланговых угроз, под влиянием которых австрийцы вынуждены были последовательно очистить свои позиции на Стыпе, затем на Коропце, и отойти на Золотую Липу. Борьба ведется почти в открытом поле и т. д.

Но в то же время обнаруживают свое влияние новые факторы борьбы, которые особенно ярко проявились на западном театре. Среди этих факторов особое место занимает соревнование в подвозе резервов, которое превратило операции юго-западного фронта в сражение на истощение. Первые герман-

Наименование частей	Станции посадки	Время посадки	Станции выгрузки	Время прибытия последнего эшелона	В какую армию направлены резервы
50-я дивизия	Лигат—Крейцбург	5 июня	Клевань, Ровно	10 июня	В 8-ю армию
V Сибирский армейский корпус (5-я и 6-я Сибирские дивизии)	Вольмар, Валк, Венден	5 июня	Ровно, Здолбуново, Озеряны	12 июня	То же
XXIII армейский корпус (53-я и 20-я пехотные дивизии)	Двинск, Режица	7 июня	То же	18 июня	20-я дивизия в 11-ю армию, корп. упр. и 53 дивизия в 8-ю армию
Управление XIV армейского корпуса	Одесса	8 июня	Озеряны	15 июня	В 11-ю армию
113-я пехотная дивизия	Одесса, Тирасполь	8 июня	Проскуров	15 июня	В 9-ю армию
117-я пехотная дивизия	То же	8 июня	Бендеры	15 июня	В рез. фронта
III армейский корпус (5-я и 73-я пехотные дивизии)	Двинск	13 июня	Лунинец	18 июня	В 3-ю армию
I армейский корпус (22-я и 24-я пехотные дивизии)	Разъезд 654 Р.-О. ж. д., Молодечно	17 июня	Ровно, Киверцы, Клевань	25 июня	В 8-ю армию
Туркестанский армейский корпус (1-я и 2-я Турк. дивизии)	То же	23 июня	Ровно	2 июля	То же

Наименование частей	Станции посадки	Время посадки	Станции выгрузки	Время прибытия последнего эшелона	В какую армию направлены резервы
78-я пехотная дивизия	Двинск	25 июня	Полицы	3 июля	В 8-ю армию
V армейский корпус (7-я и 10-я пехотные дивизии)	Молодечно, Вилейка, Буцлов, Кривичи	27 июня	Дубно, Луцк, Ровно	6 июля	В резерв фронта
108-я пехотная дивизия	Рига	1 июля	Каменец-Подольск	9 июля	В 9-ю армию
Уссурийская казачья дивизия	Венден	5 июля	То же	10 июля	То же
IV Сибирский армейский корпус (9-я и 10-я сибирские дивизии)	Буцлов, Кривичи, Вилейка	6 июля	Замирье, Хвоево, Клевань	В конце июля	В особую армию
79-я пехотная дивизия	Крейцбург	9 июля	Зучка	17 июля	В 9-ю армию
Сербская добр. дивизия	Одесса	9 июля	Троянов-Вал	17 июля	В рез. фронта
Гвардейский отряд	—	—	—	—	—
I гвардейский корпус (1-я и 2-я гвардейские пехотные дивизии)	Молодечно, Уша, Радошковичи, Минск, Режица	11 июля	Киверцы, Рожище, Клевань, Луцк, Ровно	30 июля	В особую армию
II гвардейский корпус (3-я гвардейская пехотная и гвардейская стрелковая дивизии)	—	—	—	—	—

Наименование частей	Станции посадки	Время посадки	Станции выгрузки	Время прибытия последнего эшелона	В какую армию направлены резервы
Гвардейский конный корпус (1-я и 2-я гвардейские кавалерийские дивизии)	—	—	—	—	—
I Сибирский стрелковый корпус (1-я и 2-я Сибирские дивизии)	Парфияново, Буцлов, Кривичи	27 июля	Клевань, Ровно	5 августа	В особую армию
61-я пехотная дивизия	Столбцы	1 августа	Тирасполь	6 августа	В 9-ю армию
64-я пехотная дивизия	Замирье, Столбцы	5 августа	Каменец-Подольск	12 августа	То же
XXXIV армейский корпус (53-я и 104-я пехотные дивизии)	Столбцы	13 августа	Сарны, Домбровицы	27 августа	В 3-ю армию
XXIV армейский корпус (65-я и 84-я пехотные дивизии)	Кривичи, Вилейка	16 августа	Сарны, Дубно, Луцк, Маневичи	31 августа	В особую армию
59-я пехотная дивизия	Двинск	17 августа	Зучка	2 сентября	В 9-ю армию
XXV армейский корпус (3-я гренадерская и 46-я пехотная дивизии)	Ганцевичи, Синявка	17 августа	Полицы, Домбровицы, Маневичи	2 сентября	То же

ские дивизии, переброшенные на усиление австрийского фронта, позволили настолько усилить оборону, что с конца июня продвижение русских армий на правом фланге совершенно прекратилось, а на остальном фронте значительно замедлилось.

После неудачи наступления под Барановичами русское главное командование решило перенести центр тяжести операций на юго-западный фронт и начало сюда перебрасывать крупнейшие резервы. Ход перевозок представлен в таблицах, помещенных на стр. 391—393.

Таким образом, всего юго-западный фронт получил на усиление 35 пехотных и 3 кавалерийских дивизий.

В течение этого же времени австро-венгерцы и немцы подвезли значительно меньшие силы — не более 18 — 20 дивизий. Тем не менее и это усилие далось «Срединному» союзу с большим трудом. Австрийцы были вынуждены прекратить наступление в Трентино. Для немцев это был один из самых тяжелых периодов всей войны. В самом деле, они должны были спасать Австро-Венгрию, отбивать атаки на западном и северном русских фронтах, отражать контратаки французов под Верденом и выдерживать напор англо-французских сил на Сомме.

Русские перевозки производились по следующим железнодорожным направлениям: 1) с северного фронта — Рига, Двинск, Полоцк, Витебск, Орша, Жлобин; 2) с западного фронта — Молодечно, Минск, Жлобин.

Из Жлобина эшелоны направлялись на Лунинец — Сарны — Ровно или на Коростень — Шепетовка — Здолбуново или на Коростень — Житомир — Винница — Проскуров.

В период интенсивных перевозок ряд эшелонов направлялся кружным путем через Гомель — Бахмач — Киев, а отсюда на Коростень или на Казатин.

Таблица на стр. 395 показывает соотношение сил на юго-западном фронте летом и осенью 1916 г.

Таким образом, мы видим значительный количественный рост сил юго-западного фронта. Успехи юго-западного фронта ни в какой мере не находятся в соответствии с благоприятным изменением соотношения сил в ходе операции.

Следующие причины повлияли на отрицательный результат операции фронта после первых успехов:

	Батальонов	Эскадронов	Штыков	Сабель	Орудий
К 4 июня					
Русские	630	447	573 307	60 036	1 928
Австро-германцы	570	265	451 000	31 000	1 964
К 4 июля					
Русские	720	468	532 000	57 000	2 100
Австро-германцы	540	271	421 000	33 000	2 234
К 4 августа					
Русские	752	476	640 779	58 434	2 202
Австро-германцы	588	283	481 000	39 000	2 300
К 8 сентября					
Русские	896	497	728 147	61 083	2 727
Австро-германцы	628	—	520 000	—	2 536
К 8 октября					
Русские	1 035	529	830 148	63 095	3 104
Австро-германцы	Данных нет, но известно, что силы начали уменьшаться в связи с перебросками против Румынии.				

1. Возросшая обороноспособность противника. Подвезенные германские резервы настолько усилили австрийский фронт, что он приобрел достаточную устойчивость.

2. Огромные потери юго-западного фронта, которые, по-видимому, не уступают потерям противника. Под влиянием этих потерь активность войск прогрессивно понижалась. Северный и западный фронты отдавали отнюдь не лучшие свои корпуса и дивизии.

3. Главный узел операции, как известно, завязался на Ковельском направлении. Но развязать этот узел были призваны такие начальники, которые к этому абсолютно не были подготовлены. Сражением на Стоходе руководил ген. Безобразов (командующий гвардейским отрядом), который стал во

главе Особой армии. Вот как Брусилов расценивал высший командный состав гвардии:

«Сам командующий «Особой» армией ген.-адъютант Безобразов был человек честный, но ума ограниченного и невероятно упрямый. Его начальник штаба, гр. Игнатьев, штабной службы совершенно не знал, о службе генерального штаба понятия не имел, хотя в свое время окончил Академию генерального штаба с отличием. Начальник артиллерии армии герцог Мекленбург-Шверинский был человек очень хороший, но современное значение артиллерии знал очень неосновательно, тогда как артиллерийская работа была в высшей степени важная и без искусного содействия артиллерии успеха быть не могло. Саперные работы, имеющие столь большое значение в позиционной войне, также производились неумело. Командир I гвардейского корпуса вел. князь Павел Александрович был благороднейший человек, лично безусловно храбрый, но в военном деле решительно ничего не понимал; командир II гвардейского корпуса Раух, человек умный и знающий, обладал одним громадным для воина недостатком: его нервы совсем не выносили выстрелов, и, находясь в опасности, он терял присутствие духа и лишался возможности распоряжаться» (Брусилов, Мои воспоминания, Гиз, стр. 189).

Убийственная аттестация.

На Стоходе гвардия сама себе выкопала могилу. Некоторые приближенные царя потом говорили, что на Стоходе царь потерял последние остатки своей возможной военной опоры.

4. В ходе боевых действий высшие командиры забыли основные требования подготовки операции. Легкие успехи над австрийцами привели к мысли о возможности добиться таких же результатов и над немцами. Вот как Клембовский (начальник штаба юго-западного фронта) докладывал о состоянии подготовки атаки 3-й армии 20 августа:

«18 августа, за два дня до начала наступления, подготовка лишь началась. Командиры корпусов были ознакомлены с предложениями командующего армией только 17 августа. В III корпусе все вопросы по организации атаки были решены лишь в общих чертах; командиры дивизий и подчиненные им начальники частей не были еще ознакомлены с теми

районами, в которых они должны были действовать; связи пехоты с артиллерией установлено не было. В XXXIV корпусе, заступившем на позицию в ночь с 18 на 19 августа, несмотря на то, что корпус закончил свое сосредоточение 11 — 13 августа, а начальствующие лица прибыли еще раньше, — никто из них со своим районом, с позициями противника и с предстоящими своими задачами ознакомлен не был. В XXVI корпусе соображения командира корпуса носили лишь предположительный характер и велись в направлении, противоположном тем указаниям, которые им были получены от командующего армией. Так как предположения командира XXVI корпуса не имели окончательного характера, то и группировка средств атаки была лишь намечена; например, не все батареи дивизионной артиллерии заняли свои позиции, цели не были изучены и распределены, взаимодействия между пехотой и артиллерией установлено не было; группировка корпусной артиллерии хотя идейно и была разработана, но не все батареи еще стояли на местах; указания о задачах, которые будут на них возложены, не были получены и т. д.» (Дело В. И. А. № 389).

При такой подготовке предстоящей операции нет ничего удивительного в том, что операции юго-западного фронта больше не давали никаких положительных результатов.

Глава XXIII

МИТАВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ (4 ЯНВАРЯ—3 ФЕВРАЛЯ 1917 г.)

1. Характер операций с ограниченной целью на восточном театре войны

До провала летних операций 1916 г. русское главное командование в лице Алексеева при разработке планов операций исходило, главным образом, из отдаленных стратегических целей. Оперативно-тактическая сторона вопроса, проблемы, связанные с непосредственным прорывом укрепленного фронта противника, как-то отходили в сторону. Жестокие уроки, полученные русской армией в 1916 г. на северном и западном фронтах, вынудили русское главное командо-

вание пересмотреть свою «доктрину» в сторону поворота к методизму.

В июле—августе 1916 г. происходил интересный обмен мнениями между Алексеевым и командованием северного фронта (Рузским и его начальником штаба Даниловым). По заданию главнокомандующего Данилов разработал план операций северного фронта на основе «далекого прицела». В плане предусматривалось нанесение главного удара всеми армиями фронта в направлениях на Тильзит, Ковно и Вилькомир. Но эти агрессивные намерения не встретили сочувствия у Алексеева. Алексеев поучает Рузского и Данилова, указывая им, что широким стратегическим замыслам должно предшествовать детальное изучение всех условий, необходимых для успешного нанесения противнику частных ударов, которые в случае развития могут перерасти в более крупные задачи. Необходимо изучать слабые, доступные участки укрепленной полосы противника, позволяющие произвести местный тактический прорыв, причем этим выгодным участкам должно быть отдано предпочтение даже в том случае, если они лежат не на главных, а на второстепенных направлениях. В результате дискуссии в сентябре последовала директива ставки, которая северному фронту ставила на зимний период задачу: «накапливание сил для предстоящего наступления, упрочение и улучшение частичными действиями занимаемого положения».

Этот поворот к методизму имел место не только у Алексеева, но и у ряда лиц высшего командного корпуса русской армии. Тактические проблемы прорыва стали приковывать к себе внимание многочисленных штабов и командующих. Основную трудность прорыва почти все усматривали в недостатке тяжелой артиллерии. Действительно, тяжелая артиллерия была тем «узким местом», на которое русское командование было вынуждено равняться, ибо не имело средств его преодолеть. Русская промышленность с массовым производством тяжелой артиллерии не могла справиться; большая часть тяжелой артиллерии, заготовленной в мирное время, попала в руки немцев во время падения «крепостного кольца» в 1915 г.; Антанта же помогала России в этом отношении в небольших размерах. Острая нужда в тяжелой артиллерии для западного театра приводила к тому, что

России предоставлялось лишь незначительное количество орудий тяжелых калибров и притом старых образцов. В нижеследующей таблице показано развитие тяжелой артиллерии русской армии во время мировой войны:

1914 г.		1915 г.		1916 г.		1917 г.	
Батарей	Орудий	Батарей	Орудий	Батарей	Орудий	Батарей	Орудий
60	240	173	352	308	1 152	389	1 430

Всего за время войны на фронт было подано следующее количество тяжелой артиллерии [1]:

	1915 г.	1916 г.	1917 г	Всего
Русского производства . . .	50	233	602	1 448
Из-за границы	130	272	846	

Вся эта тяжелая артиллерия состояла из 28 различных калибров, начиная от «допотопных» 20-см японских осадных мортир, орудий 1877 г., устарелых и новых французских и английских образцов и кончая 11 и 12-дм. пушками Обуховского завода. Средних калибров до 6-дм. было 1 332 орудия, 8—12-дм. — 72 орудия.

Совершенно очевидно, что немцы и австрийцы с их заводами Круппа и Шкода имели большое превосходство в тяжелой артиллерии.

Но если строгий методизм в подготовке операций до известной степени является результатом наличия мощной многочисленной артиллерии и других технических средств, то в русской армии методизм вошел в противоречие с недостатком тяжелой артиллерии. Многие начальники не могли понять, к чему строгий методизм, когда тяжелой артиллерии мало.

Недостаток тяжелой артиллерии должен был навести на мысль о возможности произвести прорыв без предваритель-

[1] По данным Маниковского «Боевое снабжение русской армии».

ной артиллерийской подготовки. Таким условием является внезапная массовая пехотная атака.

Подобная мысль возникла у командующего 12-й армией ген. Радко-Дмитриева еще в июле 1916 г. Эта мысль встретила сочувствие у Куропаткина, который телеграфировал Алексееву:

«Нам нужно заменить систематическую артиллерийскую подготовку элементом внезапности, именно — сосредоточившись значительными силами в районе, где нас противник менее всего ожидает, атаковать стремительно без методической медлительной артиллерийской подготовки, ограничившись только ошеломляющим противника коротким ураганным огнем артиллерии» (№ 6947 от 9 августа, Дело В. И. А. № 446) [1].

Но после смены Куропаткина мысль Радко-Дмитриева была отставлена.

Между тем на северном фронте были такие участки, которые позволяли осуществить подобного рода внезапную атаку.

Прежде всего северный фронт имел подавляющее превосходство в силах (182—200 батальонов против 64—70 батальонов).

Только полная безнаказанность и уверенность в своих силах позволяли немцам держаться против северного фронта, выставив редкий стрелковый кордон из второстепенных ландверных частей. Бассейн р. Аа, лесистый и болотистый, с чрезвычайно высоким уровнем грунтовых вод, не позволял строить глубоко вкопанную в землю укрепленную полосу. Только на отдельных песчаных буграх были созданы укрепленные блокгаузы. В промежутках окопы складывались из бревен на поверхности земли. Проволочные заграждения не были развиты. Немецкие окопы прикрывались тремя полосами проволоки в 4—6 кольев. Густой лес и кустарник давали возможность подходить незаметно к немецкому расположению.

---

[1] Этот пример является прекрасной иллюстрацией возникновения новых оперативных идей в зависимости от степени насыщения армии техническими средствами. Такая мысль не возникала в западноевропейских армиях, имевших могущественную технику. Там стремились к достижению внезапности в использовании именно техники. Идея, изложенная в приведенной нами телеграмме, зародилась, естественно, у русского генерала, имевшего много людей (пехоты) и мало техники.

Все эти обстоятельства были известны Радко-Дмитриеву, и он начал деятельно пропагандировать свою идею. В одном из своих докладов Радко-Дмитриев указывает:

«Опыт показал, что если позиция противника расположена на местности лесистой, то все, что находится за опушкой леса, почти неуловимо и неуязвимо для артиллерии, даже при громадной затрате снарядов... Методические атаки по существу своему всегда принимали длительный характер, затягиваясь на несколько дней. Они давали возможность противнику не только правильно ориентироваться, угадать пункт нашего удара, но и собрать резервы из весьма отдаленных районов.

В результате мы были свидетелями почти постоянно повторяющегося явления, что в то время, когда мы, сильно ослабленные и изнуренные и физически и, главное, морально атакой первой линии, кидались дальше, неприятель нас встречал свежими силами и контратаками отбрасывал в исходное положение».

Радко-Дмитриев не отрицает пользы методической артиллерийской подготовки, но он считает, что такая подготовка возможна лишь на открытой местности, когда вся укрепленная полоса противника видна насквозь и ее обстрел возможен без перегруппировки артиллерии вперед. Но в лесном районе, несмотря на то, что укрепленные линии противника обычно расположены близко одна от другой, методическое разрушение артиллерией при ее недостатке не может дать хороших результатов. Поэтому Радко дальше пишет:

«Если бы атакующему удалось посредством маневра собрать скрытно на каком-нибудь одном участке численно превосходные силы, если бы удалось убедить исполнителей, что внезапность является лучшей подготовкой удара, то не сомневаюсь, что, приняв решение во что бы то ни стало довести дело до конца, мы добьемся прорыва неприятельского фронта, а раз прорыв сделан, то явятся не только уязвимые фланги, но и крайне чувствительный тыл».

Но Радко вовсе не отрицает необходимости артиллерийской подготовки и при внезапной атаке:

«Я отнюдь не отвергаю артиллерийской подготовки, но мы должны ожидать от артиллерии не преувеличения и непосильной ей работы, а только того, что она может нам дать

без ущерба для внезапности и в пределах имеющихся тяжелых снарядов. Для этого нам необходимо исподволь, незаметно для противника, собрать намеченные артиллерийские средства в районе атаки, подготовить все так, чтобы артиллерия могла в течение 3—4 часов сделать свою подготовку первой линии, а затем пустить сейчас же части в атаку, вселив во всех, от генерала до рядового, решимость и уверенность в необходимости довести атаку до конца, сметая все перед собой. Я уверен, что предшествуемая мощным заградительным огнем пехота будет уничтожать все по дороге и, работая вручную, пробьет себе путь до неприятельских батарей».

Радко-Дмитриев жалуется на официальные наставления, которые своими указаниями, что атака может иметь успех лишь после «тщательной артиллерийской подготовки и точного подсчета снарядов и других технических средств», сковывают инициативу, решимость и творческую работу частных начальников. Поэтому он просит Рузского освободить двенадцатую армию от стеснений и оков наставлений и разрешить произвести удар методом «ускоренной атаки», как он назвал свой способ внезапной атаки после короткой артиллерийской подготовки (№ 2789 от 19 ноября 1916 г., Дело В. И. А. № 221 — 793).

Таким образом, нужно констатировать, что общие идеи Радко-Дмитриева являлись протестом против поворота к строгому методизму со стороны главного командования.

Вполне понятно, что внезапная атака связалась с операциями с ограниченной целью, в которых можно было привлечь меньшие силы, позволявшие легче осуществить внезапность.

2. План операции

Выбор участка для атаки продолжался в течение длительного времени и проходил с большими трениями. В начале сентября штаб фронта предложил Радко-Дмитриеву участок между болотом Тируль и р. Аа. Штаб фронта опасался осуществить широкую операцию, поэтому он выбрал узкий участок на наиболее обеспеченном направлении. Но Радко-Дмитриев с этим участком не согласился, ибо он лишал его возможности использовать артиллерию в густом лесном мас-

сиве. Совместно с Болдыревым, ген.-квартирмейстером штаба северного фронта, он объехал участок своей армии и в дополнение к направлению, намеченному штабом фронта, выбрал еще участок между оз. Бабит и железной дорогой Митава—Рига, шириной 23 км. При этом он решил на всем фронте произвести внезапную ночную атаку без артиллерийской подготовки и только на открытом участке между Нейн—Пулеметная Горка атаковать после предварительной артиллерийской подготовки. Задача операции — выход на р. Аа и овладение Митавой.

Но Рузский не сочувствовал такому широкому замыслу. На совещании с командующими 9 ноября Рузский предложил осуществить частную операцию только на левом фланге Рижского предмостного плацдарма в направлении на Кеккау. По мнению Рузского, это направление давало большие гарантии по обеспечению Риги, имело лучшие условия подвоза и позволяло привлечь артиллерию правого берега р. Двины. Но Радко-Дмитриев сумел настоять на избранном им участке. В конце концов Рузский разрешил операцию «в смысле боевой практики для войск».

Чтобы еще в большей мере снять с себя ответственность за затею, которой он не сочувствовал, Рузский на совещании в ставке 30 декабря 1916 г. заявил: «В направлении на Митаву можно было бы попытаться произвести частную операцию, но она не обещает успеха».

Чтобы умерить «пыл» Радко-Дмитриева и сократить масштаб операции, которая может раздразнить противника, Рузский заявил Радко-Дмитриеву, что 12-я армия не может рассчитывать на резервы фронта и что она обязана обойтись своими силами.

3. Подготовка и моральное состояние частей, предназначенных для атаки

Радко-Дмитриев, повидимому, понимал, что тщательная предварительная подготовка войск является основным необходимым условием успеха. Поэтому он развил энергичную деятельность по обучению своих частей. Он вызывает высший начальствующий состав в штаб армии и пытается его убедить в решающем значении внезапности. С латышскими

стрелковыми бригадами он производит ряд занятий по сближению с противником под покровом ночи, по резке проволоки, по построению боевого порядка, по поддержанию связи и пр. Для всего VI корпуса он строит ряд учебных городков и обучает части новому способу атаки. Он разъезжает по частям и беседует с офицерским составом, разъясняя им необходимость и возможность обойтись без артиллерийской подготовки. В одном из приказов он говорит, что во время ночных действий в лесу «взводные и ротные командиры — это знамя, около которого держатся близко все чины взвода и роты», и что успех атаки зависит от их инициативы, смелости и решительности.

Но все внимание Радко-Дмитриева сосредоточено на первом акте операции — на подходе к позиции противника и на прорыве. Работа в этом направлении отвлекает его внимание от последующих этапов операции, связанных с развитием успеха.

Командование 12-й армии забывает, что без обеспечения быстроты в использовании прорыва путем немедленного ввода в прорыв крупных резервов успеха добиться невозможно. В результате этой забывчивости упускается ряд важнейших предварительных мероприятий. Построение боевого порядка в целом ускользает от внимания армейского командования, это приводит к тому, что резервы по старому испытанному обычаю располагаются слишком далеко. Строгая регламентация порядка ввода резервов не производится. Система связи детально не разрабатывается. Связь пехоты со своими резервами и особенно с армейской конницей (почти 2 кавалерийских дивизии) не обеспечивается. Проблема увеличения подвижности резервов Радко-Дмитриева не занимает. Конечно, нельзя было требовать от командования 12-й армии, чтобы оно посадило свои резервы на вездеходные автомобили или на множество аэросаней, но оно могло и должно было обеспечить войска лыжами. Узкий тактический кругозор «бравого» Радко-Дмитриева не мог подняться на оперативную ступень. Поэтому большой первоначальный успех операции в конце концов свелся к нулю из-за оперативной неподготовленности и непредусмотрительности.

Впрочем, надо иметь в виду, что самого Радко-Дмитриева начали охватывать различные сомнения. Фронтовое командование — против операции. Доверия войсковых командиров

он не завоевал. Солдаты уже выходили из повиновения офицерам. На совещании в ставке 9 января 1917 г. Рузский, между прочим, дал такую характеристику Рижскому району:

«Рига и Двинск — несчастье северного фронта, особенно Рига. Это — два распропагандированные гнезда». Брусилов на том же совещании подтвердил, что части, прибывшие на юго-западный фронт из Рижского района, были совершенно развалены: «Действительно, VII Сибирский корпус прибыл из Рижского района совершенно распропагандированным; люди отказывались итти в атаку; были случаи возмущения; одного ротного командира подняли на штыки, пришлось принять крутые меры, расстрелять несколько человек, переменить начальствующих лиц, и теперь корпус приводится в порядок» (Центроархив, Разложение армии в 1917 г., Гиз, 1925 г., стр. 7).

После операции ген. Рузский пишет командующему 12-й армией:

«Во время последних боев под Ригой имели место крайне прискорбные и нетерпимые в армии случаи уклонения и даже отказа нижних чинов некоторых полков итти в бой... Среди нижних чинов велась и ведется интенсивная пропаганда пацифических идей... Результаты преступной пропаганды наиболее резко выразились в частях II Сибирского армейского корпуса, VI Сибирского корпуса, охватывая, таким образом, группу войск, которая расположена в непосредственной близости г. Риги и имеет с ней наиболее тесное и постоянное общение» (Красный архив, т. IV, стр. 421).

Аттестация ген. Рузского имела основания. Царская армия разваливалась и «порядок» в ней поддерживался преимущественно расстрелами. В то же время в Риге продолжала успешно работать подпольная организация большевиков Латвии, которая имела связи в войсках. Кроме того, в конце 1916 г. моряки, посланные в действующую армию, после ликвидации кронштадтской военной организации большевиков 8—9 сентября 1916 г,. остались верными себе и отказались наступать. Поставленные на Рижском участке фронта, эти моряки устроили бунт, и командование постаралось скорее убрать их в тыл.

Главный удар должны были наносить 1-я и 2-я латышские стрелковые бригады. Эти бригады были сформированы на

основе добровольчества депутатом государственной думы Гольдманом, который использовал антагонизм между латышскими трудовыми массами и правящей немецкой верхушкой Латвии. В конце 1916 г. эти части еще не были глубоко охвачены революционными настроениями.

Чтобы разжечь национальные чувства латышских добровольцев, Радко-Дмитриев перед наступлением издал приказ:

«Латышские стрелки! Вы живо чувствуете тяжесть немецкого нашествия. Вы будете драться, чтобы вырвать из рук врага ваши родные очаги и все то, что вам дороже всего на свете. Вперед же, молодцы! Там, за рекой Аа и за Двиной, вас ждут ваши отцы, матери, братья и сестры, чтобы обнять вас и увенчать славными лаврами» (приказ № 1000 от 31 декабря 1916 г.).

Но сами латышские стрелки много сделать не могли.

6-я Особая бригада была только что сформирована и мало боеспособна.

4. Занятие исходного положения и задачи атакующих частей

Весь предназначенный для атаки участок был разбит на три подучастка. Силы, средства и задачи были распределены следующим образом:

1. Участок между болотом Тируль и р. Аа — группа ген. Лебединского. Состав — 6-я Особая бригада и 440-й полк. Задача — атаковать участок неприятельской позиции между восточным берегом Тирульского болота и левым берегом р. Аа с целью отбросить противника на юг, захватить м. Кальнцем и, заслонившись справа, быть готовыми действовать дальше в направлении на юг по левому берегу р. Аа, к Митаве.

2. Участок Нейн—Опорная горка вкл.—Бабитская группа, VI Сибирский корпус. Состав — 3-я и 14-я Сибирские стрелковые дивизии, 1-я и 2-я латышские бригады. Задача — участок Нейн — Пулеметная горка атаковать при содействии всей тяжелой артиллерии, позицией же противника к юго-востоку от Пулеметной горки попытаться овладеть решительной внезапной атакой.

3. Участок к западу от железной дороги Митава — Рига — Алайская группа: 5-я Сибирская стрелковая дивизия. За-

дача — после прорыва VI корпуса в районе Мангель перейти в решительное наступление с целью облегчить маневр VI корпуса к Митаве, заслонить его левый фланг.

Распределение артиллерии

Наименование групп	Ширина участка	Орудий: полевых легких	Орудий: гаубиц 48-лин. и пушек 42-лин.	Орудий: тяжелых 6—12-дм.	Орудий: всего	Плотность на 1 версту
Группа Лебединского	6 верст	16	4	8	28	4.5 орудия
Бабитская группа .	15 „	90	42	76	208	14,0 „
Алайская „ .	8 „	20	4	42	66	8.2 „
Всего . .	29 верст	126	50	126	302	10,6 орудия

Из этой артиллерии атаку на участке Нейн — Пулеметная горка должны были подготовить 102 орудия, из них 84— гаубицы и тяжелые орудия.

Построение боевого порядка

Наименование групп	Батальонов: 1-я линия (штурмующая)	Батальонов: 2-я линия (резервы группы)	Батальонов: 3-я линия (резервы команд. армией)
Группа Лебединского . .	6	4	4 батареи
Группа Бабитская . . .	24	24	8 эскадронов
Группа Алайская	8	12	8 батарей
Всего . .	38	40	12 батарей и 8 эскадронов

Резервы были расположены в 4—8—12 км позади первой атакующей линии.

Против этих сил с немецкой стороны стояли на позиции 19 батальонов различных частей.

Группировка сторон показана на схеме 15.

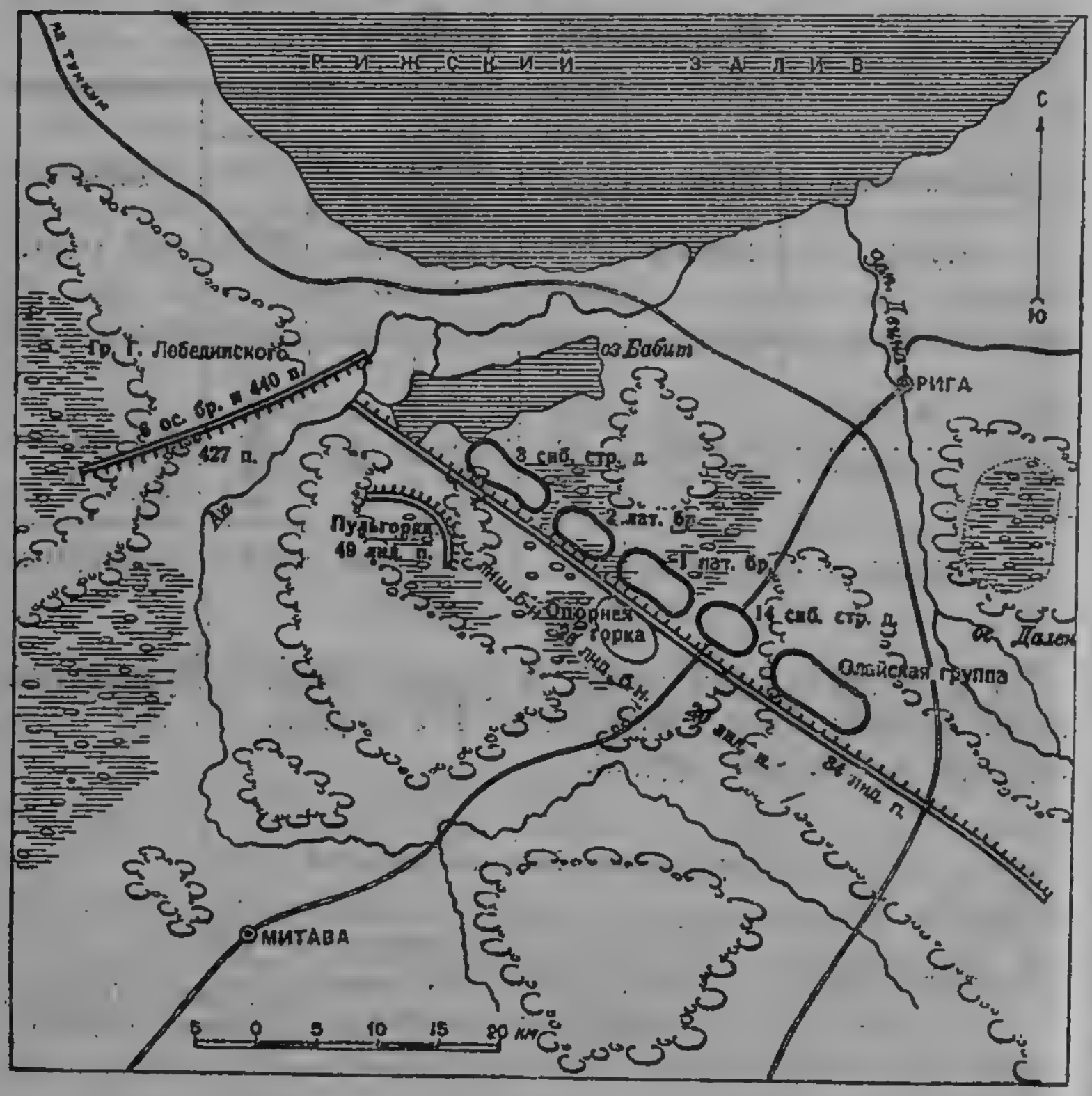

Схема 15. Группировка сторон в Митавской операции

5. Атака и провал операции

Подробное описание тактических событий на участке атаки 12-й армии выходит за пределы настоящего труда. Мы можем лишь констатировать, что в ночь и на рассвете 5 января 1917 г. позиции противника были прорваны. Путь на Митаву

был свободным. Немцы не имели никаких резервов, чтобы закрыть прорыв.

Только через несколько дней немцам удалось собрать несколько разрозненных батальонов, чтобы бросить их в контратаку. Однако, как следовало ожидать, операция 12-й армии кончилась ничем. Основная причина неуспеха — запаздывание резервов. Каждое ударное соединение имело не меньше одного-двух полков во второй линии, но надлежащей связи с ними не было, и резервы своевременно в прорыв не вошли. Передовые же части, предоставленные самим себе, при пониженной, вследствие морального разложения, боеспособности, удержаться в прорыве не могли и одна за другой начали уходить назад, в исходное положение. В самом деле, нельзя было добиться успеха в прорыве, если конница 12-й армии подошла к передовой линии только через 12—14 часов после образования бреши в расположении противника.

Операция 12-й армии даже в лучших условиях не могла бы привести к крупному оперативному достижению. Рано или поздно незначительные силы 12-й армии были бы отброшены подошедшими германскими резервами. Но Митаву, хотя бы на время, русские взять могли.

Самым характерным в операции является тот факт, что прорыв был образован не на том участке, атака которого подготовлялась артиллерией, а ночной атакой пехоты, которая сама себе при помощи ножниц проделала брешь в проволочных заграждениях противника.

После операции ставка выпустила брошюру «Разбор организации прорыва неприятельской позиции в направлении на Митаву» с предисловием Алексеева.

Эта брошюра подвергает резкой и едкой критике операцию 12-й армии. Разбор с исключительным сарказмом высмеивает построение боевых порядков в отдельных соединениях и в целом. Указания разбора большей частью справедливы. Но где же были раньше ставка и командование северным фронтом?! Почему при организации прорыва никто из высших начальников, кроме персонально Радко-Дмитриева, не поинтересовался, как проходит подготовка операции, какие в ней примут участие силы, как обучены войска, какие цели имеет операция, как построен боевой порядок и т. д. Если бы ставка всем этим своевременно поинтересовалась, то она по-

лучила бы ответ на следующий вопрос, который ею ставится в разборе:

«К 27—30 декабря (старого стиля. — А. В.) в район атаки были притянуты на усиление 78 батальонов, назначенных для удара.

23 декабря (ст. ст.), еще 9 полков, всего 34 батальона, или с 78 батальонами всего 112 батальонов. Отчего же нельзя было сразу стянуть к 23 декабря (ст. ст.) все эти 112 батальонов для внезапного нападения?».

Получила бы ставка ответ и на следующее свое «откровение»:

«Опыт показывает, что потребность в количестве войск, раз прорыв сделан, возрастает сразу в районе прорыва в несколько раз, так как приходится продвигать вперед, занимать длинную линию, чтобы сохранить путь к месту прорыва, особенно на лесной местности, и быть готовым в каждой точке к отражению контратак противника».

Этот вывод Алексеев делает на основании следующих данных разбора:

«Из опыта декабрьской операции 1916 г. под Митавой мы видим, что 2-я латышская бригада, прорвавшись, сразу увеличила свой 4-верстовый фронт до 14 верст или даже свой 2-верстовый фронт до 12 верст, т. е. потребность в количестве войск возросла в 4—6 раз, или вместо ее 8 батальонов сразу потребовалось 32 (это для занятия фронта), а для развития успеха — даже 48 батальонов, т. е. еще 40 батальонов новых войск».

Высший идеал для построения боевого порядка ставка усмотрела в построении 3-й Туркестанской бригады в декабрьской операции 7-й армии в 1915 г., т. е. в построении полков в две линии, батальонов также в две линии в разомкнутых колоннах по фронту и в глубину.

Дальше построения разомкнутой фаланги, опровергнутой опытом войны, русская армия пойти не могла.

Какой разительный контраст с разобранной выше операцией представляет Рижская операция немцев 1 сентября 1917 г. (схема 16).

Для удара немцы назначают лучшие войска — 1-ю и 2-ю гвардейские, 19-ю и 20-ю резервные, 14-ю Баварскую и другие дивизии.

В течение длительного времени войска обучаются форсированию рек, взаимодействию с артиллерией, движению за огневым валом и т. д., четко разрабатываются проблемы управления, все задачи изучаются досконально. На узком участке в 11 км привлекаются 11 дивизий, и из них первой линии только три.

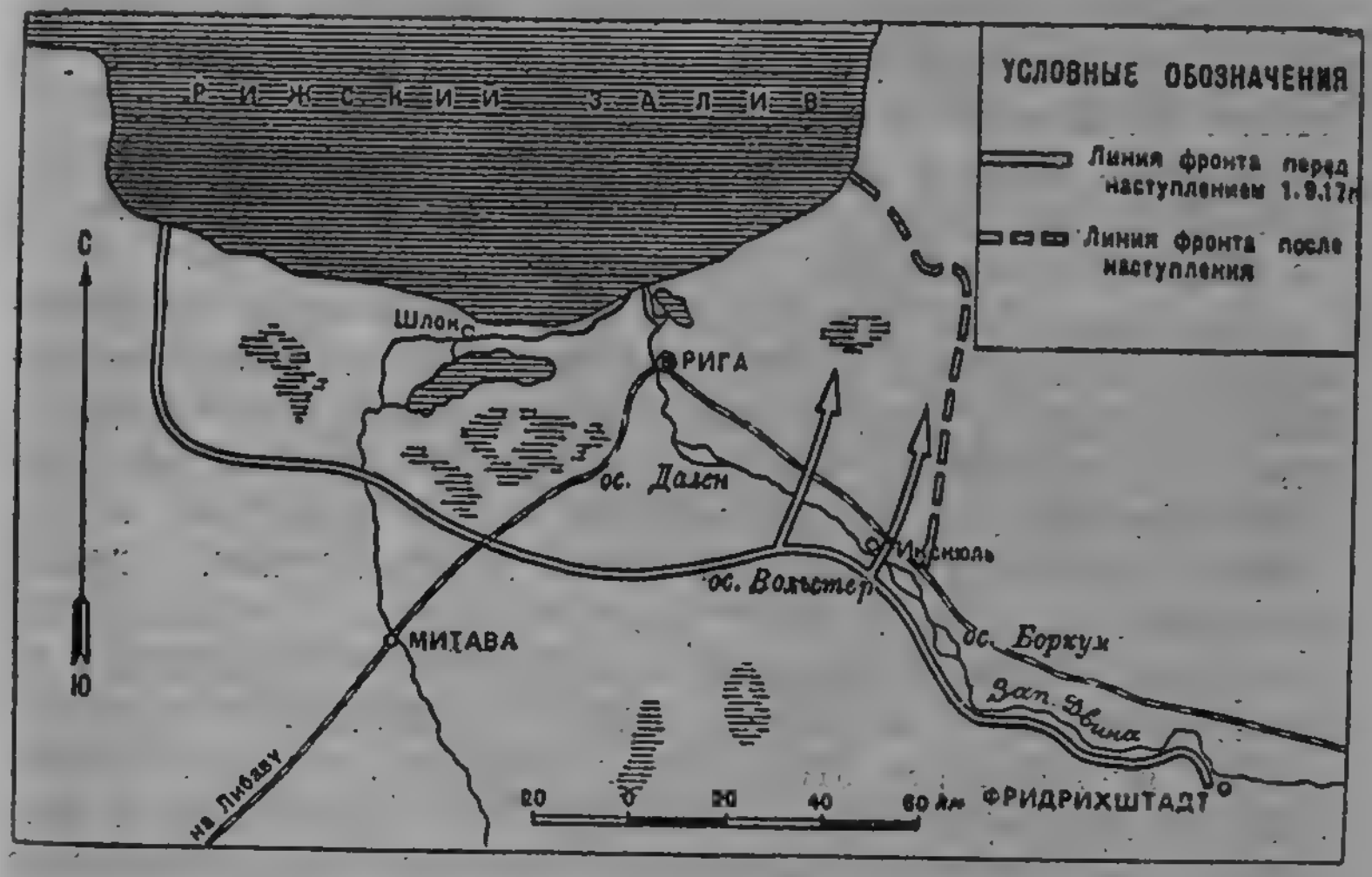

Схема 16. Рижская операция немцев 1 сентября 1917 г.

Привлекается мощная артиллерия — 616 орудий (из них около 250 тяжелых) и 230 средних и тяжелых бомбометов.

Принимаются все меры к осуществлению внезапности. Для операции с ограниченной целью выбирается один из наиболее опасных участков русского фронта и т. д.

Нет ничего удивительного, что в условиях разложения русской армии 1917 г. эта операция имела успех. Но, зная о небоеспособности русской армии, немцы все же не отказываются от всесторонней, тщательной подготовки операции, обеспечивая себе полный успех. Эта тщательная подготовка тем более характерна, что немцы, наверное, знали, что Корнилов из политических контрреволюционных соображений отдаст Ригу без боя.

Глава XXIV

1917 г. НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

1. Развал русского фронта

Все оперативные события на восточном театре в 1917 г. проходят под знаком Февральской и Октябрьской революций.

Процессы разложения русской армии, принявшие уже довольно значительные размеры в 1915—1916 гг., в начале 1917 г. достигли такой остроты, что армия в своих широких массах перестала быть царской армией. За исключением незначительного количества лиц офицерского состава, свержение Николая II не встретило со стороны армии никаких возражений.

После февральского переворота армия стала ареной обостренной классовой борьбы. Авангард русского рабочего класса — партия большевиков, подготавливая Великую Октябрьскую социалистическую революцию, упорно и настойчиво работала над привлечением армии на сторону рабочего класса. Буржуазия, в свою очередь, стремилась удержать армию в своих руках, с целью превратить ее в инструмент контрреволюции. Революционные настроения армии, состоявшей в подавляющем большинстве из крестьянских масс, классовая ненависть к помещикам и капиталистам и стремление этих масс к земле и миру выливались в борьбу против офицерского состава. Эта борьба носила ярко выраженный классовый характер. До тех пор пока крестьянские массы в армии полагали, что буржуазия может дать им мир и землю, армия сохраняла признаки внешнего порядка. Но с того момента, как буржуазия декларировала продолжение войны до победного конца, развал армии начал принимать катастрофический характер.

Напрасно буржуазия рядом демократических реформ и усердной работой социал-оборонческих партий пыталась удержать армию в повиновении. Напрасно бросалась она потом от демократии к свирепым репрессиям, полагая хоть таким путем устрашить возбужденные массы. Царская армия, ставшая без больших потрясений в феврале 1917 г. буржуазной армией, превращалась не только в противоцарскую, но и в противобуржуазную армию.

Большевики под руководством Ленина и Сталина терпеливо, не форсируя событий, разъясняли солдатским массам и трудящимся империалистический характер войны, разъясняли им, что буржуазия не может дать им земли и мира, что для достижения

этих целей необходимо свергнуть господство буржуазии, необходимо превратить империалистическую войну в войну гражданскую.

Упреки, которые раздавались со стороны буржуазно-помещичьих представителей о том, что большевики разлагают армию, являлись наглой провокацией и обманом широких масс. Армия была разложена задолго до Февральской революции.

Героическая работа большевиков по революционизированию армии, лозунги большевистской партии, отражавшие насущные интересы масс, все это естественно вело к тому, что армия быстро переходила на сторону революции.

В задачи настоящего труда не входит воссоздание всего процесса перерастания буржуазно-демократической революции 1917 г. в социалистическую Октябрьскую революцию.

Укажем лишь, что под влиянием развала русской армии восточный театр, хотя и сохранял некоторую видимость позиционности, но разлетался «в пух и прах» при малейшем толчке.

Для иллюстрации оперативных форм 1917 г. ниже исследованы: а) операция юго-западного фронта 1 июля («наступление Керенского»); б) контрманевр немцев против юго-западного фронта 20 июля и в) прорыв 5-й армии северного фронта 23 июля.

Во всех этих операциях ярко выступает совершенно исключительная роль политических факторов. Контрманевр немцев против юго-западного фронта вскрывает маневренную природу позиционного фронта на восточном (русском) театре в 1917 г.

2. План операции 1917 г.

Предварительные замечания

Разработка плана операции 1917 г. велась оригинальным путем. Осенью 1916 г. ставка, имея в виду в 1917 г. вновь нанести удар на всех фронтах, предложила всем фронтам разработать план решительной операции на своем фронте, а кроме того, сама ставка под руководством вновь назначенного ген.-квартирмейстера Лукомского приступила к разработке подобного плана. Разработку планов предложено было закончить к совещанию в ставке 30 декабря 1916 г.

Штабы фронтов, наметив лишь общие основания плана операции, детальную разработку передали в штабы армий. В итоге каждый фронт представил обширный материал, излагающий план операции, в составлении которого приняло участие большое ко-

личество штабов и лиц. С точки зрения элементарных основ военного управления такой метод планирования операции, конечно, никуда не годится. Каждый фронт, считая свой участок важнейшим, разрабатывал свою операцию как главнейшую. Не будучи осведомлены о материальных ресурсах страны, фронты представили сногсшибательные расчеты материальных средств. Практического значения эти планы иметь не могли, но зато их детальность и широкий, коллегиальный метод разработки дают полный ответ о состоянии оперативно-тактической мысли в русской армии в начале 1917 г. Количественные показатели выдвигаются на первый план. Масспрование живой силы и техники, в первую очередь массирование тяжелой артиллерии и снарядов, положено в основание всех расчетов всеми фронтами. Но по сравнению с мартовской операцией 1916 г. это масспрование предположено осуществить на новой основе—на базе детального изучения операционных направлений, разведки расположения противника всеми средствами, тщательного изучения тактических свойств районов, избранных для нанесения главных ударов, всесторонней планомерной подготовки и исключительного методизма в проведении операции. Русское командование полагало, что многодневными методическими артиллерийскими подготовками и медленным продвижением пехоты вслед за артиллерийским огнем удастся лучше удержать в руках развалившуюся армию. Методизм, взятый в таком плане, привел к своему отрицанию.

Во всех этих планах расчеты материальных средств, на которых командование фронтами основывало достижения успеха, приближаются к нормам западного театра первой половины 1915 г. Это явление не случайное. Восточный театр в отношении технических показателей отставал от западного почти на два года. С другой стороны, укрепленные позиции германцев, беспрерывно совершенствовавшиеся в течение 16—18 месяцев, действительно образовали такую мощную преграду, что только при сосредоточении достаточно сильной артиллерии могла быть надежда прорвать укрепленную стену из проволоки, бетона, железа и огня.

Но качественные моменты, относящиеся к оценке политико-морального состояния армии, отсутствуют. Накануне февральской революции русский генералитет в целом еще не замечал тех колоссальных процессов, которые происходили в массах, а если замечал, то не придавал им значения. Дворянско-помещичий генералитет оказался неспособным усвоить то основное

положение, что во взаимодействии человека и техники решающая роль остается за человеком.

Командование только осознало, что нельзя посылать в наступление людей без мощной артиллерийской поддержки. Оно не было уверено, что войска пойдут в атаку без соответствующей артиллерийской подготовки.

Содержание этих планов представляет столь выдающийся интерес, что полезно изложить их подробнее.

План северного фронта.

а) Стратегические и оперативные соображения.

При разработке плана операций командование северного фронта исходило из необходимости подготовки комбинированного концентрического удара с обоих флангов фронта.

Ген. Рузский, назначенный главкосевом вместо Куропаткина, оценивая конфигурацию фронта, пишет:

«Начиная от моря к западу от впадения р. Двины, фронт этот тянется до впадения р. Березины в р. Неман, по дуге, охватывающей на протяжении свыше 500 верст расположение противника. Столь выгодное для наступления стратегическое расположение крайне выгодно использовать. Важнейшими предметами действий для нас в этом случае должны являться районы железнодорожных узлов, пользуясь коими противник может совершать необходимые ему перегруппировки.

Таковым (районом) является в широком смысле район Шавли — Вильна, на овладение коим, следовательно, и должны быть направлены наши усилия.

Принимая во внимание значение кратчайших направлений, представляется вполне очевидным преимущество наступления из Рижского района (до Шавли 100 верст) и с фронта Поставы—Сморгонь до линии Вильна—Свенцяны (50—70 верст).

Современный грандиозный масштаб войны требует для решения соответствующей этому масштабу стратегической задачи развития действий на широком фронте, иначе всегда будет существовать опасность низведения значения наносимого удара лишь до степени тактического успеха. В данном случае, чтобы воспользоваться выгодами нашего внешнего расположения, необходимо вести операции одновременно с обоих, нависающих над противником, флангов».

Переходя к выбору участков для нанесения главных ударов, составители плана указывают, что со всего боевого протяжения фронта должны быть исключены: 1) участок в 120 верст, где расположение северного фронта проходит по правому берегу р. Двины; здесь наступление невозможно из-за трудностей форсирования реки; 2) участок Якобштадтского предмостного плацдарма (52 версты) вследствие малой глубины и тяжелых местных условий. На этом участке в марте 1916 г. северный фронт проделал печальный опыт и понял, что неглубокий плацдарм сам по себе не дает еще никаких преимуществ, если впереди его местность неудобна для наступления, если нехватает средств для подавления противника, если плацдарм не занимают первоклассные войска и пр.

За исключением этих участков северный фронт мог располагать лишь тремя районами, удобными для организации удара крупными силами: 1) Рижский плацдарм от берега моря до р. Двины — 87 верст, 2) Двинский район от Глаудана на р. Двине до оз. Скирно — 48 верст и 3) участок от оз. Дрисвяты до оз. Нарочь — 86 верст.

В соответствии с основной идеей создания фланговых угроз северный фронт и остановился на этих районах для выбора участков главных ударов.

Однако, общий масштаб большой операции суживается до предела организации трех ударов на узких участках не больше 15 верст каждый: 1) в Рижском районе участок д. Плаканен—м. Берземюнде, 14 верст, удар наносит 12-я армия; 2) в Двинском районе участок от Ново-Александровского шоссе до д. Пилькелишки, 18 верст, удар наносит 5-я армия; 3) на фронте между озерами Дрисвяты — Нарочь участок от Можейки до оз. Мядель, 25 верст. Фактически расчет материальных средств на последнем направлении за вычетом озерных пространств произведен только на участке 12 верст, удар наносит 1-я армия.

Первый и третий участки считаются главными, с Двинского района наносится лишь второстепенный удар.

Внешне может показаться, что выбор комбинированного удара, как формы операции, вытекает только из оперативных соображений, цель которых — достижение более решительных результатов. Но характерно, что эта форма была для северного фронта постоянной, когда бы ни выпадала на этот фронт наступательная задача. В марте и июле 1916 г. северный фронт системати-

чески обращался к идее одновременного наступления с различных участков на всем его протяжении.

Истинная причина этого явления кроется в том, что северный фронт опасался сосредоточения сил на одном участке, дабы не оголить остальных перед возможным контрнаступлением противника. Поэтому комбинированной формой наступательной операции северный фронт одновременно прикрывал и свои важнейшие операционные направления. Эти мотивы у Рузского обнаруживаются не менее четко, чем у Куропаткина.

В выборе формы оперативного маневра не последнее место занимало подражание юго-западному фронту. Лавры Брусилова, достигшего успеха отчасти благодаря своему комбинированному удару летом 1916 г., не давали спать многим военначальникам русской армии. Но они забывали лишь одну «деталь». То, что было хорошо и правильно для юго-западного фронта против австрийцев, то было нехорошо и неправильно для западного и северного фронтов против немцев. На этих фронтах против боеспособного противника, имевшего к тому же на всем фронте мощные оборонительные сооружения и превосходство в артиллерии и в системе железнодорожных сообщений, комбинация «булавочных» уколов на узких участках успеха дать не могла.

б) Расчет живых сил и материальных средств.

Далее в докладе приводятся расчеты сил и средств, произведенные штабами армий.

Расчет живых сил. Нормы расчета очень просты: 1 дивизия на 2 версты фронта в первой линии и на каждые 2 дивизии первой линии 1 дивизия для развития успеха; таков общий шаблон в расчете всех фронтов.

Для обеспечения этого расчета фронт требовал добавить из резерва главного командования 33 дивизии. Всего северный фронт потребовал:

Наименование участка	Ширина участка	Число дивизий в 1-й линии	Число дивизий для развития успеха	Всего
Рижский участок	14 верст	7	5	12
Двинский участок	18 „	9	6	15
Участок у оз. Мядель . . .	25 „	12	6	18
Всего . .	57 верст	28	17	45

Если учесть, что северный фронт имел на участке всего фронта (420 верст) 31 пехотную дивизию, 3 пехотных бригады, 6 кавалерийских дивизий и 4 кавалерийских бригады, что составляло в среднем на каждую дивизию 10 верст, то станет ясным, какие жесткие требования предъявлял фронт к обеспечению наступательной операции. Против русских 40 дивизий противник на северном фронте имел всего 20 дивизий.

Расчет тяжелой артиллерии [1]

Наименование участка	Ширина участка	Потребность артиллерии (в батареях)		
		48″—42″	6″	8″—12″
Рижский участок	14 верст	31	42	6
Двинский участок	18 „	39	85	10
Участок оз. Мядель [2] . .	12 „	42	45	11
Всего . .	44 версты	112	172	27

Расчет тяжелой артиллерии сделан на основании учета тех задач, которые ей придется выполнить. К плану приложен перечень всех целей, которые артиллерия должна будет разрушить.

Расчет общей артиллерийской плотности приводит к следующим цифрам:

Легкая артиллерия	— всего	1 400	орудий,	32	орудия	на 1 вер.
Тяжелая „	— „	1 210	„	27,5	„ „	1 „
Итого		2 610	орудий,	59,5	орудия	на 1 вер.

[1] При расчете артиллерийских средств легкая артиллерия во внимание не принята. Предполагалось, что имеющегося количества легкой артиллерии достаточно.

[2] Весь участок у оз. Мядель был шириной в 25 верст. Но для артиллерийского обстрела указано лишь 12 верст. Остальные 13 верст озерного пространства артиллерийского обстрела не требовали.

Расчет огнеприпасов

Рижский участок

Снаряды	На прорыв	На 10 дней операции	Итого
Тяжелые	112 200	220 400	332 600
Легкие	69 000	360 000	429 000
Химические	30 000	45 000	75 000
Всего	211 200	625 400	836 600

Двинский участок

Тяжелые	157 155	351 200	508 355
Легкие	113 000	852 000	965 000
Химические	40 000	35 000	75 000
Всего	310 155	1 238 200	1 548 355

Участок у оз. Мядель

Тяжелые	210 170	244 600	454 770
Легкие	271 200	720 000	991 200
Химические	26 600	48 400	75 000
Всего	507 970	1 013 000	1 520 970

Всего северный фронт потребовал снарядов:

Тяжелых	1 295 725
Легких	2 385 200
Химических	225 000
Итого	3 905 925

Между тем в отношении тяжелой артиллерии фронт из своих средств мог предоставить всего 75 батарей. Нехватало фронту 385 батарей.

План западного фронта

а) Стратегические и оперативные соображения.

В первой части своего доклада Эверт ссылается на то, что и в 1916 г. главный удар предполагалось наносить на западном фронте. Даже тогда, когда развился успех юго-западного фронта и туда начали перебрасывать резервы с северного и западного фронтов, главная задача заключалась в том, чтобы наступлением на Кобрин—Брест создать угрозу для укрепленного фронта противника на линии Рига — Двинск — Сморгонь — Барановичи — Пинск, вынудить его оставить эти позиции и перейти к маневренной войне.

Командование западным фронтом категорически указывает, что нанесение главного удара на юго-западном фронте и в еще большей мере на румынском фронте не сулит никаких серьезных стратегических успехов [1].

«Наоборот, наступая севернее Полесья, с каждым шагом вперед мы будем отвоевывать нашу родную землю, а в случае крупного успеха создается возможность занять Польшу и угрожать восточной Пруссии.

Независимо от этого сосредоточение значительных сил к северу от Полесья имеет значение и для укрепления нашего положения в районах северного и западного фронтов, прикрывающих пути к обеим нашим столицам» [2].

Относительно возможных направлений главного удара в докладе констатируется, что таких направлений два: а) Виленское, б) Слонимское.

В докладе указывается:

«Виленское направление особенно выгодно в том отношении, что угрожает тылу всего немецкого фронта в северо-западном крае. Развитие здесь успеха скорее и легче заставит противника очистить нашу территорию, даст нам возможность выдвинуться на линию Неман — Брест и приблизит нас к государственной границе Германии, к чему последняя всегда была особенно чутка».

---

[1] Вспомним, с каким упорством Эверт в 1916 г. отказывался от активной операции.

[2] Вот, оказывается, в чем секрет „активности“ Эверта.

Сосредоточение сил в этом направлении выгодно еще по следующим причинам:

а) Оно отвечает условиям безопасности, так как активно прикрывает важнейшее, наиболее чувствительное для западного фронта направление.

б) Данное направление занимает центральное положение по отношению ко всему фронту, и наличие двух мощных железных дорог сравнительно легко позволяет сосредоточить силы и средства.

в) Намечаемое направление выгодно и в тактическом отношении, ибо участок от Сморгони до Немана позволяет организовать наступление на широком фронте; имеет укрытый тыл, пригодный для маневрирования и расположения батарей; не имеет впереди больших естественных преград; местность в тылу у противника также допускает развитие широких операций.

Невыгодной стороной Виленского направления является то, что и противник имеет возможность широкого маневрирования резервами на железных дорогах. Кроме того, его укрепленный фронт на этом направлении получил особенно мощное развитие.

Слонимское направление представляет меньшие выгоды.

«Во-первых, наступление встретит более трудные топографические условия... Овладев возвышенным районом Новогрудок—Молчадь, армии встретят в дальнейшем пути леса и болота рек Шары, Немана и Зельвянки, которые, по характеру местности их берегов в руках такого противника, как немцы, могут создать условия, крайне тяжелые для дальнейшего наступления.

Затем при развитии этого удара на Белосток — Гродно сами наступающие войска будут подвержены ударам с запада.

Весьма серьезной невыгодной стороной этого направления является опасность того, что крупные силы, собранные для удара, рискуют быть загнанными в болота Полесья в случае прорыва противника со стороны Вильна на Минск при вполне возможном и соответственном его характеру контрманевре».

Поэтому Слонимское направление представляет лишь выгоды для нанесения сковывающего, второстепенного удара.

В конечном итоге командование западным фронтом останавливается на следующем решении:

а) главный удар наносить на Виленском направлении, на участке Кунавы — Листоянцы, шириной 26 верст. Удар наносит 10-я армия. Чтобы обеспечить управление, необходимо выдви-

нуть сюда распоряжением верховного командования еще одно армейское управление.

б) на Слонимском направлении наносится лишь вспомогательный удар на участке 18 верст 2-й армией.

в) Расчет живых сил и средств.

Эверт пишет:

«Опыт всего этого года на всех фронтах показал, что ограниченные в силах и средствах частные операции не обещают успеха, что для прорыва укрепленной немецкой позиции и развития успеха необходима организация могущественного удара на широком фронте с соответствующими этому фронту силами и средствами, в особенности артиллерийскими, с крупными резервами, способными питать операцию и развить ее до широких пределов. Для этого удара, где бы он ни был намечен, должны быть сосредоточены все силы и средства, какие только возможно взять со всех районов русского фронта...

Для успешности главного удара необходимо лишить противника возможности направить в атакованный участок поддержки из ближайших районов, к чему он обычно так широко прибегает.

С этой целью должны быть организованы вспомогательные удары в указанных выше местах...

Но как бы многочисленны ни были войска, собранные для удара, ввиду особенного развития укрепленных позиций противника и богатства его технических средств штурм не обещает успеха и лишь приведет к большим потерям, если мы не сосредоточим достаточных артиллерийских сил и средств. Скорее можно ограничиться в числе дивизий, назначаемых для атаки, чем в количестве тяжелых орудий».

По расчетам штаба 10-й армии для проведения операции необходимы 23 дивизии, из них 13 дивизий в первой линии, 6 дивизий во второй (корпусные резервы) и 4 дивизии в армейском резерве; кроме того, для вспомогательных ударов на флангах главного удара и для его обеспечения необходимо 13 дивизий, итого 36 дивизий.

К этим расчетам штаба 10-й армии командование западным фронтом внесло поправку в том смысле, что эти силы достаточны лишь для первого удара. Для немедленного широкого развития операции необходимо сосредоточить дополнительно еще 4—5 корпусов, а всего для Виленского направления 44—46 дивизий.

Для Слонимского направления достаточно 18—20 дивизий.

Расчет артиллерии. Для проведения операции Эверт потребовал следующего количества артиллерии:

Калибр и род орудий	Число орудий		
	состоящих при войсках	добавляемых	всего на операцию
3″ скорострельные пушки .	1 296	—	1 296
45″ легкие гаубицы	—	60	60
48″ » »	216	—	216
6″ тяжелые гаубицы	144 [1]	116	260
42″ пушки	72	16	88
6″ пушки	—	40	40
120-*мм* пушки [2]	—	36	36
8″ гаубицы [3]	—	22	22
11″ » [3]	—	14	14
12″ » [3]	—	6	6

Всего для Виленского направления Эверт считал необходимым иметь:

Легких пушек 3″	1 296	орудий
Гаубиц до 6″	536	»
Гаубиц 8—11″	42	орудия
Тяжелых пушек	88	орудий
Итого . . .	1 962	орудия

Артиллерийская плотность на 1 версту . .	60	легких пушек
» » » 1 » . .	25,5	тяжел. оруд.
Всего на 1 версту . .	75,5	орудия

Для Слонимского направления Эверт считал возможным ограничиться следующим количеством артиллерии:

Легких пушек 3″	1 080	орудий
Гаубиц до 6″	350	»
Гаубиц 8—11″	34	орудия
Тяжелых пушек	144	»
Итого . . .	1 608	орудий

Артиллерийская плотность на 1 версту . . .	60	легких пушек
» » » 1 » . . .	29,3	тяжел. оруд.
Всего на 1 версту . . .	89,3	орудия

[1] Около половины крепостных обр. 1909 г.
[2] Недостающие орудия могут быть заменены 6″ пушками Канэ.
[3] При недостатке орудий одного из этих калибров можно назначить соответствующее число орудий другого калибра.

Расчет огнеприпасов.

Расчет огнеприпасов был произведен, исходя из следующих норм:

Для пушки 3″	200	выстрелов в день боя
» гаубицы до 6″ . . .	100	» » » »
» тяжелой пушки . . .	75—60	» » » »
» гаубицы 8—11″ . .	25	» » » »

Длительность операции рассчитана на 14 дней.

Всего требуется огнеприпасов:

Калибр орудий	Для Виленского направления	Для Слонимского направления
Пушки 3″	3 628 800	3 024 000
Гаубицы до 6″	622 904	605 890
Пушки тяжелые	171 760	200 100
Гаубицы до 11″	14 700	11 900
Итого . . .	4 438 164	3 841 890

Характерно, что для второстепенного Слонимского направления потребность в артиллерийских средствах выразилась в относительно бо́льших цифрах, чем для Виленского. Боязнь контрманевра все время довлеет над психикой Эверта.

Расчет авиации. Для обеспечения операции с воздуха Эверт требует сосредоточения небывалых еще на русском фронте авиационных средств. Он требует, чтобы каждый корпус имел свой авиационный отряд (организация отряда: 6 разведывательных, 2 артиллерийских и 2 истребительных самолета), а каждая армия — воздухоплавательный и авиационный дивизионы (дивизион — 3 отряда). В распоряжении фронта для усиления направления главного удара — бомбометная и истребительная авиационные группы (до 30 самолетов каждая).

План юго-западного фронта

а) Стратегические и оперативные соображения.

Брусилов в своем докладе перечисляет следующие задачи фронта:

«1) Галицийским (11-й и 7-й) армиям разгромить живую силу противостоящего им противника на путях к Львову и овладеть этим важным пунктом.

2) Карпатским армиям (8-й и 9-й) нанести удар противнику выдвижением на линию Мармарош-Сигет, Быстрица, Сас-Реге, Чик-Середа с целью облегчить наступление армиям румынского фронта и обеспечить прочие армии юго-западного фронта со стороны Карпат.

В общих действиях фронта задачу галицийских армий считать важнейшей».

Нанесение главного удара 11-й и 7-й армиями намечается осуществить концентрическим наступлением 11-й армии в западном направлении, а 7-й армии — в северо-западном направлении к Львову. Южные армии наносят главный удар правым флангом.

Обосновывая свои предположения, Брусилов пишет:

«Глубокий прорыв на Львовском направлении с занятием Львова даст полную возможность развития успеха в северо-западном направлении, что явится серьезной угрозой тылу и флангу противника, оперирующего против армий нашего западного фронта.

С другой стороны, успех южных армий с занятием линий Мармарош-Сигет, Быстрица, Сас-Реге, Чик-Середа с угрозой Венгерской равнине и Трансильвании создает благоприятную обстановку для успешного развития операций Румынского фронта».

От старых эксцентрических идей Брусилов, как видно, никак не мог освободиться.

При выборе районов для нанесения главного удара командование юго-западного фронта останавливается на левофланговом участке 7-й армии, примыкающем к Днестру.

Развитие главного удара по левому берегу Днестра в оперативном отношении дает преимущества кратчайшего операционного направления, а потому и выигрыша времени, и в большей мере обеспечивает операцию слева благодаря находящемуся на фланге Днестру, представляющему серьезную преграду.

Район выгоден и в тактическом отношении. Фронт Куропатники—Топелиха имеет следующие положительные стороны:

1) он представляет по отношению к противнику охватывающую линию огня и дает возможность фланкирования отдельных участков позиции;

2) дает возможность в случае успеха развития удара в северном и северо-западном направлениях, в тыл позициям противника на Золотой Липе;

3) представляет благоприятные местные условия для укрытого расположения батарей и наблюдательных пунктов;

4) имеет достаточно укрытый ближайший тыл для подхода и маневрирования резервов;

5) обеспечивает устройство тыла благодаря наличию железных дорог Козово — Крживе — Рыдники и Божимов—Тростянце, а также шоссе на Подгайцы и Козова.

Для 11-й армии участок избран также на левом фланге армии от Хукаловского леса до Куропатники, шириной 20 верст.

Вспомогательный удар 11-я армия наносит из района западнее Броды.

В целом, 11-я и 7-я армии должны атаковать на фронте 50 верст, а если исключить второстепенные неудобные участки, то для артиллерийской подготовки остается в 11-й армии участок в 16 верст, в 7-й армии также участок в 16 верст, всего 32 версты.

б) Расчет живых сил и средств.

Расчет живых сил. Норма расчета—1 дивизия на 2 версты фронта в первой линии. Принимая во внимание общий фронт удара в 50 верст, нужно иметь в первой линии 25 дивизий. Для развития успеха нужно иметь еще 12—15 дивизий. Всего 37—40 дивизий. Конницы необходимо иметь 7—8 дивизий.

Расчет артиллерии. Норма расчета — 60 легких и тяжелых орудий на 1 версту фронта. Из них половина—легких, треть — гаубиц, мортир и коротких пушек до 6′ включительно и одна шестая часть — длинных, тяжелых пушек. Кроме того, на каждую версту 2 гаубицы 8—11″.

Минометов на каждую версту — 16.

Траншейных пушек Розенберга — 8 на дивизию или 4 на версту главного удара.

В соответствии с этими нормами штаб юго-западного фронта предъявил нижеследующую заявку:

Тип орудий	Потребность	Имеется в наличии	Недостает
Пушки 3″	960	772	188
Гаубицы до 6″	640	272	368
Гаубицы до 11″	64	6	85
Тяжелые пушки	320	76	244
Всего орудий.	1984	1126	858

Траншейных 37-*мм* пушек . .	128	—	128
Минометов	512	176	336

Артиллерийская плотность на 1 версту . . . 32 легких пушки
» » » 1 » . . . 32 тяжелых орудия

Итого на 1 версту . . . 64 орудия

Помимо указаний на исторический опыт, расчет обосновывается еще ссылкой на то, что к моменту разработки плана противник на юго-западном фронте имел превосходство в 300 гаубиц и 100 тяжелых орудий.

Расчет огнеприпасов. Расчет сделан на основании потребностей осуществления прорыва и последующих боев — 7 дней для 16 ударных дивизий.

На легкую пушку . . . . . шрапнелей 600, гранат 600
На мортиру, гаубицу и короткую пушку до 6″ включ. . . . . шрапнелей 80, бомб 700
На длинную пушку . . . . . шрапнелей 200, бомб 400
На 8—11″ гаубицу . . . . . бомб 400
На траншейную пушку . . . . выстрелов 600
На миномет . . . . . мин 250

Всего потребовалось:

Калибр орудий	Потребность		Имеется в наличии	
	Шрапнелей	Гранат (бомб)	Шрапнелей	Гранат (бомб)
Пушки 3″ . . .	576 000	576 000	2 796 000	—
Гаубицы до 6″ .	51 200	448 000	526 200	—
Гаубицы 8—11″	—	25 600	—	—
Тяжелые пушки	64 000	128 000	79 600	—
Всего .	691 200	1 177 600	3 401 800	—

Расчеты юго-западного фронта оказались наиболее реальными. На это повлияли два обстоятельства. Во-первых, опыт юго-западного фронта дал ему по сравнению с другими фронтами более твердые основания для исчисления норм материальных средств, необходимых для прорыва. Во-вторых, позиции австрийцев после их отхода осенью 1916 г. были гораздо слабее, чем

позиции германцев. Кроме того, разработка плана штабом юго-западного фронта велась более продуманно и тщательно.

Расчет авиации. Нормы расчета — 2—4 самолета на версту атакуемого участка.

На весь фронт главного удара — разведывательных самолетов 146—209, истребителей 72.

К имеющимся средствам фронт требовал добавить: разведчиков 143—204 и истребителей 50.

Теперь обратимся к реальным возможностям России осуществить единовременный комбинированный удар на всех фронтах в 1917 г.

Сопоставим две нижеследующие таблицы:

1. Соотношение сил на восточном театре 15/XII 1916 г.

	Русские				Противник			
	дивизий пех.	дивизий кав.	орудий легких	орудий тяжелых	дивизий пех.	дивизий кав.	орудий легких	орудий тяжелых
Северный фронт . .	33	7	1 148	610	16	5	790	910
Западный фронт . .	47	12	1 928	609	33	6	1 774	918
Юго-западный фронт	51	10	1 846	543	43	9	1 510	880
Всего .	131	29	4 922	1 762	102	20	4 074	2 708

2. Потребности, предъявленные фронтами в отношении сил и средств в направлениях главных ударов:

	Дивизии	Орудия тяжелые	Орудия легкие
Северный фронт	57	1 210	1 400
Западный фронт	66	1 194	2 376
Юго-западный фронт	40	1 024	960
Всего	163	3 428	4 736

Сравнение показывает, что фронты, не считая Румынского фронта, для нанесения только главных ударов, по совокупности, потребовали сил и средств больше, чем имела вся русская армия.

А какими силами держать остальной фронт протяжением около 1.500 км?

Нереальность всех этих планов резко бросается в глаза. Но ставка решила осуществить «хитроумный» план. По своему обыкновению, она предложила недостаток в технических средствах восполнить увеличением количества живых сил. С этой целью, по плану Гурко, ставка решила приступить к формированию ряда новых пехотных дивизий путем уменьшения количества батальонов в каждом полку до 3. Каждый корпус двухдивизионного состава, имевший 32 батальона (2 дивизии — 8 полков по 4 батальона — 32 батальона), должен был выделить третью дивизию [1].

Всего, таким образом, можно было сформировать еще 42—45 дивизий. Но для всех этих новых дивизий артиллерии не было. Имелось в виду эти новые дивизии, вооруженные только винтовками и небольшим количеством пулеметов, поставить на второстепенные участки и тем самым освободить старые дивизии для сосредоточения их в направлениях главных ударов. Этот план был принят и осуществлен.

План румынского фронта

В отличие от всех прочих фронтов, которые поставили себе решительные цели, румынский фронт основал свою разработку на том, чтобы увильнуть от операции.

Командование румынского фронта дает такую оценку своим операционным направлениям. Фронт делится на три района: а) Лесистые Карпаты до линии железной дороги Бузео — Фок-

---

[1] Но и в этом вопросе в ставке не было единства. Алексеев, принципиально соглашаясь с планом новых формирований, предлагал, вместо выделения батальонов из командного полка, выделить из каждой дивизии по полку. По предложению Алексеева, в дивизиях нужно было оставить по 3 полка (вместо 4-х) и в каждом полку оставить по 4 батальона. Алексеев свое предложение основывал на том, что дивизии, сформированные из надерганных отдельных батальонов, без артиллерии будут совершенно небоеспособными. Если же дивизии сформировать из целых полков, их легче можно будет сколотить. Но Гурко, временно оставшись вместо больного Алексеева, осуществил свой план.

шаны — Аджуд; б) обширная открытая долина от подножья Лесистых Карпат до Дуная и в) совершенно обособленная, благодаря Дунаю и Черному морю, Добруджа.

Относительно первого направления командование румынского фронта констатирует, что наступление через Карпаты в Трансильванию сопряжено с тяжелой операцией в горах по овладению перевалами и проходами. Успех в этом направлении не ведет к достижению никаких важных целей и только затруднит снабжение армии, ибо гористая дикая и бедная путями местность не позволяет обеспечить подвоз.

Направление на Добруджу представляет еще больше трудности, «так как переправу через Дунай придется совершать под огнем хорошо организованной неприятельской обороны».

Любопытно, что весь участок Дуная протяжением в 150 с лишним километров противник оборонял двумя пехотными и одной кавалерийской болгарскими дивизиями.

«Но и при успехе операции в Добрудже она не может иметь оперативного значения, так как ей нельзя дать большой глубины из-за трудностей подвоза. Единственным более или менее удобным операционным направлением является равнина между Карпатами и Дунаем. Прорыв в этом направлении ведет к важным целям: политической — Бухарест и военной — перерыв железной дороги на Софию.

Богатая местными средствами Валахская низменность на этом направлении значительно облегчит действия войск.

В случае успеха операции создается также серьезная фланговая угроза району Добруджи, овладение которой может быть облегчено десантной операцией со стороны Констанцы.

Но от операции в этом направлении также приходится отказаться в силу следующих соображений:

1) На равнине пути к Бухаресту прикрывают германские войска, занимающие сильно укрепленные позиции.

2) В распоряжении румынского фронта нет достаточных сил для организации мощного удара. Превосходство румынского фронта над противником исчисляется всего в 182 батальона, 129 эскадронов и 168 орудий. Ставка же дополнительных сил румынскому фронту не обещала.

3) «Исполнение этой операции парализуется состоянием бессарабских и румынских железных дорог, которые совершенно не будут в состоянии выполнить задачи по подвозу».

В силу всех этих соображений командование румынского фронта остановилось лишь на частных ударах, производимых каждой армией:

9-я армия атакует в общем направлении на Береч — Кезди — Вазаргель;

4-я армия — на Фокшаны — Рымник;

2-я румынская армия обеспечивает удар 9-й и 4-й армий;

6-я армия — на Фундени — Корбу, угрожая тылу противника, противостоящему 4-й армии.

Для подготовки операции штаб румынского фронта исчислял срок в три недели, но никаких подготовительных мер еще не принял.

Весь доклад, изложенный в чрезвычайно пессимистических тонах, без детальных расчетов и обоснований, вызвал в ставке большое раздражение.

Лукомский разразился такой резолюцией:

«Впечатление от этой работы довольно слабое. Трудно сделать даже какой-либо вывод: с одной стороны, указывается, что возможна лишь оборона с нанесением коротких ударов в районах армии, дабы противник не оттянул войска на другие фронты, а с другой стороны, всем армиям даются крупные наступательные задачи. Судя по намечаемым задачам, решение ген. Сахарова таково: отказаться от операции в Добрудже и вести наступление на фронте всех армий к северу от Дуная. Получается распыление сил и полное отсутствие маневренного резерва.

Вряд ли будет достигнут успех, а в случае перехода противника в контратаку и прорыва нашего фронта где-либо на Бузеосском направлении может получиться и катастрофа. Не приведено никаких соображений ни по инженерной, ни по артиллерийской части, ни по санитарной.

Эта работа подтверждает, что начальник штаба и ген.-кварт. не на месте и что ген. Сахаров не справляется с делом.

Впрочем, все это видно и по всей предыдущей работе штаба румынского фронта»..

Действительно, было от чего Лукомскому притти в такое нервное состояние. В частном письме начальник штаба румынского фронта Цуриков пишет:

«Считаю даже необходимым еще более подчеркнуть второстепенность румынского театра вообще, а добруджанского в особенности.

Давно, ¾ века тому назад, кажется, Ермолов сказал, что дороги в Царьград лежат через Вену. С того времени понимавшие политическое положение дел в Европе уже давно ввели поправку: «и через Берлин». Это положение приобрело полную силу и ясность в настоящее время, и оно должно служить путеводной звездой русской армии.

Поэтому направление на Львов, а отсюда на Варшаву и Краков для дальнейшего развития успеха на Берлин и Вену — вот главный, решающий дело удар. Едва ли ему уступит еще и направление на Будапешт... Но Румыния и Добруджа — это укол булавки в пятку слона, — здесь нет серьезных стратегических, жизненных для центральной коалиции целей».

Русская армия бросала десятки тысяч жертв для того, чтобы захватить у противника ближайшую деревню или высоту. А здесь начальник штаба фронта собрался в поход прямым путем на Берлин. «Мальбрук в поход собрался...»

Нет ничего удивительного, что через некоторое время Сахаров и Цуриков были сняты, и на их место назначены уже знакомые нам Щербачев и Головин.

План ставки

Причина столь отрицательного отношения ставки к плану румынского фронта заключалась в том, что оперативный план, разработанный ставкой, предполагал наносить главный удар как раз на румынском фронте и притом в направлении, которое командование румынским фронтом считало неприемлемым, а именно — в направлении на Добруджу. На совещании в ставке 30 декабря 1916 г. Лукомский изложил свой план нанесения главного удара на левом фланге румынского фронта. Он исходил из постановления ноябрьской конференции в Шантильи, принявшей решение весной 1917 г. вывести из строя Болгарию. Если мы проследим основную стратегическую линию русского главного командования, то увидим, что оно всегда стремилось свои главные усилия направить в южных направлениях. Это было стратегическое и оперативное выражение русского империализма, стремившегося овладеть Буковиной, Галицией и Дарданеллами. На совещании 30 декабря эта мысль была точно выражена Брусиловым, который указал, что действия на Балканах являются лишь попутной задачей для достижения главной цели — взятия

Царьграда. Брусилов считал, что России выгоднее отказаться от Польши и приобрести проливы и Царьград. Ту же идею выразил и Гурко, указавший, «что если мы не возьмем Константинополя, то нам никто его не возьмет». После длительных дебатов решением верховного главнокомандующего план ставки о нанесении главного удара на румынском фронте был утвержден.

Противоречивая оценка обстановки командованием румынского фронта и верховным командованием чрезвычайно характерна. Разве Гурко и Лукомский, разрабатывая свой план, не могли договориться с Сахаровым и Цуриковым? Обычным нормальным путем для разработки плана столь крупного масштаба должен быть вызов, запрос штаба румынского фронта, согласование с ним всех спорных вопросов, выяснение всех условий (особенно тактических) на месте и т. д. Всего этого не было сделано. Лукомский работал на свой «риск и страх», абстрактно, не преодолевая трений и противодействия.

В январе начались перевозки для образования новой армии на крайнем левом фланге русско-румынского стратегического фронта. Были перевезены: XLIV корпус со ст. Радошковичи, Уша, Молодечно (западный фронт) — на ст. Одесса, Раздельная, Троянов-Вал; I корпус со ст. Киверцы, Луцк, Клевань (юго-западный фронт) — на ст. Николаев и далее морским путем в Одессу; в этом же направлении был переведен XIV корпус со станции Тарнополь, Збараж (юго-западный фронт). Эти корпуса в соединении с резервом румынского фронта (XXIX корпус) должны были образовать ударную группировку для действий в Добрудже. В качестве органа управления с северного фронта было снято управление 1-й армии, которую также начали перевозить в Одессу.

Но план ставки встретил резкое противодействие со стороны больного Алексеева, который 22 января в специальном послании подверг этот план суровой критике. Указывая, что русская стратегия должна руководствоваться самостоятельной политикой, а не директивами из Шантильи, Алексеев настаивал на отмене задуманной операции. Доводы Алексеева внешне казались в достаточной мере серьезны. Силы противника на Балканах и в Румынии достигали 30—32 пехотных дивизий, объединенных единым командованием и находящихся в центральном положении. Вся тяжесть операции должна была лечь на русскую армию, которая, направив свои корпуса на Балканы, не могла бы извлечь их оттуда обратно вследствие чрезвычайно тяжелых

коммуникаций. Усиления союзников на македонском фронте почти не замечалось, и при таком положении этот фронт не мог оказать существенного влияния на свободу действий противника. Вместо румынского фронта Алексеев предложил нанести главный удар на юго-западном фронте и вспомогательные удары на западном и северном фронтах.

План ставки был провален и отменен. Направленные в Одессу корпуса начали возвращаться обратно.

Между тем грянула февральская революция, которая неизбежно вызвала ряд потрясений, отразившихся на боеспособности армии. Не подлежит никакому сомнению, что в первый период после свержения самодержавия Временное правительство, лишенное фактической власти, было склонно воздержаться от широких наступательных операций. Оно хотело сначала прибрать к рукам армию путем соответствующих реформ, преодолеть массовое стремление к миру, навести хотя бы минимальный хозяйственный порядок, договориться с советами и т. д. Для этого нужно было время. Нужно было время также и для того, чтобы закончить реорганизацию армии, связанную с формированием новых 60 дивизий. 22 марта 1917 г. военный министр Гучков пишет Алексееву:

«Нам необходимо установить одинаковое понимание современного положения дел, считаясь в оценке последнего лишь с жестокой действительностью, отбросив всякие иллюзии. Только установив это единомыслие, нам, быть может, удастся принять какие-либо осуществимые меры для спасения армии и государства. Точно так же и во всех намечаемых нашими армиями оперативных планах необходимо исходить только из реальных условий современной обстановки.

Прошу верить, что действительное положение вещей таково:

1) Временное правительство не располагает какой-либо реальной властью, и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, кои допускает Совет рабочих и солдатских депутатов, который располагает важнейшими элементами реальной власти, так как войска, железные дороги, почта и телеграф в его руках. Можно прямо сказать, что Временное правительство существует лишь, пока это допускается Советом рабочих и солдатских депутатов. В частности по военному ведомству ныне представляется возможным давать лишь те распоряжения, которые не идут коренным образом в разрез с постановлениями вышеназванного совета.

2) Начавшееся разложение запасных частей внутренних округов прогрессирует, и потому находящиеся в них укомплектования долгое время (полагаю не менее 3—4 месяцев) не могут быть использованы для пополнения армии. Для этой цели запасные части не обладают необходимой моральной и боевой подготовкой. Поэтому о высылке в армии в ближайшие месяцы сколько-нибудь значительного количества людских пополнений не может быть и речи.

3) Так же безнадежно стоит вопрос и о пополнении конского состава армии, так как начатые уже, а равно и намеченные реквизиции лошадей в округах пришлось прервать и отложить до улучшения условий снабжения и транспорта, дабы не обострять настроение населения и не помешать своевременному обсеменению полей, тем более что сбор лошадей при нынешнем положении транспорта и необеспеченности фуражом привел бы их лишь к бесцельной гибели на сборных пунктах.

4) Изложенные в пп. 2 и 3 сего письма обстоятельства делают совершенно невыполнимыми в намеченные сроки все новые артиллерийские и иные формирования» (дело ВИА № 450).

Но, кроме этих условий, вынуждавших временно приостановить наступательные операции, Гучков умолчал о других — более важных. Временное правительство получило в наследство уже расшатанное народное хозяйство, кризис которого быстро расширялся и углублялся. Продовольствия нехватало. Начало закрываться большое количество фабрик и заводов. Добыча угля, чугуна, стали и нефти понижалась, и вследствие этого понизилось производство предметов боевого снабжения. На железнодорожном транспорте выявился ряд крупных неполадок. В совокупности все эти причины привели к тому, что и ставка начала считать, что «проводить ныне в исполнение намеченные весной активные операции недопустимо».

Состояние армии ставка расценивала следующим образом:

«Армия переживает болезнь. Наладить отношения между офицерами и солдатами удастся, вероятно, лишь через два-три месяца.

Пока же замечается упадок духа среди офицерского состава, брожение в войсках, значительное дезертирство.

Боеспособность армии понижена и рассчитывать на то, что в данное время армия пойдет вперед, очень трудно».

Решение ставки отказаться от активных действий нашло свое выражение в письме Алексеева от 25 марта, в котором он между прочим указывает:

«Моральное состояние армии недостаточно определилось вследствие всего пережитого и не усвоенного еще умами офицеров и солдат, равно вследствие проникающей в ряды пропаганды идей, нарушающей установившийся веками военный порядок. Бог даст, армия переживет острый кризис более или менее благополучно, но нужно предусматривать возможность и понижения боеспособности армии, хотя бы и временного. Это в общем ходе событий явится наиболее опасным моментом для России. Хорошо осведомленный противник, конечно, учтет это обстоятельство и постарается использовать наш период слабости для нанесения решительного удара. Неизвестно, кого обвинит тогда в поражении общее мнение армии.

Что касается намечаемых мною, совместно с союзными нам армиями, оперативных планов, то об этом в данную минуту говорить уже поздно, ибо решения были приняты на конференции в Шантильи 15 и 16 ноября 1916 г. и на конференции в Петрограде в феврале 1917 г. Мы приняли на этих конференциях известные обязательства, и теперь дело сводится к тому, чтобы с меньшей потерей нашего достоинства перед союзниками или отсрочить принятые обязательства или совсем уклониться от исполнения их.

Обязательства эти сводятся к следующему положению: русские армии обязуются не позже, как через три недели после начала наступления союзников, решительно атаковать противника. Уже пришлось сообщить, что вследствие организационных работ, расстройства транспорта и запасов мы можем начать активные действия не ранее первых чисел мая.

Данные вашего письма говорят, что и этого измененного обязательства мы исполнить не можем. Без укомплектований начинать какую бы то ни было операцию обширного размера немыслимо. Придется высказать союзникам, что ранее июля они не могут на нас рассчитывать, объяснив это теми или другими благовидными предлогами» (дело ВИА № 1237).

Но этот период осторожной политики быстро прошел. Первые волнения, связанные с февральским переворотом, стали затихать. Буржуазия, захватившая власть, начала полагать, что ее господство закрепляется. Временное правительство убедилось, что с эсерами и меньшевиками, возглавлявшими Совет рабочих депутатов, можно не только иметь дело, но что эсеры и меньшевики являются прекрасным громоотводом против вспышек массового

возмущения. 18 апреля последовала известная нота Милюкова, которая декларировала о том, что русские цели войны не изменяются. Хотя под давлением возбужденных масс Милюков должен был уйти в отставку, но Временное правительство, уже в новом коалиционном составе, этой ноты не отменило. Русская буржуазия, при активной поддержке всех социал-оборонческих, предательских партий, декларировала, что она будет продолжать империалистическую войну до победного конца.

Начала меняться и позиция ставки. Наступательные активные тенденции начинают принимать все более реальный характер. Для реализации вытаскиваются старые оперативные планы, которые изложены выше. Как будто ничего не произошло. Как будто революция не создала совершенно новой обстановки, которую следовало учесть. Но бездарные генералы ничего нового создать не могли. Хотя в армии никаких улучшений по существу не было, тем не менее главное командование фронтов и ставка резко меняют оценку морального состояния бойцов.

Самым характерным является та трансформация, которая происходила в оценке морального состояния войск по мере продвижения информации от непосредственных строевых начальников наверх. В то время, когда внизу почти всеобщая оценка начальников, соприкасавшихся с массами, была резко отрицательная, наверху постепенно это мнение менялось, улучшалось и в конце концов превращалось в «гром победы, раздавайся». Вот некоторые примеры донесений:

Командира 165-го пехотного полка:

«Дисциплина пошатнулась; упругость ослабела. Выборный солдатский комитет внес успокоение».

Командира 167-го пехотного полка:

«Свои позиции солдаты сохранят, о продвижении вперед никто не обмолвился. Громкие фразы «бороться до полной победы» произносятся только теми, кто в тылу... Офицеры аннулированы».

Командира 275-го пехотного полка:

«Дисциплина падает с каждым днем. В бою появится много симулянтов».

Командира 669-го пехотного полка:

«Власть командного состава надорвана, дисциплина расшатана... Начальники не могут ручаться, что солдаты в бой пойдут за ними».

Начальника 2-й Кавказской гренадерской дивизии:

«Боеспособность полков сильно понизилась. Дисциплина упала. Солдаты определенно высказывают взгляд, что мы можем только обороняться, а не наступать».

Начальника 112-й пехотной дивизии:

«На нравственности и духе войск последние события отразились отрицательно, худшие элементы получили возможность будировать, начальство лишено реальных средств борьбы с этими людьми. Замечается ослабление дисциплины, недоверие между офицерами и солдатами и упадок наступательного духа в частях...»

Но уже в корпусном звене командования оценка начинает меняться и принимать более благоприятный характер. Командиры корпусов IX, X, XXXI, III, II кавалерийского, XX, XXXV, IV кав. и других дают вполне благоприятную оценку морального состояния войск.

Большинство командующих армиями в своих донесениях уже совершенно расходится с оценкой строевых командиров. Так, например, Леш (командующий 3-й армией) доносит:

«Настроение войск хорошее, отношения офицеров к солдатам начинают налаживаться. Сознание вести войну до победы есть...»

Гурко, вернувшийся в 5-ю армию, доносит:

«Тот нервный подъем, то возбуждение, которое замечается в настоящее время в войсках, будучи обращены против врага, найдут для себя естественный выход и могут превратиться в то боевое воодушевление, которое делает войска неодолимыми...»

А на высшей иерархической ступени командования — фронтовой — оценка настроения войск превращается в категорическое требование наступать во что бы то ни стало. Так Брусилов пишет Алексееву и военному министру:

«Сегодня на военном совете всех командиров фронта под моим председательством единогласно решено:

1) армии желают и могут наступать; 2) наступление вполне возможно, это наша обязанность перед союзниками, перед Россией и перед всем миром; 3) это наступление избавит нас от неисчислимых последствий, которые могут быть вызваны неисполнением Россией ее обязательств и попутно лишит противника свободы действий на других фронтах; 4) некоторый недостаток заставит лишь сузить размеры наступления; 5) нужно, главное, наладить продовольствие и регулярный подвоз, а это в средствах России и должно быть сделано; 6) на-

стоятельно просим, чтобы никаких шагов перед союзниками в смысле отказа от выполнения наших обязательств не делалось; 7) армия имеет свое мнение, мнение Петрограда о ее состоянии не может решать вопрос; мнение армии обязательно для России; настоящая ее сила здесь на театре войны, а не в тылах» (№ 1061, 31 марта, дело ВИА № 1237).

Здесь уже командование юго-западного фронта исходит не из объективной оценки обстановки, а из субъективных намерений направить стратегию в определенное русло. Под влиянием главнокомандующих фронтами меняет свою позицию Алексеев. В письме военному министру 12 апреля он пишет:

«Только генерал Рузский, указывая на то, что внутренние события отозвались на армиях вверенного ему фронта «весьма болезненно», ссылаясь на расстройство продовольственных, вещевых и артиллерийских запасов, на ненадежность укомплектований, приходит к определенному заключению о необходимости отказаться в ближайшие месяцы от выполнения наступательных операций и сосредоточить все усилия на подготовке к упорной обороне.

Совершенно иначе отнеслись к этому острому, большой важности вопросу главнокомандующие западным и юго-западным фронтами. Оба высказали, что решительные действия наступающим летом неизбежны.

Как бы ни были мы бедны в настоящее время средствами, все же выгоднее наступать, даже без полной уверенности в успехе, чем перейти к опасной обороне и обречь себя на необходимость подчиняться решениям противника. Расстройство армии и ее снабжений окажет свое вредное влияние нисколько не в меньшей мере при обороне, чем при активной операции...

Изложив мнения высших начальствующих лиц в армии, выскажу свой взгляд.

Учитывая крайне тяжелое положение в отношении продовольственном, транспорта, металла, недобросовестного поведения рабочих Петроградского района, принимая во внимание кризис, переживаемый армией, я тем не менее считаю, что обречь себя на оборону до июня — июля мы не имеем права. Много есть для этого причин, не говоря уже о том, что отказ от обязательств, принятых нами перед союзниками, поставит нас в совершенно исключительное положение и может вызвать с их стороны соответственные меры...

Можно сказать, что чем слабее устойчивость войск, тем труднее для обороны, тем желательнее предпринять с ними активные действия. Первоначальный успех может вызвать воодушевление, подъем духа, что, в связи со сбором сил в точке удара, может обеспечить широкий успех и парализовать предприятия неприятеля на других фронтах...

Отсюда вывод: как ни тяжело наше положение, нам нужно начать весеннюю кампанию наступлением, что отвечает и настойчивым желаниям союзников (приложение — последняя телеграмма генерала Нивель)» (дело ВИА № 450).

Агрессивность ставки встретила полное сочувствие у членов Временного правительства. Задачам наступления была подчинена вся деятельность нового военного министра Керенского. Для буржуазии его активность явилась как бы «даром небес». Для буржуазии было чрезвычайно выгодно продолжать империалистическую политику руками социал-предательских лидеров. Но встает все же вопрос: почему русская буржуазия и русский генералитет, зная прекрасно о полнейшем развале армии, все же настаивали на наступлении? Именно в этом пункте сказались политическая неспособность и близорукость русских правящих кругов.

Русская буржуазия, захватившая в итоге февральской революции власть в стране, с удивительной политической тупостью продолжала полагать, что теперь для нее наступает период осуществления ее заветных империалистических вожделений.

В. И. Ленин писал в марте 1917 г. о Временном правительстве, «что оно есть правительство войны, правительство продолжения империалистической бойни, правительство захвата, покуда еще не отказавшееся ни звуком от царистской политики захвата Армении, Галиции, Турции, отнятия Константинополя, нового завоевания Польши, Курляндии, Литовского края и т. д. Это правительство связано по рукам и ногам англо-французским империалистским капиталом. Русский капитал есть лишь отделение всемирной «фирмы», ворочающей сотнями миллиардов рублей и носящей название: «Англия и Франция» (Собр. сочин., т. XX, стр. 19).

Буржуазия и генералитет видели, что чем ближе к боевым линиям, тем больше войсковые части сохраняют видимость организованной, дисциплинированной вооруженной силы. В тылу войсковые части быстро попадали под влияние революционной

пропаганды большевиков и совершенно уходили из рук офицерства. На фронте до известной степени еще было возможно не допускать большевистских агитаторов и литературы; здесь еще сохранялась власть начальников; фронтовые, боевые, повседневные требования службы затягивали войска в свой круг и удерживали их стихийные неорганизованные протесты. Генералитет полагал, что наступление поможет потопить в крови революционные настроения масс. Конечно, такой вывод свидетельствует о наивности русского командования. Вести войска в бой против их поголовного нежелания было абсолютно невозможно.

22 апреля Алексеев отдал основную директиву для наступления 1917 г. В этой директиве, между прочим, указывается:

«Союзники наши начали 9 апреля решительные действия против немцев на западном фронте. Учитывая настоящую обстановку и наши обязательства перед союзниками, принимая во внимание общее состояние армии и ее снабжений, я решил сохранить общую идею плана и при благоприятных условиях по возможности в первых числах мая произвести ряд наступательных действий».

Пункт о постановке задач фронтам гласит:

«... Главные для удара направления назначаются, примерно, для юго-западного фронта прежние, для западного на Вильно и для северного, если обстоятельства позволят ему перейти в наступление, на Митаву» (директива № 2647 от 12 апреля 1917 г.).

3. Оперативно-тактическая доктрина русской армии в начале 1917 г.

Летом 1916 г. ген.-квартирмейстер ставки издал «Общие указания для борьбы за укрепленные полосы», состоявшие из двух частей: «Действия всех родов войск» и «Действия артиллерии». Этот документ представляет собой первую попытку преподать войскам исчерпывающие указания о характере действий всех родов войск в новых условиях позиционной войны. Но «указания» ставки, никем не утвержденные, в армии почему-то не были приняты. Во всяком случае все операции 1916 г. были проведены не на основе «указаний» ставки, а на многочисленных противоречивых указаниях, разработанных армиями и фронтами.

Богатый опыт 1916 г. привел к тому, что почти на всех фронтах начали разрабатывать различного рода наставления по

западноевропейскому типу. Среди этих документов в армии получило особое распространение «Наставление для борьбы за укрепленные полосы», разработанное в штабе 5-й армии и утвержденное ген. Гурко. Это наставление выдержало семь изданий. И когда Гурко в начале 1917 г. временно заместил больного Алексеева, это наставление было предложено для руководства всей армии. Таким образом, содержание наставления может служить выражением официальной оперативно-тактической доктрины.

Остановимся на некоторых основных положениях этого наставления:

а) Построение укрепленных позиций.

Наставление гласит:

«Современная укрепленная полоса состоит из: 1) ряда укрепленных стрелковых линий, близко расположенных одна от другой и связанных между собой ходами сообщений, и 2) артиллерийских позиций.

Число стрелковых линий не должно быть менее 3, но в зависимости от глубины расположения войск их может быть и больше.

Расстояние между первой и второй линиями обороны, примерно, 300 шагов, между второй и третьей 500—700—1000 шагов.

Глубина современной укрепленной полосы при 3 стрелковых линиях — около версты.

Кроме первой, главной укрепленной полосы, в ближайшем тылу... (верстах в 6—8) строится еще тыловая укрепленная полоса такого же характера, как и главная.

Стрелковые линии представляют собой ряд расположенных в шахматном порядке опорных пунктов, обнесенных 2—3 полосами искусственных препятствий и связанных между собой приспособленными к обороне ходами сообщений».

Грубо линейная форма обороны бросается в глаза. По духу наставления основная масса пехотного огня должна быть расположена в первой линии. На практике это приводило к тому, что при малейшем ударе по первой линии обороны вынуждался отход со всей первой полосы. В начале 1917 г. проблема эшелонирования обороны в глубину в русской армии не была еще воспринята и в достаточной мере разработана.

Хотя наставление уделяет много внимания единству плана обороны, на деле получалось другое. Каждый начальник, прибы-

вая со своими войсками на участок фронта, считал своим долгом заново переработать план обороны, оставленный предшественником, т. е. по существу сорвать всю предыдущую работу. Вследствие такого подхода к делу русская армия затрачивала огромное количество физического труда на рытье окопов, устройство заграждений и других фортификационных построек, но эффект этой работы всегда был небольшой. Только на редких участках русская армия имела достаточно оборудованные позиции, подавляющая же часть позиций не представляла серьезной преграды.

В конце 1916 г. начальник инженеров ставки произвел подробное обследование состояния укрепленных позиций и пришел к безотрадным выводам. В своем докладе начальнику штаба он пишет:

«Состояние войсковой позиции, в отношении развития инженерных сооружений, до настоящего времени совершенно неудовлетворительно и в общем представляется в следующем виде:

1. Первая полоса из 3 линий окопов, из коих первая линия почти закончена, вторая линия отрыта на протяжении не свыше 70% и третья линия — на протяжении не более 40%.

В течение 1½ лет армия копала окопы, и в конечном итоге оказалось, что даже первая полоса не закончена.

2. Искусственные препятствия перед первой линией развиты крайне незначительно: удовлетворительными их можно признать на протяжении не более 10%; на протяжении 40% они слабы и на протяжении 50% ничтожны (1—3 ряда кольев, оплетенных проволокой).

3. Ходов сообщения в глубину позиций достаточно лишь на протяжении 20%, мало на протяжении 25% и совершенно недостаточно на протяжении около 50%.

4. Искусственные препятствия перед второй линией окопов слабы на протяжении 35%, ничтожны на протяжении около 40% и отсутствуют на протяжении около 25%.

5. Блиндажей очень недостаточно, общая их емкость на всем фронте вмещает 600 000 человек, из коих на долю тяжелых приходится около 150 000, легких—250 000 и щелей-убежищ—200 000, т. е. большая часть войск сидела в окопах под открытым небом.

Состояние второй полосы до настоящего времени надо признать также неудовлетворительным. В общих чертах оно представляется в следующем виде:

1. Окопов имеется 3 линии, из коих первая линия закончена на протяжении 70%, вторая—30% и третья—10%.

2. Искусственные препятствия развиты очень слабо: перед первой линией, на протяжении около 20%, они могут быть признаны удовлетворительными, на протяжении 45% — слабыми и около 35% — ничтожными.

3. Искусственных препятствий перед второй линией окопов не имеется вовсе на протяжении около 70%, ничтожные препятствия на протяжении около 10%, очень слабые — 20%.

4. Ходов сообщений недостаточно: на протяжении около 35% их не имеется, на протяжении около 30% — совершенно недостаточно, на протяжении около 15% — мало и 20% — недостаточно.

5. Блиндажей имеется недостаточно. Общая их емкость около 110 000 чел., из коих на долю тяжелых приходится всего 5 000, легких — 20 500 и щелей-убежищ — 75 500 (№ 492 от 9 ноября 1916 г.)».

На этом документе имеется резолюция ген.-квартирмейстера ставки Лукомского: «Читал. С благодарностью возвращаю. Картина грустная».

Линейный характер позиций и их отсталость были подтверждены и всеми главнокомандующими фронтов.

Еще в начале 1916 г. русская буржуазная общественность заинтересовалась состоянием позиций на северном и западном фронтах. В феврале 1916 г. член государственной думы, небезызвестный Шульгин, внес вопрос о состоянии русской обороны, слабость которой, по его мнению, вызывает резкое недовольство против власти. Этот запрос был переслан Алексееву, который разразился «замечательной» резолюцией: «Сообщить главнокомандующим, пусть заготовят ответ на это борзописание» (подчеркнуто нами.—А. В.) (Военно-инженерный сборник, кн. 3, стр. 271, 1919 г.).

Причины такого состояния позиций разнообразны. Отметим лишь некоторые из них:

1. Указания наставления не отвечали потребностям фронта, поэтому войска и не проявляли большого рвения в постройке таких позиций, которые не давали им достаточной защиты.

2. Главное командование относилось к войскам с большим недоверием и, вместо сосредоточения всех усилий на войсковом рубеже, строило в глубоком тылу ряд оборонительных полос. До

линии Днепра было построено 5—6 полос. Если учесть тысячекилометровые расстояния, то станет ясным, что рабочих рук и, главное, материалов (бетона, цемента, железа, балок, проволоки и пр.) нехватало.

3. Инертность, неумение работать по плану, малочисленность саперных частей только усиливали эту общую неразбериху и хаос, которые привели к тому, что войска, полтора года стоявшие на одной позиции, не имели достаточно укрепленных полос и установившихся методов их обороны.

б) Оперативные и тактические основы атаки укрепленных позиций.

В наставлении указано:

«Выбор участка неприятельского фронта для прорыва производится старшим войсковым начальником по соображениям стратегическим и тактическим и на основании тщательного изучения карты и местности и данных агентурной, войсковой и воздушной разведки.

Ширина фронта, намечаемого при прорыве, зависит от поставленной цели, наличных сил и средств пехоты и артиллерии, сил противника и очертаний местности.

Для наибольшей силы удара для прорыва выбирается сравнительно небольшой по фронту участок, примерно, длиною 1½—2 версты...

Однако, нельзя ограничиться атакой узкого фронта прорыва; ее необходимо распространить в стороны, дабы обеспечить прорвавшиеся войска от флангового и перекрестного огня с соседних с прорывом участков... Если сил, назначенных для атаки, мало,... то можно ограничиться распространением фронта атаки в каждую сторону от участка прорыва на 3—4 версты. Если же сил достаточно и прорыв предполагается произвести только в одном месте, выгоднее увеличить фронт атаки соседних с прорывом участков до 7—8 верст в каждую сторону.

Таким образом,... общая ширина фронта атакуемого участка должна захватывать 10—15—20 верст...

Все расчеты, усилия и средства атакующего, в том числе и артиллерийская подготовка, должны быть направлены к тому, чтобы прорвать сразу всю укрепленную полосу противника, т. е. одним безостановочным наступлением.

Опытом установлено, что для успеха прорыва на каждую версту прорываемого участка должна быть назначена дивизия

пехоты, на каждую версту соседнего с прорывом участка — не менее полка пехоты и, наконец, в ближайшем тылу... для развития удара — 1—2 дивизии. Следовательно, для производства атаки и прорыва на фронте 8—10 верст, при ширине фронта прорыва в 2 версты, нужно 2—3 корпуса из 5—6 дивизий, а на фронте 15—20 верст—3—4 корпуса из 7—8 дивизий».

В отношении расчета средств для разрешения всех артиллерийских задач наставление считает достаточным иметь на версту фронта прорыва 40 легких и 20 тяжелых орудий, на версту соседних атакованных участков 15—20 легких орудий.

Что касается построения пехоты, то наставление указывает:

«Атакующая пехота должна состоять из последовательного ряда густых стрелковых цепей на расстоянии 100—150 шагов одна от другой, причем особенно сильным должен быть первый ряд цепей.

Таким образом, часть (батальон, полк), идущая в атаку, составляет как бы разомкнутую колонну, так как по фронту она займет меньшее протяжение, нежели в глубину».

Цитированные выдержки из наставления свидетельствуют о том, что в отношении характера и форм атаки укрепленных полос, исчисления сил и средств русское главное командование продолжало придерживаться самых устарелых взглядов. Прорыв на фронте в 2 версты, трактовка волнообразного построения пехоты как разомкнутой колонны и т. д.— не являлись такими указаниями, которые могли бы удовлетворить войска. Поэтому наряду с наставлениями, издававшимися главным командованием, фронтовые командующие были вынуждены продолжать старую систему издания своих руководящих оперативно-тактических документов. Среди этих документов особый интерес вызывают указания, преподанные войскам румынского фронта ген. Щербачевым 3 июня 1917 г.

Четыре пункта выделяют указания Щербачева из числа других документов подобного рода, издававшихся в большом числе в русской армии.

Во-первых, признание быстрого истощения пехоты в бою и необходимости ее замены. До сих пор господствовали взгляды, что «пехота — это такой род войск, который потерь не несет».

Во-вторых, признание господства тактических условий при прорыве укрепленных полос. До сих пор высшее командование

почти всегда исходило, главным образом, из стратегических соображений, оставляя тактике лишь подсобное место.

В-третьих, признание необходимости конкретного подхода к разнообразным условиям огромного театра, который позволяет применить различные формы осуществления операции.

В-четвертых, конкретные указания о недостатке артиллерийских средств, что вынуждает не подражать слепо западноевропейским образцам, а применять «свои» правила.

Щербачев пишет:

«1. Пехота, вследствие потерь и трудности боя, быстро истощается и требует замены. Недостаточность назначенных для удара и его развития сил приводит к тому, что дивизии, пополняемые без вывода в тыл, теряют боеспособность, и наступление замирает.

2. Наступающему приходится овладевать несколькими расположенными одна за другой укрепленными полосами, причем атаки второй и третьей полос всецело зависят от успеха атаки первой полосы.

Результатом этого опыта нужно признать следующие основные и для настоящего времени положения:

1) что необходимо возможно более оберегать от излишних потерь пехоту, которая может задаваться овладением лишь теми местными предметами (рубежами), захват и удержание которых будут обеспечены своей артиллерией;

2) что при выборе участка для прорыва неприятельского укрепленного фронта нужно прежде всего считаться не со стратегическими условиями развития успеха в наиболее выгодном направлении, а с условиями тактическими — возможностью добиться первоначального верного успеха. Для достижения же этого район для удара должен быть выбран так, чтобы можно было развернуть большое количество артиллерии, наблюдательные пункты и закрытый тыл, сблизиться с противником (плацдармы), видеть его тыл, укрыто подводить свои резервы.

Но опыт сентябрьских и октябрьских боев юго-западного фронта в том же 1916 г. показал, что механическое применение одного метода систематической атаки невозможно.

Наше превосходство в пехоте; невозможность собрать могущественные артиллерийские средства для удара на каждом фронте; возможность быстрого усиления противником участков, на которых мы систематически готовим атаку; сильная растяну-

тость противника и возможность, как показывает опыт 12-й армии в декабре 1916 г., при соответствующей подготовке войск, легкого прорыва неприятельского, сильно укрепленного, но слабо занятого фронта приводят к выводу, что было бы вредно приучать пехоту к сознанию невозможности внезапной атаки открытой силой неприятельских укрепленных позиций».

Для обеспечения смены частей Щербачев требует на участке главного удара наличия не менее двух линий дивизий.

Что касается артиллерии, то Щербачев указывает:

«Наши артиллерийские средства не могут сравниться с французскими и английскими. Мы не можем задаваться целью достигнуть полного уничтожения позиций противника на всем фронте атаки одновременно.

Поэтому нам нужно использовать дальнобойность и искусный перенос огня: разрушив один участок и передав его легкой и лишь части тяжелой артиллерии под наблюдение, огонь другой части (большей) тяжелых батарей переносить на смежные участки, усиливая действующие по нему батареи.

Подготовка такого переноса огня обязывает заранее наладить и соответственное наблюдение и нужную связь.

Та же ограниченность в артиллерии может не позволить каждой дивизии дать необходимые ей средства разрушения с самого начала операции.

Но лишь общая работа массы артиллерии по окопам и другим оборонительным сооружениям будет закончена, каждая дивизия должна получить в непосредственное распоряжение начальника ее известное количество тяжелых орудий для борьбы с вновь появляющимися орудиями и преградами по указанию войск.

Руководитель артиллерийской подготовки обязывается заранее всесторонне организовать такую передачу части артиллерии и обеспечить ее наблюдателями и связью...

Решение всех значительных артиллерийских вопросов должно вестись совместно с пехотой. Так, пехота дает задания на число и место пробиваемых проходов в препятствиях; пехота вправе требовать и указывать зоны нужного ей заградительного огня перед пунктами, которыми она будет овладевать; пехота одновременно с артиллеристами следит за разрушением окопов противника, и она решает, выполнено ли это разрушение в должных пределах.

В тесной связи артиллерии и пехоты и взаимном доверии их— крупный залог успеха».

В конечном итоге реакционер Щербачев также пытается заменить недостаточную технику пушечным мясом.

На юго-западном фронте Брусилов специальных своих инструкций не издал. Вместо этого он в период подготовки операций 1917 г. преподал войскам огромное количество директив, касающихся различных вопросов проведения и подготовки предстоящих операций. Как на прогрессивный фактор укажем, что Брусилов уделил большое внимание переобучению войск. В одной из директив, изданной штабом юго-западного фронта, указывается:

«Главкоюз приказал до начала весенней операции время возможно шире использовать для обучения и сколачивания частей, для чего в каждом корпусе поочередно выводить дивизии в резерв на срок, примерно, около двух недель. В каждом корпусе должны быть построены укрепленные городки, подобные участкам находящейся перед нашими войсками неприятельской позиции. Для этой цели лучше всего воспользоваться нашей второй укрепленной полосой, дополнив ее соответствующим образом по фотографическим снимкам неприятельских позиций. Особенное внимание надлежит обратить на подготовку ударных корпусов и тщательно разработать программу таковой; для обучения и отдыха этих корпусов уделять возможно больше времени. Перед заступлением частей, находящихся в резерве, на позицию старшим начальствующим лицам обязательно производить возможно тщательную проверку достигнутых результатов обучения. Обратить особое внимание на развитие повторительных курсов прапорщиков, дабы возможно большее число их могло бы пройти через эти курсы до начала операций» (директива № 587 от 13 марта 1917 г.).

В общем необходимо констатировать, что весной 1917 г. русский высший командный корпус овладел техникой борьбы за укрепленные полосы в тех формах, которые выявились на западном театре в 1915 г., т. е. в формах самых архаических.

6 мая 1917 г. вышло, наконец, официальное «Наставление для борьбы за укрепленные полосы» (части I, II, III,), утвержденное Алексеевым. Но по сравнению с «Наставлением» ген. Гурко оно не внесло ничего нового, поэтому мы его не излагаем.

Что касается войск, массы бойцов, то весной 1917 г. их захватили другие, более насущные интересы. Обострившаяся

классовая борьба, ребром поставившая вопросы о власти, о земле, о мире и др., отвлекла внимание бойцов от оперативно-тактических проблем. В отношении боевой подготовки русская армия оставалась в безнадежном положении. По сути дела, в 1917 г. она представляла собой многомиллионную вооруженную массу необученных людей и к тому же не желающих воевать.

4. Проведение операции юго-западного фронта (1—12 июля 1917 г.)

Фронтальный прорыв на широком фронте на восточном театре войны

Уточнение плана операции

Основные черты плана юго-западного фронта были намечены еще в конце 1916 г.; они изложены выше. Но в течение 7 месяцев, от момента выработки основ плана до его выполнения, он подвергся некоторым изменениям. Когда впервые разрабатывался план, Брусилов оставался последовательным поклонником комбинированного удара. Свою стратегическую идею Брусилов выразил следующим образом:

1) «Наступление всех союзников на всех фронтах одновременно; 2) отнюдь не ограничиваться одной ударной группой на несколько армий, а иметь таковых возможно большее число и 3) одновременно с атакою, веденною всеми ударными группами, должны вести наступление и все войска решительно на всем фронте армий союзников, чтобы возможно крепче везде связать противника» (доклад Брусилова от 13/II 1916 г., Дело В. И. А. № 449).

Но при практическом осуществлении операция фронта фактически вылилась в другую форму. Последовательное видоизменение плана проходило следующие этапы.

Во-первых, чтобы ярче выразить идею фронтального прорыва, Брусилов значительно сократил фронт 7-й армии, наносившей главный удар.

Во-вторых, участки удара 11-й армии были подтянуты к левому флангу. XVII, XIX и VI корпуса 11-й армии примыкали к правому флангу 7-й армии.

В-третьих, ударные корпуса 8-й армии (XII и XVI) были расположены на правом фланге, примыкая к левому флангу 7-й армии.

В конечном результате план операции юго-западного фронта принял такой вид:

11-я армия должна была атаковать тремя корпусами на своем левом фланге, на участке Грабковце — Бышки (около 20 км).

7-я армия — атаковать четырьмя корпусами на своем правом фланге, на участке Куропатники — Топелиха (около 20 км); на остальном участке армии до р. Днестра были растянуты остальные два корпуса.

8-я армия должна была атаковать на своем правом фланге двумя корпусами на участке до 15 км.

Разница между ударами 7-й и соседних с ней 11-й и 8-й армий заключалась лишь в том, что 7-я армия своими ударными корпусами действовала на сплошном фронте, в то время как 11-я и 8-я армии должны были выбирать особые ударные участки для каждого из своих атакующих корпусов. Если мы посмотрим на построение боевого порядка юго-западного фронта в целом, то увидим, что на фронте в 100 км шириной были сосредоточены 11 корпусов, 44 дивизии со средней плотностью 2—2½ км на одну дивизию; вместе с резервами ударных армий и фронта на этом участке было сосредоточено 52 пехотных и 8 кавалерийских дивизий, т. е. фактически здесь был осуществлен не комбинированный удар, а фронтальный удар на широком фронте.

Этот вывод не опорочивается тем, что ударные корпуса 11-й и 8-й армий не прорывали на сплошных участках и что между левым флангом ударной группы 7-й армии и правым флангом ударной группы 8-й армии был пассивный участок шириной около 40 км. Для сплошного удара просто нехватало артиллерии, но по существу не подлежит никакому сомнению, что Брусилов предполагал прорвать фронт австрийцев на сплошном участке в 100 км шириной. Эта идея ярко выражена в директиве юго-западного фронта от 16 июня 1917 г. Директива ставит армиям фронта такие задачи:

Особой армии — не допустить переброски противостоящих ей сил противника на Львовское направление, всемерно приковывая к себе противника и развивая для этого в мере сил короткие удары на активных участках корпусов;

11-й армии — прорвать позицию противника на фронте Плесовце — Бышки и развивать успех в северном и северо-западном направлениях, имея ближайшей задачей овладение Золочевским районом и дальнейшее развитие действий на Глиняны;

7-й армии — прорвать позиции противника на фронте Куропатники — Топелиха, имея ближайшей задачей овладение районом Бржезаны и дальнейшее развитие действий на Бобрку;

8-й армии — прикрывая операцию со стороны Карпат, нанести удар на своем правом фланге с целью проникновения в долину р. Ломницы и дальнейшего развития успеха на Калуш и Болехов.

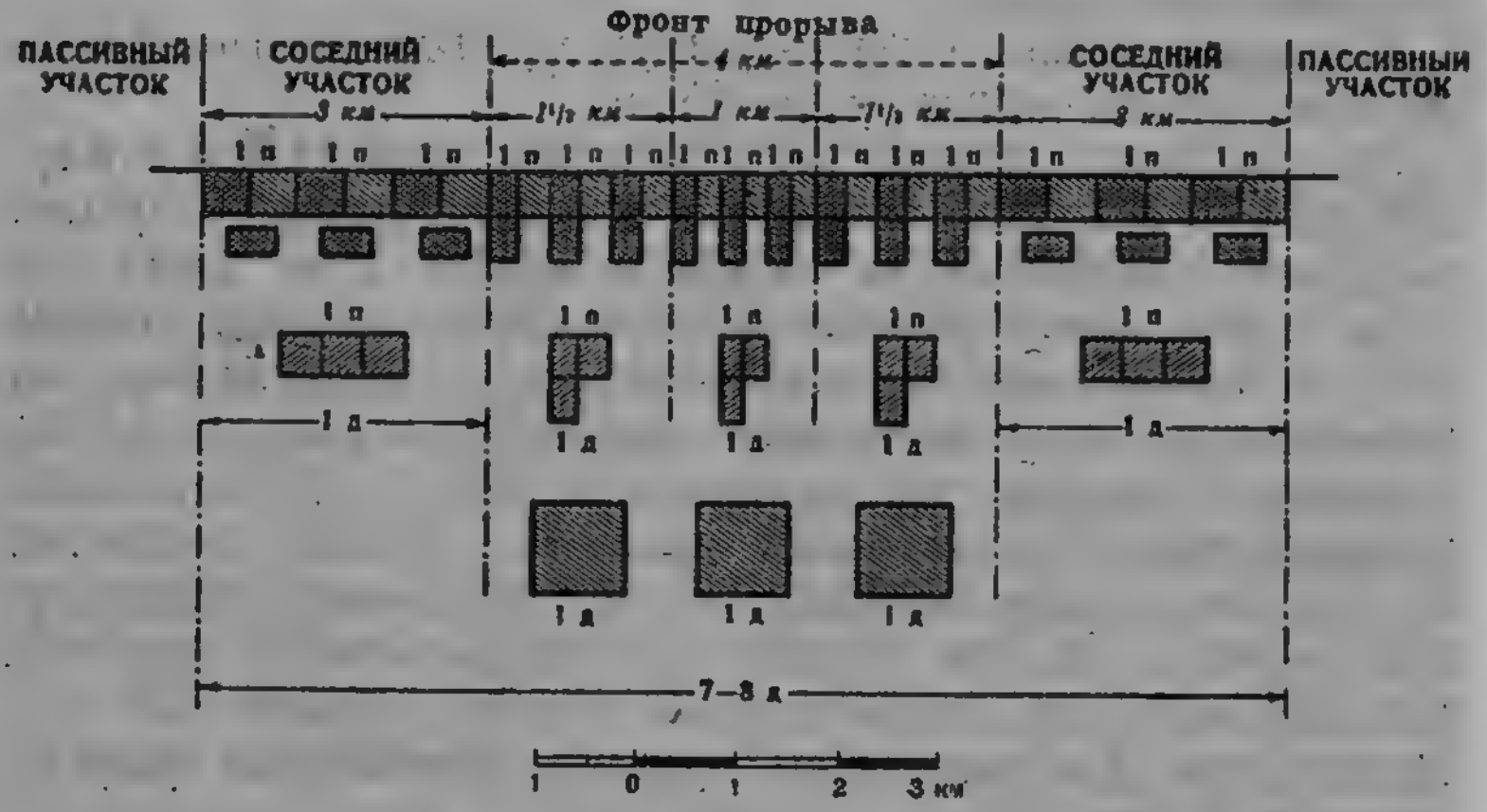

Схема 17. Боевой порядок юго-западного фронта при прорыве укрепленной полосы противника.

Хотя директива подписана ген. Гутором (новым главнокомандующим юго-западного фронта), но фактически она была заготовлена еще при Брусилове.

Некоторые исследователи (например, Зайончковский, Капустин) еще сравнительно недавно продолжали утверждать, что юго-западный фронт и в 1917 г. осуществлял комбинированный удар. Если делать выводы не на основании различных словесных высказываний, а на основании оценки объективно сложившейся формы операции, то наш вывод о фронтальном ударе на широком фронте будет безусловно правильным. На восточном театре было трудно осуществить сплошной удар на участке в 100 км. Пассивные промежутки между ударными группировками были,

повидимому, неизбежными. Только на западном театре в 1918 г. создались условия для сплошного удара на 100-километровом фронте; на восточном театре такой удар имел свои особенности.

Если отбросить все прочие причины, обусловившие провал операции юго-западного фронта, то нужно признать, что эта форма фронтального прорыва на широком фронте являлась чрезвычайно удачной и сулила большой успех.

Построение боевого порядка

В наставлениях для борьбы за укрепленные полосы, изданных штабом 5-й армии (ген. Гурко) и ставкой, дана следующая схема построения боевого порядка при прорыве (схема 18).

Схема 18. Построение боевого порядка при прорыве укрепленной полосы

Эта шаблонная форма построения боевого порядка стала обычной с конца 1916 г. Схематизм этой формы явился одной из причин провала Митавской операции. Влияние этой схемы чувствуется и в построении боевого порядка юго-западного фронта, хотя при действиях на очень широком фронте боевой порядок юго-западного фронта принял совершенно другой характер, чем это указано в наставлении; можно уловить только общее сходство.

Фактически силы юго-западного фронта на участке удара были распределены следующим образом (см. табл. на стр. 454).

Обращает на себя внимание, что 7-я армия, наносившая главный удар, имела в резерве всего 4 дивизии, т. е. длительность усилий не была обеспечена.

Наименование армий и корпусов	№№ дивизий в 1-й линии (ударные дивизии)	№№ дивизий во 2-й линии (резервы корпусов)	№№ дивизий и корпусов в 3-й линии (резервы армий)	№№ дивизий и корпусов в 4-й линии (резервы фронта)
11-я армия				
XVII корпус . . .	153-я, 3-я, 35-я дивизии	—		
XIX » . . .	4-я Финляндская, Чехословацкая и 6-я Финляндская .	82		
IV » . . .	2-я, 4-я Финляндские, 16-я, 155-я пехотные дивизии .	151		
7-я армия				
XI корпус	113-я пехотная дивизия, 5-я и 3-я Заамурские и 74-я пехотные дивизии .	—		
VII Сиб. корпус . .	12-я и 13-я Сибирские пехотные дивизии	108	Гвард. стр. див. и II кав. корпус.	V кав. 1 гвардии XIV корпуса
XXXIV » »	23-я и 104-я пехотные дивизии . .	153		
XXII » »	15-я пехотная, 1-я и 3-я Финляндские дивизии . . .	159		
III кав. (пассивный) » . .	52-я, 162-я и 21-я пехотные дивизии .	—		
XXXIII корпус (пассивный)	2-я, 4-я и 1-я Заамурские дивизии .	—		
8-я армия				
XII корпус	19-я, 117-я, 164 я пехотные дивизии .	11 и 56	7-я Кавк. кав., 3-я Кавк. каз. и Кавк. туземная дивизии.	
XVI »	47-я, 160-я, 41-я и 3-я Кавказские дивизии	19-я Сибирская		

Всего, таким образом, для нанесения удара в боевом порядке стояли: в первой линии — 34 дивизии, во второй линии — 8 дивизий, в третьей линии (резервы армий)—2 пехотные и 6 кав. дивизий и в четвертой линии (резервы фронта)—5 пехотных и 3 кав. дивизии.

Кроме того, в резерве фронта было еще несколько небоеспособных дивизий.

Схематически боевой порядок фронта представлен на схеме 17, стр. 452.

Артиллерия

11-я и 8-я армии почти не имели приданной артиллерии из резерва главного командования. Их ударные группы были обеспечены только войсковой артиллерией с сравнительно незначительной плотностью: 30—35 орудий на 1 км фронта. Более крупные артиллерийские средства были сосредоточены к ударному участку 7-й армии. Артиллерия была полностью централизована и образовала два отдела: северный и южный. В свою очередь, отделы делились: на противоартиллерийский, противоокопный отделы и группу легкой артиллерии. Распределение артиллерии видно из следующей таблицы:

Наименование артиллерийских отделов	Ширина участка	Полевой легкой и гаубичной	Пушки 42 лин., 120-мм	Гаубицы и пушки 6"	Гаубицы и пушки 8—11"	Всего	Средняя плотность на 1 вер.
Северный отдел (XI корпус)							
Противоокопный . . .	7 верст	12	12	44	26	94	—
Противоартиллерийский	»	18	32	16	—	66	—
Группа легкой артиллерии	»	162	—	—	—	162	—
Южный отдел (VII, XXXIV, XXII кор.)							
Противоокопный . . .	10 верст	98	—	61	10	169	—
Противоартиллерийский	»	36	48	12	—	96	—
Группа легкой артиллерии	»	149	—	—	—	149	—
Всего . . .	17 верст	475	92	133	36	736	43,3

Задачи артиллерии в основном распределялись следующим образом: противоокопные отделы — разрушение окопов и всех сооружений противника на участке атаки (разрушаться должны обязательно все линии и ходы сообщений первой полосы одновременно); противоартиллерийские отделы — борьба с артиллерией противника, уничтожение наблюдательных пунктов, обстрел штабов, тыловых складов, особенно важных укрепленных тыловых пунктов, неприятельских аэростатов, железнодорожных мостов, узлов и пр.

В общем артиллерия 7-й армии была организована применительно к системе планомерной методической артиллерийской подготовки, разработанной еще Киреем и получившей в русской армии официальное утверждение. Во главе артиллерии были поставлены такие признанные артиллеристы, как Иордан и особенно Черноятов и Лахтионов.

Артиллерийских снарядов на этот раз хватило. Все заявки ударных частей были полностью удовлетворены. Самое наступление юго-западного фронта подготовлялось под лозунгом: «Снарядов не жалеть». Такие надписи были сделаны на многих артиллерийских повозках и ящиках с целью морального воздействия на войска.

Авиация

Для обслуживания артиллерии на участке 7-й армии в период разведки и артиллерийской подготовки были привлечены 6 авиаотрядов—60 самолетов и 6 привязных аэростатов. Работы авиации прикрывались одним истребительным отрядом. Несмотря на воздушное превосходство противника, авиация 7-й армии сумела развернуть и пристрелять 44 батареи.

Для войсковой и дальней авиаразведки 7-я армия могла использовать только незначительное количество отдельных самолетов.

В общем количество сосредоточенной авиации явно не соответствовало масштабу удара.

Политико-моральная подготовка юго-западного фронта

Чтобы обеспечить операцию со стороны политико-морального состояния войск, фронтом была проведена огромная работа. Си-

стема политической обработки масс была поставлена на широкую ногу, с использованием самых разнообразных приемов, форм и методов. Были пущены в ход все рычаги воздействия на массы.

Развернулась карательная политика. Так называемые «зачинщики», т. е. наиболее революционно настроенные бойцы, изымались из рядов строевых частей, и над ними учинялась беспощадная расправа. Часто применялись расстрелы. Хотя закон Временного правительства о введении полевых судов еще не был опубликован, но в нем для расстрелов не было формальной нужды. Пункт декларации прав гласил: «Никто из военнослужащих не может быть подвергнут наказанию или взысканию без суда, но в боевой обстановке начальник имеет право под своей личной ответственностью принимать все меры, до применения вооруженной силы включительно, против не исполняющих его приказания подчиненных». Этот пункт давал основания для любого произвола.

Части, заявлявшие коллективные протесты против наступления, отводились в тыл, где подвергались специальной обработке. Если эксцессы принимали острый и неисправимый характер, то части расформировывались. Чтобы избежать возможного вооруженного сопротивления при расформировании целых частей (это имело место), прибегали к приему постепенного расформирования отдельных подразделений, отводимых в тыл под предлогом различных командировок.

Была развернута серия предупредительных мер. Перлюстрация писем достигла небывалых размеров. «Опасные» письма, конечно, никогда не доходили по назначению. Юго-западный фронт был закрыт для большевистской литературы и большевистских агитаторов.

Агитация и пропаганда за наступление, за ведение войны до победы приняли огромный масштаб. Оборонческая литература буквально наводнила фронт. По частям беспрерывно разъезжала целая армия агитаторов и лекторов. Даже «сам» Керенский побывал почти во всех частях фронта, надрывая себе голос в беспрерывных выступлениях.

Еще при Брусилове началось формирование особых ударных добровольческих батальонов, которые по замыслу должны были служить примером дисциплинированности и выполнения долга.

Но из этой затеи ничего не вышло. Добровольцы, кроме сомнительных темных элементов, в ударные батальоны не шли.

Последний из ударных батальонов — женский ударный батальон — бесславно окончил свое существование при обороне Зимнего дворца в дни Октябрьского восстания.

Вся эта система мероприятий не привела к успеху. Солдатские массы армий юго-западного фронта остались глухи ко всем призывам социал-патриотов и «главноуговаривающего»—г. Керенского.

Вот как командующий 7-й армией Белькович и главнокомандующий юго-западным фронтом Гутор в своих донесениях оценивали состояние некоторых ударных частей накануне наступления:

VII корпус, 12-я и 13-я Сибирские дивизии — «на позицию согласились выступить только разрозненные части, около двух с половиною полков»; из этих частей была сформирована Сводная дивизия. Польская дивизия — «безусловно небоеспособна». Эту дивизию пришлось спешно убрать в тыл, и в наступлении она не участвовала.

XXXIV корпус, 104-я дивизия—«больная дивизия, едва насчитывающая сейчас 4000 штыков, до боя укомплектована быть не может, так как даже прибывшие укомплектования считаю невозможным вливать в части накануне боя ввиду хорошо известного вам состояния и настроения наших маршевых рот».

III Кавказский корпус, 52-я дивизия — «два выступления против офицеров на почве нежелания занять позиции»; 22-я Сибирская дивизия — «настроение ниже других и мысль о наступлении воспринимается слабее»; 165-я дивизия —«случаи отказа стать на позиции». И т. д. и т. п.

Но командование фронта и ударных армий охвачено иллюзиями. Белькович пишет:

«Настроение частей XXII корпуса, 23-й пехотной дивизии, частей VII Сибирского корпуса и 108-й дивизии—сейчас вполне благоприятное — по моему глубокому убеждению, должно быть всемерно охраняемо.

Среди людей, как сказано выше, уже начавших земляные работы (ночи 2—3 они делали их очень вяло и с разговорами о ненужности их) — как будто инстинктивно — слышатся голоса, что надо скорее начинать: будто они сами боятся утратить, слава богу, вернувшееся хорошее настроение. Повторяю, это настроение мы обязаны всячески сохранить, устраняя все, что могло бы дать хотя бы малейший повод к разговорам и злонамеренной пропаганде» (донесение от 19 июня № 107746).

Гутор, в свою очередь, доносит в ставку:

«XII корпус при обсуждении вопроса наступления высказывает положительное отношение, случаев братания не было. В VII Сибирском, Сводной дивизии, ставшей на позицию, настроение видимо удовлетворительное, люди частей, оставшихся на местах, присоединяются к Сводной дивизии. Польская дивизия безусловно небоеспособна; причины: недостаточное снабжение и наличие большинства уроженцев не польских губерний. В XXII корпусе протестов против наступления и резких выступлений не было, но работы на позициях ведутся вяло. В III Кавказском замечается улучшение настроения, против наступления не высказываются; в 52-й дивизии было два выступления против офицеров на почве нежелания занять позиции; оба выступления ликвидированы твердым приказом начдива. В XXXIII и XVI корпусах настроение налаживается, хотя довольно туго» (Центроархив, Разложение армии в 1917 г., стр. 88).

События показали, что оценка высшего командования оказалась ошибочной. Войска были «больны» более глубоко и серьезно, чем это ему казалось по внешним признакам.

Противник

По данным юго-западного фронта, сведения о противнике представлялись в следующем виде:

Силы и средства противника.

а) Перед фронтом корпусов главного удара

1) В первой линии

Германцы	9 батальонов	5 800	штыков
Австрийцы	13 „	8 700	„
Турки	20 „	12 600	„
Итого	42 батальона	27 100	штыков

2) В участковых резервах

Германцы	2 батальона	1 000	штыков
Австрийцы	4½ „	3 300	„
Турки	5 „	2 700	„
Итого	11½ батальонов	7 000	штыков
Всего	53 батальона	34 100	штыков

б) Перед фронтом корпуса вспомогательного удара

1) В первой линии

Австрийцы	20½ батальонов	14 200 штыков

2) В участковых резервах

Австрийцы	4 батальона	3 200 штыков
Всего	24½ батальона	17 400 штыков.

в) Перед пассивным участком

1) В первой линии

Германцы	24 батальона	14 600 штыков
Австрийцы	42 „	28 100 „
Итого	66 батальонов	42 700 штыков

2) В участковых резервах

Германцы	4 батальона	2 700 штыков
Австрийцы	5 „	3 000 „
Итого	9 батальонов	5 700 штыков
Всего	75 „	48 400 „

г) В ближайших резервах

На Брзежанском направл. германцев	10 батальонов	6 000 штыков
На Долинском направл. австрийцев	12 „	7 000 „
Итого	22 батальона	13 000 штыков

Из сказанного можно заключить, что в течение ближайших одного—двух дней противник может сосредоточить в районе нашего главного удара всего до 63 батальонов — 47 200 штыков.

Всего на фронте армии:

В первой линии		В участковых резервах	
128½ батальонов	84 000 штыков	24½ батальона	15 900 штыков

В ближайших резервах — 22 батальона, 13 000 штыков.

Всего не менее 175 батальонов, 112 900 штыков.

Так как рассчитывать на очень быстрое течение операции трудно (укрепления и артиллерия противника сильны), надо считаться и с подвозом по железным дорогам из глубокого тыла.

д) Артиллерийские средства

Точных сведений не имеется, но с некоторой достоверностью можно считать:

а) перед фронтом корпусов главного удара: 144 легких орудия, 100 гаубиц и 40 тяжелых орудий, а всего — 284 орудия;

б) перед фронтом корпуса вспомогательного удара: 46 легких орудий, 36 гаубиц и 16 тяжелых орудий, а всего 98 орудий;

в) перед пассивным участком: 174 легких орудия, 78 гаубиц и 36 тяжелых орудий, а всего 288 орудий.

Итого на всем фронте армии:

364 легких орудия, 214 гаубиц и 92 тяжелых орудия, т. е. всего 670 орудий.

Эти сведения штаб юго-западного фронта разработал к середине июня 1917 г. Но до конца месяца немцы и австрийцы произвели значительные перегруппировки. О готовящемся наступлении противостоящая группа Бем—Эрмоли была хорошо осведомлена. Для того чтобы отразить удар, германское главное командование восточного фронта решило в значительной степени усилить фронт германскими частями. 1 июля, когда началось наступление юго-западного фронта, против 7-й армии почти сплошь стояли германские части. Атакующим частям пришлось встретиться: левому флангу 11-й армии — с 4 германскими дивизиями, не считая австрийских; 7-й армии — с 6 германскими и 2 боеспособными турецкими дивизиями, не считая австрийских сил и резервов. Таким образом, на участке удара в первой линии стояли 10 — 12 вполне боеспособных германских дивизий.

Группировка сторон показана на схеме 19.

Внезапность

Юго-западному фронту не только не удалось достичь внезапности, но каждый его шаг был известен противнику.

Внезапность стала жертвой одного неразрешимого противоречия. Временное правительство и ставка возлагали все свои надежды на успешное наступление, которое для их политики было необходимо дозарезу. Для успешности наступления нужно было добиться внезапности. Но внезапности нельзя было добиться, так как наступление стало «притчей во языцех» во всей стране. Естественно, наступление было сразу обречено на неудачу. К нему готовились в течение 7 месяцев, о нем говорили на всех перекрестках, кричали на всех митингах, обсу-

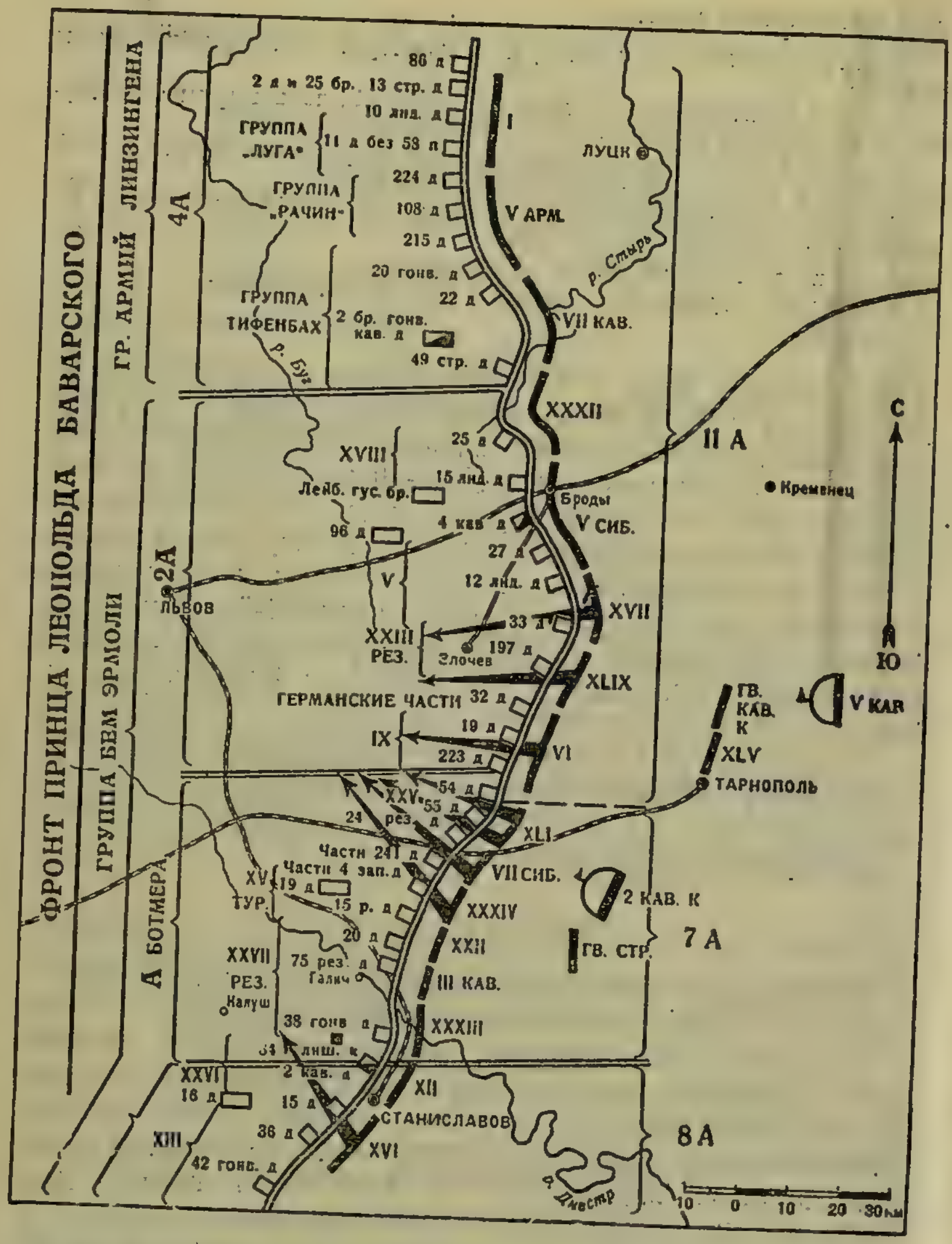

Схема 19. Группировка сторон перед июльским наступлением 1917 г.

ждали на многочисленных заседаниях различных комитетов и т. д. Нет ничего удивительного, что немцы успели надлежащим образом подготовиться к встрече удара.

Последние руководящие указания

По обычаю, укоренившемуся в русской армии, Белькович 20 июня отдал еще одну директиву, касаясь ряда оперативно-тактических вопросов. Так, например, Белькович пишет:

«Движение вперед штурмовых волн, которые будут находиться во второй линии окопов (вероятно, 3-я и 4-я волны), должно производиться к первой линии не по ходам сообщения, а фронтом (чаще полуротами).

Для этого теперь же должно быть подготовлено достаточное количество выходов во всех линиях или мостков...

Иметь в виду, что окопы противника имеют очень большую глубину и что стрелять из них без приспособления (если понадобится) будет невозможно...

Иметь в виду, что в случае сильного потрясения противника, нужно непрерывное его преследование до намеченных рубежей штурмующими частями, а при потере противником артиллерии, может быть, и далее.

Ввиду этого необходимо заранее обдумать меры продвижения вперед в полном порядке и подготовить все необходимое для связи.

Поиски алкоголя и вообще страсть наших солдат к обшариванию занятых окопов в декабре 1915 г. нам стоили потери взятой с боя весьма важной выс. 382. Необходимо при содействии полковых комитетов и по их указаниям принять меры к недопущению развала управления на этой почве.

Вся военная добыча, годная для войск, все равно пойдет на их нужды; надо сделать это общеизвестным. Пусть солдаты охраняют ее особо назначенными патрулями; порядок управления в это время дороже всего...

Для внесения паники в глубь противника лучшее средство при успехе — это или атака броневых автомобилей или преследование хотя бы мелкими частями ночью.

Необходимо предусмотреть и то и другое, подготовить материал в ближнем тылу (в плацдарме) для прохода пехотой, автомобилями и даже пушками.

Работа минометов, где ими будут делаться проходы, должна начаться с первого дня; артиллерийская завеса (по соглашению пехоты и артиллерии) должна быть пристреляна также в первый же день начала действий.

Противник во время артиллерийской подготовки обычно молчит; его артиллерия обрушивается на нашу пехоту по занятии последней намеченных пунктов, при закреплении на них; одновременно пехота противника ведет контратаки.

Категорически требую, чтобы наша артиллерия была в полной мере обеспечена и наблюдательными пунктами и патронами, чтобы в это критическое время оказать самое полное содействие своей пехоте. Могут сниматься для выдвижения вперед только назначенные заранее батареи, и огонь ослабевать не должен» (№ 107521).

Все эти указания неплохи. Но характерно, что командующий входит в такие детали, которые должны были выполнить его сотрудники. Белькович не без основания полон недоверия к войскам и хочет им обо всем напомнить.

Атака

После двухдневной артиллерийской подготовки, довольно хорошо выполненной артиллерией, пехота 11-й и 7-й армий с утра 1 июля пошла в атаку. Атака имела обычный успех. Была захвачена большая часть первой линии противника, местами пройдена вторая и даже третья. Но резервы своевременно не были подтянуты, и части остановились. С другой стороны, моральная устойчивость войск, вследствие неизбежных потерь, затрещала по всем швам, и дивизии одна за другой начали уходить назад. В реляции Гутора мы читаем:

«Боевые действия 1—10 июля на фронте 7-й и 11-й армий начались успешно, и корпусам 7-й армии на фронте главного удара удалось овладеть двумя и тремя линиями окопов. Но после полудня обстановка на фронте этих корпусов, за исключением VII Сибирского, стала складываться неблагоприятно, ибо во всей силе сказалась недостаточная духовная мощь и отсутствие надлежащей воинской дисциплины в частях. Контратака на высоту 421, опрокинувшая 5-ю Финляндскую дивизию, повлекла за собой отход в исходное положение XXII корпуса, причем их настроение исключало всякую мысль о возможности по-

вторения атак. В связи с этим обнаружилось тяжелое положение в 23-й дивизии, где своеволие и распущенность солдат при большой убыли в офицерском составе были причиной отхода, несмотря на принимаемые начальствующими лицами меры, в исходное положение. Увидя отход соседей, 19-я Сибирская дивизия, занимавшая прочно вторую линию окопов, отошла самовольно в исходное положение. На фронте XXII корпуса, в районе Лысонского леса, под влиянием обстрела его химическими снарядами солдаты 9-го и 10-го Заамурских полков, бросившие самовольно, идя в атаку, противогазы, стали рассеиваться и уходить в свои окопы. Их примеру последовали части 74-й дивизии... Таким образом, занятые с боя первые и вторые линии противника были очищены, и в них оставались лишь разведчики и часть Березинского полка. Все резервы у комкора были израсходованы, части же передовой линии перемешались и приводятся в порядок. Наблюдалось, что по занятии первой линии многие солдаты оставались в ней и шарили окопы, многие вслед за тем уходили в тыл. Мною отдано категорическое приказание безотлагательно привести расстроенные части XXII корпуса в порядок и занять исходное положение для повторения атаки» (№ 2735 от 3 июля).

Таким образом, атаки 11-й и 7-й армий успеха не имели. Но 6 июля пошли в атаку XII и XVI корпуса 8-й армии, прорвали фронт противника и начали быстро продвигаться вперед. К 12 июля части 8-й армии заняли Галич и Калуш и произвели там страшный погром, демонстрируя результаты агитации Керенского.

Успех 8-й армии, возглавляемой Корниловым, дал повод к совершенно неслыханной погромной агитации со стороны русской буржуазии. Одновременно началась расправа с революционными элементами, в первую очередь с партией большевиков, в Петрограде и других местах. Имя Корнилова стало греметь по всей Руси. Готовился военный диктатор.

Но даже после войны, уже в условиях СССР, некоторые исследователи не могли освободиться от того, чтобы не воскурить фимиама Корнилову. Так, Зайончковский пишет:

«Тем временем в дело вступила 8-я армия, долженствовавшая по мысли руководителей операции играть второстепенную роль и вновь сыгравшая первую. Как блестящий фейерверк, блеснул ее прорыв на Калуш, этот последний победный отблеск уми-

рающей старой армии, чтобы обратиться в сплошной позор, бессменно сопровождавший ее до полного разложения...

Прорыв Корнилова поучителен и в другом отношении. Он еще раз подтвердил, что для разлагающихся армий единственным способом ведения войны является неудержимый победоносный прорыв вперед. Тоска обороны и трудности отступления посильны только спаянным бойцам. В 8-й армии командный состав сумел внушить наступательный порыв своим частям, умело организовать им первую победу и победоносно вел их до предела единоличного наступления, без поддержки соседей» (Зайончковский, Кампания 1917 г., стр. 70 и 73).

Если бы Зайончковский потрудился более внимательно изучить обстановку, он понял бы, что успех 8-й армии объясняется исключительно тем, что противостоящая 3-я австрийская армия Тестянского, состоявшая сплошь из австрийских частей, также в достаточной мере деморализованных, не могла оказать серьезного сопротивления. Что касается бойцов 8-й армии, то у них ненависть против реакционной деятельности Корнилова была столь велика, что о моральной устойчивости не могло быть и речи. Войска шли вперед до тех пор, пока действовали пулеметы, поставленные Корниловым позади наступающих частей. Но, уйдя вперед, части показали, что вся «работа» Корнилова пропала впустую, за исключением того, что Корнилов сам быстро стал возвышаться, заняв пост главнокомандующего юго-западным фронтом, а затем и пост верховного главнокомандующего.

5. Контрманевр германцев
(Контратаки германцев 20—30 июля 1917 г.)

Прорыв на узком фронте как средство перехода от позиционной войны к маневренной

Мы уже видели, что в 1918 г. на западном театре могущественных ударов немцев в Пикардии на р. Эп и у Реймса оказалось недостаточно для того, чтобы расшатать неприятельский фронт за пределами участков атаки. Иное положение создалось на восточном театре. Здесь общие процессы, развивавшиеся во время войны, привели русский фронт к состоянию величайшей неустойчивости. Несмотря на то, что на юго-западном фронте были сосредоточены огромные русские силы и сред-

ства, достаточно было незначительного толчка, чтобы этот фронт разлетелся вдребезги.

В советской военной литературе развиваются идеи могущественных ударов на широком фронте (120—150 км). Такая установка является правильной с точки зрения общих основ теории военного дела. Но военная теория должна предусмотреть случай, когда при разложении противника можно будет нанести его армии поражение и ударами гораздо меньшего масштаба. Возможность такого удара доказывается контрманевром немцев против русского юго-западного фронта в июле 1917 г.

О готовящемся наступлении немецкое командование восточного фронта было осведомлено. За несколько дней до начала наступления начальник штаба германского восточного фронта, небезызвестный генерал Гофман, доносил Людендорфу:

«Еще за много недель до операции на фронте армии наблюдалась постройка русскими железных дорог нормальной колеи и сети узкоколеек, а также и расширение станционных сооружений. Русские работали особенно интенсивно на фронте южной армии по обе стороны Золотой Липы и на Злочевском участке, южнее железной дороги Злочев — Зборов.

Появился целый ряд новых аэродромов; деятельность летчиков усилилась. Многочисленные зенитные батареи пытались препятствовать нашим летчикам производить разведку неприятельского тыла».

Обширные лагери указывали на подход резервов, а бесчисленные склады снарядов с железнодорожными ветками свидетельствовали об огромном запасе снарядов.

Число вновь установленных артиллерийских позиций было относительно незначительно; большие лесные пространства скрывали усиление русской артиллерии. Во многих местах воронки указывали на появление новых тяжелых батарей.

К этому нужно добавить, что австро-германская аэрофотосъемка детально воспроизводила развитие русских плацдармов, точно определяя места предстоящих атак. Войсковая разведка с неменьшей точностью фиксировала появление новых частей и точно определяла участки и день начала атак русских.

Для того чтобы отразить наступление юго-западного фронта, Гофман разработал следующий план:

1. Уплотнением немецких частей против 7-й армии, наносящей главный удар, отразить атаки русских на месте.

2. Сосредоточением ударного кулака к северо-востоку от Злочева прорвать фронт 11-й армии и действиями на фланги ударной группировки юго-западного фронта отбросить ее на восток.

В «Воспоминаниях» Гофмана мы находим ряд интересных записей, касающихся хода подготовки германского контрманевра. По злорадству и злобе эти записи являются своего рода шедеврами. Например, Гофман пишет:

29.6 1917 г. «Я жду, начнет ли Брусилов свое наступление в Галиции или нет. Хочу надеяться, что он это сделает, и тогда я ему доставлю одну приятную «неожиданность». Пока что нельзя знать, удалось ли ему вытащить своих «товарищей» из окопов или нет».

1.7 1917 г. «Русские наступают в Галиции. Будем надеяться, что это продолжится 8—10 дней, и тогда мы дадим им хорошенько по голове».

6.7 1917 г. «Пока моя «неожиданность» будет проведена в жизнь, нужно еще подождать 10—14 дней. Будем надеяться, что русские будут энергично продолжать свое наступление».

7.7 1917 г. «Здесь все в лучшем порядке. Вчера был очень большой день. Русские наступают огромными массами. Все отбито. Мои приготовления «неожиданности» планомерно продолжаются» (Гофман, Записки и дневники, изд. «Красная газета», Л. 1929 г., стр. 231).

Как известно, немецкие части отразили атаки 7-й армии, но прорыв 8-й армии к Галичу и Калушу грозил неприятными последствиями. Гофман был вынужден бросить туда две-три дивизии, пока напряжение миновало.

Гофман делает в своем дневнике такую запись:

17.7 1917 г. «Со вчерашнего дня все мои заботы исчезли. Лицман взял опять Калуш, и мы там так сильны, что совершенно спокойно можем смотреть на будущее...

Моя «любовь» к Австрии за последние 14 дней значительно выросла. Вот идиоты... Только и делают, что бегут, только и делают, что лгут и пишут ложные донесения... К тому еще они совершенно бесстыдны и создают всюду осложнения. С каким удовольствием я бы воевал против этих молодцов».

Для осуществления своего плана против юго-западного фронта немцы были вынуждены произвести обширные перевозки. Общий ход германских перевозок с конца мая до 20 июля представлен в нижеследующей таблице:

Наименование частей и время окончания перевозки	С англо-французского фронта	С северного и западн. русских фронтов	На русск. юго-западн. фронт
223-я дивизия 22 мая	→		
4-я эрзац. дивизия 4 июня	→		
47-я ланд. дивизия 16 июня	→		
15-я рез. дивизия 27 июня	→		
1-я гвардейская дивизия	→		
2-я гвардейская дивизия	→		
5-я дивизия	→		
6-я дивизия	→		
(все четыре дивизии окончили перевозку 1 июля)			
С 20 июля дополнительно перевезено:			
83-я дивизия 20 июля		→	
237-я дивизия 20 июля		→	
16-я рез. дивизия 20 июля	→		
20-я дивизия 22 июля	→		
42-я дивизия	→		

Кроме того, были подвезены с итальянского фронта 16-я, 7-я и 62-я австрийские дивизии.

Но, кроме перечисленных германских частей, на австрийском фронте были сосредоточены еще и другие германские дивизии. Всего к 4 июля на австрийском фронте числилось 25 германских дивизий.

Столь крупные германские силы объясняются тем, что на этот раз руки германского главного командования были развязаны. Затишье на всех фронтах позволило ему свободно распоряжаться резервами, и тот фланговый контрманевр, которого не мог осуществить Фалькенгайн в прошлом, 1916 г., был осуществлен в следующем году — в 1917 г.

В ночь на 19 июля к северо-востоку от Злочева на узком участке в 7 км были сосредоточены 6 пехотных дивизий (6-я, 1-я гвардейская, 2-я гвардейская — в первой линии, 5-я, 33-я австрийская и 16-я резервная — во второй линии), поддер-

жанных сильной артиллерией. Сосредоточение было произведено совершенно незаметно, внезапность осуществлена в полной мере. Для 11-й армии удар немцев явился полной неожиданностью. Атаку поддержала следующая артиллерия:

Наименование групп	Ширина участка в км	Артиллерия		Всего орудий	Средняя плотность орудий	Минометы
		легкая	тяжелая			
Группа „ИКА“						
6-я дивизия . . .	2	96	40	136	68	48
1-я гв. дивизия .	3	72	42	114	38	64
2-я гв. дивизия .	2	104	40	144	72	—
Группа „АКША“ .	—	100	48	148	21	64
(на всем фронте)						
Всего . .	7	372	170	542	77,2	176

Артиллерийская подготовка продолжалась 5 часов. Когда пехота пошла в атаку, XVII русский корпус не оказал никакого сопротивления. Прорыв быстро расширялся, и 22 июля начался отход всего юго-западного фронта. К концу июля фронт остановился на линии Броды, Збараж, Скалат, Гржималов, р. Збруч, Баян, р. Серет. В течение 10 дней австро-германцы прошли свыше 150 км со скоростью, редкой и в маневренной войне. Остановка наступления произошла во всяком случае не от того, что русские войска усилили сопротивление.

С точки зрения динамики выполнения, операция немцев не представляет интереса, но подготовка имеет большую поучительность. В этой операции (как и в других проведенных в 1917 г.) германское главное командование нащупывало приемы и способы для преодоления позиционного фронта на западе. С этой точки зрения операции имели «опытный» характер. 8 декабря 1917 г. штаб восточного фронта (штаб Леопольда Баварского) разработал обширный доклад, подводящий итоги изучению проведенных операций. Этот документ послужил основанием для разработки инструкции Людендорфа от 1.1 1918 г. Доклад с исключительной тщательностью вскрывает основы успешного прорыва укрепленного фронта. Ниже

даются краткое содержание и оценка этого интересного документа.

Цель наступления

Относительно цели наступления немцев против юго-западного фронта доклад указывает:

«Целью наступления являлось нанесение противнику возможно больших потерь и возвращение территории, потерянной летом 1916 г...

В наших атаках учитывалась слабость противника.

Средства, которыми располагал восточный фронт, позволяли выполнить подготовительные действия только на узком фронте.

Следовательно, было необходимо, чтобы атака, начатая внезапно, проникла глубоко вперед, чтобы расшатать русский фронт на более широком пространстве и тем самым освободить силы, необходимые для продолжения наступления».

Тем самым имелось в виду освободить 10 германских дивизий, скованных против 7-й армии.

Методизм в подготовке, быстрота и инициатива при выполнении

Доклад уделяет много внимания методическим указаниям по подготовке операций.

Вся подготовка к атаке должна находиться в руках у одного начальника: «Опыт показал, что особенно полезно, чтобы начальник артиллерии, которому поручена артиллерийская атака, был задолго до атаки послан со своим штабом на предназначенный участок, дабы своевременно изучить все данные для разработки плана использования артиллерии. Начальник артиллерии дивизии, уже расположенной на участке атаки, должен сражаться с артиллерией противника, которая ему известна. Артиллерия прибывающих дивизий должна будет подготовить штурм неприятельских позиций незаметно. Командиры артиллерийских частей, уже находящихся на участке атаки, остаются на своих участках. Они переходят в распоряжение вновь прибывающих командиров, чтобы ознакомить их с обстановкой и служить им советниками. Позиции батарей, наблюдательные и командные пункты должны быть предусмотрены заранее. Следует также устанавливать заранее пристрелочные приборы батарей».

Доклад заостряет внимание на вопросах быстроты и инициативы действий. Штаб восточного фронта высказывается против назначения определенных рубежей для первого дня боя. В Галиции и под Ригой конечный рубеж был достигнут в полдень, и войска оказались в затруднении при развитии прорывов.

«Использование первого успеха имеет первенствующее значение, но пределы этого использования могут быть определены лишь начальниками, находящимися в соприкосновении с противником; поэтому они должны пользоваться независимостью».

Внезапность

Сосредоточиваемые корпуса и дивизии должны заранее посылать на участок атаки командиров и офицеров генерального штаба для предварительного ознакомления с обстановкой.

«В подготовке к атаке на участок ее могут быть выброшены только артиллерийские, минометные и саперные части. Пехота же остается возможно дольше позади фронта, чтобы завершить свое обучение в полном спокойствии... Артиллерия должна... особенно осторожно приступать к разведке, а также и к увеличению наблюдательных пунктов. Новые аэростаты не должны появляться, а следует пользоваться аэростатами, находящимися уже на передовой линии... Пристрелка должна выполняться незаметно, без увеличения нормальной интенсивности огня.

Мортиры, тяжелые орудия и тяжелые минометы, располагаемые на позиции до атаки, должны быть укрыты, особенно на тех участках, где их раньше не было... Перед атакой авиация не должна проявлять слишком большую активность...»

При слабой пропускной способности железных дорог, рекомендуется выбрасывать на участки атаки все технические части заблаговременно, с тем чтобы освободить железные дороги для перебрасываемых крупных войсковых соединений. С этой же целью должна быть заранее подготовлена материальная база. Подвозимые войска должны выгружаться вдали от участков атаки и располагаться в лагерях. «Лагеря должны быть скрыты от наблюдения противника, палатки замаскированы листвой и всякие огни запрещены». К участкам атаки войска следуют походным порядком, только ночью. При движении днем необходимо разделять крупные колонны на мелкие эшелоны. Орудия и повозки должны быть замаскированы.

В докладе содержатся следующие указания:

«Противник всегда знал заранее о наших предполагаемых наступательных операциях. Это объясняется неосторожными разговорами офицеров, чиновников и рядовых. Необходимо в период подготовки атаки прекратить всякую переписку и запретить отпуска... Следует быть особенно осторожными в разговорах по телефону».

Все эти указания по обеспечению внезапности были Людендорфом полностью использованы на западном театре.

Подготовка войск

Относительно подготовки войск в докладе указывается, что необходимо широко знакомить войска с боевыми методами противника. Методы наступательных действий должны усваиваться «путем упражнений на местности».

«Опыт показал, что вследствие краткости подготовительного периода обучение ударных частей позади фронта было недостаточно. Поэтому является особенно полезным, чтобы войска, находящиеся на спокойных участках, пользовались каждым случаем для упражнения в маневренной войне... Потенциал маршей пехоты был недостаточен... Это объясняется слишком тяжелым снаряжением, которое было еще увеличено стальной каской и противогазовой маской. Необходимо, чтобы пехота упражнялась в ходьбе даже во время позиционной войны. Следовало бы также облегчить ее снаряжение... Бои в районе Риги показали, что войска недостаточно обучены бою в лесистых местностях».

Выводы по отдельным родам войск

В докладе констатируется, что в маневренной войне нельзя осуществить централизованное управление артиллерией. Указывается на необходимость придачи пехотным полкам артиллерийских дивизионов. Тяжелые пулеметы с трудом передвигались по пересеченной местности. Тяжелые повозки затрудняли подвоз. Для устранения этого недостатка нужно использовать вьюки. Воздушная разведка ни в коем случае не освобождала войска от необходимости вести самую тщательную наземную разведку.

В общем доклад дал чрезвычайно много полезных выводов в области тактики. Что касается оперативного искусства, то в этой области выводов почти не было сделано. Восточный театр не предоставил простора для проявления немецкого оперативного искусства. Русский фронт развалился от других причин.

Глава XXV

ОПЕРАЦИЯ 5-й АРМИИ СЕВЕРНОГО ФРОНТА (21—23 ИЮЛЯ 1917 г.)

1. План операции

План операции, разработанный штабом 5-й армии (Дело В. И. А. № 453), представляет собой образцовый, академический документ. Кажется, что не в боевой действительности, а за классной скамьей составлен этот план. Ниже он изложен в конспектной форме.

Задача армии. Состав 5-й армии виден из следующей таблицы:

Наименование частей	Батальонов	Эскадронов	Орудий	
			легких	тяжелых
I армейский корпус .	36	—	110	72
XIII » » .	36	—	174	88
XIV » » .	36	—	120	104
XIX » » .	36	—	72	8
XXXVII » » .	36	—	90	12
I кавалерийский корпус . .	7	32	—	—
5-я кавалерийская дивизия .	3	4	—	—
Армейская артиллерия . . .	—	—	—	10
Всего . . .	190	36	566	294

Армия занимала участок от д. Тартачная до оз. Скирно — 98 верст. Армия получила задачу — одновременно с западным

фронтом прорвать расположение противника, наступая в общем направлении на Двинск—Вильна.

Оценка противника

Противник занимает сильно укрепленную (бетонированную) позицию слабыми силами. Он располагает двумя полосами укреплений, каждая из 3 линий опорных пунктов и узлов сопротивления. Окопы прикрыты широкими проволочными заграждениями.

Позиции противника детально разведаны и засняты. Каждая наступающая часть имеет карту (250 саж. в дюйме) с подробным описанием позиций противника.

На участке главного удара стоят 77-я резервная и 85-я пехотная дивизии противника. В первой линии — 15 батальонов; в участковых резервах — 4—5 батальонов. В течение 24 часов противник может подбросить к угрожаемому участку походным порядком и по 3 подходящим к Двинску железным дорогам до 45—54 батальонов. Артиллерия противника на участке прорыва насчитывает 82 легких, 36 гаубиц и 36 тяжелых орудий — всего 154 орудия. Позиции артиллерии все обнаружены.

Соотношение сил

	Батальонов	Эскадронов	Орудий		Пулеметов
			тяжелых	легких	
5-я армия . . .	60	36	258	404	144
Немцы	20—24	—	68	82	122
Превосходство в силах 5-й армии . .	36—40	36	190	322	22

Выбор участка главного удара

Командующий армией решает нанести удар на левом фланге армии, исходя из того основного оперативного соображения, что этот участок, приближаясь к району главного удара 10-й армии западного фронта, наиболее соответствует общей задаче.

В тактическом отношении левый фланг также представляет большие удобства: скрытый тыл, удобные артиллерийские позиции и наблюдательные пункты, удобные подступы к позиции противника и пр.

Для удара избирается участок оз. Медум — оз. Скирно, шириной около 20 км (18 верст). За вычетом озерных пространств и пространств, неудобных для атаки, участок местности остается приблизительно 12 км (11 верст).

Такая ширина участка соответствует наличным силам и средствам.

Распределение сил и средств

Для нанесения первого удара назначаются I, XIII, XIV корпуса, 1-я дивизия XIX корпуса, 1-я дивизия XXXVII корпуса, I кавалерийский корпус и 5-я кавалерийская дивизия, всего — 11 пехотных и 3 кавалерийских дивизии (142 батальона, 37 эскадронов). Остальные силы армии занимают для обороны пассивные участки.

Из сил, наносящих главный удар, в первой линии ставятся I, XIII и XIV корпуса, а остальные 2 пехотных дивизии и конница образуют резерв для развития успеха.

Артиллерия распределяется следующим образом:

XIII	корпус	легких	орудий	— 174	тяжелых	— 88
I	»	»	»	— 110	»	— 74
XIV	»	»	»	— 120	»	— 96
Итого		легких	орудий	— 404	тяжелых	— 258
Всего				662 орудия		

Артиллерия по калибрам распределена в соответствии с предстоящими задачами.

Остальная артиллерия остается на пассивных участках.

Плотность: 1 пехотная дивизия на 2 версты; на 1 версту: 36,9 легких орудий и 24,5 тяжелых орудий.

Устройство тыла

Каждый корпус имеет свою конечно-выгрузочную станцию. Всего на фронте армии через Двину наведено 10 мостов. Транспортные средства усилены. Склады образованы так, что перебоев в подвозе не будет. В препровожденной командованию

фронта заявке командующий 5-й армией требует для укомплектования армии людьми 18.385 чел.

Он просит об усилении пулеметами, до 20 на полк. Всего требуется дополнительно 153 пулемета.

Снарядов нужно дополнительно — 360 000.

Осветительных ракет — 30 000.

Шашек дымовой завесы — 48 000.

Для полного обеспечения подвоза необходимо усиление 2 действующих узкоколейных железных дорог по 100 вагонеток на каждую линию.

Политико-моральное состояние

Командующий армией пишет:

«Настроение пестрое. Главная малосознательная масса в большинстве случаев подчиняется тем, часто случайным, главарям, которые умеют возбудить умы. Господствует инстинкт самосохранения и узко эгоистические взгляды. Агитация большевиков и в особенности нескольких сильных агитаторов имеет успех, главным образом, потому, что лучшая часть остается пассивной в смысле противодействия нездоровым течениям.

Ввиду охарактеризованного выше состояния войск приобретает особо важное значение основательная обеспеченность всей операции техническими средствами, а также улучшение довольствия всех частей, участвующих в операции. Сытый желудок сделает многое» (Дело В. И. А. № 453).

Кроме воздействия на политико-моральное состояние войск через желудок, командование 5-й армии использовало и другие средства. Но командующий о них «стыдливо» умалчивает. Войска 5-й армии направлялись в атаку под угрозой своего пулеметного и артиллерийского огня.

2. Проведение операции

Занятие позиций

Работы по оборудованию позиций начались 3 июля. Плацдарм был закончен к 15 июля. Пехота заняла позиции 18 июля. Артиллерия имела большой некомплект в личном составе, доходивший в некоторых частях до 50%. Некомплект этот был пополнен, главным образом, пехотинцами. Свои позиции артиллерия заняла в период между 8 и 13 июля.

Подготовка артиллерийских позиций была выполнена столь основательно, что, невзирая на скученное расположение батарей и сильный артиллерийский огонь со стороны противника, артиллерия 5-й армии почти не имела потерь.

Разведывательная работа была выполнена большей частью самой артиллерией и дала хорошие результаты. К началу операции было пристреляно до 70% батарей противника. Места батарей удалось выяснить либо системой засечек звукометрическими методами или же путем наблюдения с привязных аэростатов. Меньшие результаты были получены от авиации вследствие слабости ее работы. Свежих авиаснимков позиций противника не было. Были использованы старые снимки.

Связь была организована основательно. От каждого наблюдательного пункта к батарее — не менее 2—3 линий в разных направлениях.

Питание артиллерии

План питания артиллерии был составлен заблаговременно. Запасов заготовлено на 10 дней.

Для XIII и I корпусов запасы были сосредоточены в особо построенных артиллерийских погребах на ширококолейной железной дороге; для XIV корпуса — на узкоколейной железной дороге (ст. Скруделино). В начале выполнения плана выяснилось, что узкоколейная железная дорога не может справиться с перевозками. Пришлось перенести базирование этого корпуса на ст. Двинск.

Вследствие отсутствия бензина для автомобилей подвоз пришлось возложить на конные парки.

Хотя в самый последний момент запасы армии были значительно сокращены, тем не менее за два дня до начала операции армия располагала следующими запасами снарядов:

Калибры	I корпус		XIII корпус		XIV корпус	
	Общая потребность	Наличные запасы	Общая потребность	Наличные запасы	Общая потребность	Наличные запасы
Пушки 3″	177 000	143 393	216 000	155 120	237 000	170 000
Тяжелые калибры .	101 000	75 166	131 000	113 492	177 500	141 007

Артиллерийская подготовка

Пристрелка началась в 5 час. 21 июля и к 9½ час. была закончена. Она производилась по строгой очереди для каждого орудия. По мере окончания пристрелки артиллерия каждого корпуса переходила к стрельбе на разрушение своих участков и пробитие проволочных заграждений.

Методически, с наблюдением за каждым выстрелом, артиллерия стреляла: 21 июля — с 9½ час., 22 июля — с 5 час., 23 июля — с 5 час., а всего 38½ час.

К вечеру 22 июля уже выяснилось, что проходы в проволочных заграждениях пробиты и расчищены на пространствах больших, чем пехота требовала.

Вся укрепленная полоса противника была основательно разрушена и завалена, и казалось, что к обороне она больше неспособна.

Кроме артиллерии работали и минометы.

Во время подготовки артиллерия каждого корпуса произвела несколько раз ложные переносы огня, немцы открывали заградительный огонь и тем обнаруживали или подтверждали места своих батарей.

Всего за время подготовки артиллерия выпустила следующее количество снарядов:

	Количество орудий	Число выпущенных снарядов	На 1 орудие приходилось снарядов	На 1 версту приходилось снарядов
Пушки 3″	404	341 600	845	31 034
Пушки тяжелые 42-лин.	—	—	—	—
Пушки 6″ калибра	110	51 729	470	4 702
Гаубицы 48-лин. 6″	134	75 940	567	6 903
Гаубицы тяжелые 20-*мм*, 10″, 12″	14	1 827	138	166
Всего	662	471 096	—	42 825

Атака

23 июля в 10 час. пехота двинулась вперед и почти без сопротивления и потерь заняла все 3 линии немецких окопов. Прорыв был осуществлен.

Пехота сопровождалась заградительным огнем, схемы которого были розданы пехоте, до командиров рот включительно.

Заградительный огонь германцев запоздал на ½ часа. Этот факт объясняется тем, что перед началом атаки огонь русской артиллерии был лишь незначительно передвинут вперед, и противник был введен в заблуждение.

Контратак со стороны противника не было.

Связь пехоты с артиллерией в первый период поддерживалась лишь зрительная при помощи красных флагов. Хотя при каждой роте и находились артиллерийские наблюдатели, но навести телефонную проволочную связь они не успели. Тем не менее артиллерия прикрывала пехоту мощно организованным заградительным огнем.

Но войска заявили, что итти дальше не хотят, и вернулись обратно. Операция была закончена, началась расправа.

29 июля на совещании в ставке главнокомандующий северным фронтом Клембовский докладывал об итогах операции:

«В 5-й армии возмущение подавлено оружием. Из 8 000 арестованных и распределенных на категории 200 человек (зачинщиков и упорствующих) будут преданы суду; большая часть остальных не имеет особой вины и отобрана из общего числа делегатами от полков; третья категория — которых полки отказались принять обратно и которые колебались дать подписку доблестью смыть свою вину перед родиной, — направлена на пассивные участки.

За время наступления две дивизии из шести держали себя доблестно. 36-я дивизия, взявшая две линии неприятельских окопов и шедшая на третью, повернула обратно под влиянием панических окриков сзади; 182-я дивизия загонялась в плацдармы оружием; когда по ним был открыт артиллерийский огонь, то они открыли беспорядочную стрельбу по своим, при этом был ранен командир полка. Когда из 120-й дивизии в наступление пошел всего лишь один полк, то по дороге и в этом полку два батальона отстали. Нейшлотский полк не только сам не хотел наступать, но и препятствовал другим, арестовывая

походные кухни с пищей для части боевой линии. Воздействием вооруженной силы полк был приведен к порядку. Сухиничский полк вынес резолюцию о законности братания. За этим же полком числятся 14 преступлений, из которых могу назвать удар камнем в лицо командиру полка, нанесение побоев ротному командиру, разнос провиантского магазина, принятие указанной резолюции. Командующий армией возбудил вопрос о расформировании двух дивизий, на что согласие мною дано».

На этих операциях закончилась активность русской стратегии на внешнем фронте. Уже с июльских дней ставка и главное командование все свое внимание обратили на «внутренний фронт». Обширные железнодорожные перевозки, производившиеся в августе—октябре 1917 г., уже являлись стратегическими перевозками гражданской войны. Но эта тема выходит за пределы настоящего труда.

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оперативные формы фронтального удара должны занять в теории ведения операций такое же место, как и формы фланго́вого удара. Эти формы фронтального удара могут быть сведены к следующим типам:

1) фронтальный прорыв (на узком или широком фронте),
2) удар по сходящимся направлениям и
3) комбинированный удар.

Дополнительно к ним должны быть взяты на учет:

4) операции на истощение и
5) система операций с ограниченной целью.

Идея последовательных операций по фронту при известных обстоятельствах также может быть использована.

Все эти типовые формы отнюдь не являются принадлежностью только позиционной войны. Необходимым условием для неизбежного возникновения этих форм и в будущем является лишь сплошной фронт, большей или меньшей устойчивости.

В большинстве случаев даже обход открытого фланга приводит к фронтальному столкновению.

В настоящем труде, кажется нам, довольно полно определены условия, превратившие позиционную войну в войну маневренную. Эти условия следующие:

Во-первых, надлом в политико-моральном состоянии армий. Разваливающаяся армия (по каким бы причинам этот развал ни происходил) держать позиционного фронта не может.

Для позиционной войны необходим известный минимум политико-моральной устойчивости.

Во-вторых, многомиллионные армии с мощной техникой. Эти миллионные массы и средства создали не только условия для сплошных, стабилизационных фронтов, но и предпосылки для преодоления этих фронтов. Миллионные армии — армии воору-

женного народа — в условиях буржуазного господства неизбежно входят в противоречия с буржуазными целями войны. Миллионные армии капиталистических государств являются неизбежным продуктом современной эпохи и, состоя в подавляющем большинстве из рабочих и крестьян, таят и развивают в себе все классовые противоречия буржуазного общества. Буржуазия может эти противоречия временно сгладить и подавить, но не устранить. Во время войны эти классовые противоречия еще более обостряются, стимулируя не только превращение войны империалистической в войну гражданскую, но и превращение позиционной войны в войну маневренную.

Чтобы преодолеть страшную опасность, связанную с вооружением многомиллионных масс, буржуазия выдвигает ряд проектов: проект Фуллера о небольшой механизированной армии; проект Секта об организации наемной, небольшой армии наряду с массовой армией милиционного типа; проект Муссолини, организовавшего в Италии фашистскую милицию наряду с регулярной армией, проект Дуэ о решении войны только действиями воздушного флота и т. д. Но все эти проекты не могут разрешить противоречий современных вооруженных сил, организуемых буржуазией. Экономическое и людское истощение, связанное с длительной позиционной войной, в определенный момент катастрофически ускоряет развал капиталистических армий.

Следует четко иметь в виду, что современные капиталистические государства, в особенности фашистская Германия и Япония, строят многомиллионные армии, оснащенные современной техникой, отбросив идеи Фуллера, Дуэ, Секта и других.

В третьих, мощь технических средств, создавшая не только сплошные стабилизованные укрепленные фронты, но и возможность разрушать и подавлять эти фронты. Развитие технических средств борьбы идет в настоящее время неслыханно быстрыми темпами, значительно обгоняя достижения 1918 г. Абстрактно теперь нельзя представить себе таких укрепленных фронтов, которые не могли бы быть преодолены мощью технических средств.

В-четвертых, подвижность этих средств. Развитие военной техники открыло возможности для величайшей подвижности средств наступления в больших массах и с большой мощностью. С того момента, как была разрешена проблема подвижности,

нельзя представить себе позиционной войны, если государство сознательно примет меры к вооружению своей армии всеми необходимыми средствами для того, чтобы война не стала позиционной.

Могут указать и указывают, что развитие современных технических средств борьбы (моторизованных и механизированных частей, танков, авиации и пр.) при условии использования их обоими противниками также может создать равновесие, переходящее в позиционную войну. Такое заключение неправильно. В прошлые века все армии имели почти одинаковые условия, но позиционных войн — такого типа, как мировая—не было. Были длительные войны (даже тридцатилетние), но маленькие армии, хотя бы на клочке земли, всегда маневрировали, «играли в прятки», обходили фланги, сражались с перевернутыми фронтами и т. д.

Формально говоря, развитие всех перечисленных условий не должно привести к позиционной войне. Но жизнь бесконечно богаче формальных выводов и схем. Из анализа условий, вызвавших превращение позиционной войны в маневренную, отнюдь не следует делать вывода, что эти закономерности неизбежны для каждой войны и в будущем. Вышеизложенный процесс характерен для мировой войны, но и в других условиях дело, наверное, будет обстоять по-иному.

Между позиционной и маневренной войной вообще нет резкой непреодолимой грани. Война может быть или более маневренной или более позиционной. Нельзя дать гарантии, что в будущей войне можно будет совершенно избежать позиционных форм, периодов, участков и т. д. Опыт войн последнего периода—война Японии против Китая в 1931 г. (Шанхайский участок), гражданская война в Испании 1936 г. — указывает, что стабилизация фронта может возникнуть в самых разнообразных условиях.

Мы можем лишь констатировать, что развитие современных производительных сил, развитие современной военной техники в основном разрешило те технические противоречия, которые привели к позиционной войне в 1914—1918 гг. Противоречия же политического порядка (революционно-классовые, национальные и др.), ведущие к неизбежному разложению буржуазных армий во всем мире, не только не разрешены, но углубляются и расширяются изо дня в день. Внутренние классовые противоречия империалистических государств, внешние противоречия этих госу-

дарств, противоречия между угнетающими империалистическими государствами и угнетаемыми колониальными народами, противоречия между капиталистическим миром и СССР — неизбежно ведут к новым войнам, масштаб которых значительно превзойдет масштаб войны 1914—1918 гг.

Вся эта сложная мировая обстановка создает такую многогранность условий, что совершенно невозможно предугадать, какие формы оперативного маневра будут господствующими в войне будущего. Можно определить лишь основные тенденции. Эти тенденции ведут не к позиционной, а к маневренной войне.

Автор настоящего труда вовсе не намерен рекламировать формы фронтального удара в ущерб фланговым формам, какими являются обход, охват и др. Достигающий цели обходный маневр выгоднее даже самого широкого фронтального удара, разбившегося о сопротивление противника. Но точно так же успешный прорыв даже на узком фронте может привести к таким результатам, которые нельзя получить даже при самом большом обходе несуществующего фланга. В конце концов решение может быть найдено в том, что после успешного прорыва (фронтального удара) на широком фронте в прорыв будет пущена машинизированная конная армия или механизированная армия — армия танков, самоходной артиллерии и авиации, и мы будем свидетелями слияния в единстве фронтальных и фланговых операций на более высокой материально-технической базе.

Из опыта мировой войны вообще нельзя делать прямых выводов о характере оперативных форм в войне будущего, особенно в войне, которую придется вести СССР при отражении нападения капиталистических государств. Всякая попытка абстрагировать характер и формы операций мировой войны обречена на бесплодие.

В тот период, когда на западном театре продолжалось чудовищное столкновение миллионных масс, в России создались совершенно иные условия.

Превращение империалистической войны в гражданскую привело к совершенно иному характеру операций, резко отличавшемуся от характера операций мировой войны. Маневренность гражданской войны не может быть объяснена условиями, приведшими к маневренной войне в 1918 г. Другие причины, другие закономерности предопределили характер операций гражданской войны.

Но мировая война определила тенденции развития современных империалистических армий и современной военной техники. В той мере, в какой эти данные влияют на характер оперативных форм, пройти мимо основных выводов из опыта мировой войны невозможно без опасности повторить ошибки 1914 г.

Мировая война вплотную подошла к проблемам глубоких форм операции и боя, которые получают свое полное развитие в текущие дни.

Подавление всей глубины оборонительного рубежа противника; мощное воздействие на тыл противника соединенными усилиями конницы и механизированных частей, авиации и авиадесантных частей; воспрепятствие подходу его резервов; глубокое построение боевого порядка наступающего, обеспечивающего сокрушительный удар всех родов войск на широком фронте, — все это представляется теперь как единовременный акт, обеспечиваемый возможностью быстро и внезапно сосредоточить подавляющие силы и средства на решающем направлении.

Со дня окончания мировой войны не прошло еще двадцати лет, но в способах ведения войны уже произошли дальнейшие глубочайшие преобразования. Эти преобразования требуют тщательного исследования.

Готовясь решить задачи обороны страны в маневренной войне, Красная армия развивает в своих рядах пролетарские классовые качества — коллективную спайку и героизм масс, мобильность, ударность, смелость, инициативу, беззаветную преданность делу великой партии Ленина — Сталина и такие технические средства, которые в соединении с массой обеспечат ей успех путем применения самого обширного, самого сокрушительного маневра.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Общий характер операций позиционной войны

Глава I. Возникновение позиционной войны 9

Глава II. Политические противоречия мировой войны и характер оперативных форм 12

Глава III. Противоречия буржуазных коалиций в мировой войне

1. Предварительные замечания 20
2. Постепенное образование коалиций 24
3. Неравномерное развитие и нарастание вооруженных сил 25
4. Неравноценность отдельных членов коалиций 26
5. Империалистические противоречия внутри коалиций . . . 27

Глава IV. Материально-технические противоречия мировой войны

1. Несоответствие между пространством театров военных действий и массами 30
2. Несоответствие между массами и подвижностью этих масс . 33
3. Противоречия обороны и наступления 44

Глава V. Проблема операционных линий в мировой войне . . 55

Глава VI. Остановки (оперативные паузы) во время мировой войны 63

Глава VII. Фронтальное сражение до мировой войны 68

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Эволюция фронтального удара на западном театре войны

Глава VIII. Переход к позиционной войне на западном театре (кризис приспособления) 79

		Стр.
Глава IX.	Операции в Шампани—Артуа (25 сентября—6 октября 1915 г.)	88
	1. Политические предпосылки операции	—
	2. План операции	91
	3. Французская оперативно-тактическая доктрина в 1915 г.	95
	4. В исходном положении	97
	5. Краткий очерк развития операции и причины неуспеха	100
Глава X.	Верден и Сомма 1916 г. Поворот от фронтальных операций с решительной целью к сражению на истощение	103
Глава XI.	Верден (февраль — июль 1916 г.). Политические и стратегические предпосылки операции	104
Глава XII.	Сомма (июль — ноябрь 1916 г.)	110
	1. Поворот в системе оперативно-тактических взглядов	—
	2. Наступательная доктрина французов	111
	3. Переобучение армии	117
	4. План операции	118
	5. Подготовка материальной части и плацдарма	121
	6. Занятие исходного положения	122
	7. Краткий очерк операции на Сомме	125
	8. Понятие о последовательных операциях в позиционной войне	128
Глава XIII.	Операция на р. Эн (апрель 1917 г.)	133
	1. Политические и стратегические предпосылки операции	—
	2. План Нивеля	138
	3. Новая оперативная и тактическая доктрина французов	139
	4. Контрмероприятия германцев	143
	5. Изменение плана Нивеля	147
	6. Построение боевого порядка французов	153
	7. Провал операции на р. Эн	157
Глава XIV.	Операции 1917 г.	162
	1. Ближайшие последствия операции на р. Эн	—
	2. Сущность и техническая база фронтальных операций с ограниченной целью	165
	3. Динамика операций с ограниченной целью	168
	4. Проблема внезапности и подвижности при наступлении на западном театре войны	173

Стр.

Глава XV. 1918 г. на западном театре. Превращение позиционной войны в маневренную 178

Глава XVI. Наступление немцев в первой половине 1918 г. . . . 182

1. Стратегическая и оперативная концепция германского главного командования . . . . . —
2. Некоторые цифровые данные об операциях немцев в первой половине 1918 г. 200
3. Маневр резервами 206

Глава XVII. Контрнаступление Антанты во второй половине 1918 г. 214

1. Характер последовательных операций на западном театре войны . . . . . —
2. Стратегическая и оперативная системы главного командования Антанты 216
3. Оперативно-тактическая доктрина французов 221
4. Факторы победы 225
5. Тактические и цифровые данные об операциях Антанты в период контрнаступления 235
6. Пример фронтальной операции с целью обхода (удар 1-й французской армии 17 октября — 11 ноября 1918 г.) . . . 243

Глава XVIII. Комбинированный фронтальный удар с решительной целью 249

1. Предпосылки операций 1919 г. . . . . —
2. Общий характер сражения 1919 г 251
3. Ширина фронта атаки 252
4. Формы сражения и технические средства 256
5. Подготовка сражения 260
6. Устройство тыла 261

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Эволюция фронтального удара на восточном театре войны

Глава XIX. Особенности позиционной войны и фронтального удара на западном и восточном театрах войны . . 263

Глава XX. Вторая галицийская операция (29 декабря 1915 г. — 9 января 1916 г.) 273

1. Предварительные замечания . . . . . —
2. Политические и стратегические предпосылки операции . . 274

Стр.

3. План операции 279
4. Тактическая подготовка 7-й армии 284
5. Занятие исходного положения 287
6. Сведения о противнике 294
7. Краткий очерк развития операции 296
8. Выводы из операции 299

Глава XXI. Мартовская операция у оз. Нарочь (18—28 марта 1916 г.) 304

1. Общий характер операции . . . . . —.
2. Политические предпосылки операции 305
3. Оперативные предпосылки и план операции 310
4. 2-я армия в исходном положении 320
5. Противник 326
6. Исходные распоряжения 329
7. Ход операции 333
8. Оперативно-тактические причины неудачи мартовской операции 337
9. Эпилог мартовской операции 342

Глава XXII. Третья Галицийская операция (Луцкий прорыв) . 343

1. Основные проблемы . . . . . —
2. Русская армия к лету 1916 г. 344
3. Политические и стратегические предпосылки операции . . 348
4. План операции 352
5. Оперативно-тактическая подготовка операции 358
6. Состояние австрийской армии 362
7. Соотношение сил 366
8. Основные предварительные распоряжения 369
9. Первый этап операций 374
10. Контрманевр австро-германцев 379
11. Взаимодействие фронтов летом 1916 г. 385
12. Характер сражения на истощение на восточном театре войны 390

Глава XXIII. Митавская операция (4 января — 3 февраля 1917 г.) 397

1. Характер операций с ограниченной целью на восточном театре войны . . . . . —
2. План операции 402

	Стр.
3. Подготовка и моральное состояние частей, предназначенных для атаки	403
4. Занятие исходного положения и задачи атакующих частей	406
5. Атака и провал операции	408
Глава XXII. 1917 г. на восточном фронте	412
1. Развал русского фронта	—
2. План операции 1917 г.	413
3. Оперативно-тактическая доктрина русской армии в начале 1917 г.	411
4. Проведение операции юго-западного фронта (1—12 июля 1917 г.)	450
5. Контрманевр германцев (контратаки германцев 20—30 июля 1917 г.)	466
Глава XXIII. Операция 5-й армии северного фронта (21—23 июля 1917 г.)	474
1. План операции	—
2. Проведение операции	477
Общее заключение	482

★

К ПЕЧАТИ ПОДГОТОВИЛИ

Редактор майор *Подорожный*
Технические редакторы: *М. Михайлов* и *Ф. Коршунов*
Корректор *М. Низинская*
Выпускающий *Ф. Виноградов*

Сдано в производство 31.10.36
Подписано к печати 23.1.37

Формат бумаги 82×110/32
Объем 30,75 печ. л., 27,17 авт. л.
В бумажном листе 138.000 знаков

Главлит № Г-100.091
Издательский № 373. Заказ № 3583

Текст отпечатан на бумаге Камского Бумкомбината
Переплетные материалы Щелковской ф-ки

Адрес изд-ва: Москва, Орликов пер., д. 3

Отпечатано во 2-й типографии
Государственного военного изд-ва НКО СССР
Ленинград, ул. Герцена, 1

★

400875